

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 3–4(32–33)

МОСКВА
2021

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалын (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалын (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), А.М. Молдован (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), М.З. Улаков (Нальчик), Ф.С. Хакимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Научный редактор: З.Н. Экба (Москва)
Ответственный секретарь: З.К. Кочакаева (Москва)

Члены редколлегии: А.А. Акматалиев (Бишкек), Т.А. Анিকেева (Москва), Л.Л. Габышева (Якутск), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Б.Т. Койчуйев (Бишкек), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), В.Г. Родионов (Чебоксары), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Д.А. Функ (Москва), Т.М. Хаджиева (Москва), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2021
© Российский комитет тюркологов, 2021

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURCOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turcologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Ş.H. Akalın (Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), M. Erdal (Israel), N.Kh. Gadziakhmedov (Makhachkala), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isayev (Cheboksary), J. Janhunen (Finland), M.S. Kachalın (Turkey), F.S. Khakimzyanov (Kazan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), I.V. Kul'ganek (Saint-Petersburg), K.M. Minnullin (Kazan), A.M. Moldovan (Moscow), A. Róna-Tas (Hungary), Zh.S. Syzdykova (Moscow), M.Z. Ulakov (Nal'chik), I. Vásáry (Hungary), N.I. Yegorov (Cheboksary), P. Zieme (Germany), M.Z. Zakiyev (Kazan)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Scientific Editor: Z.N. Ekba (Moscow)
Executive Secretary: Z.K. Kochakaeva (Moscow)

Members of the editorial board: A.A. Akmataliyev (Bishkek), T.A. Anikeyeva (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), M.D. Chertykova (Abakan), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), D.A. Funk (Moscow), L.L. Gabysheva (Yakutsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), T.M. Khadzhdiyeva (Moscow), B.T. Koychuyev (Bishkek), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), I.A. Nevskaya (Frankfurt), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), M. Ölmez (İstanbul), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), V.G. Rodionov (Cheboksary), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (Moscow), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

The scientific journal "Russian Turcology" is a continuation of the journal "Soviet Turcology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turcology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020

© The Committee of Russian Turcologists, 2020

КЕНЕСБАЙ МУСАЕВИЧ МУСАЕВ

(23.03.1931 – 26.05.2020)

к 90-летию со дня рождения

Доктор филологических наук (1968), профессор (1972),
главный научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН,
член Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН,
академик Национальной академии наук Республики Казахстан (1989),
отличник народного образования Республики Кыргызстан (1991),
почетный член общества Türk Dil Kurumu (Турция, 2000),
лауреат Премии Абдель Азиза Сауд Аль-Бабтина (Кувейт, 1997),
почетный профессор Международного казахско-турецкого университета им. А. Ясави,
почетный президент Казахской региональной национально-культурной автономии
г. Москвы, заслуженный деятель науки Российской Федерации

ПАМЯТИ КЕНЕСБАЯ МУСАЕВИЧА МУСАЕВА (1931–2020)

Р.А. Тадинова

г. Москва

Кенесбай Мусаевич Мусаев – российский языковед-тюрколог, специалист по лексикологии, лексикографии, семантике, грамматике и фольклору тюркских языков, социолингвистике, тюркской письменности, терминологии и художественному переводу.

Кенесбай Мусаев родился 24 марта 1931 г. в ауле Кумисти («Серебряный») Созакского района Южно-Казахстанской области в семье казаха-колхозника с двухклассным образованием Мусы Шойтанова. Происходит из племени Среднего жуза Конрат, рода Сангыл бия (по преданию, Сангыл бий был советником Чингиз-хана), колена Нурсай. Мать – Биедилова Ашень из рода Конуршунак.

В 1938 г. поступил в первый класс семилетней школы аула Кумисти. После окончания шести классов в 1944 г. поступил в Туркестанское педучилище, которое окончил с отличием в 1947 г. В том же году был направлен Южно-Казахстанским Областным Отделом народного образования в г. Москва на механико-математический факультет Московского государственного университета, но не был принят, так как не достиг еще 17 лет, после чего поехал в столицу Казахстана г. Алма-Аты и, изменив свое намерение, поступил на первый курс филологического факультета Казахского государственного университета. В 1952 г. окончил отделение казахского языка и литературы. В университете много играл в шахматы, стал чемпионом КазГУ по шахматам, занял третье место в чемпионате Алматы, девятое из 22 – в Республике Казахстан. Был комсоргом курса, инструктором Алма-Атинского горкома комсомола, ЦК комсомола Казахстана.

В 1952 г. снова приехал в Москву, поступил в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР (научный руководитель – Э.В. Севортян). Защитив кандидатскую диссертацию по казахскому языку («О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке», декабрь 1957 г.), он, будучи лингвистом-романтиком, стал ездить по Литве, Западной Украине и Крыму в поисках людей, знавших караимский язык, и впоследствии занялся его серьезным изучением. Многолетние всесторонние исследования нашли свое воплощение в ряде статей и монографий, кульминацией стала защита диссертации на степень доктора филологических наук по теме «Строй караимского языка» в декабре 1968 г.

Тадинова Роза Абдулманаповна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, e-mail: tadinova@inbox.ru.

На XII чемпионате КазССР по шахматам, 21 марта – 12 апреля 1952 г., г. Чимкент

3 декабря 1956 г. был зачислен на должность младшего научного сотрудника Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР, а с 1989 г. – на должность главного научного сотрудника Отдела урало-алтайских языков. Звание профессора получил в апреле 1972 г. по кафедре художественного перевода Литературного института им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

Награжден 4 медалями СССР, России и Почетной Грамотой Президиума АН СССР.

Им опубликовано свыше 300 научных трудов по вопросам тюркологии, социолингвистики, терминологии, фольклора, перевода и других отраслей языкознания.

К.М. Мусаев – автор первой научной работы «Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология» (М.: Наука, 1964) и соавтор уникального Караимско-русско-польского словаря. В 2004 г. им был опубликован капитальный труд «Синтаксис караимского языка», в котором впервые описывается в монографическом плане синтаксический строй караимского языка. Материал монографии охватывает все разделы синтаксиса караимского языка: словосочетание (типы, связи, структура, компонентный состав, средства и способы сочетания), простое предложение (структурные типы, члены предложения, порядок слов, простое распространенное предложение с причастными, деепричастными, инфинитивными оборотами), сложное предложение (бессоюзные, сложносочиненные, сложноподчиненные), прямая и косвенная речь. В изложении теоретической части К.М. Мусаев стремился к максимальной сжатости и простоте, используя подход «от формы к содержанию» высказывания и придерживаясь традиционных лингвистических терминов. Особое внимание в книге уделено вопросам связи слов в словосочетании и в предложении, взаимодействию разных единиц языка на уровне слова, словосочетания и предложения, взаимоотношениям компонентов словосочетания и членов предложения, пониманию содержания синтаксиче-

ских категорий, синтаксической семантики и синтаксической структуры представленных единиц и языковых явлений, т. е. вопросам, позволяющим установить системный характер синтаксиса караимского языка. Материалом для исследования послужили письменные тексты и записанная автором живая разговорная речь носителей караимского языка. Однако К.М. Мусаев в предисловии монографии отмечает, что фактический материал, иллюстрирующий теорию, не всегда дает полное представление обо всех синтаксических явлениях караимского языка, поэтому полагает, что каждый из разделов и подразделов книги заслуживают более углубленного специального исследования, и надеется, что в будущем найдутся энтузиасты, которые продолжат его труд.

Ему принадлежат обобщающие труды по проблемам письменности народов СССР, терминологии на языках СССР. В этом плане нельзя не отметить книгу «Языки и письменности народов Евразии» (Алматы: Гылым, 1993), в которой автор в своей манере, лаконичной, но объемной по содержанию, описал функционирование современных языков народов большей части Евразии – бывшего СССР, охарактеризовал их письменности с момента зарождения до 90-х гг. XX в. по группам родственных языков с пояснением звуковой семантики букв алфавитов индоевропейских, тюркских, иберийско-кавказских, угро-финских, монгольских языков, языков народов Севера и дунганского языка. Особую научную значимость имеет раздел, где К.М. Мусаев излагает основные проблемы алфавитов и идеи по их унификации и совершенствованию орфографии.

Основополагающее значение приобрели работы, связанные с исследованием становления и развития морфологии, лексикологии и синтаксиса тюркских языков и в особенности языков кыпчакской группы. В 1984 г. вышла монография «Лексикология тюркских языков», в которой автор затронул вопросы лексико-семантической дифференциации и интеграции тюркских языков, взаимодействия тюркских языков, подверг анализу лексику диалектов в ее отношении к языкам, рассмотрел роль диалектной лексики в сравнительной лексикологии, структуру и семантику корня, дал обзор контактов тюркских языков с другими языками мира, в частности с кавказскими языками, изложил свое видение по сравнительно-синхронному изучению лексики алтайских языков, исследовал топонимику и антропонимику тюркских языков, проанализировал некоторые особенности общеалтайских синкретичных корней и другие немаловажные вопросы лексикологии тюркских языков. Книга ценна и тем, что во введении К.М. Мусаев обозначает ряд не до конца решенных на то время вопросов в тюркской лексикологии, требующих дальнейшего исследования. Перечислим вкратце некоторые из них:

- далеко не завершены работы по сбору и систематизации лексического богатства многих тюркских языков, по сбору и классификации лексики тюркских памятников;

- остается еще много неисследованных тематических и лексико-семантических групп, терминов, относящихся к различным сторонам жизни тюркских народов в прошлом и настоящем;

- многие актуальные вопросы синхронной лексикологии разрабатываются далеко не достаточно или еще только ждут своей разработки;

- большего внимания требует выяснение на материале тюркских языков природы слова как основной единицы лексики языка, дальнейших исследований ждут

такие вопросы, как слово и его значение, структура значения слова, семантические изменения в слове, т. е. так называемая содержательная сторона лексики языка;

– ждут также теоретических обобщений многочисленные исследования внешней стороны слова тюркских языков: слово и его структура; такие понятия как корень, основа, простое слово, сложное слово, парное слово, повторы. Противопоставление «корень – основа» на материале тюркских языков почти не изучено, некоторыми тюркологами оспаривается сама возможность подобного противопоставления, исходя из агглютинативного характера тюркских языков. Определение границ сложного слова в тюркологии до сих пор не получило удовлетворительного решения, что отрицательно сказывается на разработке практических вопросов лексикографии, орфографии. В связи с этим возникает необходимость четкого определения характера и границ таких служебных языковых элементов, как аффикс (суффикс), частица, связка, служебные слова, вспомогательные глаголы;

– немало предстоит провести теоретических исследований по вопросам пополнения лексического состава тюркских языков;

– выяснение сущности и различных способов (синтетических, аналитических, фонетических, лексических) словообразования, теоретическая и практическая оценка характера заимствований также предоставляют возможности для дальнейшего теоретического обобщения;

– важные задачи стоят перед тюркологами в проведении типологических исследований лексико-семантических особенностей тюркских языков, например, способов обозначения (номинации) предметов и понятий;

– взаимодействие тюркских языков между собой остается весьма слабо разработанной областью тюркологии. Ни фонетика, ни морфология, ни тем более синтаксис не в состоянии дать столь достоверные сведения об исторических взаимодействиях тюркских языков между собой в различные эпохи и на разных территориях, сколько может дать лексика (исконная, заимствованная);

– проблема разграничения древних заимствованных слов от исконно родственных, а также слов, вошедших в языки из третьего источника. Особенно остро стоит эта проблема в отношении тюрко-монгольских общностей и, далее, «алтайских», «урало-алтайских» и «ностратических» языков;

– требует тщательного изучения, в особенности со стороны специалистов по кыпчакским языкам, гипотеза о так называемых болгаризмах-чувашизмах в венгерском языке;

– перед исследователями встает задача изучить лексику литературного языка в его отношении к территориальным и социальным диалектам, а также отношение лексики диалектов к другим, в частности к соседним тюркским и нетюркским, языкам;

– требует большего внимания изучение ареальных лексических и семантических изоглосс. Имеют право на существование такие отрасли тюркологии, как сравнительное огузоведение, сравнительное кыпчаковедение и т. д.

Многие из обозначенных К.М. Мусаевым вопросов взяты в разработку и активно исследуются, а некоторые актуальны и на сегодняшний день и ждут своего исследователя.

В 2010 г. выходит знаковая монография «Морфология прагыпчакского языка» – первый опыт сравнительно-исторического исследования, на базе которого

была сделана попытка реконструкции системы морфологической структуры одной из ветвей тюркских языков после распада пратюркского языка-основы – пракрыпчакского языка. В монографии на примере реконструкции всех частей речи (существительного, прилагательного, наречия, числительного, местоимения, глагола, служебных частей речи) и их семантических (грамматические признаки), морфологических (словоформы, парадигмы, категории и разряды), словообразовательных (модели и инвентарь средств) признаков показаны состояние пракрыпчакской морфологии после возникновения пракрыпчакского языка и ее развитие в возникших ареальных группах и отдельных кыпчакских языках. Для реконструкции пракрыпчакского языка-основы в книге были использованы данные из исследований пратюркского языка, древнетюркских письменных памятников, кыпчакских памятников средневековья, современных кыпчакских языков и их диалектов всех групп.

В результате кропотливого исследования автор приходит к выводу, что в пракрыпчакском языке уже сформировались основные самостоятельные части речи, которые были характерны в древности для пратюркского состояния: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, глагол, а также некоторые служебные части речи: частицы и союзы, междометия и подражательные слова, которые относятся к древнейшим частям речи. К относительно поздним частям речи, возникшим на основе приведенных главных частей речи, относятся: имя прилагательное и наречие (их морфологические категории также были слабо сформированы), служебные части речи. Они существовали и в пратюркском языке. После распада пратюркского языка-основы на пракрыпчакский (северо-западный), праогузский (юго-восточный), прахакасский (северо-восточный) их различия в морфологической системе оказались весьма незначительными. В пракрыпчакском языке не произошло коренных изменений, он сохранил почти все пратюркские черты в морфологии. Многие современные словообразовательные и словоизменительные аффиксы в пратюркском и пракрыпчакском языках были едиными и нерасчлененными. Например, в глаголе формы на *-tʉq*, *-aʒaq*, *-qan* и т. д. выражают как словоизменительные, так и словообразовательные формы. В период после распада пракрыпчакского языка изменения в морфологии, а именно возникновение некоторых новых форм, относится, в основном, к имени существительному и глаголу (прошедшее время на *-p*, причастие на *-atʉn* и т. д.). К.М. Мусаев полагал, что вряд ли можно выделить какой-нибудь один конкретный язык как наиболее близкий к пракрыпчакскому языку по морфологическим особенностям, но все-таки более близкой можно считать западнокрыпчакскую группу языков.

Не менее значимым трудом является монография «Кыпчакские языки» (М., 2017), в которой К.М. Мусаев стремился продемонстрировать структурные и семантические особенности кыпчакских языков, начиная с древнекрыпчакских и продолжая среднекрыпчакскими языками, а также описать основные черты и социальные условия функционирования современных живых кыпчакских языков. Оперирование не только лингвистическими данными, но и социокультурными, социологическими, этнографическими, территориально-генетическими и другими факторами дают основания ему выделить группы кыпчакских языков по определенным признакам:

– ядерные языки – казахский, каракалпакский, кыргызский, ногайский языки, представляют собой территориально центральную, ядерную часть кыпчакских языков, от которой происходило распространение других кыпчакских языков по окраинам;

– официально признанные языки – языки самостоятельных государств: казахский, кыргызский; языки республик в составе самостоятельных государств: башкирский, каракалпакский, карачаево-балкарский, татарский; языки без государственности: среди них крупными языками являются крымтатарский и ногайский;

– языки-«миллионеры» (т. е. имеющие свыше миллиона носителей) – языки крупных республик: казахский, татарский, кыргызский, башкирский, которые составляют основу кыпчакских языков.

Анализ фонетических, морфологических, синтаксических, лексических особенностей дается на примере языков, выделенных по территориально-генетическому признаку: *восточнокыпчакские языки*: алтайский, барабинский, кыргызский, фууйкыргызский, шорский; *центральные кыпчакские языки*: алабугатский, казахский, карагашский, каракалпакский, ногайский, чулымский, юртовский (астраханских ногайцев); *северокыпчакские языки*: башкирский, татарский; *западнокыпчакские языки*: караимский, карачаево-балкарский, куманский (крымтатарский), крымчакский, кумыкский, урумский.

Сравнительно-исторический анализ кыпчакских языков древнекыпчакского, среднекыпчакского и современного кыпчакского периодов позволили автору сделать ряд выводов:

1. В фонетическом строе большинства кыпчакских языков сохранилась пратюркская система из восьми гласных фонем: *a, e, y, i, o, u, ö, ü*. В ряде языков появилась под влиянием неродственных языков девятая гласная фонема *ä*. Наличие девятой гласной фонемы *ä* в южных говорах кыргызского языка и отсутствие ее в северных говорах также свидетельствует о влиянии извне на тюркские языки. Структура из шести гласных фонем свойственна галицкому диалекту караимского языка, потерявшему две губные переднерядные *ö, ü*. Кыпчакские языки – языки с развитой системой гармонии звуков. Среди них выделяются языки с сильной губной гармонией: кыргызский, алтайский. Перебои гласных фонем характерны для северных кыпчакских языков. Особые интердентальные согласные звуки свойственны башкирскому языку (они имеются в туркменском).

2. Морфология кыпчакских языков сохранила пратюркский строй в грамматических формах, их семантике и синтаксических функциях. Специфические формы каждого из кыпчакских языков представляют собой более поздние образования после отделения языка от других языков или в позднее время подвергшиеся фонетическим изменениям, возникшим, главным образом, под влиянием устной разговорной речи.

В кыпчакских языках широкое развитие получила категория принадлежности, выражающаяся тремя способами: морфологическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим. При морфологическом способе образования категория принадлежности обозначается специальными аффиксами, которые исторически восходят к личным местоимениям. Имя с аффиксом принадлежности выполняет две функции: оно выражает субъект обладания и предмет обладания, например, *ana+m* ‘моя мать’. При морфолого-синтаксическом способе формы выражения

отношений по функции разделяются на субъект обладания, выраженный аффиксом родительного падежа при именах, и предмет обладания, выраженный другим именем, имеющим аффикс принадлежности: *men+ij ana+m* ‘моя мать’ (так называемый «полный изафет»). При синтаксическом способе также происходит разделение функций форм: субъект обладания выражается именем в родительном падеже, предмет обладания – именем в форме основного падежа: *biz+dij ij* ‘наш дом’. Указанные способы получили развитие в разной степени в кыпчакских языках. В языках появилось множество составных аффиксов.

Нельзя не согласиться с мнением К.М. Мусаева, что выделяемая тюркологами категория определенности-неопределенности является не грамматической, а лексико-семантической категорией и не имеет грамматических показателей. Вместе с тем определенность и неопределенность как логико-семантическая категория проявляется в разных ситуациях. Например, имя числительное *bir* ‘один’ при сочетании с именами существительными приобретает функцию неопределенного артикля индоевропейских языков ‘некий, какой-то, некоторый’: каз., ккалп., кум., кар., к-тат. и др. *bir at* ‘какой-то (неизвестный) конь’.

3. Форма разделительного числительного *-ar/-šar* северокыпчакских языков свойственна и западнокыпчакским языкам.

4. В синтаксисе кыпчакских языков сохранился пратюркский строй простого и сложного предложения, широкое развитие получили «склоняемые обороты» и другие конструкции, создаваемые неличными формами глагола, которые выражают все тонкие оттенки значения подчиненного компонента сложного предложения индоевропейских языков.

5. В составе лексики кыпчакские языки хорошо сохранили пратюркский фонд. Самые древние заимствования из неродственных языков относятся к китайскому, санскриту, иранским, в средневековье проникали арабские, монгольские, в новое время – русские и западноевропейские слова.

Следует отметить, что по некоторым вопросам истории становления и развития тюркских языков К.М. Мусаев всегда имел собственную точку зрения, которая порой шла вразрез с общепринятой. Так, например, он считает, что тюркские языки вполне могли бы быть названы «кыпчакскими». Основанием для этого служит сравнительное исследование структуры тюркских языков, которое показывает, что первоначальные фонетическая, морфологическая, синтаксическая и лексико-семантическая структуры языков являются кыпчакскими. Особые свойства других групп языков – огузских, карлукских, хакасско-тувинских, а также отдельно стоящего чувашского языка являются продуктами более поздними, возникшими на основе (субстрата) кыпчакских структур. В качестве пояснения такого мнения приведем отрывок из характеризуемой монографии: «То, что некоторые тюркологи называют IX–X вв. “древнекиргизской эпохой”, на самом деле охватывает самый поздний период в развитии древнекыпчакского языка. Кыргызский язык, именем которого названа эпоха, является одним из представителей кыпчакских языков. Хуннскую эпоху в развитии кыпчакского языка, несомненно, можно считать более ранним древнекыпчакским периодом, длившимся более тысячи лет. Уровень развития структуры древнекыпчакского языка показывает, что он до такого высокого состояния мог развиваться весьма длительное время» [Кыпчакские языки 2017: 18].

К.М. Мусаев вслед за К. Сарткожаулы придерживается мнения о том, что на сегодняшний день древнейшие фиксированные письменные памятники кыпчакских языков относятся к VI в. нашей эры. Это прежде всего памятники Куйистолгой и памятник Бугуты 582 г., а древний тюркский язык – это есть кыпчакский язык. Ученый считает, что «это мнение более обоснованно, чем отнесение языка рунических памятников к турецкому, уйгурскому, тувинскому и вообще к огузским и карлукским и другим языкам, которое было высказано еще в тот период, когда научная тюркология и исследование современных тюркских языков, их истории, а также языка древних памятников находилось на начальном этапе, и не были известны еще современные научные знания, исследования по обширным полям кыпчакских языков. Существовал и существует также человеческий фактор – исследователи недостаточно практически владели тюркскими языками, особенно кыпчакскими, существовал турецкий “патриотизм” и т. д. Исследователи языка древних памятников, находясь в рамках ограниченных знаний огузских языков и традиций, “забывают” ссылаться на кыпчакские языки и не стараются даже упомянуть, что в древнетюркских памятниках имеется этноним “кыпчак”» [Там же: 19]. Ученый также считает, что лингвистически язык древних и средневековых тюркских памятников ближе стоит к кыпчакским языкам, чем к другим группам или отдельным языкам [Там же: 12].

Несомненно, смелые высказывания К.М. Мусаева побуждают к дальнейшему исследованию вопросов истории становления и развития тюркских языков.

К.Н. Бурнакова, Р.А. Тадинова, К.М. Мусаев, З.Н. Эмба, Т.В. Лосева-Бахтиярова.
В отделе урало-алтайских языков Института языкознания РАН, 2004 г.

Ученый участвовал в создании томов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» и многих других коллективных трудов. Под его научным руководством выполнены и опубликованы коллективные труды по письменностям и терминологии народов СССР, по этимологии и лексикологии. Он был руководителем ряда конференций в СССР, членом оргкомитета многих международных конференций и съездов.

Наряду с научной работой К.М. Мусаев плодотворно занимался педагогической деятельностью. В течение многих лет был профессором Литературного института им А.М. Горького на кафедре художественного перевода (1958–1994), преподавал казахский, киргизский, туркменский, татарский, каракалпакский, алтайский и хакасский языки студентам из соответствующих республик, переводил Библию на казахский язык и редактировал ее перевод, перевел на казахский язык книгу Р. Хаббарда «Даянетик».

С 1997 г. К.М. Мусаев являлся профессором Института стран Азии и Африки Московского государственного университета, где преподавал казахский язык. Итогом многолетнего опыта в преподавании казахского языка русскоязычным, англоязычным и казахоязычным обучающимся стал разработанный К.М. Мусаевым учебник «Казахский язык» (Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Вост. лит., 2008), который до сих пор активно используется в вузах, где преподается казахский язык.

Из личного архива К.М. Мусаева с подписью: Маша, Вика, Диля, Таня

Под непосредственным руководством К.М. Мусаева более 30 человек защитили магистерские, кандидатские и докторские диссертации из Москвы, Монголии, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Украины, Башкортостана, Карачаево-Балкарии, Калмыкии, Хакасии. Он выступал официальным оппонентом свыше 50 докторских, кандидатских и магистерских диссертаций.

К.М. Мусаев активно занимался и общественной деятельностью. С 1954 по 1991 гг. состоял в рядах КПСС. Он был председателем профкома, секретарем партийной организации Института языкознания АН СССР, членом различных общественных организаций г. Москвы, Академии наук СССР. По поручению Президиума АН СССР, Бюро Отделения литературы и языка с целью оказания помощи он ездил в составе делегаций АН в разные республики бывшего СССР. С 1987 г. К.М. Мусаев был заместителем председателя Советского комитета тюркологов АН СССР, с 2009 г. – членом Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, в течение многих лет был членом экспертного совета ВАК СССР, заместителем Главного редактора журнала «Советская тюркология» до его закрытия. Он являлся членом Совета по сохранению и развитию культур народов при Фондах культуры СССР, России, а также членом редколлегии «Караимской народной энциклопедии».

В 1990 г. К.М. Мусаев основал Московское национально-культурное общество «Қазақ тілі» («Казахский язык»), в 1997 г. создал Региональную казахскую национально-культурную автономию г. Москвы и долгое время возглавлял их.

К.М. Мусаев выступал на многих международных конференциях в бывших союзных республиках (Алматы, Ташкент, Бишкек, Ашхабад, Баку, Душанбе, Киев, Симферополь, Минск, Кишинев, Вильнюс и др.) и городах Российской Федерации (Санкт-Петербург, Казань, Уфа, Абакан, Кызыл, Горно-Алтайск, Якутск, Нальчик, Махачкала, Карачаевск, Черкесск и др.), читал лекции в университетах: Германии в 1969, 1986, 1991 гг.; Венгрии – 1971; Индии – 1974, 1978; Финляндии – 1976, 1983; Турции – 1985, 1988, 1989, 1993, 2000; Испании – 1986; США – 1987, 1990, 1991; Норвегии – 1989; Монголии – 1989; Чехии – 1999.

Доклад на конференции в г. Стамбул, 2000 г.

В настоящей статье удалось осветить лишь некоторые вопросы, отраженные в многогранных трудах К.М. Мусаева. В них есть еще множество аспектов, которые продолжают оставаться важными и актуальными для современных исследователей тюркских языков и требуют дальнейшего анализа.

Библиография основных научных трудов К.М. Мусаева

1956

1. О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1956.

1957

2. Глагольные имена и конструкции, образуемые ими, в современном казахском языке // Известия АН Казахской ССР. Сер. филол. – Алматы, 1957. – № 36.
3. Miejsce języka karaimskiego w rodzinie języków turekских // Sztandar zwycięstwa. – 1957. – № 67.
4. Karaimu kalbos vieta kitu tūrkų kalbu seime // Pergales vėliava. – 1957. – № 67.

1958

5. Lietuvos karaimai ir jų kalba // Panevezio Tiesa. – 1958. – № 99.
6. Studiojama Lietuvos karaimu kalba // Tiesa. – 1958. – № 195.

1961

7. Форма на *-ган* в современном казахском языке // Известия АН Казах. ССР. Сер. филологии и искусствоведения. – Алматы, 1961. – Вып. 1.

1963

8. О диалектологическом словаре казахского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. – Баку, 1963.
9. О классификации казахских диалектов // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. – Баку, 1963.
10. Диалекты караимского языка в их отношении к другим тюркским языкам // Тезисы докладов на IV Региональном совещании по диалектологии тюркских языков. 27–30 мая 1963 г. – Фрунзе, 1963.
11. Способы выражения категории принадлежности в караимском языке // Тюркологические исследования. – М.-Л., 1963.
12. Хозарьска мова // Українська радянська енциклопедія. – Київ, 1963. – Т. 15.

1964

13. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964.
14. Юбилей академика И.И. Мещанинова // Вестник АН Казахской ССР. – Алматы, 1964. – № 3. (соавтор: С. Кенесбаев)
15. Проблема двуязычия народов СССР // Тезисы докладов конференции, посвященной вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. – Казань, 1964. (соавторы: О.П. Сунник, Ю.Д. Дешериев, Э.Г. Туманян)
16. О Научном совете по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1964. – Т. XXIII. – № 5.
17. Е.Д. Поливанов и вопросы разработки письменностей для языков народов СССР // Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова». Т. I. – Самарканд, 1964.

1965

18. Алфавиты языков народов СССР. – М.: Наука, 1965.
19. Чествование Н.А. Баскакова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1965. – Т. XXIV. – № 4.
20. Н.А. Баскаков // Вопросы языкознания. – М., 1965. – № 4.

1966

21. Караимский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. – М.: Наука, 1966.
22. Тюркское языкознание в академиях наук республик Средней Азии и Казахстана // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. (соавтор: А.А. Юлдашев)
23. Заметки о языке крымских караимов // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Баку, 1966. – Вып. 4.
24. О состоянии разработки орфографий литературных тюркских языков и дальнейшем их усовершенствовании // Тюркологическая конференция, посвящается 40-летию Первого Тюркологического съезда. Тезисы докладов. – Баку, 1966.
25. О роли функционального развития языка в его структурной эволюции // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка». Ч. 1. – Самарканд, 1966.

1967

26. Neuvostoliiton kansojen kielten kirjaimistot. – Helsinki, 1967.
27. Тюркологическая конференция, посвященная 40-летию Первого Всесоюзного тюркологического съезда // Вопросы языкознания. – 1967. – № 2.
28. Языковое строительство в тюркских республиках и областях // Советское языкознание за 50 лет. – М.: Наука, 1967.
29. Русская графика у народов СССР // Русская речь. – М., 1967. – № 2.

1968

30. Строй караимского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Баку, 1968.
31. Диалекты караимского языка в их отношении к другим тюркским языкам // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Фрунзе, 1968.
32. Некоторые вопросы казахской диалектологии // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Фрунзе, 1968.

1969

33. Казахский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. – М.: Наука, 1969.
34. Вопросы разработки алфавитов и орфографий тюркских литературных языков // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. – М.: Наука, 1969.
35. Закономерности изменения в фонетике тюркских литературных языков // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. – М.: Наука, 1969.
36. О проблеме двуязычия // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. – М.: Наука, 1969.

1970

37. Место караимского языка в семье тюркских языков // Караимы в Тракай. – Тракай, 1970.
38. Филологический год-1969 // Советская тюркология. – 1970. – № 2.
39. XII сессия ИАЭ // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1970. – Вып. 4. (соавторы: А.Э. Абдуллаев, Г.П. Мельников)
40. Цоканье в диалектах тюркских языков // Тезисы докладов VI Регионального совещания по диалектологии тюркских языков. – Ташкент, 1970.

1971

41. Development of Social Functions of National Languages in the USSR and Theoretical Questions of Social Linguistics. – Moscow, 1971. (соавторы: V.I. Abaev, P. Azimov, F. Filin)
42. VI Региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков // Советская тюркология. – 1971. – № 3. (соавторы: Н. Расулова, Л. Данилова)

1972

43. Общенародное двуязычие и синтаксис родного языка // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972.
44. Араб жазуы // Қазақ совет энциклопедиясы. Т. 1. – Алматы, 1972.
45. Арамей жазуы // Қазақ совет энциклопедиясы. Т. 1. – Алматы, 1972.
46. Армян жазуы // Қазақ совет энциклопедиясы. Т. 1. – Алматы, 1972.
47. Названия дней недели в западно-кыпчакских тюркских языках // Советская тюркология. – 1972. – № 4.
48. XIV сессия ИАС // Вопросы языкознания. – 1972. – № 6.
49. Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет // Советская тюркология. – 1972. – № 6. (соавторы: Л. Покровская, Э. Севортян, Н. Гаджиева, Н. Баскаков, А. Юлдашев, Э. Тенишев, Л. Левитская, Х. Исхакова, Ф. Ашнин)
50. Основные достижения СССР в развитии национальных языков // Факты и домыслы. – Кишинев: Штиинца, 1972.

1973

51. Вопросы разработки и совершенствования орфографий литературных тюркских языков // Орфографии тюркских литературных языков СССР. – М.: Наука, 1973.
52. Диалектная лексика в сравнительной лексикологии тюркских языков // VII Региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Маловские чтения. Тезисы докладов. – Алматы, 1973.
53. Le probleme de la differenciation lexicosemantique et de l'integration de langues Turques // XXIX Congrès International des orientalistes. Résumés des Communications. Sect. 6–7. – Paris, 1973.
54. Развитие языков народов Советского Союза за 50 лет СССР // Торжество ленинской национальной политики КПСС. – Алматы: Гылым, 1973.
55. А.Н. Самойлович и сравнительная лексикология тюркских языков // Советская тюркология. – 1973. – № 5.
56. О значении диалектной лексики в сравнительной лексикологии // Советская тюркология. – 1973. – № 6.
57. Орфографии тюркских литературных языков / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1973.

1974

58. Караимско-русско-польский словарь // Советская энциклопедия. – М., 1974. (соавторы: Н.А. Баскаков, А.И. Дубиньский, А.А. Зайончковский, Р.М. Ижбулатова, Х.Ф. Исхакова, С.М. Шапшал)
59. Термины родства в современных западно-кыпчакских тюркских языках // Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients – 5. Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Volker. – Berlin: Akademie Verlag, 1974.
60. Новый алфавит // Большая советская энциклопедия. – 3-е издание. – 1974. – Т. 18.

1975

61. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1975.
62. On some plant names in the Altaic languages // Researches in Altaic Languages. Papers read at the 14th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, held in Szeged, August 22–28, 1971. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. – PP. 189–194.
63. Из опыта создания письменностей для языков народов СССР // Социолингвистические проблемы развивающихся стран. – М.: Наука, 1975.
64. Социолингвистика и некоторые вопросы совершенствования письменностей литературных языков Советского Союза // Социолингвистические проблемы развивающихся стран. – М.: Наука, 1975.
65. Қарайым тілі // Қазақ совет энциклопедиясы. Т. 6. – Алматы, 1975.
66. Қарашай-балқар тілі // Қазақ совет энциклопедиясы. Т. 6. – Алматы, 1975.
67. Құмық тілі // Қазақ совет энциклопедиясы. Т. 6. – Алматы, 1975.

1976

68. Некоторые вопросы лексико-семантической дифференциации и интеграции тюркских языков // Тюркологические исследования. – М.: Наука, 1976.
69. Об основных проблемах тюркской лексикологии // Всесоюзная тюркологическая конференция. – Алматы, 1976.
70. О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней // *Altaica, Proceedings of the 19th Annual Meetings of the PIAC.* – Helsinki, 1976.
71. Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1976.
72. Тюркологические исследования / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1976.

1977

73. Краткий грамматический очерк караимского языка. – М.: Наука, 1977.
74. Великий Октябрь и письменность народов СССР // Русская речь. – 1977. – № 5.

1978

75. Основные проблемы изучения лексики тюркских языков // Советская тюркология. – 1978. – № 3.

1979

76. Исторические контакты тюркских языков с другими языками мира // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. – Душанбе, 1979.

1980

77. Современная терминология литературных тюркских языков СССР // Языкознание. Тезисы докладов и сообщений. – Ташкент: Фан, 1980.
78. К историческому изучению фразеологических устойчивых сочетаний тюркских языков // Третья Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. – Ташкент: Фан, 1980. (соавтор: Р.Х. Аннаева)
79. В.И. Ленин и развитие тюркских языков в СССР // Советская тюркология. – 1980. – № 2.
80. К истории союзов в тюркских языках // Советская тюркология. – 1980. – № 6.

1981

81. Эрванд Владимирович Севортян // Советская тюркология. – 1981. – № 5. (соавтор: Л.С. Левитская)
82. Современная терминология литературных тюркских языков Советского Союза // Советская тюркология. – 1981. – № 5.

1982

83. Национально-языковое строительство в СССР. Разработка для лекторов общества «Знание». – М., 1982.
84. Разработка и усовершенствование алфавитов и орфографий языков народов СССР // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. – М.: Наука, 1982.
85. Итоги, проблемы и задачи тюркского языкознания // Советская тюркология. – 1982. – № 6. (соавторы: Н.А. Баскаков, Л.С. Левитская, А.А. Юлдашев, Е.А. Поцелуевский, Э.Р. Тенишев, А.А. Чеченов, Н.З. Гаджиева, И.В. Кормушин, Ф.Д. Ашнин)
86. Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1982.

1983

87. Об отношении диалектной лексики к тюркским языкам // IX Конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений. – Уфа, 1983.
88. Сравнительное изучение диалектных фразеологизмов тюркских языков // IX Конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений. – Уфа, 1983. (соавтор: Р.Х. Аннаева)
89. Казахский язык // Латвийская советская энциклопедия. Т. 5. – Рига: Гл. ред. энцикл., 1983.
90. Киргизский язык // Латвийская советская энциклопедия. Т. 5. – Рига: Гл. ред. энцикл., 1983.
91. Исследование киргизского языка // Лингвистический справочник. – Рига, 1983.
92. О языках народов СССР // *Maailma ja me.* – Helsinki, 1983. – № 5. (на финском яз.)

93. Neuvostoliissa on ainutlatuiset kielot // Tiedonantaja. – 26.01.1983.
94. Materialismi ja empiriokritisismi jakutjaksi // Kansan uutiset. – 26.01.1983.
95. Neuvostoliitto 150 kielen maa // Suomen Sosialidemokratti. – 26.01.1983.
96. Джусупакмадов Упула. Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам / Ред. К.М. Мусаев. – Фрунзе: Илим, 1983.

1984

97. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984.
98. Пратюркские сонанты // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1984.
99. Из опыта совершенствования письменностей литературных языков Советского Союза // Современная идеологическая борьба и проблемы языка. – М.: Наука, 1984.
100. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1984.

1985

101. Э.В. Севортыан и историческая лексикология тюркских языков // Теория и практика этимологических исследований. – М.: Наука, 1985. (соавтор: Л.С. Левитская)
102. К историческому изучению фразеологических устойчивых сочетаний тюркских языков // Тюркское языкознание. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. – Ташкент: Фан, 1985. (соавтор: Р.Х. Аннаева)
103. Особенности путей формирования литературных тюркских языков Советского Союза // Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. – Ашхабад, 1985.
104. Роль методологического семинара Института языкознания АН СССР в разработке философско-методологических проблем языкового строительства в Советском Союзе // Теория и практика методологических семинаров. – М.: Мысль, 1985. (соавтор: Г.В. Степанов)
105. От редактора // Аннаева Р.Х. Фразеологические устойчивые словосочетания в памятниках туркменского языка. – Ашхабад: Ылым, 1985.
106. Теория и практика этимологических исследований / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1985.
107. Баскаков Н.А. Диалект лебединских татар-чалканцев / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1985.
108. Аннаева Р.Х. Фразеологические устойчивые словосочетания в памятниках туркменского языка / Ред. К.М. Мусаев. – Ашхабад: Ылым, 1985.

1986

109. Формирование, развитие и современные проблемы терминологии на языках союзных республик СССР // Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. – М.: Наука, 1986.
110. On the Contacts of Turkic Languages with Other Languages of the World // Abstracts. XXXII International Congress for Asian and Nord African Studies. – Hamburg, 1986.
111. Контакты тюркских языков с языками мира и алтайская гипотеза // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX сессии ПИАК (PIAC). II. Лингвистика. – Ташкент, 1986.
112. V Международный тюркологический конгресс в Стамбуле (22–28 сентября 1985 г.) // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. (соавтор: Э.Р. Тенишев)
113. Практика работы методологических семинаров Института языкознания АН СССР // Роль методологических семинаров академических институтов Киевского района г. Москвы в разработке философско-методологических проблем науки. – М., 1986.
114. Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. Общая проблематика. Терминология на русском, украинском и белорусском языках / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1986.
115. Роль методологических семинаров академических институтов Киевского района г. Москвы в разработке философско-методологических проблем науки / Ред. К.М. Мусаев. – М., 1986.

1987

116. Türki jene iran tilderining baylanisi // Beşinci Milletler Arası Türkoloji Kongresi. Tebliğler. I: Türk dili. – İstanbul, 1987. – Cilt 2.
117. Предисловие // Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. – М.: Наука, 1987.
118. Алтайская гипотеза в свете контактов тюркских языков с языками мира // Советская тюркология. – 1987. – № 4.

119. Тюркская социоллингвистика // Советская тюркология. – 1987. – № 5.
120. Тюркская письменность // Советская тюркология. – 1987. – № 5.
121. Тюркская фонетика и фонология // Советская тюркология. – 1987. – № 5.
122. Отчет о работе Советского комитета тюркологов // Советская тюркология. – 1987. – № 6.
123. Выступление на Пленуме Советского комитета тюркологов // Советская тюркология. – 1987. – № 6.
124. Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. Терминология на узбекском, казахском, грузинском, азербайджанском, литовском, молдавском, латышском, киргизском, таджикском, армянском, туркменском и эстонском языках / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1987.

1988

125. Пратюркские союзы // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988.
126. Пратюркские частицы // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988.
127. Ленинские заветы и развитие тюркских языков в СССР // Советская тюркология. – 1988. – № 2.
128. Актуальные проблемы терминологии на тюркских языках СССР // Тюркология – 88. – Фрунзе: Илим, 1988.
129. Жизнь и тюркские языки // Кыргызстан маданияты. – Фрунзе, 1988. – № 37.
130. О проблемах тюркологии // Ленинчил жаш. – Фрунзе, 1988. – № 111.
131. Перестройка и некоторые вопросы языкознания // Узбек тили ва адабиети. – 1988. – № 6. (соавтор: Э. Бегматов)
132. Пути формирования литературных тюркских языков Советского Союза // Вопросы советской тюркологии. – Ашхабад: Ылым, 1988.
133. Samilerimizin bazıları müze uyarıldı // Zaman. – Ekim 1988.
134. О контактах тюркских языков // Вопросы языкознания. – 1988. – № 4.
135. Теория и практика этимологических исследований / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1988.
136. Меметов А. Источники формирования лексики крымскотатарского языка / Ред. К.М. Мусаев. – Ташкент: Фан, 1988.

1989

137. За всемерное развитие тюркского языкознания в новых общественных условиях советской действительности // Советская тюркология. – 1989. – № 1. (соавторы: И.В. Кормушин, Б.О. Орузбаева)
138. VI Международный тюркологический конгресс // Общественные науки. – 1989. – № 2.
139. Ана тіліміздің тағдыры // Мәдениет және тұрмыс. – Алматы, 1989. – № 7.
140. Современные проблемы терминологии на тюркских языках СССР // Советская тюркология. – 1989. – № 4.
141. О функционировании тюркских языков Сибири // Звезда Алтая. – Июль 1989.
142. О проблемах функционирования тюркских языков // Алтайдың чолмоны. – Август 1989.
143. An International Congress of Turkic Linguistics // Social Sciences. – 1989. – № 3.
144. The 6th International Congress of Turkologists // Social Sciences. – 1989. – № 3.
145. Det undertrykte bryter gjennom // Bergens Tidende. – 25.11.1989.
146. Тюркско-иранские языковые контакты // Советская тюркология. – 1989. – № 6.
147. Выступление на XV Пленуме Советского комитета тюркологов // Советская тюркология. – 1989. – № 1.
148. Отчет о работе Советского комитета тюркологов за 1988 год // Советская тюркология. – 1989. – № 1. (соавтор: А. Чеченов)

1990

149. Sovjetisk Vitenskap ikke avpolitisert // Bergens Tidende. – 07.06.1990.
150. Қазақ тілінң маңызы // Ана тілі. – 22.03.1990. – № 1.
151. Turco-Finno-Ugric Language Contacts // Aspects of Altaic Civilization. III. (Indiana University Uralic and Altaic Series). – Bloomington, 1990. – Vol. 145. – PP. 154–166.

152. О проблемах функционального развития казахского языка // Вестник АН Казахской ССР. – 1990. – № 5.
153. Казахский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990–1998.
154. Караимский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990–1998.
155. О проблематике диссертаций, защищенных по специальности «Тюркские языки» (1986–1988 гг.) // Советская тюркология. – 1990. – № 3.
156. Матай жазған Ізгі Хабар / Ред. К.М. Мусаев. – Стокгольм, 1989.
157. Марқа жазған Ізгі Хабар / Ред. К.М. Мусаев. – Стокгольм, 1990.
158. Луқа жазған Ізгі Хабар / Ред. К.М. Мусаев. – Стокгольм, 1990.

1991

159. Демографические процессы и языки в Казахстане // The 4th European Seminar on Central Asian Studies. Abstracts. – Bamberg, 1991.
160. О проблемах изучения казахов и казахского языка // Вестник АН Казахской ССР. – 1991. – № 7.
161. Эдхам Рахимович Тенишев (к 70-летию) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1991. – Т. 50. – № 3. (соавторы: А.В. Дыбо, А.А. Чеченов)
162. Инфинитивные обороты в караимском языке // Исследование языковых систем в синхронии и диахронии. К 70-летию Э.Р. Тенишева. – М.: Наука, 1991.
163. Тенишев Э.Р. Словарь сарыг-уйгурского языка / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1991.

1992

164. Ғылым тұғырында қазақ тілі // Рынок и проблемы развития науки и техники Казахстана. Тезистер. Ч. 4. – 1992.
165. Алғы сөз // Нарық және Қазақстан ғылымы мен техникасының даму мәселелері. Тезистер жинағы 2-бөлім. Педагогика. Психология. – М., 1992.
166. Предисловие // Нарық және Қазақстан ғылымы мен техникасының даму мәселелері. Тезистер жинағы 1-бөлім. Тарих. Социология. Экономика. – Алматы, 1992.
167. Проблемы функционирования тюркских языков после возникновения независимых тюркских республик // Ақпараттық мәлімдеме. Дүние жүзі қазақтарының құрылтайына арналды. – М., 1992. – № 3.
168. Демографические процессы и функционирование языков в Казахстане // Ақпараттық мәлімдеме. Дүние жүзі қазақтарының құрылтайына арналды. – М., 1992. – № 3.
169. Проблемы функционирования тюркских языков в современных условиях // Татарстан. – Казань, 1992. – № 9–10.
170. Э.Р. Тенишев (к 70-летию) // Тюркология. – М., 1992. – № 2. (соавторы: А.В. Дыбо, А.А. Чеченов)
171. Орыс тілі бізді дүниеден тұмшалады // Ана тілі. – 1992. – № 49.
172. Қазақ тілінің маңызы // Атырау. – XI, 1992.
173. Дүние жүзі қазақтары Құрылтайына қатысушылардың Қазақстанның және жер жүзі халықтарына, мемлекеттеріне және олардың өкіметтеріне ҮНДЕУІ // Егеменді Қазақстан. – 06.10.92.
174. Дүние жүзі қазақтарының құрылтайына қатысушылардың Қазақ халқына ҮНДЕУІ // Егеменді Қазақстан. – 06.10.92.
175. On the Contacts of the Turkic Languages with the other Languages of the World // Proceedings of the XXXII International Congress for Asian and Nord African Studies. Hamburg, 25–30 August 1986. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992 (Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Supplement IX, 1992).
176. Орфографический словарь крымскотатарского языка / Ред. К.М. Мусаев. – Ташкент, 1992.
177. Исследование языковых систем в синхронии и диахронии. К 70-летию Э.Р. Тенишева / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1992.
178. Нарық және Қазақстан ғылымы мен техникасының даму мәселелері. 1- бөлім. Тарих. Социология. Экономика / Ред. К.М. Мусаев. – М., 1992.
179. Нарық және Қазақстан ғылымы мен техникасының даму мәселелері. 2- бөлім. Педагогика. Психология / Ред. К.М. Мусаев. – М., 1992.
180. Рынок и проблемы развития науки и техники Казахстана. Тезисы докладов / Ред. К.М. Мусаев. – М., 1992.

1993

181. Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). – Алматы: Гылым, 1993.
182. Құрылтайда айтылмаған сөз // Азаттық радиосы. – 1993.
183. Қайран ғылым-ай // Азаттық радиосы. – 1993.
184. Құрылтайдан соңғы ой // Жұлдыз. – Алматы, 1993. – № 5.
185. Türklerde yazım ve ağızca dil // Sürekli Türk Dili Kurultayı. Ankara. 22–26 Eylül 1993. Bildiri özetleri. – Ankara, 1993.
186. О современных проблемах функционирования тюркских языков // Язык и культура алтайцев (сборник научных статей). – Горно-Алтайск, 1993.
187. Türklerde yazım ve ağızca dil // Sürekli Türk Dili Kurultayı. Konuşma Metinleri //1599 Yayınlar Dairesi Bakanlığı. Özel Dizi. – Ankara, 1993.
188. Қоғам – Ғылым. Тезистер жинағы. 2-бөлім. Педагогика. Психология / Ред. К.М. Мусаев. – М., 1993.
189. Насырова О.Д. Проблема придаточного предложения в японском и тюркских языках / Ред. К.М. Мусаев. – Нукус: Билим, 1993.

1994

190. Проблемы функционирования современных тюркских языков. – Алматы, 1994.
191. Ғылым, халың қалай? (Как поживаешь, Наука?) – Алматы, 1994.
192. Провозглашение государственных языков и проблемы терминологии народов Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994.
193. Қарайымдар // Түркістан. – 2 қараша, 1994.
194. Сібір татарлары // Түркістан. – 16 қараша, 1994.
195. Қырымшақтар // Түркістан. – 21 желтоқсан, 1994.
196. Демографические процессы и функционирование языков в Казахстане / Islamkundliche Untersuchungen – Band 185. Ingeborg Baldauf, Michael Friederich (Hrsg.) Bamberger Zentralasienstudien. Konferenzakten ESCAS IV. Bamberg 8–12. Oktober 1991. – Berlin, 1994.
197. Данияров Б.Х. Проблемы лексической синонимии узбекского языка: коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Ред. К.М. Мусаев. – М., 1994.

1995

198. Қайран ғылым // Жұлдыз. – 1995. – № 3.
199. Қарашай мен балқарлар // Түркістан. – 7 маусым, 1995.
200. Латынша әліппемізге қайтайық // Zaman-Қазақстан. – 10.11.1995.
201. Құмықтар // Zaman-Қазақстан. – 22.12.1995.
202. Үрімдер // Zaman-Қазақстан. – 29.12.1995.

1996

203. Dravidian-Turkic-Sanskrit Lexical Comparisons // Symbolae Turcologicae. Studies in Honor of Lars Johanson. On his Sixtieth Birthday 8 March 1996. Edited by Arpad Berta, Bernt Brendemoen and Claus Schonig. – Stockholm, 1996.
204. Теперь русским надо завоевывать доверие нерусских // Zaman-Қазақстан. – 19.08.1996.
205. Проблемы перевода библейских имен Бога // Перевод Библии. – М., 1996.
206. Абай ғылым туралы // Вестник высшей школы Казахстана. – 1996. – № 4.
207. Место крымтатарского языка в семье тюркских языков. Ч. 1 // Поиск. – Алматы, 1996. – № 4.
208. Место крымтатарского языка в семье тюркских языков. Ч. 2 // Поиск. – Алматы, 1996. – № 5.
209. Проблемы функционирования тюркских языков после возникновения независимых тюркских республик / Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Июнь 9–13, 1992. Казань. – Казань, 1996. – Т. 1.
210. Пратюркские названия неба // 90 лет Н.А. Баскакову. – М., 1996.

1997

211. Караимский язык // Языки мира. Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997.
212. Пратюркская лексика: небесные тела и небесная сфера. Отношения по родству и свойству. Социальные отношения. Война и оружие // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997.

213. Караимский язык // Языки мира. Тюркские языки. – Бишкек, 1997.
214. Абай және ғылым // Жұлдыз. – 1997. – № 2.
215. С гахамом Хаджи Серая Марковичем Шапшалом // Караимские вести. – 1997. – № 33.
216. Караимская народная энциклопедия. Т. 1. Вводный. – М., 1995.
217. Жусупакматов Л. Пиктографические памятники Саймалы-Таш Ош / Ред. К.М. Мусаев. – 1997.
218. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1997.

1998

219. Этносны вынуждены защищать свои права коллективно // Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. – М., 1998. – № 6 (67).
220. Выступление на Московском межнациональном совещании // Московское межнациональное совещание – 97. Об опыте и результатах работы в 1997 году. – М., 1998. – № 7 (93).
221. О происхождении караимов // Караимская народная энциклопедия. – М., 1998. – Т. 4.
222. Языковое строительство в тюркских республиках // Ватандаш. – Уфа, 1998. – № 5.
223. История казахского языка // Вестник высшей школы Казахстана. – Алматы, 1998. – № 5.
224. О проблемах башкирского языкознания // Первый всемирный Курултай башкир. 1–2 июня 1995 г. Стенографический отчет. – Уфа: Китап, 1998.
225. Жусупакматов Л. Саймалы-Таш сүрөт-жазма сырлары. I / Ред. К.М. Мусаев. – Бишкек, 1998.
226. Назаров А.П. Фразеологическая стилистика кыргызского языка / Ред. К.М. Мусаев. – Бишкек, 1998.

1999

227. Межнациональное согласие // Московское межнациональное совещание-98. – М., 1999.
228. О связях национальных общин в Москве // Московское межнациональное совещание-98. – М., 1999.
229. Роль и значение средств массовой информации // Московское межнациональное совещание-98. – М., 1999.
230. Предисловие редактора // А.П. Назаров. Фразеологическая стилистика кыргызского языка. – Бишкек, 1998.
231. Сохраняя национальную самобытность // Казахстанская правда. – 16.06.1999.
232. К истории и проблемам перевода Библии на тюркские языки // Тезисы Международной научной конференции «Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии». 2–3 декабря 1999 г. – М., 1999.
233. О караимах говорили в Праге // Караимские вести. – 1999. – № 8 (51).
234. О Николае Константиновиче Дмитриеве (к 100-летию) // Вопросы Тюркской филологии. Вып. IV. Материалы Дмитриевских чтений (к 100-летию со дня рождения). – М., 1999.
235. Н.К. Дмитриев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – № 4.
236. Саймалы-Таш сүрөт-жазма сырлары. II / Ред. К.М. Мусаев. – Бишкек, 1999.

2000

237. Проблемы формирования и развития терминологии на языках народов Российской Федерации // Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации и СНГ. – М., 2000.
238. Наурыз – праздник не только казахского народа // Этносфера. – М., 2000. – № 3 (20).
239. Центр национальной культуры за рубежом // Наш мир. – 2000. – № 4.
240. Московские казахи готовятся к юбилею // Казахстанская правда. – 22.09.2000.
241. В стечении девяти дорог // Лига Наций. – 15.09.2000.
242. Юдакин А. Ведущие языковеды мира / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Советский писатель, 2000.
243. Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации и СНГ / Ред. К.М. Мусаев. – М., 2000.
244. Зайнуллин М.В. О сущности и границах языковой модальности / Ред. К.М. Мусаев. – Уфа, 2000.
245. Востоковедный сборник / Ред. К.М. Мусаев. – Симферополь, 2000. – Вып. IV.

2001

246. Пратюркская лексика // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001.
247. М.Х. Дулати // Интернет-газета «Арба». – 2001.
248. Разделы: Предисловие. К читателю. О празднике тюркской письменности и культуры. Президентам Турции, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Кыргызстана, Татарстана. Президентам независимых тюркских государств: Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Татарстана, Турции, Туркменистана, Узбекистана, Турецкой Республики (Северного Кипра), других тюркских народов. Проблемы языков тюркских народов на новом этапе их возрождения. Праздник Науруз // Праздник тюркской письменности и культуры. – М., 2001.
249. О проблемах тюркских языков народов Российской Федерации // Тілтаным (Языкознание). – Алматы, 2001. – № 3.
250. Проблемы функционирования тюркских языков после возникновения независимых тюркских республик // Қазақ тілі мен диалектологиясы. – Алматы, 2001.
251. Казахский язык // Языки народов Российской Федерации. – М., 2001.
252. Караимский язык // Языки народов Российской Федерации. – М., 2001.
253. Крымскотатарский язык // Языки народов Российской Федерации. – М., 2001. (соавтор: А. Меметов)
254. Юдакин А. Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание: энциклопедия // Ведущие языковеды мира. 4 / Ред. К.М. Мусаев. – М. 2001.
255. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Ред. К.М. Мусаев. – 2-е изд, дополн. – М.: Наука, 2001.

2002

256. Кыпчакская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002.
257. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 2002.
258. Тюркские языки в Центральной Евразии, их контакты // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Язык и литература в межкультурной коммуникации народов Евразии. Материалы международной научной конференции 30 сентября – 2 октября 2002 г. г. Уфа. – Уфа, 2002.
259. Тюрки Центральной Евразии: контакты языков и культур // Түркология. – 2002. – № 1.
260. Небо у алтайских народов в свете пратюркской реконструкции // Человек в зеркале языка. Сб. к 60-летию А.П. Юдакина. – М., 2002.
261. О современной тюркологии // Тюркский мир и народ саха. – Верхневеликийск, 2003. – Вып. II.
262. Тюркские языки и тюркская культура в центре Евразии // Востоковедный сборник. – Симферополь, 2002. – Вып. 5.

2003

263. Крымтатарский язык. Введение. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь, 2003. (соавтор: А. Меметов)
264. Связи языков и культур тюрков в Центральной Евразии // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции. 10–11 апреля 2003 г. – М., 2003.
265. Тюрки Центральной Евразии: контакты языков и культур // Первый Международный тюркологический конгресс. Насущные проблемы современной тюркологической науки и задачи на будущее. Октябрь 2002. – Туркестан, 2003.
266. Отношение кыргызского языка к прақыпчакскому языку // Түркология. – 2003. – № 5.

2004

267. Синтаксис караимского языка. – М., 2004.
268. О девятой гласной фонеме *ä* в древнетюркских языках рунических памятников и в пратюркском языке // Түркология. – 2004. – № 1.
269. Тюрко-иранские культурно-языковые контакты // Түркология. – 2004. – № 5.

2005

270. Э.Р. Тенишев // Филология. – 2005. – № 4.

271. Тадинова Р.А. Глагольные тюркизмы в кавказских языках / Ред. К.М. Мусаев. – М.: Советский писатель, 2005.

2006

272. Предисловие к книге: Отешева Ж.К. Сағынышым жырыма канат берген. – Кызылорда: Тұмар, 2006.

273. Разделы: Представления о небе, небесных телах и явлениях. Климат. Материальный быт. Одежда. Война. Оружие. Социальная организация. Родство и свойство // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006.

274. Меметов А. Заманевий кырымтатар тили / Ред. К.М. Мусаев. – Симферополь, 2006.

2007

275. О мере сохранения праформ и прасемантики слов в современных тюркских языках // Аспекты алтайского языкознания. Материалы Тенишевских чтений. – 2007.

276. Кыпчаки и пракыпчакский язык // Учен. зап. Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Симферополь, 2007. – Т. 20 (59). – № 5.

277. Буджаклы (Умеров) Э. Актуальность исследования истории крымтатарского государства и права / Ред. К.М. Мусаев. – Симферополь, 2007.

2008

278. Казахский язык. Учебник. – М.: ИВЛ, 2008.

279. О среднекыпчакском литературном языке // Вопросы алтайской филологии. Вып. III. Памяти Э.Р. Тенишева. – М., 2008.

280. Представления тюрков о небе, небесных телах и явлениях // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. – М.: ВЛ, 2008.

281. Представления тюрков о климате // Природное окружение и материальная культура тюркских народов. – М.: ВЛ, 2008.

2009

282. Об этнонимах «саки», «скифы», «этруски» // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. К юбилею А.В. Дыбо. – М.: Тезаурус, 2009.

2010

283. Морфология пракыпчакского языка. – М.: Тезаурус, 2010.

284. О древних названиях предков тюрков // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2010. – № 182.

285. В татарском языке морфология наполовину аналитическая // Ф.А. Ганиев. Избранные статьи. – Казань, 2010.

2017

286. Кыпчакские языки. – М.: Языки народов мира – Тезаурус, 2017.

**In memoriam of Kenesbay Musaevich Musaev
(1931-2020)**

Tadinova Roza Abdulmanapovna – Ph.D. in philology, chief research scientist of the Department of Uralic and Altaic Languages of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: tadinova@inbox.ru.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К.М. МУСАЕВА

П.О. Джамалов

г. Москва

Портрет Кенесбая Мусаевича Мусаева будет неполным, если не осветить организационно-просветительскую составляющую его общественной деятельности.

Судьба свела нас более 30 лет назад, в 1990 г. Годом раньше в Казахской ССР было создано Республиканское общество «Казак тілі», основная деятельность которого была направлена на развитие казахского языка как государственного языка КазССР. Под руководством Кенесбая Мусаевича редакционная комиссия подготовила проект Устава общества, который постановлением № 54 от 12 февраля 1990 г. был одобрен Советом министров Казахской ССР.

Принимая во внимание, что за пределами республики проживает значительное число казахов, с целью популяризации казахского языка и литературы было принято решение об образовании филиалов и отделений республиканского общества в других регионах Советского Союза. Кенесбай Мусаевич привлек к проекту создания общества «Казак тілі» в г. Москва представителей научной интеллигенции, работников образования, казахстанских студентов и аспирантов, обучающихся в московских вузах, и др. Большую организационно-техническую помощь оказали сотрудники Постоянного представительства Казахской ССР при Совете министров СССР, в стенах которого проходили заседания инициативной группы, впоследствии Оргкомитета учредительной конференции.

На учредительной конференции, прошедшей 22 декабря 1990 г., Мусаев Кенесбай Мусаевич был единогласно избран председателем правления Московского общества «Казак тілі». В феврале 1991 г. общество было зарегистрировано органами юстиции. Таким образом, в г. Москва появилась первая казахская общественная этнокультурная организация, обладающая статусом юридического лица.

Будучи заместителем председателя правления, я курировал вопросы научно-технического обмена и сотрудничества, в частности привлечения московских ученых для работы в Казахстане во вновь создаваемые научные учреждения таких направлений как информатика, компьютерное и математическое моделирование и космические исследования.

Джамалов Полат Онерович – кандидат физико-математических наук, сопредседатель Союза некоммерческих организаций по сохранению и развитию казахской этнокультуры, председатель Совета Казахской региональной национально-культурной автономии Москвы (2002–2014 гг.); e-mail: dzhamalov@list.ru

Курултай общества «Қазақ тілі», Москва, 1990 г.

Кенесбай Мусаевич и профессор, доктор биологических наук Олег Шакиртович Джексенбаев, сын первого генерала-казаха Шакирта Джексенбаева, образовали МАКАС – Московскую ассоциацию казахстанских аспирантов и стажеров. Это был неформальный клуб, на заседаниях которого обсуждались актуальные вопросы науки, проводились семинары и конференции, рассматривались вопросы оказания помощи различного характера членам этой организации.

Развал СССР в конце 1991 г. не дал возможности правлению развернуть работу в тех направлениях и объемах, как это было намечено. Ряд важных проектов был заморожен, так как возникла неопределенность планируемой поддержки и содействия со стороны казахстанского Республиканского общества «Қазақ тілі».

В создавшихся условиях было принято решение о создании Московского фонда «Казахская диаспора» как ресурсного центра казахского общественного этнокультурного движения. Вместе с предпринимателями и представителями образованного в 1992 г. молодежного общества казахской культуры «Мурагер» Кенесбай Мусаевич в 1993 г. выступил соучредителем этого фонда. Я был назначен его директором-координатором. Этот шаг позволил обществу «Қазақ тілі» системно продолжить свою культурно-просветительскую деятельность.

В 1994 г. при Комитете общественных и межрегиональных связей города Москвы было образовано Московское межнациональное совещание. Это был консультативно-совещательный орган по вопросам этно-национальной политики, объединяющий руководителей этнокультурных объединений, задачами которого была консолидация этнокультурного потенциала и координация деятельности этнокультурных объединений г. Москва по гармонизации межэтнических отношений.

Будучи членом Комиссии по образованию, Кенесбай Мусаевич принимал активное участие в создании концепции этнокультурного образования, давшей начало созданию в 90-х гг. в московской сети образования школ с этнокультурным компонентом. Это, в частности, дало возможность открытия в школе № 1659 воскресных классов казахского языка, истории и искусства казахского народа. Впоследствии аналогичные казахские классы были открыты в Центре дополнительного межнационального образования.

Выступление К.М. Мусаева на собрании общества «Қазақ тілі», Москва, 1990 г.

Кенесбай Мусаевич был одним из тех, кто стоял у истоков создания Московского дома национальностей. Будучи членом рабочей группы, он активно участвовал в создании концепции и функциональной схемы этого новаторского для Москвы учреждения. При его непосредственном участии в Доме национальностей было проведено немало мероприятий культурно-просветительского характера по различным вопросам тюркского языкознания, культуры и истории казахов.

Большое внимание Кенесбай Мусаевич уделял вопросам укрепления и развития этнокультурного движения казахов России и других стран. Он был участником первого Всемирного курултая казахов в 1992 г., на котором была учреждена Всемирная ассоциация казахов, участвовал также в работе и последующих Курултаев. Привлекался к созданию республиканской программы поддержки зарубежных казахов.

При непосредственном организационном участии Кенесбая Мусаевича в декабре 1996 г. в г. Москва прошла конференция «Казахстан: независимость и евразийское гуманитарное единство», посвященная пятилетию независимости Рес-

публики Казахстан. В работе конференции приняли участие видные ученые из Москвы и Санкт-Петербурга.

Кенесбай Мусаевич участвовал в разработке Концепции национальной политики Российской Федерации и Федерального закона о национально-культурной автономии в России, принятого в 1996 г. Этим законом в российское правовое поле был введен институт общественных организаций, наделенный широкими правами в сфере создания условий для сохранения и укрепления этнокультурной самобытности граждан РФ.

Кенесбай Мусаевич возглавил созданную в 1997 г. Казахскую региональную национально-культурную автономию Москвы. Членами КазРНКА Москвы были известные деятели науки и культуры, такие как доктор исторических наук, профессор Наила Ермухановна Бекмаханова, доктор исторических наук, профессор Искандер Нуртасович Ундасынов, Заслуженный деятель культуры КазССР Татьяна Полтавская и многие другие.

Кенесбай Мусаевич был инициатором и организатором межрегионального форума, прошедшего в 1998 г. в г. Москва, на котором представители двенадцати регионов России обсуждали актуальные вопросы этнокультурного движения казахов. В принятом участниками форума меморандуме, автором которого он является, прозвучал призыв развивать институт национально-культурных автономий в регионах компактного проживания казахов в России.

С целью развития положений, принятых участниками московского форума, в 2000 г. прошло рабочее совещание представителей казахских этнокультурных объединений России, на котором было принято решение о разработке учредительных документов и подготовке учредительного съезда национально-культурной автономии казахов России на федеральном уровне. Кенесбай Мусаевич принимал участие в составлении проекта Устава планируемой федеральной НКА.

К сожалению, загруженность научными делами и состояние здоровья не позволили ему совмещать научную деятельность с общественной и вынудили его в 2002 г. сложить с себя обязанности председателя Совета КазРНКА Москвы и отойти от активного участия в общественной жизни. Однако он остался почетным председателем Совета КазРНКА Москвы, и все последующие годы интересовался нашими делами и помогал своими мудрыми советами.

На моей последней с ним встрече, в марте 2020 г., мы обсуждали вопросы проведения юбилейных мероприятий, посвященных 30-летию образования первого казахского этнокультурного объединения в Москве – Московского общества «Казак тілі» и его грядущего 90-летия.

А в мае его не стало...

K.M. Musayev's public and cultural-educational activity

Polat Onerovich Jamalov – PhD in Physics and Mathematics, co-chairman of the Union of Non-Profit Organizations for the Preservation and Development of Kazakh Ethnoculture, Chairman of the Council of the Kazakh Regional National and Cultural Autonomy of Moscow (2002–2014); e-mail: dzhamalov@list.ru.

**ВКЛАД К.М. МУСАЕВА
В РАЗВИТИЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Ю.В. Псянчин

г. Уфа

Это было тридцать девять лет назад...

Впервые я увидел Кенесбая Мусаевича Мусаева еще в 1982 г., причем дважды. До этого я знал его только заочно, т. е. по его известной монографии «Грамматика караимского языка: фонетика и морфология» [Мусаев 1964]. Названная работа К.М. Мусаева всегда занимала одно из почетных мест в библиотеке моего отца, языковеда-тюрколога Вали Шагалиевича Псянчина, поскольку она сразу же стала библиографической редкостью из-за своей востребованности. Не будет преувеличением сказать, что монография о караимском языке стала классическим образцом подробного описания отдельно взятого тюркского языка. Но об этом чуть позже будет написано более детально.

В мае 1982 г. я заканчивал второй курс башкирско-русского отделения филологического факультета Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября. Именно в это время к нам для чтения ряда спецкурсов по актуальным проблемам тюркского языкознания приехал Кенесбай Мусаевич. Нас заранее предупредили, что к нам едет очень авторитетный и уважаемый лингвист-тюрколог из г. Москвы, представляющий Институт языкознания Академии наук СССР. Дело в том, что заведующий кафедрой башкирского языка нашего университета, доктор филологических наук, профессор Нагим Хажгалиевич Ишбулатов (1928–2006) являлся однокашником К.М. Мусаева по годам обучения в аспирантуре названного научного учреждения в 1952–1955 гг. Он и представил нам нашего гостя, прибавив, что спецкурс в содержательном плане обещает быть очень интересным. В этом плане нам сильно повезло, поскольку Кенесбай Мусаевич посвятил свой спецкурс актуальным вопросам тюркской лексикологии – предмета, который мы как раз тогда изучали. Тогда мы впервые, благодаря К.М. Мусаеву, узнали, что из себя представляют такие аспекты изучения лингвистического материала, как «лексические параллели», «межъязыковые лексические сравнения», «сравнительный анализ диалектной лексики». Буквально через два года, в 1984 г., в одном из двух уфимских магазинов «Академкнига» мне удалось приобрести только что изданную монографию К.М. Мусаева «Лексико-

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологических наук, профессор, ученый секретарь Государственного автономного учреждения Башкирский научно-исследовательский центр по апитерапии и пчеловодству Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан, e-mail: yulayps@yandex.ru.

логия тюркских языков» [Мусаев 1984]. Конечно, отдельные фрагменты этой работы были мне знакомы, но позже я в статусе дипломника при кафедре башкирского языка полностью изучил этот капитальный труд. Получается, что мы, еще будучи студентами-второкурсниками, стали первыми слушателями того материала, который затем вошел в эту его монографию; с течением времени работа стала классикой и является востребованной до сих пор.

Кенесбай Мусаевич запомнился нам в мае далекого уже 1982 г. не только как прекрасный лектор, прочитавший нам глубокие по содержанию лекции, но и как открытый и очень доступный человек, который еще параллельно успел нас ознакомить с историей и культурой своего родного казахского народа. Мы тогда впервые услышали живую казахскую речь. Он также ознакомил нас с историей Института языкознания АН СССР, рассказал о достижениях этого учреждения, его знаменитых ученых. Так поучилось, что через двадцать пять лет, в 1997 г., благодаря великому моему Учителю Эдхаму Рахимовичу Тенишеву и ректору Башкирского государственного педагогического института Эдуарду Шайхулловичу Хамитову я оказался в Отделе урало-алтайских языков Института языкознания РАН в качестве стажера, а с 1 февраля 1998 г. – докторанта.

В том же 1982 г. в г. Уфе, 8–10 сентября состоялась IX Региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Сама конференция по представленному на ней составу и широкой географии участников являлась по сути неофициальной Всесоюзной конференцией [IX Конференция по диалектологии 1982]. Действительно, она стала заметным явлением в истории отечественной тюркологии [Зайнуллин, Шайхулов 1983]. Мы, теперь уже студенты третьего курса, принимали участие в работе конференции в качестве слушателей, стараясь присутствовать на всех секциях. Уже знакомый нам К.М. Мусаев выступил с очень интересным докладом на тему «Об отношении диалектной лексики к тюркским языкам» [Мусаев 1982]. Нам еще раз посчастливилось послушать выступление одного из ведущих ученых-тюркологов того времени.

Далее мы постараемся показать вклад К.М. Мусаева в развитие башкирского языкознания строго в хронологическом порядке. Полагаем, что такой подход поможет осознать масштабность его деятельности в этом направлении.

К.М. Мусаев и башкирское языкознание в 60–80-х гг. XX в.

В 1965 г. К.М. Мусаев издал монографию «Алфавиты языков народов СССР» [Мусаев 1965], посвященную одному из основных направлений языкового строительства. В книге описаны все действовавшие в то время алфавиты народов СССР и представлены они автором строго по группам родственных языков. Более того, автор посчитал правильным объяснить звуковое значение букв. Башкирский язык тогда входил в состав 19 письменных тюркских языков [Мусаев 1965: 28]. Автор уделил особое внимание специфическим фонемам башкирского языка (гласным – *ө, ә, ү*; согласным – *э, з, ң, с, һ*), охарактеризовав их по способам артикуляции [Мусаев 1965: 30–31]. Здесь же представлена таблица «Алфавиты тюркских языков народов СССР» [Мусаев 1965: 32–33], где алфавит башкирского языка был представлен среди многих других. Монография была выпущена под грифом Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности разви-

тия национальных языков в связи с развитием социалистических наций» при Академии наук СССР; ответственным редактором выступил известный отечественный социалингвист, доктор филологических наук Ю.Д. Дешериев (1918–2005).

Без преувеличения можно сказать, что монография стала знаковой для башкирского языкознания. Основные положения работы заключаются в следующем: «Завершение работы по созданию новой системы письменности на русской графической основе стимулировало стабилизацию литературных языков. Процесс стабилизации, совершенствования и нормализация новой системы письменности оказали большую помощь в развитии культуры народов Советского Союза. ... В связи с переходом на новый алфавит на русской графической основе во многих языках урегулированы правила орфографии, что оказало большую помощь при выработке литературных языков» [Мусаев 1965: 74].

В итоге приведенные нами выводы автора помогли группе башкирских языковедов в работе над коллективными монографиями «Очерки истории башкирского литературного языка» [Очерки 1989] и «Башкорт эзэби теленең тарихы» [БТТ 1993], а именно в описании национального этапа развития башкирского литературного языка, где проблема выбора алфавита является одной из основных задач [Очерки 1989: 9, 341; БТТ 1993: 8–9, 205–214].

В 1967 г. советский народ широко отпраздновал 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. К этой дате коллективом Института языкознания АН СССР был издан сборник статей «Советское языкознание за 50 лет. 1917–1967» [СЯ 1967], в котором Кенесбай Мусаевич опубликовал статью «Языковое строительство в тюркских республиках и областях» [Мусаев 1967а: 267–270]. В статье детально и поэтапно представлен весь процесс языкового строительства с 1917 г. по 1967 г., который включал три этапа разработки письменностей в тюркоязычных республиках за указанные 50 лет, т. е. «1) усовершенствование существовавшей арабской графики – 1917–1929 гг.; 2) использование латинской графики – 1929–1940 гг.; 3) использование русской графики – с 1940 г. по сегодняшний день» [Мусаев 1967а: 267], а также описаны процессы создания алфавитов, разработки правил орфографии и работы над терминологией тюркских языков [Мусаев 1967а: 268–269]. В том же году К.М. Мусаев выступил со статьей «Русская графика у народов СССР» на страницах журнала «Русская речь» [Мусаев 1967б: 3–6]. Эти две статьи тоже сыграли свою положительную роль при разработке вопросов истории башкирского литературного языка [Очерки 1989: 9, 341; БТТ 1993: 8–9, 205–214].

В 1973 г. в издательстве «Наука» под грифом Института языкознания АН СССР увидела свет коллективная монография «Орфографии тюркских литературных языков СССР» [ОТЛЯ 1973], ответственным редактором которой выступил К.М. Мусаев. Им также была написана вводно-теоретическая глава «Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий тюркских литературных языков Советского Союза» [Мусаев 1973]. Автором было отмечено следующее: «Фонетико-морфологический принцип лег в основу орфографии тюркских языков на базе арабского алфавита, совершенствованного после Октябрьской революции. Он был официально провозглашен для татарского и башкирского языков в 1924 г. на Втором съезде работников просвещения татаро-башкирских народов России» [Мусаев 1973: 20]. Глава «Орфография башкирско-

го языка» была подготовлена уроженцем Башкортостана, доктором филологических наук А.А. Юлдашевым [Юлдашев 1973].

1976 г. в истории башкирского языкознания занимает особое место, поскольку именно тогда впервые в академическом издательстве «Наука» была напечатана первая монография по диалектологии башкирского языка «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)» [Максютова 1976], принадлежащая перу Максютковой Нажибы Хаерзамановны. Данное исследование составило основу ее докторской диссертации [Максютова 1980], защищенной в 1981 г. в г. Баку в Институте языкознания имени Насими АН АзССР. Ответственным редактором монографии Н.Х. Максютковой явился наш Кенесбай Мусаевич.

В 1986 г. Кенесбай Мусаевич опубликовал на страницах академического журнала «Вопросы языкознания» добротную рецензию на «Русско-башкирский, башкирско-русский словарь общественно-политических терминов» (Уфа, 1984) [Мусаев 1986], который был одобрен к изданию Терминологической комиссией при Президиуме Верховного Совета Башкирской АССР. В рецензии, кроме положительных сторон [Мусаев 1986: 131–134], были указаны и отдельные недочеты [Мусаев 1986: 134], что оказалось только на пользу автору словаря З.З. Абсаямову [Эбсәләмов 1984], ведь автором рецензии выступил ведущий специалист по теории и практике терминологии тюркских языков.

В 1987 г. под руководством К.М. Мусаева целевой аспирант от Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября Л.М. Зайнуллина успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Ономасиологическое исследование лексики пчеловодства в башкирском языке» [Зайнуллина 1987]. В следующем, 1988 г. декан филологического факультета Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября М.В. Зайнуллин при научном консультировании К.М. Мусаева защитил докторскую диссертацию на тему «Функционально-семантическая категория модальности в современном башкирском языке» [Зайнуллин 1987].

Дружеская помощь К.М. Мусаева башкирским коллегам-языковедам в 90-е гг. XX в.

Так получилось, что с легкой руки журналистов общероссийского федерального телеканала «НТВ» 90-е гг. прошлого века окрестили «лихими девяностыми», хотя это не совсем так. Просто для всех нас это десятилетие стало годами испытаний. Одна общественно-политическая формация сменила другую, наступили новые времена. Но, несмотря на трудности, мы научились их преодолевать, поскольку та советская закалка, полученная нами еще с детства, научила нас не пасовать перед трудностями.

В 90-е гг. заработал Диссертационный совет Д 212.013.06 по филологическим наукам (специальности 10.02.02 – Языки народов РФ; 10.01.02 – Литература народов РФ) при Башкирском государственном университете. В 1993 г. К.М. Мусаев выступил первым оппонентом на защите кандидатской диссертации Насимы Фатиховны Суфьяновой на тему «Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка» [Суфьянова 1993]. Далее, в 1996 г. он также продолжил эту добрую традицию в качестве первого оппонента уже на защи-

те докторской диссертации доцента, заведующего кафедрой педагогики и методики начального образования Стерлитамакского государственного педагогического института Карима Гайсеевича Ишбаева на тему «Проблемы словообразовательной системы башкирского языка» [Ишбаев 1996]. В 1998 г. Кенесбай Мусаевич оппонировал Шакурову Рашиту Закировичу при защите его докторской диссертации на тему «Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья» [Шакуров 1998]. В следующем, 1999 г. Кенесбай Мусаевич также поддержал башкирских коллег в качестве первого оппонента на защите докторской диссертации декана факультета башкирской филологии Стерлитамакского государственного педагогического института, профессора Тикеева Даниса Султановича на тему «Исследования по синтаксису простого предложения башкирского языка» [Тикеев 1999].

1993 г. ознаменовался для К.М. Мусаева выходом в свет в г. Алматы в издательстве «Гылым» его монографии «Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР» [Мусаев 1993]. Монография была тепло встречена научной общественностью не только России и Казахстана, но и Башкортостана, ведь в ней традиционно было уделено серьезное внимание и башкирскому языку. Например, особо ценным для нас, представителей лингвистической науки Башкортостана, оказался раздел «Тюркские языки. Алфавиты тюркских языков» главы «Языки народов бывшего СССР и основные типы алфавитов», касающийся истории создания алфавитов нашего языка [Мусаев 1993: 70–71, 86–87, 154–155].

Кенесбай Мусаевич от всей души поддержал проведение I Всемирного курултая (конгресса) башкир, который состоялся 1–2 июня 1995 г. в г. Уфе. Инициаторами созыва этого большого международного форума выступили общественные организации Республики Башкортостан – Башкирский народный центр «Урал», Союз башкирской молодежи, Общество башкирских женщин Республики Башкортостан, Башкирская народная партия, а также тогдашний Президент Республики Башкортостан Муртаза Рахимов, Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан и Кабинет Министров (Правительство) Республики Башкортостан.

К.М. Мусаев на правах почетного гостя этого мероприятия выступил с большим докладом «О проблемах башкирского языкознания» на заседании Комиссии по изучению, преподаванию и сохранению башкирского языка, который затем в переводе на башкирский язык был включен в стенографический отчет и опубликован в издательстве «Китап» в 1998 г. [Мусаев 1998а]. В своем докладе Кенесбай Мусаевич призвал делегатов и гостей I Всемирного Курултая (Конгресса) башкир сделать все возможное для придания башкирскому языку статуса государственного языка и посоветовал начать с терминологии, а именно где-то заняться совершенствованием уже имеющихся терминов, а где-то и создать совершенно новую терминологию [Мусаев 1998а: 242]. Через четыре года, 9 февраля 1999 г. Государственным Собранием – Курултаем Республики Башкортостан был принят Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан», в связи с чем башкирский язык приобрел статус государственного языка [ОЯНРБ 2003: 3, 33–41].

9–13 июня 1997 г. в г. Уфе состоялся Международный конгресс тюркологов, в работе которого приняла участие и большая группа тюркологов из г. Москвы,

костяк ее составили представители Института языкознания РАН. На пленарном заседании с большим докладом на тему «Языковое строительство в тюркских республиках» выступил и Кенесбай Мусаевич. Его доклад был посвящен очень актуальной теме и состоял из нескольких блоков: а) вопросы о языковой ситуации в тюркских союзных республиках бывшего СССР и РСФСР, нынешней России; б) краткая история языкового строительства в бывшем Советском Союзе; в) новые аспекты языкового строительства в тюркских республиках Российской Федерации; г) опасность пантюркизма и тюркофобии; д) национальное самосознание и национальная гордость тюркских народов; е) государственный язык; ж) патриотизм и двуязычие; з) судьба башкирского языка.

Полный текст этого доклада был опубликован в 1998 г. в республиканском общественно-политическом, научно-популярном и художественном журнале «Ватандаш» («Соотечественник») [Мусаев 1998б]. Статья вызвала широкий резонанс научной общественности и получила самые положительные отзывы среди читателей. Более того, она даже помогла ускорить процесс получения башкирским языком статуса государственного языка, так как в ней был прописан весь процесс этого политического решения. Затем, в 2004 г. она была включена в раздел «Доклады пленарного заседания» первого тома трудов Международного конгресса «Тюркология накануне XXI в. (достижения, состояние, перспективы)» [Мусаев 2004а].

Действительно, большая и неоценимая помощь Кенесбая Мусаевича Мусаева помогла нам, башкортостанцам, и в подготовке кадров высшей квалификации, и в получении башкирским языком статуса государственного языка!

Начало XXI в.: наш Кенесбай Мусаевич и мы, башкиры...

В 2000 г. К.М. Мусаев выступил ответственным редактором коллективного труда «Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации» [ФТ 2000]. Его вступительная статья «Проблемы формирования и развития терминологии на языках народов Российской Федерации» [Мусаев 2000] стала программной для башкирских лингвистов.

В том же 2000 г. Кенесбай Мусаевич проделал большую работу в качестве ответственного редактора монографии башкирского лингвиста-тюрколога М.В. Зайнуллина «О сущности и границах языковой модальности: на материале башкирского и других тюркских языков» [Зайнуллин 2000].

В 2001 г. Кенесбаю Мусаевичу исполнилось 70 лет. В связи с этим его давний башкирский друг и близкий коллега, декан факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, профессор М.В. Зайнуллин опубликовал в журнале «Ядкар» Академии наук Республики Башкортостан статью «Корифей отечественной тюркологии» [Зайнуллин 2001].

В мае 2002 г. Кенесбай Мусаевич оппонировал докторскую диссертацию доцента кафедры башкирского и общего языкознания Башкирского государственного университета Усмановой Минсылу Губайтовны на тему «Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка» [Усманова 2002]. Защита прошла на самом высоком уровне и, думается, что это стало возможным в том числе и благодаря глубокому и содержательному выступлению К.М. Мусаева.

В том же 2002 г., с 30 сентября по 2 октября в г. Уфе прошел Фестиваль гуманитарных наук «Уфа–2002». Данный форум состоялся в рамках «Соглашения о сотрудничестве между Кабинетом Министров Республики Башкортостан и Институтом “Открытое общество” (Фонд Сороса)», подписанного 31 октября 2001 г. Одним из значимых мероприятий этого фестиваля стало проведение Международной научной конференции «Межкультурный диалог на Евразийском пространстве: язык и литература в межкультурной коммуникации народов Евразии» [МД 2002]. В сборник материалов конференции была включена статья К.М. Мусаева «Тюркские языки в Центральной Евразии, их контакты» [Мусаев 2002]. Через неделю во время проведения практических занятий по предмету «Введение в тюркологию» мы уже со студентами штудировали эту статью, так как нас заинтересовало само содержание историко-географического термина «Центральная Евразия», а также тюркские народы и их контакты.

В 2017 г. Кенесбай Мусаевич в издательстве «Языки народов мира – ТЭЗАУРУС» опубликовал монографию «Кыпчакские языки» [Мусаев 2017]. Башкирский язык, наряду с татарским языком, рассматривается им в составе раздела «Северокыпчакские языки» [Мусаев 2017: 316–328] главы 3 «Новые (современные живые) кыпчакские языки» [Мусаев 2017: 316–340]. К.М. Мусаев так характеризует данную подгруппу: «Основой северо-западной подгруппы послужил, надо полагать, башкирский язык, сохранивший больше кыпчакских архаических черт в структуре» [Мусаев 2017: 316]. Но самым приятным моментом для нас стал статус нашего языка, который был квалифицирован автором как «язык-миллионер» [Мусаев 2017: 316], так как по статистике 2010 г. 1 152 404 человек уже владели своим родным башкирским языком. Далее он дает полную характеристику фонетике, морфологии, синтаксису и лексике башкирского языка в сравнительном плане с другими языками кыпчакской группы, в основном, с казахским языком [Мусаев 2017: 316–329]. Считаю, именно эта специфика монографии К.М. Мусаева являет собой особый, креативный подход в описании башкирского языка.

**Кенесбай Мусаев – истинный представитель
поколения «шестидесятников»
(вместо заключения)**

Мне довелось знать К.М. Мусаева более 20 лет, а это немалый срок для того, чтобы полноправно высказаться о его человеческих качествах.

Наш Кенесбай Мусаевич остался в моей памяти человеком открытой души и большой доброты. В нем никогда не было высокомерия, чванливости. Он, и как человек, и как ученый, был доступен одинаково всем: от академика до аспиранта.

Но самое главное – всегда был готов прийти на помощь, поддержать в самый ответственный момент того, кто в этом остро нуждался! Так, в сентябре 2000 г., когда я представил свою диссертацию для обсуждения на заседании Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, то первым, кто выступил в качестве эксперта, конечно же, был Кенесбай Мусаевич. Спустя два месяца, 21 ноября того же года состоялась защита моей диссертации, где К.М. Мусаев выступил в прениях и дал высокую оценку моей работе, за что я буду благодарен ему до конца своей жизни!

Кенесбай Мусаевич вел активный образ жизни: увлекался верховой ездой, занимался фотографией, ходил на лыжах, держал домашних животных, занимался дачей. У него было много друзей. Любил путешествовать, часто увлеченно рассказывал о домике в Крыму, где он каждое лето отдыхал со своей супругой Натальей Моисеевной.

Я не раз бывал у них дома, он часто показывал мне свои все новые и новые фотоальбомы, которые представляли собой его «иллюстрированные отчеты» о командировках. Это было очень интересно!

Один из них – это его фотоотчет о пребывании в США в качестве приглашенного профессора. Кенесбай Мусаевич в 90-х гг. дважды выезжал в США для работы в Висконсинском университете в г. Мадисоне, имеющем статус государственного исследовательского вуза, по приглашению известного языковедатюрколога Юлая Шамильоглу.

Другой из них был посвящен его первой командировке в г. Уфа в 1982 г. Я увидел фотографии своих преподавателей – всех членов двух кафедр филологического факультета Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября – башкирского языка и башкирской литературы и фольклора, спустя двадцать лет. По фотографиям Кенесбая Мусаевича можно было изучать не только историю Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, но и историю отечественной тюркологии!

В Башкортостане его несомненно уважали и как человека, и как ученого. На защите, где он выступал в качестве первого оппонента, собиралось очень много людей, чтобы выслушать его мнение. Особенно душевно было на торжественных ужинах после защит, когда Кенесбай Мусаевич пел казахские песни под мелодию курая! Партию курая всегда исполнял член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан И.Г. Галяутдинов.

Также очень теплая обстановка сохранялась и во время домашних обедов и ужинов с участием нашего дорогого гостя Кенесбая Мусаевича. В декабре 1999 г., когда К.М. Мусаев, приехал на защиту докторской диссертации Д.С. Тикеева, мы пригласили его в гости. За пару недель до этого он прилетел из Индии, куда ездил в командировку с академиком РАН Г.Г. Гамзатовым, и увлеченно нам об этом рассказывал, показывая фотографии. После обеда мы продолжили беседу в кабинете. Наш гость сразу же начал рассматривать шкафы с книгами. И был немало удивлен, когда увидел все свои книги, установленные в шкафу рядом с трудами Н.А. Баскакова и Э.Р. Тенишева. Он с улыбкой произнес: «Вот и “Грамматика караимского языка”... Мне приятно, что она выглядит не очень свежо... Значит, часто пользуетесь ею?» Я ответил, что веду два тюркологических курса – «Введение в тюркологию» и «Сравнительную грамматику тюркских языков», поэтому я часто обращаюсь к этой монографии. В моей библиотеке, наряду с трудами многих классиков отечественной тюркологии, занимают почетное место и другие книги с автографами Кенесбая Мусаева.

Кенесбая Мусаевича Мусаева, благодаря его характеру, справедливому и доброму отношению к окружающим, можно и нужно смело отнести к поколению «шестидесятников». Наш дорогой Кенесбай Мусаевич был настоящей личностью! Но самая главная черта характера людей этого поколения – это большая любовь к жизни, огромное уважение к людям. У них ко всем без исключения открытое сердце.

Таким мы его знали, таким мы его и запоем!

Литература

- БТТ 1993 – Башкорт эзби теленең тарихы / Э.Ф. Ишбирзин, И.Ф. Гәләүәтдинов һ.б. – Өфө, Китап, 1993. – 320 б. {History of the Bashkir Literary Language / E.F. İşbirzin/Ishberdin, I.G. Gäläüetdinov et al. – Ufa: Kitap, 1993. – 320 p. (In Bashkir.)}
- Зайнуллин 1987 – Зайнуллин М.В. Функционально-семантическая категория модальности в современном башкирском языке: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.06. – Алма-Ата, 1987. – 381 с. {M.V. Zaynullin. Functional and Semantic Category of Modality in Modern Bashkir Language: Ph.D. thesis: 10.02.06. – Alma-Ata, 1987. – 381 p.}
- Зайнуллин 2000 – Зайнуллин М.В. О сущности и границах языковой модальности: на материале башк. и др. тюрк. яз. / Отв. ред. К.М. Мусаев. – Уфа: Мир печати, 2000. – 292 с. {M.V. Zaynullin. On the Essence and Boundaries of Linguistic Modality: On the Material of the Bashkir and Other Turkic Languages / Ed. by K.M. Musayev. – Ufa: Mir pechati, 2000. – 292 p.}
- Зайнуллин 2001 – Зайнуллин М.В. Корифей отечественной тюркологии (к 70-летию К.М. Мусаева) // Ядкарь. – № 2. – С. 157–159. {M.V. Zaynullin. Coryphaeus of Russian Turkology (to the 70th Anniversary of K.M. Musayev) // Yadkar. – No. 2. – PP. 157–159.}
- Зайнуллин, Шайхулов 1983 – Зайнуллин М.В., Шайхулов А.Г. IX Конференция по диалектологии тюркских языков: тез. докл. и сообщ. / АН СССР, БФ. – Уфа, 1982. – 166 с. {M.V. Zaynullin, A.G. Shaykhulov. The IXth Conference on Dialectology of Turkic Languages: Abstracts of Lectures and Reports / The Academy of Sciences of the USSR, The Bashkir Department. – Ufa, 1982. – 166 p.}
- Зайнуллина 1987 – Зайнуллина Л.М. Ономастологическое исследование лексики пчеловодства в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – М., 1987. – 25 с. {L.M. Zaynullina. Onomasiological Study of Beekeeping Vocabulary in the Bashkir Language: Ph.D. diss. abstract: 10.02.06. – Moscow, 1987. – 25 p.}
- Ишбаев 1996 – Ишбаев К.Г. Проблемы словообразовательной системы башкирского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02 – Уфа, 1996. – 37 с. {K.G. Ishbayev. Problems of the Word-Formation System of the Bashkir Language: Ph.D. diss. abstract: 10.02.02. – Ufa, 1996. – 37 p.}
- Максютова 1976 – Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении) / Отв. ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1976. – 292 с. {N.Kh. Maksyutova. Eastern Dialect of the Bashkir Language (in Comparative and Historical Coverage) / Ed. by K.M. Musayev. – Moscow: Nauka, 1976. – 292 p.}
- МД 2002 – Межкультурный диалог на Евразийском пространстве: язык и литература: матер. международной научной конференции, Уфа, 30 сентября – 2 октября 2002 г. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 240 с. {Intercultural Dialogue in the Eurasian Space: Language and Literature: Materials of the International Scientific Conference, Ufa, September 30 – October 2, 2002. – Ufa: RIO BashGU, 2002. – 240 p.}
- Мусаев 1964 – Мусаев К.М. Грамматика караимского языка: фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. – 334 с. {K.M. Musayev. Grammar of the Karaite Language: Phonetics and Morphology. – Moscow: Nauka, 1964. – 334 p.}
- Мусаев 1965 – Мусаев К.М. Алфавиты языков народов СССР. – М.: Наука, 1965. – 87 с. {K.M. Musayev. Alphabets of Languages of Peoples of the USSR. – Moscow: Nauka, 1965. – 87 p.}
- Мусаев 1967а – Мусаев К.М. Языковое строительство в тюркских республиках и областях // Советское языкознание за 50 лет. 1917–1967: Сборник статей / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1967. – С. 267–270. {K.M. Musayev. Language Construction in the Turkic Republics and Regions // Soviet linguistics for 50 years. 1917–1967: Collection of articles / Ed. by corresponding member of the USSR Academy of Sciences F.P. Filin. – Moscow: Nauka, 1967. – PP. 267–270.}
- Мусаев 1967б – Мусаев К.М. Русская графика у народов СССР // Русская речь. – № 2. – С. 3–6. {K.M. Musayev. Russian Graphics among the Peoples of the USSR // Russian speech. – No. 2. – PP. 3–6.}
- Мусаев 1973 – Мусаев К.М. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий тюркских литературных языков Советского Союза // Орфографии тюркских литературных языков СССР / Отв. ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1973. – С. 4–48. {Musayev K.M. Issues of the Development and Further Improvement of the Spelling of the Turkic Literary Languages of the Soviet Union // Spelling in the Turkic literary languages of the USSR / Ed. by K.M. Musayev. – Moscow: Nauka, 1973. – PP. 4–48.}

- Мусаев 1982 – *Мусаев К.М.* Об отношении диалектной лексики к тюркским языкам // IX Конференция по диалектологии. Тезисы докл. и сообщ. – Уфа, 1982. – С. 87–88. {*K.M. Musayev. On the Relationship of Dialect Lexicon to the Turkic Languages // The IXth Conference on dialectology. Abstracts and messages. – Ufa, 1982. – PP. 87–88.*}
- Мусаев 1984 – *Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1984. – 228 с. {*K.M. Musayev. Lexicology of Turkic Languages / Ed. by A.A. Yuldashev. – Moscow: Nauka, 1984. – 228 p.*}
- Мусаев 1986 – *Мусаев К.М., Әбсәлямов З.З.* Русса-башкортса, башкортса-русса терминдар һүзлере. Өфө, 1984 (рецензия) // Вопросы языкознания. – № 2. – С. 131–135. {*K.M. Musayev, Z.Z. Absalamov. The Russian-Bashkir, and Bashkir-Russian Dictionary of Terminology. Ufa, 1984 (review) // Issues of linguistics. – No. 2. – PP. 131–135.*}
- Мусаев 1993 – *Мусаев К.М.* Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). – Алматы: Гылым, 1993. – 242 с. {*K.M. Musayev. Languages and Alphabets of the Peoples of Eurasia (Region of the Former USSR). – Almaty: Ghylym, 1993. – 242 p.*}
- Мусаев 1998а – *Мусаев К.М.* О проблемах башкирского языкознания // Первый Всемирный курултай башкир. 1–2 июня 1995 г. Стенографический отчет. – Уфа: Китап, 1998. – С. 424–425. {*K.M. Musayev. On the Problems of Bashkir Linguistics // The First World Kurultai of the Bashkirs. June 1–2, 1995. Verbatim record. – Ufa: Kitap, 1998. – PP. 424–425.*}
- Мусаев 1998б – *Мусаев К.М.* Языковое строительство в тюркских республиках // Ватандаш (Соотечественник). – № 5. – С. 165–171. {*K.M. Musayev. Language Construction in the Turkic Republics // Vatandash (The Compatriot). – No. 5. – PP. 165–171.*}
- Мусаев 2000 – *Мусаев К.М.* Проблемы формирования и развития терминологии на языках народов Российской Федерации // Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации и СНГ. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 7–34. {*K.M. Musayev. Problems of the Formation and Development of Terminology in the Languages of the Peoples of the Russian Federation // Formation of terminology in the titular languages of the republics of the Russian Federation and the CIS. – Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2000. – PP. 7–34.*}
- Мусаев 2002 – *Мусаев К.М.* Тюркские языки в Центральной Евразии, их контакты // Межкультурный диалог на Евразийском пространстве: язык и литература в межкультурной коммуникации народов Евразии: матер. международной научной конференции. Уфа, 30 сентября – 2 октября 2002 г. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 134–137. {*K.M. Musayev. Turkic Languages in Central Eurasia, and Their Contacts // Intercultural dialogue in the Eurasian space: language and literature in intercultural communication of the peoples of Eurasia: date of the International Scientific Conference. Ufa, September 30 – October 2, 2002. – Ufa: RIO BashGU, 2002. – PP. 134–137.*}
- Мусаев 2004а – *Мусаев К.М.* Языковое строительство в тюркских республиках // Тюркология накануне XXI века. Достижения, состояние, перспективы: труды междунар. конгресса: в 2 т. – Т. II / Отв. ред. Р.И. Нигматулин. – Уфа: Гилем, 2004. – С. 40–54. {*K.M. Musayev. Language Construction in the Turkic Republics // Turkology on the eve of the 21st century. Achievements, state, prospects: proceedings of the international congress: in 2 volumes. – Vol. II / Ed. by R.I. Nigmatulin. – Ufa: Ghilem, 2004. – PP. 40–54.*}
- Мусаев 2004б – *Мусаев К.М.* Синтаксис караимского языка. – М.: Гуманитарий, 2004. – 347 с. {*K.M. Musayev. Syntax of the Karait Language. – Moscow: Gumanitariy, 2004. – 347 p.*}
- Мусаев 2017 – *Мусаев К.М.* Кыпчакские языки / Отв. ред. А.В. Дыбо. – М.: Языки народов мира – ТЕЗАУРУС, 2017. – 424 с. {*K.M. Musayev. Kypchak Languages / Ed. by A.V. Dybo. – Moscow: Languages of the peoples of the world – TEZAURUS, 2017. – 424 p.*}
- ОЯНРБ 2003 – О реализации закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» / Авт.-сост. *Ф.Г. Хисамитдинова.* – Уфа: Гилем, 2003. – 80 с. {*On the Implementation of the Law of the Republic of Bashkortostan «On the Languages of Peoples of the Republic of Bashkortostan» / Comp. by F.G. Khisamitdinova. – Ufa: Ghilem, 2003. – 80 p.*}
- ОТЛЯ 1973 – Орфографии тюркских литературных языков СССР / Отв. ред. К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1973. – 300 с. {*Orthography Rules of Turkic Literary Languages of the USSR / Ed. by K.M. Musayev. – Moscow: Nauka, 1973. – 300 p.*}
- Очерки 1989 – Очерки истории башкирского литературного языка / *Э.Ф. Ишбердин, Р.Х. Халикова, И.Г. Галяутдинов, З.Г. Ураксин.* – М.: Наука, 1989. – 254 с. {*Essays on the History of Bashkir*

- Literary Language / *E.F. Ishberdin, R.Kh. Khalikova, I.G. Galyautdinov, Z.G. Uraksin*. – Moscow: Nauka, 1989. – 254 p.}
- СЯ 1967 – Советское языкознание за 50 лет. 1917–1967: сборник статей / Отв. ред. *Ф.П. Филин*. – М.: Наука, 1967. – 427 с. {Soviet Linguistics for 50 years. 1917–1967: Collection of Articles / Ed. by *F.P. Filin*. – Moscow: Nauka, 1967. – 427 p.}
- Суфьянова 1993 – *Суфьянова Н.Ф.* Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Уфа, 1993. – 21 с. {*N.F. Sufyanova*. The Problem of Polysemy in the Bashkir Language and its Lexicographic Development: Ph.D. diss. abstract: 10.02.02. – Ufa, 1993. – 21 p.}
- Тикеев 1999 – *Тикеев Д.С.* Исследования по синтаксису простого предложения современного башкирского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02. – Уфа, 1999. – 58 с. {*D.S. Tikeyev*. Research on the Syntax of a Simple Sentence in Modern Bashkir Language: Ph.D. diss. abstract: 10.02.02. – Ufa, 1999. – 58 p.}
- Усманова 2002 – *Усманова М.Г.* Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02. – Уфа, 2002. – 52 с. {*M.G. Usmanova*. Functional and Semantic Classification of Bashkir Verbs: Ph.D. diss. abstract: 10.02.02. – Ufa, 2002. – 52 p.}
- ФТ 2000 – Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации и СНГ / Отв. ред. *К.М. Мусаев*. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – 203 с. {Formation of Terminology in the Titular Languages of the Republics of the Russian Federation and the CIS / Ed. by *K.M. Musayev*. – Moscow: Institute of Linguistics of the RAS, 2000. – 203 p.}
- Шакуров 1998 – *Шакуров Р.З.* Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02. – Уфа, 1998. – 81 с. {*R.Z. Shakurov*. Historical, Stratigraphic and Areal Study of the Bashkir Toponymy of the Southern Urals and the Cis-Urals: Ph.D. diss. abstract: 10.02.02. – Ufa, 1998. – 81 p.}
- Юлдашев 1973 – *Юлдашев А.А.* Орфография башкирского языка // Орфографии тюркских литературных языков СССР / Отв. ред. *К.М. Мусаев*. – М.: Наука, 1973. – С. 76–90. {*A.A. Yuldashev*. Orthography of the Bashkir Language // Orthography of Turkic Literary Languages of the USSR / Ed. by *K.M. Musayev*. – Moscow: Nauka, 1973. – PP. 76–90.}
- Әбсәләмов 1984 – *Әбсәләмов З.З.* Русса-башкортса, башкортса-русса ижтимағи-сәйәси терминдар һүзлеге / Русско-башкирский, башкирско-русский словарь общественно-политических терминов / Отв. ред. *З.Ф. Ураксин*. – Өфө: Башк. кит. нәшр., 1984. – 160 б. {*Z.Z. Äbsälâmov*. Russian-Bashkir, Bashkir-Russian Dictionary of Socio-Political Terms / Ed. by *Z.G. Uraqsin*. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1984. – 160 p.}
- IX Конференция по диалектологии 1982 – IX Конференция по диалектологии тюркских языков: тез. докл. и сообщ. / АН СССР, БФ. – Уфа, 1982. – 166 с. {The IXth Conference on Dialectology of Turkic Languages: Abstracts of Lectures and Reports / The Academy of Sciences of the USSR, The Bashkir Department. – Ufa, 1982. – 166 p.}

**K.M. Musaev's contribution to development of Bashkir linguistics
(to the 90th anniversary)**

Yu.V. Pсяnchin

Ufa

Yulai Valievich Pсяnchin – Ph.D. in philology, professor, scientific secretary of the State Autonomous Institution Bashkir Research Centre for Apitherapy and Beekeeping, Ministry of Agriculture of the Republic of Bashkortostan, Ufa, e-mail: yulayps@yandex.ru.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

К СИНТАКСИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИМЕННЫМ СКАЗУЕНЫМ В ОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО НА «*ЁЙ-Э ИШОРАТ*» В ПРОЗЕ АЛИШЕРА НАВОИ

С. Аширбаев

г. Ташкент (Узбекистан)

Резюме: Синтаксис прозаических произведений Алишера Навои остается малоизученным. Это связано с несколькими причинами. Одной из них является заимствование лексических и грамматических элементов из персидского и арабского языков. Как известно, произведения великого поэта с одной стороны, отражают язык узбекского народа, но с другой стороны, согласно требованиям художественной традиции того времени, они должны были быть написаны в возвышенном стиле, что открывало дорогу арабским и персидским заимствованиям. Несомненно, эти элементы усложнили язык Алишера Навои и, в том числе, его синтаксис. К таким элементам относится форма на «*ёй-э ишорат*» – определенная форма. Именное сказуемое на «*ёй-э ишорат*» в предложении часто употребляется однородно. Форма «*ёй-э ишорат*» – это специфическая форма персидского языка, которая в языке-источнике противопоставляется форме «*ёй-э накаре*», т. е. неопределенной форме. «*Ёй-э ишорат*» как грамматическая форма также является абстрактной, поэтому она постоянно сопровождается постпозиционными, т. е. инверсионными определениями или другими синтаксическими группами. В ходе исследования было установлено, что при однородном употреблении каждое сказуемое с использованием «*ёй-э ишорат*» имеет при себе или инверсионное определение, или вставочную конструкцию, в результате чего структура предложения усложняется. Это наблюдается и в простом, и в сложном предложениях. В данной статье анализируются простые предложения с именным сказуемым на «*ёй-э ишорат*». Отмечается, что такие осложненные простые предложения переводятся на русский или другие языки, в основном, в форме сложного предложения или несколькими предложениями.

Ключевые слова: Алишер Навои, ритмизованная проза, поэзия, литература, подлежащее, именное сказуемое, инверсионное определение, пояснительные конструкции, вставочные конструкции, определенная форма, синтаксическая группа, осложненные простые предложения, сложные предложения.

Вводные замечания

В истории культуры и науки тюркских народов яркая личность Алишера Навои – великого поэта Средневековья, знатока поэтики, мыслителя, одного из образованнейших людей своего времени, мецената, крупного государственного деятеля – занимает видное место [Насилов 1981: 143].

Отличное знание персидского языка позволило Алишеру Навои мастерски использовать лексические и грамматические элементы этого языка в процессе работы над своими произведениями. Временами он заимствовал и структуру выражений, присущих персидскому языку [Боровков 1946: 97; Щербак 1962: 36]. Одним из таких грамматических элементов является «*ёй-э иишорат*» (определенная форма).

О морфологической природе грамматического элемента «*ёй-э иишорат*» в произведениях Алишера Навои мы находим подробные сведения в работах профессора А. Рустамова. Известно, что «*ёй-э иишорат*» в древнеперсидском языке был самостоятельным словом – указательным местоимением, имевшим вначале форму *айта*, однако в процессе развития персидского языка она подверглась значительным фонетическим изменениям и в дальнейшем трансформировалась в *ى* (ёй / т. е. графически – буква *йа*) [Рустамов 1962: 224]. Данная форма позже была названа «*муайян ҳолат*» (определенное обстоятельство) [Абдурахмонов, Рустамов 1984: 83].

Необходимым атрибутом «*ёй-э иишорат*» в староузбекском письме является собственно *ى* (ёй), при этом этот показатель постоянно имел место в структуре слова (ср. с обозначением *изафета* персидского, который не всегда имеет свой показатель [Абдусаматов 1971: 77], например, *کوهى دور* ‘эта жемчужина’, *پادشاهى دور* ‘этот царь’. В арабописьменных текстах графическими носителями «*ёй-э иишорат*» могут служить слова с конечным гласным, передаваемым через *ه/ا* (э/ä), а также содержащие знак *ء* (хамза). Например, *شوله دور* ‘это сияние’, *صاعقه دور* ‘эта молния’. Атрибут формы «*ёй-э иишорат*» в применяемой здесь транслитерации и тюркологической транскрипции¹ на основе латиницы передается посредством *i*.

Какое бы формальное значение она ни получала, важен тот факт, что за «*ёй-э иишорат*» в составе предложения обязательно следует аффикс-связка *-dur* или, иногда, слово-связка *erdi*, а именное составное сказуемое на «*ёй-э иишорат*» сопровождается обособленными пояснительными членами, присоединенными путем инверсии. Однако эта инверсия является не произвольной, а закономерной, специфической для прозы Алишера Навои. «*Ёй-э иишорат*» может употребляться как именная часть составного сказуемого, где выступает для передачи основного лексического значения: *Ul pādšāh-i: erdi, bayājat zebāroj va xušxoj, adālat va āzarm pešā qildī* (ТМА 57)². ‘Он был таким царем, красивым и жизнерадостным, оказывал милосердие’. В данном случае слово *pādšāh-i*: входит в состав составного сказуемого. Это сказуемое сопровождается конструкцией *bayājat zebāroj va xušxoj* ‘красивый и жизнерадостный’.

Характерно и то, что обычно словоформа на «*ёй-э иишорат*» в предложениях, выполняя функцию сказуемого, имеет при себе несколько обособленных инвер-

¹ В статье использована модифицированная тюркологическая латиница.

² Все примеры приводятся по [Источники].

сионных членов и обособленных развернутых пояснительных конструкций. Некоторые из них составляют словосочетания предикативной модели. В подавляющем большинстве случаев именное сказуемое на «*ёй-э ишорат*» употребляется как однородный член предложения. При этом простое предложение, естественно, усложняется. Следует сказать, что существует мнение о том, что это не является закономерным для сказуемого [Нигматов, Абдуллаев, Банару, Махмудов, Мухамедова, Нурмонов 1984: 7], но автор данной статьи не согласен с таким мнением.

1. Типы употреблений словоформы на/с «*ёй-э ишорат*» в функции сказуемого

1.1. Надо отметить, что словоформа на «*ёй-э ишорат*» выполняет функцию сказуемого в составе как простого, так и сложного предложения. По этой причине прежде, чем приступить к анализу особенностей таких предложений в структурном плане, необходимо определить их принадлежность к простым или сложным предложениям. Здесь прежде всего нужно выделить предикативное ядро предложения [Виноградов 1975: 284]. Например, нижеследующее предложение, хотя оно и усложнено, мы относим к простому: *Šäriat žādä-i:-dur, tuz anda xäh kečä jüzi, xäh kündüz, sirät-i:-dur bayājat mustaqim, anda az jiqmaqtiñ ne vahm-y ne bijm* (МҚ ІЗЗ). 'Шариат – такая дорога, где все спокойно и днем, и ночью, это такой мост чрезвычайно крепкий, оттуда упасть не тревожит и нет страха. – А.С.'. На первый взгляд рассматриваемое предложение кажется сложным, однако все формы слов в данной синтаксической конструкции группируются вокруг одного подлежащего и двух сказуемых. В нем подлежащим является *šäriat*, а *žādä-i:-dur* 'такая дорога' и *sirät-i:-dur* 'такой мост' – сказуемые, и вместе они составляют предикативное ядро предложения. Второе сказуемое синтаксической конструкции сопровождается инверсионным определением и обособленной пояснительной конструкцией в виде словосочетания предикативной модели [Мадаминов 1983: 8]. В вышеприведенном примере обособленной пояснительной конструкцией относительно к сказуемому *žādä-i:-dur* является конструкция *tuz anda xäh kečä jüzi, xäh kündüz* 'где все спокойно и днем и ночью', а относительно к сказуемому *sirät-i:-dur* – конструкция *anda az jiqmaqtiñ ne vahm-y ne bijm* 'оттуда упасть не тревожит и нет страха'. Анализ предложения дает возможность считать его сложным, так как обе обособленные пояснительные конструкции созданы путем построения словосочетания по предикативной модели и имеют законченную интонацию, но последняя не является той интонацией, которая составляет один из основных признаков предложения, а представляет собой понижающуюся интонацию, присущую вводным словам и вводным конструкциям. Кроме того, это предложение можно перестроить и таким образом: *Šäriat žādä-i:-dur, sirät-i:-dur*. Оно определенно указывает, хотя и очень абстрактно, на наличие полного высказывания. Иллюстрацией к сказанному может послужить нижеследующий пример: *Işq axtar-i:-dur duraxşanda va başariat közi nur-u zijäsi andin va gühär-i:-dur raxşanda, insānijat tažiniñ zeb-u bahāsi andin, mehr-i:-dur tāli', mahzun xātirlar xāristāni andin gülsän va bādr-i:-dur lāmi', tijrä köñüllär shabistani andin ravšan, bāhr-i:-dur väsi', har igrāmi jüz aql-u huş kemasin čumuryan va tay-i:-dur rafı', har*

tīyī(nīñ – A.S.) zuhd-u taqvā bašīnī uʿurūyan, šu'la-i:-dur sozanda, xāšāki küb žān-u köñül bolyan va barq-i:-dur furuzanda, küb žān-u köñül āši'āsi kül qilyan, aždahā-i:-dur xunxār, ālamnī dām bilā tartmaq aña kām, pādšāh-i:-dur qahhār, kāmī har dām ālam ahlīya qatl-i ām va har nečā zulm qilyan sāji aña usanmaq joq va har nečā qān qilyan saji aña qanmaq joq, sāiqa-i:-dur aql-u din xīrmanīn küjdürgüči va sarsar-i:-dur, alarnīñ külün kökka savurūči (МҚ 90). 'Любовь – это сияющее светило, от которого исходит ясность и свет людских очей, блестящий жемчуг, дарящий красоту и ценность венцам людей; это восходящее солнце, которое сердце, заросшее колючим кустарником печали, в цветник обращает светящаяся луна, которая темную опочивальню души освещает, это обширное море, каждый миг водоворота которого топят сотни кораблей разума и просветления, высокая гора, каждый камень которой сносит голову благочестия и праведного служения; это жгучее пламя, в котором пылает сердце, сверкающая молния, от которой душа страдает без конца; это кровожадный дракон, высасывающий кровь людей, словно вампир, грозный царь, разрушающий весь мир. Тот не напьется кровью, сколько бы ни пил, этот не довольствуется кровью, сколько бы ни лил. Любовь – это удар молнии, сжигающий гумно разума и веры, эта буря, разносящая по миру его пепел' [Навои 1970: 65]³.

Словоформы *axtar-i:-dur, gühār-i:-dur, mehr-i:-dur, bādr-i:-dur, bāhr-i:-dur, toy-i:-dur, šu'la-i:-dur, barq-i:-dur, aždahā-i:-dur, pādšāh-i:-dur, sāiqa-i:-dur, sarsar-i:-dur* в данном предложении выполняют функции однородных сказуемых, которые выражают признак подлежащего, обозначаемого абстрактным существительным *išq* 'любовь'. Иногда обособленные конструкции вводятся сказуемым на «ёй-э *ишорат*» с помощью подчинительного союза *-kim/ki*: *Qanāat čāšmā-i:-dur kim, suji ālmaq bilā qurumas va maxzan-i:-dur kim, naqdi sepāmāk bilā öksümäs...* (МҚ 74) 'Довольство малым – это родник, вода в котором не иссякает, сколько бы ее не брали; это казна, в которой монеты не кончаются, сколько бы их не раздавали'. Из того сокращенного нами предложения, взятого в качестве примера, видно, что в функции подлежащего выступает *qanāat* 'довольство малым', а сказуемым является *čāšmā-i:-dur* 'родник' и *maxzan-i:-dur* 'казна', к которым присоединяются обособленные пояснительные конструкции с помощью союза *-kim*. Но это не дает нам право считать указанные конструкции сложным предложением, где присутствуют предикативные отношения, вводимые с помощью союза *-kim*, так как в староузбекском литературном языке, в частности, в языке прозы Алишера Навои, грамматические функции служебного слова *-kim* чрезвычайно широки. Подчинительный союз *-kim* является не только средством связи главного и придаточного предложений, но и показателем наличия в предложении обособленных и вставочных конструкций, подчеркивая их семантическую целостность с поясняемым членом предложения [Аширбаев 1990: 250].

1.2. Словоформа на «ёй-э *ишорат*» может выступать в функции сказуемого бессоюзного сложносочиненного предложения: *Fasiq ālim dānišvār-i:-dur, öz nafsīya zālīm, yaniji baxil nādān-i:-dur öz zijāniya muxajjal* (МҚ 121). 'Развратный ученый – это человек знающий, который сам себя угнетает, скупой богач – это

³ Переводные примеры взяты нами из 10-го тома сочинений Алишера Навои, осуществленного А. Рустамовым.

человек несведущий, который сам себя пытается'. Предикативные ядра каждого компонента сложносочиненного предложения составляют: *Fasiq ālim dānišvār-i:-dur* 'развратный ученый – это человек знающий' и *yaniji baxil nādān-i:-dur* 'скупой богач – это человек несведущий'. Функцию обособленных конструкций выполняют: *öz nafsīya zālim* 'сам себя угнетает' и *öz zijāniya muxajjal* 'сам себя пытается'.

1.3. Словоформа на «ёй-э *ишорат*» может выступать в функции сказуемого придаточного предложения бессоюзного сложноподчиненного предложения: *Agar muqri lavand-i:-dur bādāvāz va gülxand-i:-dur lahnī nāsāz, bādāni vuzu qajdidin nāpāk-u huši vaqt ri'ājatidin bebāk, ruhi tāat zavqidin bexabar va ūni savtul-xamirdin ānkār, man' va nahj tufrayin ayzīya urmaq avlā, balki tāq jā minardin ani uçurmaq avlā* (МК 34). 'Если муэдзин нерадив, с голосом скверным, если он лентяй, с напевом неверным, если тело его осквернено и он нечистоплотен, а разум его не склонен к благочестию, если нет у него вкуса к богослужению и голос его хуже крика осла, заткнуть ему глотку землей лучше всего, а может быть, стоит даже с минарета сбросить его'. Подлежащим в этом условном придаточном предложении является слово *muqri* 'муэдзин', сказуемыми – *lavand-i:-dur* 'такой нерадивый', *gülxand-i:-dur* 'такой лентяй', а *bādāvāz* 'скверный голос' – инверсионным определением относительно к сказуемым *lavand-i:-dur* и *gülxand-i:-dur*, предикативные конструкции *lahnī nāsāz, bādāni vuzu qajdidin nāpāk-u huši vaqt ri'ājatidin bebāk, ruhi tāat zavqidin bexabar va ūni savtul-xamirdin ānkār* 'если тело его осквернено и он нечистоплотен, а разум его не склонен к благочестию, если нет у него вкуса к богослужению и голос его хуже крика осла' – обособленными, которые поясняют и конкретизируют сказуемое. Главное предложение состоит из сложносочиненных предложений: *man' va nahj tufrayin ayzīya urmaq avlā, balki tāq jā minardin ani uçurmaq avlā* 'заткнуть ему глотку землей лучше всего, а может быть, стоит даже с минарета сбросить его'. Эти два предложения главного компонента сложноподчиненного предложения с синтаксической точки зрения равны, но второе – логическое продолжение первого, т. е. второе предложение подчеркивает, усиливает семантику первого. Об этом свидетельствует и находящийся между ними союз *balki*. Как известно, противительный союз *balki* в данном значении в старорусском языке употребляется довольно часто [Абдурахмонов 1974: 34].

2. Типы компонентов сказуемых с «ёй-э *ишорат*»

Теперь нам хотелось бы остановиться на сказуемых с «ёй-э *ишорат*» в тех компонентах, которые их поясняют. В зависимости от того, как поясняющие компоненты употребляются со сказуемым, т. е. контактно или дистантно, от структуры постпозиционных определений и пояснительных вставочных конструкций, а также от их семантико-грамматических особенностей их можно охарактеризовать следующим образом:

2.1. Сказуемое на «ёй-э *ишорат*» употребляется с контактным инверсионным определением, напоминающим по своим особенностям тип обособленного определения на примере: ... *āvāziy tosiqlärni aydaradi – terān, zārbdār, qudrätli* ... 'твой голос свернет все переграды – глубокий, сильный, могучий' (Джамбул) из более близкого к нам по времени языка [Абдурахманов 1971: 143]. Подобные инверсионные определения встречаются часто и в прозе Алишера Навои. К та-

ким инверсионным определениям мы относим следующие сочетания: *axtar-i:-dur duraxšanda* ‘светило сияющее’, *gühär-i:-dur raxšanda* ‘жемчуг блестящий’, *mehr-i:-dur tāli* ‘солнце восходящее’, *bādr-i:-dur lāmī* ‘луна светящаяся’, *bāhr-i:-dur väsi* ‘море обширное’, *taγ-i:-dur rafi* ‘гора высокая’, *šu'la-i:-dur sozanda* ‘пламя жгучее’, *barq-i:-dur furuzanda* ‘молния сверкающая’, *aždahā-i:-dur xunxār* ‘дракон кровожадный’, *pādšāh-i:-dur qahhār* ‘царь грозный’. Здесь, на первый взгляд, нам кажется, что следующие за «*ёй-э ишорат*» обособленные определения являются атрибутивными определениями (т. е. не обособленными) и подвергающимися инверсии, но если следовать этой логике, то в староузбекском языке (под влиянием персидского языка) компоненты этих сочетаний связывались бы между собой с помощью *изафета* [Расторгуева 1953: 647; Абдуллаев, Юсупов 1984: 20] и отсутствовала бы связка *-dur*. Однако сочетания, приведенные нами выше в качестве примера, не являются *изафетными*, так как *изафетные* сочетания в письменных памятниках узбекского языка, как и в персидско-таджикском языке, могут оказаться нулевыми. Поэтому вышеприведенные примеры мы не можем отнести к атрибутивным словосочетаниям.

2.2. Обособленный причастный оборот в постпозиции может также способствовать пояснению сущности сказуемого на «*ёй-э ишорат*»: ... *sāiqa-i:-dur aql-u din xīrmanīn küjdürgüci va sarsar-i:-dur, alarniñ külün kökkä savuryçi* ‘(любовь –) это удар молнии, сжигающий гумно разума и веры, эта буря, разносящаяся по миру его пепел. – *Р.А.*’.

2.3. Сказуемое на «*ёй-э ишорат*» может выступать с простым инверсионным определением и с развернутым обособленным словосочетанием предикативной модели: ... *mehr-i:-dur tāli*, *mahzun xātīrlar xārīstani andin gülsän va bādr-i:-dur lāmī, tijrā köñüllār shabīstani andin ravšan* (МК 90) ‘это восходящее солнце, которое сердце, заросшее колючим кустарником печали, в цветник обращает, светящаяся луна, которая темную опочивальню души освещает’. В тех сочетаниях компоненты *tāli* ‘восходящий’ и *lāmī* ‘светящий’ вместе с обособленными конструкциями *mahzun xātīrlar xārīstani andin gülsän* ‘заросшее колючим кустарником печали, в цветник обращает’, *tijrā köñüllār habīstani andin ravšan* ‘(луна, которая) темную опочивальню души освещает’ поясняют и еще более конкретизируют значение сказуемого, представленного словами *mehr-i:-dur* ‘это солнце’, *bādr-i:-dur* ‘это луна’.

2.4. Сказуемое на «*ёй-э ишорат*» может выступать и с простым, и с развернутым инверсионным определением, а также и с вводной конструкцией: ... *pādšāh-i:-dur qahhār, kāmī har dam ālam ahlīya qatl-i ām va har nečā zulm qīlyan sāi aña usanmaq joq va har nečā qān qīlyan saji aña qanmaq joq* ‘грозный царь, разрушающий весь мир, тот не напьется кровью, сколько бы ни пил, этот не довольствуется кровью, сколько бы ни лил’, где помимо простого обособленного определения *qahhār* ‘грозный’ присутствует и конструкция предикативной модели *kāmī har dam ālam ahlīya qatl-i ām* ‘разрушающий весь мир’, и вводная конструкция типа сложносочиненного предложения: *har nečā zulm qīlyan sāi aña usanmaq joq va har nečā qān qīlyan saji aña qanmaq joq* ‘тот не напьется кровью, сколько бы ни пил, этот не довольствуется кровью, сколько бы ни лил’.

2.5. Сказуемое на «*ёй-э ишорат*» может выступать также с обособленными пояснительными конструкциями, составляющимися из нескольких предложений,

которые нельзя отнести к определенному типу сложного предложения, так как компоненты такого предложения по способу связи между собой не подразумевают подчинения или уподобления, такие конструкции в узбекском языкознании относят к так называемым лингвистическим (развернутым, вставным) текстам [Расулов 1983: 22]. Подобные конструкции играют особую роль в конкретизации сказуемого: *Qanāatda nečäkim faragbāl, aksi tama'da razālat va nākkāl xasis tab'qa dost-i:-dur laimvaš, gādāševālik va razālat anij tavrīya xuš, muvāfaqatīya asarxārlīy, munāsabatīya bahra sabukbārlīy, har tab'dakim ul mavžud boldi, ul kiši ulus tab'īya mardud boldi, laimliq va razālatda kamāl andin, ādamijlīq-u insānijatqa zavāl andin, ot-i:-dur nāmus ijin küjdürgüči, jel-i:-dur izzāt-hurmatin savurūči va vīqār šam'in učurūči* (МК 75). 'Довольствоваться малым приносит много наслаждений, а жадность бедствия и унижения, жадное естество бывает у подлых людей, им присущи низость и нищенство. Действие жадного приносит ему унижения, дела его приносят ему неуважение. Когда в природе человека видна алчность, он не нравится другим людям. Это восход подлости и мерзости, закат гуманности и человечности. Алчность – это пожар, сжигающий дом совести, буря, раскидывающая по ветру гумно чести, тушащая светоч мудрости'. В этом предложении по отношению к сочетанию *razālat va nākkāl* 'подлость и низость' слова на «*ёй-э ишорат*» *dost-i:-dur* 'такой друг', *ot-i:-dur* 'такое пламя', *jel-i:-dur* 'такая буря' являются сказуемыми. Конструкция, поясняющая сказуемое *dost-i:-dur* заслуживает особого внимания. К такому сказуемому контактно примыкают инверсионные обособленные определения *laimvaš, gādāševālik* 'нищий, скупой'. Конструкция *razālat anij tavrīya xuš, muvāfaqatīya asarxārlīy, munāsabatīya bahra sabukbārlīy* 'в природе человека видна алчность, он не нравится другим людям. Это восход подлости и мерзости, закат гуманности и человечности' также относятся к обособленному пояснению сказуемого *dost-i:-dur*. По структуре этот пояснительный член составлен по типу словосочетания предикативной модели. Однако пояснение (инверсионное определение) сказуемого имеет и вставочную конструкцию: *har tab'dakim ul mavžud boldi, ul kiši ulus tab'īya mardud boldi* 'Действия жадного приносят ему унижение, дела его приносят ему неуважение'. Данная конструкция построена по типу условного придаточного предложения (но только в семантико-логическом плане, а не формально) и напоминает бессоюзное сложное предложение.

Приведенные выше примеры показывают, что в структурах предложений староузбекского языка обособленные (постпозитивные) пояснительные конструкции выполняют особую роль. С одной стороны, это свидетельствует о сильном влиянии персидско-таджикского языка на староузбекский язык, в частности, на язык А. Навои, а с другой стороны, не могло здесь обойтись, по-видимому, и без влияния разговорного языка Средневековья.

Выше отмечалось, что сказуемое на «*ёй-э ишорат*» в предложении может употребляться как одиночно, так и с однородными членами. Например, *Qanāat žavhar-i:-durkim, elni mundaq ikki balādīn⁴ qutqarur va mundaq ikki ibtidādīn qutqarur* (МК 75). 'Довольство малым – это такая драгоценность, которая спасает

⁴ *Ikki balā* – это «один подл, другой мерзок, оба они по существу низкие» (примечание А. Рустамова).

людей от этих двух бедствий и избавляет от их последствий'. *Har mašaqqatkim, sendā joqtur, seniñdektā bār, saña ne'mät-i:-dur, šükür ajturğa sazāvar* (МҚ 170). 'Трудность, которой у тебя нет, но у других имеется, для тебя милость, за это ты должен считать себя благодарным'. В приведенных примерах *žavhar-i:-dur* 'такая драгоценность' и *ne'mät-i:-dur* 'такая милость' являются сказуемыми и употребляются *по одному разу*. Однако в произведении «Махбубул-кулуб» подобные сказуемые в составе предложения употребляются *два (и более) раза*: *Teñri dostlariniñ hikājatı va alar axlāqiniñ rivājatı āfsāna-i:-durkim, ujıyan köñülni ujatur va tarāna-i:-durkim, xijraliqtin qatqan közni jıylatur* (МҚ 117). 'Рассказы друзей бога и их мораль – такая легенда, что она смягчает человеческие души и такая мелодия, что она возбуждает угаснувшие глаза. – А.С.' Напомним, что в этих примерах сказуемыми являются словоформы *āfsāna-i:-dur* и *tarāna-i:-dur*.

В предложении, которое мы приводим ниже, сказуемое представлено шестью словоформами на «*ëй-э ишорат*»: *Vafā šam'-i:-durkim, dahr tijrā hākdānin jarıtmajdur va zaman bevafāları köñli bilā ulfat tutmajdur va nārgis-i:-durkim, davran čamanıya köz salmajdur va köñülları yunčasıda hiqd-u hasaddin özga qalmajdur, mahbub-i:-dur pāk xilqat, žuz pāk köñülgä uns va ulfatı joq, matlub-i:-dur pākizä tijnat, žuz pākizä fitratqa majl va raybatı joq, durr-i:-dur samin, insānijat tažıya zevār va ālamda insānijat nābud va žavhar-i:-dur atašin, ādāmijlik bašıya āfsar va ālam ahlida ādāmijlik nāmavžud* (МҚ 114). 'Верность – это светильник, но не освещает вес темный мир и не дружит с неверными душами времени, это нарцисс, но не обращает внимание на луг, покрытый цветками и в почке цвета ничего не оставляет кроме ненависти и злобы, это такая сотворенная возлюбленная, что она не дружит с другими, это такая истинная желаемая, что с другим истинными натурами не имеет общего, это блестящая жемчужная красота для человечества, это пламенный драгоценный камень, корона для головы человечности и из-за этого среди них нет человечности'. В данном предложении в функции сказуемых выступают словоформы: *šam'-i:-dur* 'такой светильник', *nārgis-i:-dur* 'такой нарцисс', *mahbub-i:-dur* 'такая возлюбленная', *matlub-i:-dur* 'истинная желаемая', *durr-i:-dur* 'блестящая жемчужная', *žavhar-i:-dur* 'драгоценный камень'.

Встречаются и такие типы предложений, в которых сказуемые на «*ëй-э ишорат*» вступают в однородность со сказуемыми, выраженными именем прилагательным или атрибутивным словосочетанием, причем эти сказуемые тоже сопровождаются обособленными конструкциями: *Muğannijı vafāsiz küñür hajāsiz, äğär jıllar riājat qilibsen va hamxānadur, bir qatlaki nimä bermädiñ, begānadur, er suratıda šāhid-i:-dur tannāz va mulājim, kisvatida mufsid-i:-dur xānabārandāz, xāsqa dilfirib-i:-dur savt va naym bilā, avāmya rāhzan-i:-dur, tabl va ālām bilā* (МҚ 37). 'Неверный певец – это бесстыжий подлец. Хотя ты годами ухаживал за ним и воспитывал его у себя, если хоть раз откажешь ему в его просьбе, он станет чужим для тебя. Это не мужчина – по действиям он блудница, он распутник в благородной одежде. Он обвораживает знать пением и игрой, с помощью крика и барабана грабит народ простой'. Подлежащим здесь является изафетное словосочетание *muğannijı vafāsiz* 'неверный певец', а его однородными сказуемыми являются *küñür hajāsiz* 'бесстыжий подлец', *šāhid-i:-dur* 'такой красивый', *mufsid-i:-dur* 'такой распутник', *dilfirib-i:-dur* 'такой обманщик', *rāhzan-i:-dur* 'такой разбойник', т. е. в нем в качестве сказуемого, выраженного атрибутивным слово-

сочетанием участвует *künjür hajāsiz* ‘бесстыжий подлец’, и с этим сказуемым вступают в однородность (однородную связь) другие сказуемые в форме «*ëй-э иишорат*».

Структура приведенного выше предложения отличается от других примеров. В нем именное сказуемое, выраженное атрибутивным словосочетанием, включает такую вставочную конструкцию, которая напоминает нам тип условного придаточного сложноподчиненного предложения (*ägär jillar riājat qilibsen va hamxānadur, bir qatlaki nimā bermādiñ, begānadur* ‘хотя ты годами ухаживал за ним и воспитывал его у себя, если хоть раз откажешь ему в его просьбе, он станет чужим для тебя’).

Следует отметить, что сказуемое на «*ëй-э иишорат*» может выступать в составе предложения как контактно (пример см. выше), так и дистантно: с обособленным определением или обособленной пояснительной конструкцией. Например, контактно: *šāhid-i:-dur tannāz, mufsid-i:-dur xānabārāndāz, dilfirib-i:-dur savt va naym bilā, rāhzan-i:-dur, tabl va ālām bilā* ‘это не мужчина – по действиям он блудница, он распутник в благородной одежде. Он обвораживает знать пением и игрой, с помощью крика и барабана грабит народ простой’; дистантно: *mahbub-i:-dur pāk xilqat, žuz pāk köñülgä uns va ulfatī joq* ‘такая сотворенная возлюбленная, что она не дружит с другими’. Однако в этом предложении *žuz pāk köñülgä uns va ulfatī joq* служит примером на контактное употребление. Кроме того, оно может управлять словами и словосочетаниями, оформленными в местном и направительном падежах: *er suratīda šāhid-i:-dur, va mulājīm kisvatīda mufsid-i:-dur, xāsqā dilfirib-i:-dur, avāmγa rāhzan-i:-dur*.

В предложениях, где присутствуют однородные сказуемые, оформленные «*ëй-э иишорат*», и подлежащие, и сказуемые могут сопровождаться обособленными конструкциями: *Maās üji, gārçi bolur tar, ammā har nečā mubālaya qilsañ, jeri bar, hisār-i:-durkim, anda kirsāñ, nafs šarr’idīn qutulursen va köhsār-i:-durkim, anda čiqsañ, dušman va dosttīn mustayniñ bolursen, āftādalīγ-i:-dur, nätižsi sarafrāzliγ va niγāzmandliγ-i:-dur, fājdasi benīγāzliγdur, tuxm-i:-dur, barī γinā va šažar-i:-dur, samari istiγnā, maj-i:-dur ačīγ va naš’asi tarabāngiz, jol-i:-dur qatīγ, ammā mänzili faraxāmiz* (МК 75). ‘Хотя его дом жизненных средств и будет тесным, он имеет много преимуществ. Довольство малым – то крепость, в которой ты будешь спасен от злодеяния страстей, это горная вершина, на которой ты не будешь зависеть от врагов и друзей; это скромность, результатом которой является гордость, это нужда, которая приводит к свободе от нужды, это семена, урожаем которых является имущество, это дерево, плодом которого является могущество, это горькое вино, которое приносит веселье, это трудная дорога, приводящая к радости’. Здесь словосочетание *maās üji* ‘дом жизненных средств’ – подлежащее, а в позиции сказуемого выступают *hisār-i:-dur* ‘такая крепость’, *köhsār-i:-dur* ‘такая вершина’, *āftādalīγ-i:-dur* ‘такая скромность’, *niγāzmandliγ-i:-dur* ‘такая нужда’, *tuxm-i:-dur* ‘такие семена’, *šažar-i:-dur* ‘такое дерево’, *maj-i:-dur* ‘такое вино’ и *jol-i:-dur* ‘такая дорога’. Пояснительная (вставочная) конструкция подлежащего *gārçi bolur tar, ammā har nečā mubālaya qilsañ, jeri bar* составляет конструкцию типа осложненного сложного предложения с уступительными и условными придаточными. Кроме этого, каждое сказуемое в форме на «*ëй-э иишорат*» также сопровождается обособленными конструкциями.

Морфологический показатель «*ёй-э ишорат*», в основном, аффигуруется к словам персидско-таджикского и арабского происхождения. Однако не исключена возможность его присоединения и к исконно тюркским словам. Примерами могут служить слова *jel-i:-dur* ‘такой ветер’, *tay-i:-dur* ‘такая гора’, *jol-i:-dur* ‘такая дорога’. Надо отметить, что фиксированное употребление показателя, присущего персидско-таджикскому языку, в тюркских словах не является закономерным, и поэтому оно в исконно тюркских словах употребляется спорадически. Но независимо от происхождения слова наличие атрибута предикативности *-dur* обязательно.

В прозе Алишера Навои встречаются предложения со сказуемым на «*ёй-э ишорат*» в калькированной форме, однако это нами было зафиксировано не в простых предложениях, а в сложных: *Dārd ahliniñ nafasi bir otturkim, qatiy köñülni jumšatur va quruş közni jıylatur va söz ahliniñ dāmi bir jeldurki, anāñijat xāšākin savurur va yazabijāt tufrayin süpürür* (МК 118). ‘Дыхание влюбленного – такое пламя, которое смягчает твердые души и наполняет слезами сухие глаза, дыхание словесников – такой ветер, который унесет щепки высокомерия и убирает от пыли ненависти’. В нем сказуемое выражено сочетанием *bir ottur* ‘такое пламя’, *bir jeldur* ‘такой ветер’ и каждое из них сопровождается обособленной конструкцией, которая группируется вокруг соответствующего сказуемого, т. е. сочетание *qatiy köñülni jumšatur va quruş közni jıylatur* ‘смягчает твердые души и наполняет слезами сухие глаза’ относится к сказуемому *bir ottur*, а сочетание *anāñijat xāšākin savurur va yazabijāt tufrayin süpürür* ‘унесет щепки высокомерия и убирает от пыли ненависти’ относится к сказуемому *bir jeldur*.

Следует отметить, что подавляющее большинство предложений, где отмечалось сказуемое с «*ёй-э ишорат*», взято нами из произведения «Махбубул-кулуб» («Возлюбленный сердце»). Хотя оно и прозаическое, в нем довольно часто отмечается рифмованная проза (сажъ), а в отдельных местах встречаются слова, вторяющиеся за рифмой (радиф, тж. редиф).

3. Особенности употребления сказуемого с «*ёй-э ишорат*» в рифмованной прозе

В рифмованной прозе предложениям со сказуемым, имеющим в своем составе «*ёй-э ишорат*», присущ ряд особенностей:

3.1. Сказуемое на «*ёй-э ишорат*» повторяется несколько раз, и при помощи аффикса сказуемости *-dur* образуется дистантная рифмовка: *žādā-i:-dur* ‘такая дорога’, *sirāt-i:-dur* ‘такой мост’, *čāšmā-i:-dur* ‘такой родник’, *maxzan-i:-dur* ‘такая сокровищница’.

3.2. При употреблении более трех однородных сказуемых на «*ёй-э ишорат*» образуются отдельные пары, а входящие в их состав обособленные определительные конструкции (хотя они и относятся к разным сказуемым) также между собой рифмуются. Такая рифмовка напоминает стихотворную форму с парной рифмовкой (*маснавий*). Подробнее остановимся на особенностях строения:

– простые инверсионные определения рифмуются друг с другом: *axtar-i:-dur duraxšanda* ‘сияющее светило’ – *gühār-i:-dur raxšanda* ‘блестящий жемчуг’; *mehr-i:-dur tāli* ‘восходящее солнце’ – *bādr-i:-dur lāmi* ‘светящаяся луна’; *šu’la-i:-dur sozanda* ‘жгучее пламя’ – *barq-i:-dur furuzanda* ‘сверкающая молния’.

– рифмуются инверсионные определения, состоящие из словосочетаний: ... *ot-i:-dur nāmus ūjin kūjdürgüči* ‘такой пожар, сжигающий дом совести’ – *jel-i:-dur izzāt-hurmatin savurγučī va vīqār šam'in ućurγučī* ‘такая буря, раскидывающая по ветру гумно чести, тушащая светоч мудрости’. В этом примере относящееся к сказуемому *ot-i:-dur* ‘такой пожар’ словосочетание *nāmus ūjin kūjdürgüči* рифмуется с обособленным словосочетанием *izzāt-hurmatin savurγučī va vīqār šam'in ućurγučī*, которое относится к сказуемому, оформленному с «*ëй-э ишорат*», – *jel-i:-dur* ‘такая буря’.

– рифмуются обособленные конструкции в предикативной модели, которые относятся к разным сказуемым: ... *axtar-i:-dur... bašariāt közi nur-u zijāsī andin* ‘это сияющее светило, [от которого] исходит ясность и свет людских очей’; *va gühār-i:-dur ... insānijat tažiniñ zeb-u bahāsī andin* ‘блестящий жемчуг, дарящий красоту и ценность венцам людей’.

3.3. Рифмуются обособленные конструкции, состоящие из словосочетаний в составе одного сказуемого, а также с теми обособленными конструкциями, которые относятся уже к другому сказуемому: ... *šam'-i-durkim, dahr tijrä häkdānin jaritmajdur va zaman bevařaları köñli bilä ulfat tutmajdur, nārgis-i:-durkim, davran čamanıya köz salmajdur va köñülläri yunčasıda hiqd-u hasaddin özga qalmajdur* ‘это светильник, но [он] не освещает весь темный мир и не дружит с неверными душами времени, это нарцисс, но не обращает внимание на луг, покрытый цветками и в почке цветка ничего не оставляет кроме ненависти и злобы’.

В данном примере относящееся к сказуемому *šam'-i-dur* сочетание *dahr tijrä häkdānin jaritmajdur* ‘но не освещает весь темный мир’ рифмуется со словосочетанием *zaman bevařaları köñli bilä ulfat tutmajdur* ‘не дружит с неверными душами времени’, относящимся к этому же сказуемому, а оно в свою очередь рифмуется с теми словосочетаниями, которые относятся к сказуемому *nārgis-i:-dur*.

4. Семантические отношения рифмующихся членов и конструкций

4.1. Инверсионное определение первого сказуемого на «*ëй-э ишорат*» составляет синонимию с определением следующего сказуемого: *duraxšanda – raxšanda* ‘блестящий’, *sozanda – furuzanda* ‘жгучий’, *tāli – lāmi* ‘светящийся’, и при помощи этих лексических средств семантика последующих фраз проясняется и усиливается. Иногда такая синонимия может быть ситуационной (с точки зрения усиления значения): *qahhār – xunxār* ‘гневный – кровожадный’ (т. е. дракон пьет кровь людей и убивает, то таким же образом люди погибают из-за гнева царя). В данном случае семантическая близость слов *qahhār* и *xunxār* очевидна.

4.2. Семантика обособленной пояснительной конструкции предыдущего сказуемого находит свое продолжение в конструкции последующего сказуемого, т. е. в данном случае можно говорить об их семантической целостности: ... *sāiqa-i:-dur aql-u dīn xirmanin kūjdürgüči va sarsar-i:-dur alarnin külin kökka savurγučī* ‘это удар молнии, сжигающий гумно разума и веры, эта буря, разносящаяся по миру его пепел’ (МК 90). Подчеркнутая нами первая конструкция, хотя и относится к сказуемому *sāiqa-i:-dur*, свое смысловое продолжение получает в конструкции, относящейся к сказуемому *sarsar-i:-dur*. Та же картина наблюдается и в следующем примере: ... *šu'la-i:-dur sozanda, xāšāki küb žān-u köñül bolıan va*

barq-i:-dur furuzanda, küb žān-u köñül äši'äsi kül qilyan 'это удар молнии, сжигающий гумно разума и веры, эта буря, разносящаяся по миру его пепел'.

5. Способы связи сказуемого на «ёй-э ишорат» в составе предложения

Следует также остановиться и на синтаксических отношениях сказуемого на «ёй-э ишорат» с инверсионным определением и обособленной пояснительной конструкцией, т. е. на способах их связи в составе предложения.

При контактном употреблении инверсионного определения со сказуемым они отделяются интонацией от основного тона предложения, т. е. происходит незначительное понижение тона обособленного члена, но это не означает нарушение семантических отношений между ними: ... *lavand-i:-dur bādāvāz* ... 'нерадив, с голосом скверным'; *sirāt-i:-dur bayājat mustaqīm* 'мост чрезвычайно крепкий'; *bādr-i:-dur lāmi* 'луна светящая' и т. п.

Контактное инверсионное определение, выраженное словосочетанием, отличается от основной интонации предложения более заметно: ... *mahbub-i:-dur pāk xilqat...*, *matlub-i-dur pākizā tijnat* 'возлюбленная сотворная..., 'желаемая истинная'.

В большинстве случаев для усиления интонационного выделения обособленной конструкции употребляется служебное слово *-kim*: ... *šam'-i-durkim, dahr tijrā hākdānīn jarītmajdur* ... 'это светильник, но не освещает вес темный мир', *nārgis-i:-durkim, davran čamanīya kōz salmajdur* 'это нарцисс, но не обращает внимание на луг'.

Обособленные члены по типу предикативной модели, независимо от наличия или отсутствия служебного слова *-kim*, резко отличаются от основной интонации предложения: ... *mehr-i:-dur toli*', *mahzun xātīrlar xāristanī andīn gūlšān, bādr-i:-dur lāmi*', *tijrā köñüllār shabīstanī andīn rāvšān* 'восходящее солнце, которое сердце, заросшее колючим кустарником печали в цветник обращает, светящаяся луна, которая темную опочивальню души освещает'.

Две и более обособленные конструкции, относящиеся к одному сказуемому, связываются между собой или уравниваются интонацией при помощи сочинительного союза *va*: ... *durr-i:-dur samīn, insānijat tažīya zevār va ālamda insānijat nābud* 'пламенный драгоценный камень, корона для головы человечности и из-за этого среди них нет человечности'. Слово *samīn* 'драгоценный' является контактно употребленным инверсионным определением, относящимся к сказуемому *durr-i:-dur* 'такой камень' и, в свою очередь, посредством интонации увязывается с обособленным пояснительным *insānijat tažīya zevār* 'корона для головы человечности', а оно, в свою очередь, с обособленным пояснительным *ālamda insānijat nābud* 'из-за этого среди них нет человечности' через союз *va*.

Теперь нам остается уяснить один важный момент, связанный с формой на «ёй-э ишорат». Он заключается в том, какое влияние может оказывать грамматическая форма с использованием «ёй-э ишорат» на синтаксическую семантику предложения. Хотя «ёй-э ишорат» в оппозиции к «ёй-э вахдат» или «ёй-э накаре» означает определенность, однако, как и любая грамматическая форма, она тоже является абстрактной [Хакимова 2019: 48], и потому эта форма нуждается в большей конкретизации. Для конкретизации значения словоформ на «ёй-э ишорат» и употреблены постпозиционные (инверсионные) определения, пояснительные обособленные и вставочные конструкции.

В заключении надо отметить, что именные сказуемые на «*ёй-э ишорат*», столь характерные для синтаксических конструкций прозы Алишера Навои, хотя и усложняют структуру предложения, но, с другой стороны, способствуют демонстрации художественного мастерства автора в прозе.

Литература

- Абдуллаев, Юсупов 1984 – *Абдуллаев Ф., Юсупов М.* Эски ўзбек тилида форс-тожик ва арабча изофалар // Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 1984. – № 1. – С. 20–23. {*F. Abdullayev, M. Yusupov.* Perso-Tajik and Arab *izafets* in Old Uzbek // *The Uzbek language and literature.* – Tashkent, 1984. – No. 1. – PP. 20–23. (In Uzbek.)}
- Абдурахманов 1971 – *Абдурахманов Г.А.* Синтаксис осложненного предложения // Структура и история тюркских языков. – М., 1971. – С. 138–147. {*G.A. Abdurakhmanov.* Syntax of the Complicated Sentence // *Structure and history of the Turkic languages.* – Moscow, 1971. – PP. 138–147.}
- Абдурахмонов, Рустамов 1984 – *Абдурахмонов Ф., Рустамов А.* Навоий тилининг грамматик хусусиятлари. – Тошкент: Фан, 1984. – 160 с. {*Gh. Abdurahmonov, A. Rustamov.* Grammar Peculiarities of Nava'i's Language. – Tashkent: Fan, 1984. – 160 p. (In Uzbek.)}
- Абдусаматов 1971 – *Абдусаматов М.* Форс тили. – Тошкент: Ўқитувчи, 1971. – 423 с. {*M. Abdusamatov.* The Persian Language. – Tashkent: O'qituvchi, 1971. – 423 p.}
- Алишер Навои 1970 – *Алишер Навои.* Возлюбленный сердец. – Ташкент: Фан, 1970. – 104 с. {*Ali-Shir Nava'i.* Beloved of the Hearts. – Tashkent: Fan, 1970. – 104 p.}
- Аширбаев 1990 – *Аширбаев С.* Структурно-семантические особенности простого предложения в прозаических произведениях Алишера Навои: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Ташкент, 1990. – 33 с. {*S. Ashirbayev.* Structural and Semantic Peculiarities of Ali-Shir Nava'i's Prosaic Works: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 1990. – 33 p.}
- Боровков 1946 – *Боровков А.К.* Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка // Алишер Навои. – М.–Л., 1946. – С. 92–120. {*A.K. Borovkov.* Ali-Shir Nava'i as Founder of Uzbek Literary Language // *Ali-Shir Nava'i.* – Moscow–Leningrad, 1946. – PP. 92–120.}
- Виноградов 1975 – *Виноградов В.В.* Исследование по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 560 с. {*V.V. Vinogradov.* A Research on the Russian Grammar. – Moscow: Nauka, 1975. – 560 p.}
- Мадаминов 1982 – *Мадаминов А.* Сложные словосочетания предикативной модели в современном узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1983. – 24 с. {*A. Madaminov.* The Complex Collocations of Predicative Model in Modern Uzbek Language: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 1983. – 24 p.}
- Насилов 1981 – *Насилов Д.М.* Лингвистические взгляды Алишера Навои // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л.: Наука, 1981. – С. 143–154. {*D.M. Nasilov.* Ali-Shir Nava'i's Views on Linguistics // *History of the linguistic doctrines. The Medieval East.* – Leningrad: Nauka, 1981. – PP. 143–154.}
- Нигматов, Абдуллаев, Банару, Махмудов, Мухамедова 1984 – *Нигматов Х.Г., Абдуллаев К.М., Банару В.И., Махмудов Н.М., Мухамедова Д.А.* Структура предложения и актуальные вопросы синтаксиса тюркских языков // Советская тюркология. – Баку, 1984. – № 5. – С. 3–9. {*Kh.G. Nigmatov, K.M. Abdullayev, V.I. Banru, N.M. Makhmudov, D.A. Mukhamedova.* Sentence Structure and Current Issues of the Syntax of the Turkic Languages // *Soviet Turcology.* – Baku, 1984. – No. 5. – PP. 3–9.}
- Расторгужева 1953 – *Расторгужева В.С.* Краткий очерк грамматики персидского языка // Персидско-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. – С. 613–668. {*V.S. Rastorguyeva.* A Brief Summary of Grammar of the Persian Language // *The Persian-Russian Dictionary.* – Moscow: The State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953. – PP. 613–668.}
- Расулов 1983 – *Расулов И.* Муракаб синтактик бутунлик // Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 1983. – № 1. – Б. 22–25. {*I. Rasulov.* The Complicated Syntactic Unit // *The Uzbek language and literature.* – Tashkent, 1983. – No. 1. – PP. 22–23. (In Uzbek.)}
- Рустамов 1962 – *Рустамов А.* Алишер Навоийнинг «Махбубул кулуб» асаридagi баъзи морфологик элементар // Ученые записки ТГПИИЯЛ. – Тошкент, 1962. – С. 222–226. {*A. Rustamov.* On

- Some Morphological Elements of Ali-Shir Nava'i's Work «Mahbūb-ul-qulūb» // Scientific notes of the Tashkent State Pedagogical Institute of Foreign Languages and Literature. – Tashkent, 1962. – PP. 222–226. (In Uzbek.)}
- Хакимова 2019 – *Хакимова М.К.* Ўзбек тилида абстракт номлар семантикаси: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Тошкент, 2019. – 70 с. {*М.К. Hakimova.* The Semantics of Abstract Names in the Uzbek Language: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 2019. – 70 p.}
- Щербак 1962 – *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. – М.– Л., 1962. – 274 с. {*A.M. Shcherbak.* Grammar of the Old Uzbek Language. – Moscow–Leningrad, 1962. – 274 p.}

Источники

- МҚ – *Алишер Навоий.* Маҳбулбул қулуб / Сводный текст подготовил А.Н. Кононов. (На арабской графике.) – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. {*Ali-Shir Nava'i.* Mahbūbul qulūb / Consolidated text by A.N. Kononov. (In Arabic script.) – Moscow–Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948.}
- МЛ – *Алишер Навоий.* Муҳокаматул лугатайн / Издание Э.М. Катрмер'а. (На арабской графике.) – Париж, 1941. {*Ali-Shir Nava'i.* Muḥākamatul lugatayn / Ed. by Étienne Marc Quatremère. (In Arabic script.) – Paris, 1941.}
- ТМА – *Алишер Навоий.* Тарихи мулуки Ажам / Научно-критический текст подготовил Л. Халилов. (Рукопись на арабской графике.) – Ташкент, 1975. {*Ali-Shir Nava'i.* Tarīḫi mulūki 'aḡam / Scientific-critical text prepared by L. Khalilov. (Manuscript in Arabic script.) – Tashkent, 1975.}

To the syntactic analysis of a simple sentence with a nominal predicate in a certain form of a noun in «yoy-e ishorat/yā-i iṣārat» in the prose of Ali Shir Nava'i

S. Ashirbayev

Tashkent (Uzbekistan)

Summary: The syntax of proses of Ali Shir Nava'i is rarely studied. There are several reasons for this. On the one hand, the works of Ali Shir Nava'i reflect the folk language of Uzbek people, and on the other hand, written in a magnificent style according to the tradition of his era. This technique opened the way to integrate Arabic and Persian elements into his language. In turn, such elements influenced the syntax of the works of the writer. An example of such intersection and complexity can be phrases containing so-called «yoy-e ishorat». «Yoy-e ishorat» is a specific peculiarity of the Persian language, which expresses the *concept of accuracy*, and is opposed to «yoy-e nakare/yā-i nakara» (abstract), which expresses the *abstract meaning* as a grammatical form. The nominal predicate used in this form constantly dictates the combined use of attribute phrases, which have either inversion (postposition) descriptive or explanatory content. Obviously, the nominal predicate in such a form comes together with inverted (separated) attributes and other syntactic groups and in each nominal predicate postposition. As a result, the structure of the sentence complicates. This phenomenon noted both in simple sentences and in compound sentences. This paper analyses the nominal predicate sentences with «yoy-e ishorat» in a simple sentence. It is important to note that when such a complex simple sentence translated into Russian or other languages, it is possible to express ideas in a compound sentence or in a several sentences rather than in a simple form.

Key words: Ali-Shir Nava'i, rhythmized prose, poetry, literature, subject, nouns, nominal predicate, inversion attributes, interpretation phrases inclusion constructions, definite form, syntactic group, complex simple sentence, compound sentence.

Samikhon Ashirbayev – Ph.D. in philology, professor of Ali Shir Nava'i Tashkent State University of Uzbek Language and Literature, e-mail: samixon.ashirboyev@mail.ru.

ЕЩЕ О ЯЗЫКЕ АВАРОВ (ПО ВИЗАНТИЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

А.А. Глашев

г. Москва

Резюме: В статье затрагивается проблема языка аваров, создавших Аварский каганат в Центральной Европе, привлекаются данные генетики и ДНК, извлеченных из костных останков в памятниках аварского времени на территории исторической Паннонии, их сопоставление с данными лингвистики и исторических источников по истории авар. Приводится анализ имеющихся теорий о происхождении самих авар и их языка, а также разбор различных спорных мнений относительно аварского языка. Анализируются этимологии аварских слов, как сохранившихся в византийских источниках и бесспорно являющихся аварскими, так и таких, связь которых с аварами не подтверждена или сомнительна, несмотря на то что данные слова считаются в ряде работ «аварскими». В результате подробного анализа данных византийских источников о языке авар, археологических памятников и генетического анализа останков из памятников аварского времени в Венгрии автор приходит к выводу о том, что аварский язык является тюркским и не относится к тунгусо-манчжурским языкам. Он мог характеризоваться наличием шипящих согласных в начале слов и заменой *-к* → *-х* в конце слов, что в определенной степени сближает его по лексике и фонетике с такими языками, как карачаево-балкарский, караимский, чувашский, и рядом других языков, но при этом по имеющимся данным его пока нельзя отнести к конкретной группе тюркских языков, включая чувашский язык, так как материал в этом плане нейтрален. Автор считает, что для окончательного решения этого вопроса необходимы новые материалы, которые, скорее всего, могут быть обнаружены в европейских и византийских архивах.

Ключевые слова: авары, аварский язык, византийские источники об аварском языке, шипящие согласные, тунгусо-манчжурские языки, аварские слова, чувашский язык, карачаево-балкарские языки.

Авары и созданное ими государство Аварский каганат (562–823 гг.) оставили глубокий след в истории Европы. На протяжении почти трехсот лет авары были важнейшей политической силой в Восточной, Центральной и Западной Европе. В период могущества этого государства в орбиту его влияния попало большое количество народов от Северного Причерноморья до Паннонии [Atabien 1952: 22]. В состав Аварского каганата входили Венгрия, Австрия, Швейцария, Болгария, территории, ныне занимаемые Украиной, Белоруссией, Польшей, Литвой, Румынией, Словакией, Сербией, Македонией и значительной частью Германии. Исследователи в связи с этим не без оснований считают, что авары и влившиеся в них более ранние тюркские племена (гунны и булгары) внесли в европейскую культуру существенный вклад [Там же]. Поэтому детальное изучение истории

Глашев Ахмед Алабиевич – аспирант ИСАА при МГУ им М.В. Ломоносова, e-mail: a.glashev@mail.ru.

Аварского каганата, одного из самых влиятельных и могущественных государств в Западной и Центральной Европе в раннем средневековье, очень важно для истории всей европейской цивилизации. Однако до сих пор нет фундаментальной обобщающей монографии, которая освещала бы все вопросы и всю историю этого государства в самом центре Европы, если не считать отдельных статей, которые охватывают лишь некоторые важные политические события в Европе с участием аваров. Не уделено должного внимания аварам и тюркологами. Объяснить это лишь скудностью материалов вряд ли возможно. Между тем, даже тот небольшой языковой материал по аварам, который сегодня имеется, дает нам интересную пищу для размышлений.

Для начала будет нелишним кратко затронуть вопрос происхождения аваров по данным письменных источников и археологии. Авары впервые появились в 558 г. в степях Азовско-Каспийского междуморья. В этом же году аварское посольство прибыло в г. Константинополь, удивляя привычное к иностранцам население столицы своим странным видом. Феофан пишет об этом: «Авары носили длинные волосы, откиннутые назад, связанные бечевками и заплетенные в косу, в остальном наружностью своею они походили на прочих гуннов» [Бернштам 1939: 189]. Еще Дегинь и Клапрот предложили отождествлять этих аваров с жуань-жуанями, известными в тюркских текстах под именем *апар-апурым*. В 552 г. жуань-жуани были разгромлены тюрками, из-за чего их часть устремилась на запад. Феофилакт Симокатта утверждает, что явившиеся в Европу авары были не настоящими аварами, а *псевдоаварами* (οι ψευδαβάροι) и принадлежали к племени *огор*, которое жило возле реки Итиль (Волги): «Другие из аваров, вследствие поражения (...) остались жить у так называемых мукри. (...) (13) Совершил каган и другое предприятие и подчинил себе людей племени *огор*. Это одно из самых сильных племен в силу своей многочисленности и благодаря военным упражнениям в полном вооружении. Они живут на востоке, там, где течет река Тил, которую тюрки обыкновенно называют Черной. (14) Древнейшими вождями этого племени были Уар и Хунни. Поэтому и некоторые из этих племен получили название *уар* и *хунни*. 8. (1) Когда император Юстиниан занимал царский престол, некоторая часть племен уар и хунни бежала и поселилась в Европе. (2) Назвав себя аварами, они дали своему вождю почетное имя кагана. Почему они решили изменить свое наименование, мы расскажем, ничуть не отступая от истины. (3) Барселт, уннугуры, сабиры и, кроме них, другие гуннские племена, увидав только часть людей уар и хунни, бежавших в их места, прониклись страхом и решили, что к ним переселились авары. (4) Поэтому они почтили этих беглецов блестящими дарами, рассчитывая тем самым обеспечить себе безопасность. Когда уар и хунни увидели, сколь благоприятно складываются для них обстоятельства, они воспользовались ошибкой тех, которые прислали к ним посольства, и сами стали называть себя аварами; говорят, среди скифских народов племя аваров является наиболее деятельным и способным. (5) Естественно, что и до нашего времени эти *псевдоавары* (так было бы правильно их называть), присвоив себе первенствующее положение в племени, сохранили различные названия: одни из них по старинной привычке называются *уар*, а другие именуются *хунни*» [Гаркавец 2015: 624–625]. Х.В. Хауссиг, исследуя происхождение европейских аваров, пришел к выводу, что свой рассказ о псевдоаварах Симокатта заимство-

вал из не дошедшей до нас части исторического труда Менандра, который отождествляет европейских аваров с так называемыми *вархонитами* (*οβαρχωνιται*) [Там же: 638].

Однако это мнение Симокатты вряд ли можно полностью принять. Родство европейских аваров с огорами, на котором настаивает Симокатта, может основываться на некоторых реальных фактах, но неправильно или произвольно им растолкованных. Дело в том, что во время междоусобий и развала в Тюркском каганате в царствование императора Маврикия часть огоров в числе 10000 человек также покинула свои места и присоединилась к аварам. Возможно, именно этих огоров и видел вблизи Волги византийский посол Земарх в 568 г., т. е. еще до окончательного разгрома, но уже подвластных тюркам. Количество огоров, бежавших со своей родины при первом столкновении с тюрками под 558 г., тюркские послы в Константинополе определяли в 20000, добавляя, что остальные «авары», т. е. *огоры*, остались и преданы тюркам. Вполне допустимо, что именно это поступательное движение истинных аваров (апаров или жуань-жуаней) и вархонитов (*огоров*) и их объединение в Европе и стало основой для столь категоричных утверждений Симокатты. При этом нужно признать, что нападение аваров на сабиров относится ко времени, предшествующему разгрому тюрками жуань-жуаней. В связи с этим ряд авторов высказывает мнение, что с этим разгромом могло быть связано только появление псевдоаваров, но и то лишь в том смысле, что после окончательной победы в Азии тюрки распространили свою власть на огорские племена, расположенные к востоку от Волги. Часть последних бежала на запад от этой реки и была принята сабирами за тех самых аваров, с которыми им пришлось иметь дело почти 100 лет тому назад. Если же «авар» было действительно одним из племенных имен, под которым были известны жуань-жуани, то можно предположить, что первое появление аваров на границе Европы было связано с завоеваниями жуань-жуаней, оставившими по себе такую память у пограничных племен, что ничтожная орда бежавших от тюрков огоров, носившая сходное название «вар», не встретила никакого сопротивления именно потому, что была принята за своих страшных предшественников» [Бернштам 1939: 189–190].

Однако все последующие события с участием аваров после их появления в Европе говорят о том, что все же ядро этого племенного объединения могли составлять именно жуань-жуани или истинные авары, к тому времени говорившие уже на одном из тюркских языков. Так, Менандр передает очень интересную речь аварского посла с явным тюркским именем Кандих: «К тебе приходит самый великий из народов; племя аварское неодолимо; оно способно легко отразить и истребить противников. И поэтому полезно будет тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников; но они только в таком случае будут в дружеских связях с Римскою державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобою в плодородной земле» [Бернштам 1939: 190]. Как тут не вспомнить сообщение древнерусской летописи: «Въ си же времяна быша и Обри, [иже] ходиша на Иркълия царя и мало его не яша. Си же добре воеваху на Словенех, и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женамъ Дулепскимъ. Аще поехати будяше Обьрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести Обьрена. [и] тако мучаху Дулебы. Быша бо Обьре те-

ломь велици, и оумомь горди, и Богъ потреби я, [и] помроша вси, и не остана ни единъ Обьринъ. [и] есть притъча в Руси и до сего дне: ‘погибоша аки Обре’, ихже несть племени ни наследька» [ПСРЛ 1997: 11–12; ПСРЛ 1998: 9]. Столь высокомерное поведение верхушки аваров говорит о том, что она себя ставила выше остальных народов и считала себя наследницей какой-то могущественной и влиятельной династии. Вполне может быть, что к появлению в Зауралье и Поволжье авары уже были тюрками по языку, а в этническом плане – смешанным тюрко-монгольским народом, и уже позднее в них влился угорский элемент, что и подтвердили исследования генетиков, о чем мы скажем ниже.

Довольно информативным источником являются археологические памятники, связанные с аварами. Материальная культура аваров обнаруживает очевидную связь как с предшествующей культурой европейских гуннов, так и с другими культурами раннего средневековья на территории Восточной Европы, особенно с материальной культурой создателей Салтово-Маяцкой культуры Хазарского каганата. О внешнем облике аваров, как мы уже отметили выше, есть лишь краткие сообщения: «они носили длинные волосы, откиннутые назад, связанные бечевками и заплетенные в косу, в остальном же наружностью своею походили на прочих гуннов» (Феофан), подтверждаемые Иоанном Ефесским, который говорит «об отвратительном “волосатом” народе, называемом аварами» [Пигулевская 1941: 29]. Третье сообщение содержится в Повести временных лет: «Быша бо обре теломъ велици и умом горди» [ПВЛ 2007: 10]. Иными словами, авары предстают со страниц древнерусской летописи как люди статные и большого роста, но согласно византийскому источнику, во всем остальном похожие на прочих «гуннов», отличаясь лишь длинными волосами, заплетенными в косу. Ясно, что из этих сообщений определить точно этническую принадлежность аваров невозможно. Антропологические материалы из аварских погребений в Венгрии дают весьма разнообразный материал: среди авар есть как монголоиды, метисы с преобладанием европеоидных черт, так и европеоиды [Тот, Фирштейн 1970].

Интересные данные получены генетиками при исследовании костных останков в кочевнических погребениях аварского времени на территории современной Венгрии и прилегающих регионов, т. е. тех мест, где располагалась аварская метрополия. На территории Венгрии в погребениях знати аварского времени обнаружены следующие Y-хромосомные гаплогруппы: C2, N1a1a (2 человека), N1a1a1a1a3 (5 человек), C2-P44/M217, G2a, I1, R1a1a1b2a (Z94) (2 человека), R1a1a1b2a2 [Z2124], R1a1a1b1a2b (CTS1211) (3 человека), E1b-V13 (3 человека), R1b1a1b1a1a1 (3 человека), R1b1a1b (L23), Q1a, I2a1a2b (3 человека). Авторы исследования приходят к выводу, что в аварское время на территории Аварского каганата в основном были распространены как азиатские (встречены у тюркских народов и народов Сибири), так и европейские гаплогруппы [Endre Neparáczki 2019]. Двое мужчин (AC4 и AC7) из группы Trans(z)tisza принадлежат к двум различным субкладам Y-хромосомной гаплогруппы Q1: Q1a2-YP791 (F1096, M25) и Q1b-Z35973 (L330, M346) [Csáky et al. 2020]. Клад Q1b-Z35973 (M346) чаще всего встречается у тюркоязычных народов (тувинцев, тубаларов, челканцев, алтайцев), а клад Q1a2-YP791 (M25) – у туркмен Афганистана и Ирана (от 30 до 42%), со значительно меньшей частотой (до 2%) у уйгуров, калмыков и узбеков. У образца SZ1.SG (SZO001.A0101) из Солада (Szólád) в Венгрии, относящегося

к VII в., обнаружена гаплогруппа R1a1a1b2a2a-Z2123 → R1a1a1b2a2a1c~ (R-Y20746) и митохондриальная гаплогруппа J1b [Amorim, Veeramah 2018]. R1a-Z2123 широко распространена у тюркоязычных народов: карачаево-балкарцы (36%), чувашаи (30–35%), татары (до 35%), башкиры (23–63%), киргизы (до 64%), алтайцы (до 51%), хакасы (до 34%), уйгуры (до 35%), казахи (до 20%), крымские татары (до 37%), ногайцы (33–51%). Этот же гаплогруппа обнаружена у исследованных костяков из памятников срубной культуры (XVI–XII вв. до н. э.) и связанных с ней генетически скифских памятников (VI–III вв. до н. э.) [Underhill, Poznik, Rootsi 2015; Unterländer et al. 2017]. В погребениях VII в. в Дунайско-Тисском междуречье к азиатской митохондриальной макрогаплогруппе С относятся два образца C4a1a4 (один C4a1a4a и второй C4b6). Пять образцов входят в макрогаплогруппу D (по одному D4i2, D4j, D4j12, D4j5a, D5b1), три образца – в гаплогруппу F (один F1b1b и два F1b1f). Митохондриальные гаплогруппы M7c1b2b, R2, Y1a1 и Z1a1 представлены одним индивидом. Также была обнаружена еще одна гаплогруппа M7. Европейские митохондриальные гаплогруппы встречаются в основном у женщин и представлены следующими гаплогруппами: H (одна H5a2 и одна H8a1), одна J1b1a1, две T1a (две T1a1), одна U5a1 и одна U5b1b. Также в не элитном захоронении был выявлен один образец с митохондриальной гаплогруппой T1a1b (HC9). Приведенные результаты генетических исследований говорят о смешанности аварского этноса, хотя примеры этих исследований пока не столь многочисленны и картина может поменяться.

Для лингвиста вышеприведенные данные пока не могут дать обширную информацию, но определенная закономерность наблюдается. Прежде всего, примечательно то, что по Y-хромосоме существенная часть аваров является представителями азиатских кладов, чаще всего встречающихся у современных тюркоязычных народов, а также у палеоазиатских народов и других народов Сибири. Это может говорить о том, что основная масса аваров прибыла в Европу уже в значительной мере смешанным народом, состоящим из различных этнических элементов, как тюркских, так и иных азиатских, включая палеоазиатские. Эти исследования, как видим, еще больше усложняют задачу лингвистов, так как при таком разнообразии гаплогрупп и с учетом скудного языкового материала трудно сразу выстроить какую-либо полноценную лингвистическую теорию.

Большинство исследователей придерживается мнения о том, что авары были тюркоязычными, причем ряд тюркологов подкрепляет это мнение главным образом с привлечением материалов чувашского языка [Мудрак 2005: 81–103]. Некоторые исследователи выдвигали теорию о тунгусо-манчжурском происхождении аварского языка [Хелимский 2003]. В связи с этим рассмотрим материалы аварского языка. Сразу стоит оговориться, что часто ряд исследователей относит к памятникам аварского языка рунические и грекографичные надписи на предметах из знаменитого Надь-Сент-Миклошского клада, найденного в Венгрии, а также ряд коротких рунических надписей с предметов из памятников аварского времени [Hampel 1883; Tóth 1930; Németh 1932; Németh 1971]. Однако нужно сказать, что здесь все еще неоднозначно, и такие мнения слишком произвольны (особенно в отношении надписей Надь-Сент-Миклошского клада), и пока нет неопровержимых доказательств того, что эти надписи оставлены аварами. Данные предметы весьма произвольно отнесены к аварам. Неудивительно, что А.М. Щербак

в свое время вообще считал эти надписи печенежскими [Щербак 1959; Щербак 1954: 269–282; Щербак 1971: 76–78], что также является спорным утверждением. В связи с этим мы воздержимся от рассмотрения этих эпиграфических памятников и вариантов их прочтения, предложенных рядом исследователей.

Мы «отсекли» все сомнительные материалы, в том числе и имя священника *Боокалабра* (Βοοκολαβρᾶς), которого Г. Моравчик называет «аварским», ссылаясь на сообщение Симокатты [Mogavcsik 1943: 93]. Дело в том, что Симокатта этого священника называет «скифским» священником, что может иметь отношение как к аварам, так и к венграм, и даже к славянам и германцам: «Σκῦθης ἀνὴρ Βοοκολαβρᾶ τὴν ἐπωνυμίαν περιαγόμενος» ‘Скиф по имени Боокалабра священник’ [Там же]. Кстати, на подробном разборе именно этого слова в основном и строит свою версию Е.А. Хелимский. Но даже если принять аварскую версию происхождения этого священника и его имени, то не менее приемлемой является его тюркская этимология, и именно тюркской этимологии придерживается Г. Моравчик: тюрк. *bō-qolabur* ‘главнокомандующий’ [Mogavcsik 1943: 93], *bögä-qalabur* ‘герой’+‘охранник’, ‘защитник’. Поэтому самым надежным материалом, к сожалению, пока остаются только аварские слова (тителы и имена), сохранившиеся в основном в византийских источниках и однозначно называемые аварскими.

Несколько слов также следует сказать об одном эпиграфическом памятнике, который согласно сообщению Й. Харматты, был обнаружен на эпитафии в Венгрии. Камень (по мнению автора публикации, надгробный) яйцевидной формы расположен на острове Маргит в черте г. Будапешт, на набережной, ведущей в парк, где она поворачивает налево под углом 45°. Й. Харматта считает, что надпись выполнена согдийским письмом и гласит: «Это могила правителя Күмүштудуна (Grave of the ruler Kümüş tudun)» [Harmatta 2004: 179–193]. Аварской он эту надпись считает лишь на том основании, что камень, на которой она выполнена, найден в г. Будапешт. На это мнение Й. Харматты уже ссылается в своей более поздней работе М. Шмаудер как на пример аварского надгробного памятника, единственного в своем роде, хотя там же отмечает его необычность и пока полное отсутствие в Карпатском бассейне и в самой Венгрии классических древнетюркских надгробий, которые встречаются от Южной Сибири до Кавказа [Schmauder 2015: 673]. Мое знакомство с фото и рисунком этого камня, опубликованными Й. Харматтой, не позволяют пока поддержать мнение автора публикации. Вызывает вопросы и сам тезис автора о том, что графика надписи согдийская. По нашему мнению, эти руноподобные знаки вообще трудно (по крайней мере, по рисунку) приписать к какому-либо письму. Необходимо тщательно ознакомиться с самим памятником. Пока же этот так называемый источник аварской ономастики остается довольно сомнительным, и мы вынуждены его также вывести за круг аварской письменности. Сам Й. Харматта в этой же статье пишет о том, что ранее на этом же острове находили поддельные секейские рунические письменные памятники [Harmatta 2004: 179]. Да и сам факт надписи «согдийской» графикой в окрестностях г. Будапешт уже вызывает сомнения.

Вообще следует сказать о том, что этимологии венгерского ираниста часто вызывают обоснованные сомнения, и его работы по реконструкции скифо-сарматских диалектов подвергались критике даже В.И. Абаевым [Абаев 1971: 10–13]. В этой связи нельзя не привести и другую работу Й. Харматты, так как

Фото камня с надписью из г. Будапешт по [Harmatta 2004]

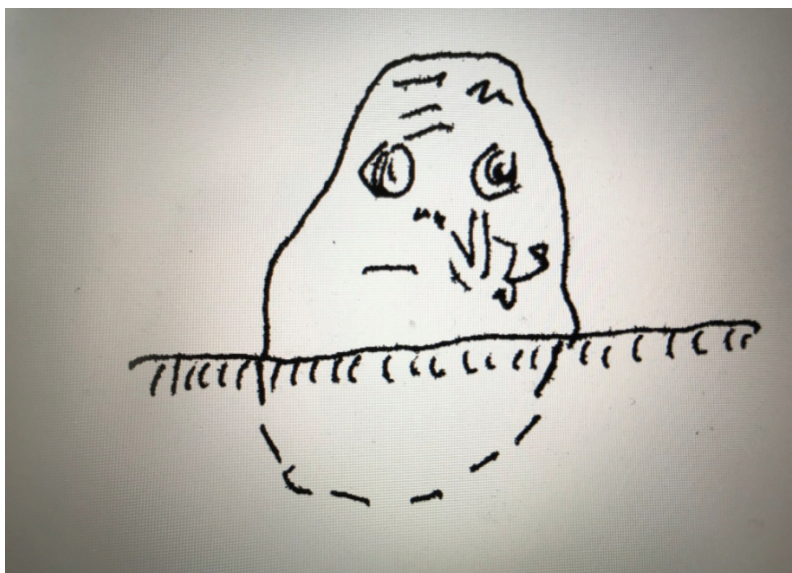

Рисунок камня с надписью из г. Будапешт по [Harmatta 2004]

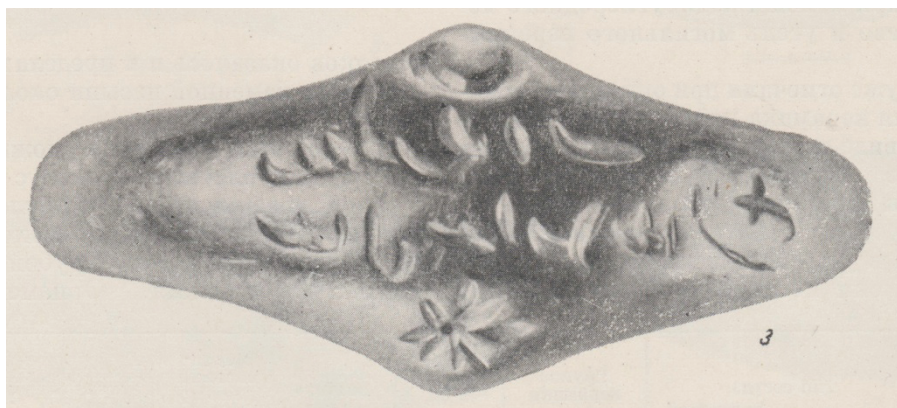
автор в ней также исследует еще один письменный памятник, который ряд исследователей связывают с аvaraми, хотя сам Й. Харматта его с аvaraми не связывает. В этой работе автор разбирает пехлевийскую сасанидскую надпись на золотом персте из богатого погребения военачальника (?) в Уч-Тепе (Азербайджан). Этот памятник хорошо описан советским археологом А.А. Иессеном. Надпись была изучена крупным советским ученым-иранистом и специалистом по культуре Сасанидского Ирана В.Г. Лукониным, который пришел к выводу: «Надписи, выполненные “книжным пехлеви”, характеризуются многозначностью отдельных знаков, наличием многих, иногда трудно расчленяемых лигатур, и потому их чтение, особенно в узком контексте, дает возможность для многочисленных вариантов» и предложил следующие транскрипцию и прочтение надписи: *y'tgwb ḥwlšyt'nR* ‘Адвокат ḥwlšyt'nR (?)’ [Луконин 1965: 193]. При этом, как видим, В.Г. Луконин не совсем уверен в правильности своего варианта, поставив в скобках знак вопроса. Неудивительно, что Й. Харматта предложил свой вариант прочтения этой надписи, полностью отличный от варианта В.Г. Луконина: *Silig i abarzānīgānbed* ‘Силиг, командир стражи королевского шатра’, и далее уже развивает свою версию относительно владельца данного перстня: «Захоронение принадлежало знатному тюрку по имени *Silig*, который поступил на службу к шаху Хосрову I и был назначен им командующим гвардией его генерального штаба. В Кар-наме упоминаются два поселения тюркских племен в Иране в 540/541 г. н. э. и 568 г. н. э., весьма вероятно, это был последний год, в ходе которого тюркский вождь поступил на военную службу к персидскому царю» [Harmatta 2002: 153–159]. При этом автор высказывает мысль о том, что «богатое захоронение в кургане № 3 в Уч-Тепе не может быть захоронением сабира или аварского воина или персидского офицера» [Там же]. Мысль о том, что перстень принадлежал знатному тюрку, служившему в сасанидской армии, и ссылки Й. Харматты на Кар-наме вполне обоснованы, и «тюрк» может оказаться все же сабиром или хазаром с Северного Кавказа (об этом мной подготовлена к публикации отдельная статья), о чем может говорить инвентарь погребения, особенно керамика. Автор раскопок А.А. Иессен считает, что погребенный является, скорее всего, хазарским военачальником [Иессен 1965: 180]. Однако транскрипция и прочтение Й. Харматтой надписи на перстне вызывают сомнения.

Таким образом, список аварских слов, происхождение которых можно считать несомненным, получается не таким уж большим. Рассмотрим этот материал. Начнем с того, что у аваров были приняты следующие тюркские титулы: *хаган*, *тудун*, *тархан*. Однако эти титулы не могут сами по себе ответить на вопрос: каким именно был тюркский язык аваров? Поэтому рассмотрим и некоторые другие сохранившиеся аварские слова. Начнем с самых интересных слов, анализ которых может говорить о наличии в аварском языке шипящих согласных в начале слов и регулярной замены *-k* → *-x* в ряде позиций.

Солах (Солак) *Σόλαχος* – у Менандра аварский посол [Moravcsik 1943: 284]. Г. Моравчик предлагает следующую этимологию: тюрк. *solaq* ‘левша’, ср. кар.-балк. *цолах* ‘левша’ (верх.-балк. д.), ‘однорукий’, чув. *čălax*, баш. *sulak* [Siemieńiec-Golaś 2000: 133]. Но учитывая начальное шипящее *-c* в аварском языке, точнее будет предложить именно верх.-балк. *цолах* (*цолакъ*) в этом же значении. Это слово (как и слово *Кóχ*) может говорить о наличии шипящих или цоканья в языке

Золотой перстень с сасанидской надписью из Уч-Тепе. Фото по А.А. Иессену (1965)

Увеличенное фото пехлевийской надписи перстня по А.А. Иессену (1965)

авар, а также об употреблении глухого *-x* в конце слов вместо *-k*, как это наблюдается в верх.-балк. д. Цоканье также наблюдается в галицко-луцком д. кар. яз., а регулярная замена *-k* → *-x* в трокайском д. Интересно, что у тюркских народов, например у балкарцев Черекского (Балкарского) ущелья, встречаются имя *Цолах* и распространено также прозвище *Цолах* в отношении левши или однорукого. Так, на Северном Кавказе был известен тюрк, родоначальник Кази-Кумухских

ханов *Сурхай-хан Чолакь* (ум. 1748) [ССКГ 1869: 8–11]. Фамилия *Чолакь* и сегодня распространена в Турции. Один из Костековских узденей (Кумыкия) носил имя *Чолак* [Оразаев 2002: 211]. Имя также встречается в древнеуйгурских юридических документах XII–XIII вв. в форме *Çoluq* [ДТС 1969: 153], а также в древних карачаево-балкарских героических сказаниях, например, в сказании «Къара Мусса»: «*Чолакь Къасайнны* алгы бурун сойгъанма» [КПА 1965: 53].

Кандих *Κανδιχ* – по Менандру аварский посол, возглавлявший аварское посольство в Византию [Moravcsik 1943: 149]. Как видим, и в этом имени вновь мы имеем замену конечного -к на глухой -х, как в верх.-балк. д. кар.-балк. яз. *ах* ‘белый’, *быцах* ‘нож’ и т. д. Г. Моравчик связывает это имя с тюрк. *Qandiq*. Иордан приводит имя аланского военачальника V в. (вождя аланов, скиров и садагариев) *Кандак* (*Candac*) [Скржинская 1960: 174]. Ф. Альтхайм сравнивает имя этого аланского военачальника с аварским именем *Кандих* и считает его гуннским [Altheim 1962: 27]. Следует согласиться с Ф. Альтхаймом и добавить, что это имя до сих пор распространено у тюркских народов: алт. (муж.) *Кандык* ‘кандык’, *Кандыкчи* ‘собиратель кандыка’ [Шатинова 1971: 66–67], кар.-балк. (муж.) *Къанда*, *Къандакь* [Крикунова 1959: 109; Темукуев 2008: 115]. В.В. Радлов дает несколько интересных этимологий этого слова: *кандык* (тел., алт.) ‘достоинство хана’, ‘ханское владение’, ‘царство’: *кудайдыл кандыгы* ‘царство небесное’ [Радлов II 1: 124]; *кандык* (алт., тел., саг., койб.) – название первого весеннего месяца (марта) [Там же]; чагат. *кандагъ* *قانداغ* ‘гвоздь’, ‘подкова’, ‘фунт’ [Там же].

Кӧх (Кӧк) *Кӧх* (*Κώχ*) – аварский посол, упоминаемый Симокаттой (ок. 585 г.) [Moravcsik 1943: 172]. Г. Моравчик приводит мнения о связи этого имени с тюрк. *kök* ‘небо’ [Там же]. Форма передачи этого аварского имени близка слову ‘небо’ в верх.-балк. д. кар.-балк. я.: верх.-балк. *кохь* ‘небо’: «Ол *кохьтэ* уцуппаргъан цыфцыхъ нэди? ‘Что это за птичка летит в небе?’».

Апсих *Αψιχ* – аварский посол и военачальник по сообщению Менандра (VI в.) [Moravcsik 1943: 82]. Это же имя носит византийский военачальник гуннского происхождения под 580 г. у Симокатты [Moravcsik 1943: 83].

Остается еще три аварских слова, этимология которых представляет не меньший интерес и говорит об их тюркском происхождении.

Баян *Βαϊανός* – первый каган Аварского каганата (568–582) по Менандру [Moravcsik 1943: 83–84]. Это имя также носил хан Великой (Черной) Булгарии, которая располагалась в Приазовье и Предкавказье. Н.А. Баскаков поддержал тюркское происхождение этого имени и подробно разобрал его этимологию: 1) < *bajan* ‘богатый’; 2) алт. < *baj* ‘запрещенный, священный, волшебный’ (ср. *baj sös* ‘запретное слово’, *baj quš* ‘священная птица’, *Baj ana* ‘священное женское божество’ ~ *rajana* ‘бог, божество’ > *bajan* ‘имя собственное’) [Баскаков 1985: 43]. По его мнению, имя *Баян* генетически связано с древними названиями божеств древнетюркского пантеона, сохранившихся в памяти некоторых тюркоязычных народов Сибири. У якутов *bajanaŋ* – общее название духов, покровительствующих охотникам и рыбакам; *tya bajanaŋ* ‘лесной дух, леший’; *ui bajanaŋ* ‘водяной дух’, всего подобных духов семь, из которых главный *baaj bajanaŋ* ~ *bajanaŋ tojon* ~ *bajanaŋ bootur* [Там же: 144]. У алтайцев *rajana* – одно из названий божества, добрый дух, слуга верховного бога Ульгения, и более древнее представление – женское божество *raj-ana* ~ *taj-ana* [Там же]. Основываясь на этом

анализе, Н.А. Баскаков, приходит к заключению, что развитие значения слов с корнем *baj* ~ *paj* ~ *taj* было последовательным от синкретического значения ‘знахарить, колдовать, ворожить, очаровывать’ ~ ‘пировать, праздновать при жертвоприношении’ (с соответствующими производными словами) ~ ‘болтать, петь сказания, очаровывать пением’ > *Bajan* ‘певец, сказитель’ (ср. монг. *Dubun-bujan* ‘вещий певец’). К этому подробному разбору уместно добавить то, что в языческом пантеоне балкарцев Черекского ущелья был известен божок (дух) *Vaj-to*, связанный с врачеванием лопухом, который мог лечить, например, зубную боль.

Таргит (Таргитай?) *Tarγitēs* – по сообщению Менандра аварский гонец (ок. 560–580 гг.) носил имя *Tarγit*: *Tarγitēs* (*Tarγitēs*), *Tarγitēs* [Moravcsik 1943: 299]. Если принять чтение *Tarγитай*, то можно найти интересные этимологии у тюркских народов. Имена с суффиксом *-тай* широко бытуют у карачаево-балкарцев и других тюркских народов: кар-балк. *Хоштай*, *Чорттай*, *Маштай*, *Къарттай*, *Аттай*, *Атай*, *Мыттай*, *Кыштай*, каз. *Таутай* [Жанузаков 1971: 100], алт. *Кыстай*, *Карастай* [Шатинова 1971: 67], *Алтай-Буучай* [Там же: 68], топонимы *Алтай*, *Къогуштай* (топоним в Балкарии) и т. д. Исследователи отмечают, что топонимы и имена с исходом на *-тай* могут быть полностью объяснены из тюркских языков, в которых, как например, в киргизском, финальное *-тай* может означать родство по материнской линии или представлять собой в соединении с другими существительными форму ласкового обращения. Таковы названия *Мурзатай*, *Мурзатай*, *Урунтай*, *Эбетей*, перешедшие в данной форме в географические имена [Молчанова 1978: 83–84].

Самур (Самор) *Σαμοῦρ* – аварский военачальник ок. 585 г. у Симокатты [Moravcsik 1943: 265]. Н.А. Баскаков приводит имя половца *Самогур*, упоминаемого в древнерусской летописи под 1202 г., которое он возводит к *samyur* ~ *samur* ‘соболь’ [Баскаков 1985: 88]. Нельзя не отметить и алт., тел. *самыра* в значениях: 1) ‘надпись, вырезанная на дереве или на камне’; 2) ‘письмо’: *улчак позу пышкырды алтын самыра пичик туйшту* ‘теленочек фыркнул и выпало золотое письмо’ [Радлов IV 1: 434]. Имя может иметь и более древние корни, связанные с древнейшими мифологическими представлениями тюрков. В карачаево-балкарском языке и мифологии зафиксированы два персонажа – охотничьи летучие собаки *samir* (мн. *samirla*). К.В. Тревер переводит *Сэнмурв* как ‘собака-птица’, а *Паскундж* как ‘птица-собака’, возводя их к др.-иран. *Сэнмурв* (*Симург*) [Тревер 1934: 307]. Этот миф о птице-собаках очень древний и, по мнению исследователей, относится к древним тотемистическим представлениям о полиморфных существах, в частности *Сэнмурв* и *Паскундж*, которые встречаются еще в Авесте [Хайтун 1956: 98]. В кар.-балк. мифологии *самыры* – это, как уже отмечено, две охотничьи собаки (стражи луны), рожденные огромной орлицей и охраняющие луну от чудовища женского пола (дракона) Джелимауз (Зелимауз букв. ‘Рот с клеем’), которое периодически пытается проглотить ее. Один раз в год, утомившись, самыры засыпают, и Джелимауз пытается проглотить луну, вызывая лунное затмение. Тогда жители на земле начинают стучать в медные тазы, стреляют в небо из ружей, чтобы разбудить небесных сторожей. Собаки просыпаются и оттаскивают Джелимауз от луны [Алейников 1888: 161–162; Холаев 1974: 27]. Махмуд Кашгарский сообщает о том, что среди тюрков бытует поверье, будто бы орлица, чувствуя приближение старости, откладывает два яйца и сидит на

них. Из одного яйца выходит собака, которую называют *барақ* براق, она самая быстрая в беге и самая лучшая для охоты. А из второго яйца выходит птенец – это последыш [Ауэзова 2005: 358]. У казахов есть миф «Ит-ала-каз» (букв. ‘Собака-пестрый гусь’) о птице, выводящей из яиц гончих собак. *Ит-ала-каз* кладет яйца в старых заброшенных мазарах (мавзолеях), на безлюдных и возвышенных холмах, где встречаются необитаемые норы различных зверьков и т. д. Из яиц выводятся гончие собаки, получившие прозвище «кумай». Появляются они крошечными, имеют черную или белую грудь, отличаются необыкновенной быстротой, смелостью и ловкостью, так что ни одна жертва охоты, подвергаясь преследованию кумая, не остается не пойманной. Казахи убеждены, что *Ит-ала-каз* подвержена менструации, и поэтому эта птица ими не употребляется в пищу. Казахи говорят, что участь кумая-щенка печальна, ибо как только он вылупляется из яйца, *Ит-ала-каз* бросает его на произвол судьбы, и он неминуемо погибает в гнезде голодной смертью. Вот почему кумай бывают весьма редки, попадают лишь в руки счастливейших людей и производят на последних весьма благодатное действие [Диваев 1908: 149–150]. Интересно, что не собака, а именно птенец является «последышем», хотя на всех изображениях Паскундж-Хумай перед нами явно птица. Не было ли «собачье» начало очень важным в образе Паскундж-Хумай? Этот миф сохранялся также на Кавказе еще в 20-е гг. XX в. и был известен не только у карачаево-балкарцев, но и у грузин, сванов и армян. Это миф о *курче*, мифической собаке, щенке орла-ягнятника. По поверью, существовавшему в Сванетии, у орлов-ягнятников в числе птенцов каждый раз вылупляется по одному щенку, которого орлы поднимают выше облаков и оттуда сбрасывают его в пропасть, чтобы он не достался бы человеку и не был бы использован охотниками. У *курчи* на плечах – орлиные крылья; *курчи* столь быстры в беге, что в несколько прыжков настигают тура. Однажды случайно найденный и вскормленный *курча* стал опустошать стада туров и газелей. За это он был прикован к скале вместе с Амираном. В Сванетии поется песня, в которой охотник оплакивает своего *курчу*, воспевая его качества на охоте [Шаншиев 1931: 91]. Память о *самырах* осталась и в топонимии Балкарии, в Суканском ущелье, где есть местность *Самыр-сырты* ‘Возвышенность самыров’ [Коков, Шахмурзаев 1970: 109]. Возможно, здесь было какое-то культовое место. Археологами оно еще не исследовано.

Приведенными примерами и исчерпывается список ономастического материала, однозначно связанного с аvaraми. Как видим, материал не очень большой и достаточно нейтральный, чтобы отнести его к какой-либо группе тюркских языков согласно ныне принятой тюркологами классификации. С полной определенностью можно сказать лишь то, что, во-первых, аварский язык не относится к тунгусо-манчжурским языкам (как в свое время предложил Е.А. Хелимский). Во-вторых, аварский язык является тюркским, но нет пока оснований сближать его с каким-то конкретным современным тюркским языком. Самое интересное то, что даже этот небольшой проанализированный нами материал дает почву для дальнейших интересных рассуждений. В частности, о возможном наличии в аварском языке шипящих согласных в начале слова и возможную регулярную замену -к глухим -х в конце слов, что в свою очередь может говорить о его сближении по этим признакам с карачаево-балкарским (верх.-балк. д.) и караимским

(трок. д. и гал.-луц. д. в равной мере) и отчасти с чувашским языками. Но все это, конечно, пока лишь гипотетические допущения, так как материала недостаточно. Возможно, новые открытия не только археологов, но и специалистов по письменным византийским источникам обогатят этот материал, что позволит нам сделать более обоснованные и более определенные выводы. А пока мы вынуждены констатировать, что аварский язык (или язык народа, известного в Европе, как «авары») пока нельзя причислить к какой-либо конкретной группе тюркских языков (кыпчакской, огузской или иной), а ясно только одно – он был тюркским.

Сокращения

алт. – алтайский язык	кар.-балк. – карачаево-балкарский язык
баш. – башкирский язык	кар. яз. – караимский язык
верх.-балк. д. – верхне-балкарский диалект карачаево-балкарского языка	тел. – телеутский язык
гал.-луц. д. – галицко-луцкий диалект караимского языка	трок. д. – трокайский диалект караимского языка
	тюрк. – тюркские языки
	чув. – чувашский язык

Литература

- Абаев 1971 – *Абаев В.И.* О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифской археологии. – М.–Л.: Наука, 1971. – МИА №177. – С. 10–13. {*V.I. Abayev. On Some Linguistic Aspects of the Scythian-Sarmatian Problem // Problems of Scythian Archeology. – Moscow–Leningrad: Nauka, 1971. – MIA No. 177. – PP. 10–13.*}
- Алейников 1888 – *Алейников М.* Карачаевские сказания // Сб. для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). – 1888. – Вып. III. {*M. Aleynikov. Karachay Tales // Collection of Materials for Describing the Localities and Tribes of the Caucasus (SMOMPK). – 1888. – Issue III.*}
- Ауэзова 2005 – Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер., пред., ком. З.-А.М. Ауэзовой. Индексы Р. Эрмерс. – Алматы, 2005. {*Mahmud al-Kashgari. Divan Lugat at-Turk / Transl., preface, comment. by Z.-A.M. Auezova. Indexes by R. Ermers. – Almaty, 2005.*}
- Баскаков 1985 – *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» / Под ред. А.Н. Кононова. – М.: Наука, 1985. {*N.A. Baskakov. Turkic Vocabulary in «The Tale of Igor's Campaign» / Ed. by A.N. Kononov. – Moscow: Nauka, 1985.*}
- Баскаков 1984 – *Баскаков Н.А.* Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. – Алма-Ата: Наука, 1984. {*N.A. Baskakov. The Names of the Polovtsians and the Names of the Polovtsian Tribes in the Russian Chronicles // Turkic Onomastics. – Alma-Ata: Nauka, 1984.*}
- Бернштам 1939 – *Бернштам А.Н.* Авары и болгарская держава Органы и Кубрата // История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства. – Части III–IV. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1939. {*A.N. Bernshtam. Avars and the Bulgarian State Organs and Kubrat // The History of the USSR from Ancient Times to the Formation of the Old Russian State. – Parts III–IV. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939.*}
- Бичурин 1950 – *Бичурин И.* Собрание сведений о народах Средней Азии. – Ч. I, Том 1. – М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. {*I. Bichurin. Collection of Information about the Peoples of Central Asia. – Part I, Volume 1. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950.*}
- Веселовский 1888 – *Веселовский А.Н.* Истории романа и повести. – СПб.: Славяно-романский отдел ИАН, 1888. – Вып. 2. {*A.N. Veselovsky. The History of the Novel and the Novella. – St.-Petersburg: Slavo-Romanesque Department of the Imperial Academy of Science, 1888. – Issue 2.*}
- Гаркавец 2015 – Великая Степь в античных и византийских источниках: сборник материалов / Составление и редакция А.Н. Гаркавца. – Алматы: Баур, 2005. {*The Great Steppe According to An-*

- tic and Byzantine Sources: a Collection of Materials / Collected and edited by *A.N. Garkavets*. – Almaty: Vaur, 2005.}
- Гордлевский 1947 – *Гордлевский В.А.* Что такое «босый волк»? // Известия АН СССР, отд. литературы и языка. – М., 1947. – Т. VI. – Вып. 4–6. {*V.A. Gordlevsky*. What is the «barefoot wolf»? // Bulletin of Academy of Sciences of the USSR, Depart. of Literature and Language. – Moscow, 1947. – Vol. VI. – Issues 4–6.}
- Диваев 1908 – *Диваев А.А.* Ит-ала-каз // Этнографическое обозрение. – 1908. – № 1–2. {*A.A. Divaev*. It-ala-kaz // Ethnographic Review. – 1908. – No. 1–2.}
- Жанузаков 1971 – *Жанузаков Т.Ж.* Обычаи и традиции в казахской антропонимии // Этнография имен. – М.: Наука. 1971. {*T.Zh. Zhanuzakov*. Customs and Traditions in the Kazakh Anthroponymy // Ethnography of Names. – Moscow, 1971.}
- Иессен 1965 – *Иессен А.А.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Том II (1956-1960 гг.). Отв. ред. А.А. Иессен и К.Х. Кушнарева. М.-Л. 1965. С. 153-193. {*A.A. Iessen*. Excavations of the big mound in the Uch-Tepe tract // Works of the Azerbaijan Archaeological Expedition. Vol. II (1956-1960). Ed. by A.A. Iessen and K.H. Kushnareva. – Moscow–Leningrad, 1965. p. 153-193.}
- Колпаков 1948 – *Колпаков А.П.* К вопросу о скотоводческих терминах у таджиков Кулябской области // Сообщения Таджикского филиала АН СССР. – Сталинабад, 1948. – Вып. IX. {*A.P. Kolpakov*. On the Question of the Pastoral Terms among the Tajiks of the Kulyab Region // Reports of Tajik Branch of Academy of Science of the USSR. – Stalinabad, 1948. – Issue IX.}
- Луконин 1965 – *Луконин В.В.* Надпись на перстне из кургана в Уч-Тепе // Труды Азербайджанской археологической экспедиции Том II (1956-1960 гг.). Отв. ред. А.А. Иессен и К.Х. Кушнарева. М.-Л. 1965. С. 193. {*V.V. Lukonin*. The inscription on the ring from the burial mound in Uch-Tepe // Works of the Azerbaijan Archaeological Expedition. Vol. II (1956-1960). Ed. by A.A. Iessen and K.H. Kushnareva. – Moscow–Leningrad, 1965. p. 193.}
- Молчанова 1978 – *Молчанова О.Т.* Элемент *тай* в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С. 83–84. {*O.T. Molchanova*. The Element *tai* in the Toponymy of Central Asia // Onomastics of Central Asia. – Moscow, 1978. – PP. 83–84.}
- КПА 1965 – Къарачай поэзияны антологиясы. – Ставрополь, 1965. {Anthology of Karachai Poetry. – Stavropol, 1965.}
- Коков, Шахмурзаев 1970 – *Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О.* Балкарский топонимический словарь. – Нальчик, 1970. {*Dzh.N. Kokov, S.O. Shakhmurzayev*. Balkar Toponymic Dictionary. – Nalchik, 1970.}
- Крикунова 1959 – Документы по истории Балкарии / Сост. *Е.О. Крикунова*. – Нальчик, 1959. {Documents on the History of Balkaria / Collected by *E.O. Krikunova*. – Nalchik, 1959.}
- Мудрак 2005 – *Мудрак О.А.* Аварская надпись на сосуде изклада Надь-Сент-Миклош // *Orientalia et Classica*. – М., 2005. – Вып. 6. – С. 81–103. {*O.A. Mudrak*. Avar Inscription on a Vessel from the Treasure of Nagy-Szent-Miklós // *Orientalia et Classica*. – Moscow, 2005. – Issue 6. – PP. 81–103.}
- Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М: Главная редакция Восточной лит-ры, 1994. {The Narts. The Heroic Sagas of Balkars and Karachays. – Moscow, 1994.}
- Пигулевская 1941 – *Пигулевская Н.В.* Авары и славяне в сирийской историографии // Советское востоковедение. Т. II. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1941. {*N.V. Pigulevskaya*. Avars and Slavs in Syrian Historiography // Soviet Oriental Studies. Vol. II. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941.}
- ПВЛ 2007 – Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, ст. и коммент. *Д.С. Лихачева*. Под ред. *В.П. Адриановой-Перетц*. – СПб., 2007. {The Tales of Bygone Years / Text, transl., comment. by *D.S. Likhachev*. Ed. by *V.P. Adrianova-Peretz*. – Moscow, 2007.}
- ПСРЛ I – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки славянской культуры, 1997. {The Complete Collection of Russian Chronicles. Volume 1. Lavrentievskaya chronicle. – Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 1997.}
- ПСРЛ II – Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. – М.: Языки славянской культуры, 1998. {The Complete Collection of Russian Chronicles. Volume 2. Ipatievskaya Chronicle. – Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 1998.}
- ССКГ 1869 – Материалы для истории Дагестана // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. – Вып. II. – С. 8–11, схема родословной Кази-Кумухских ханов. {Materials for the

- History of Dagestan. Collection of Information about the Caucasian Highlanders. – Tiflis, 1869. – Issue 2. – PP. 8–11, The Scheme of the Genealogy of the Kazi-Kumukh Khans.}
- Оразаев 2002 – Письмо от Костековского владетеля Хамзы сына Алиш-бека Кизлярскому коменданту И.Л. фон-Фрауендорфу (1756 г.) – Госархив Респ. Дагестан, ф. 379, оп. I, д. 357, л. 2. Подлинник // *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. – Махачкала, 2002. {A Letter from the Kostekov Ruler Hamza, Son of Alish-bek to the Kizlyar Commandant I.L. von Frauendorf (1756). – The State Archive of Dagestan, found 379, inventory I, case 357, sheet 2, the original document // *G.M.-R. Orasayev.* Monuments of Turkic-Speaking Business Correspondence in Dagestan in the XVIIIth century. – Makhachkala, 2002.}
- Радлов II 1 – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий/Versuch eines Wörterbuch der Türk-Dialekte. – Том II, Часть 1. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1899. {*W. Radloff.* An attempt of a dictionary of Turkic dialects. – Vol. II, Part 1. – Saint-Petersburg: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences, 1899. – 1052 p.}
- Радлов IV 1 – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий/Versuch eines Wörterbuch der Türk-Dialekte. – Том IV, Часть 1. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1911. {*W. Radloff.* An attempt of a dictionary of Turkic dialects. – Vol. IV, Part 1. – Saint-Petersburg: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences, 1911. – 1116 p.}
- Темукуев 2008 – *Темукуев Б.Б.* Балкарская общественная колесная дорога. – Нальчик, 2008. {*B.B. Temukuev.* Balkar Public Wheeled Road. – Nalchik, 2008.}
- Тенишев, Суюнчев 1983 – Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. чл.-корр. АН СССР Э.Р. Тенишева и к.ф.н. Х.И. Суюнчева. – М.: Русский язык, 1989. {Karachay-Balkar-Russian Dictionary / Ed. by *E.R. Tenishev* and *Kh.I. Suyunchev.* – Moscow: Russkiy Yazyk, 1989.}
- Тот, Фирштейн 1970 – *Тот Т.А., Фирштейн Б.В.* Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: авары и сарматы. – Л.: Наука, 1970. {*T.A. Tõth, B.V. Firstein.* Anthropological Data on the Great Migration of Peoples: Avars and Sarmatians. – Leningrad: Nauka, 1970.}
- Тревер 1934 – *Тревер К.В.* Собака-птица: Сэнмурв и Паскундж // Изв. Государственной академии истории материальной культуры. – М.–Л., 1934. – № 100. {*K.V. Trever.* Dog-Bird: Senmurv and Paskunj // Bulletin of the State Academy of History of Culture. – Moscow–Leningrad, 1934. – No. 100.}
- Филоненко 1914 – *Филоненко С.* Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1914. – № 8. {*S. Filonenko.* Bashkirs // Bulletin of the Orenburg Educational District. – 1914. – No. 8.}
- Хайтун 1956 – *Хайтун Д.Е.* Пережитки тотемизма у народов Средней Азии и Казахстана // Ученые записки Таджикского госуниверситета. – Сталинабад, 1956. – Т. XIV. {*D.Ye. Khaytun.* Remnants of Totemism among the Peoples of Central Asia and Kazakhstan // Scientific Notes of the Tajik State University. – Stalinabad, 1956. – Vol. XIV.}
- Хелимский 2003 – *Хелимский Е.А.* Тунгусо-манчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология // Мат-лы к докладу на XIII Международном съезде славистов. Любляна, 15–21 августа 2003. {*Ye.A. Khelimsky.* The Tungus-Manchu Language Component in the Avar Khaganate and Slavic Etymology // Materials to the Report at the XIII International Congress of Slavists. Ljubljana, August 15–21, 2003.}
- Холаев 1974 – *Холаев А.З.* Карачаево-балкарский нартекский эпос. – Нальчик, 1974. {*A.Z. Kholayev.* Karachay-Balkar Nart Sagas. – Nalchik, 1974.}
- Щербак 1959 – *Щербак А.М.* Надписи на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов) // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.–Л., 1959. – № 75. {*A.M. Shcherbak.* Inscriptions on Ceramics and Bricks from Sarkel – Belaya Vezha (on the Question of the Language and Writing of the Pechenegs) // Materials and Research on the Archaeology of the USSR. – Moscow–Leningrad, 1959. – No. 75.}
- Щербак 1954 – *Щербак А.М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // Советская археология. – 1954. – XIX. {*A.M. Shcherbak.* A Few Words about the Way of Reading of Runic Inscriptions Found on the Don Area // Soviet Archaeology. – 1954. – XIX.}
- Щербак 1971 – *Щербак А.М.* О рунической письменности в юго-восточной Европе // Советская тюркология. – 1971. – № 4. {*A.M. Shcherbak.* On the Runic Writing in South-Eastern Europe // Soviet Turcology. – 1971. – No. 4.}
- Шаншиев 1931 – *Шаншиев З.* По Сванетии. Путевые очерки. – Тифлис, 1931. {*Z. Shanshiyev.* In Swanetia. Travel Essays. – Tiflis, 1931.}

- Шатинова 1971 – *Шатинова Н.И.* К истории алтайских имен // Этнография имен. ИЭ АН СССР. – М.: Наука, 1971. – С. 66–67. {*N.I. Shatinova. On the History of Altai Names // Ethnography of Names. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. – Moscow, 1971. – PP. 66–67.*}
- Altheim 1962 – Altheim F. *Geschichte der Hunnen.* – Bd. V. – Berlin, 1962.
- Amorim, Veeramah 2018 – *Amorim C.E.G., Veeramah K.R. et al.* Understanding 6th-Century Barbarian Social Organization and Migration Through Paleogenomics // *Nature Communications.* – 2018. – Vol. 9. – Article number: 3547 (2018).
- Atabien 1952 – *Atabien R.S.* Les apports turcs dans le peuplement et la civilization de l'Europe orientale. – İstanbul, 1952.
- Csáky et al. 2020 – *Csáky V., Gerber D., Koncz I. et al.* Author Correction: Genetic Insights into the Social Organisation of the Avar Period Elite in the 7th Century AD Carpathian Basin // *Scientific Reports.* – 2018. – Vol. 10. – Article number: 13398 (2020).
- Golden 1980 – *Golden P.* *Khazar Studies.* Vol. I–II. – Budapest, 1980.
- Hampel 1980 – *Hampel J.* Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós, sogenannter «Schatz des Attila»: Beitrag zur Kunstgeschichte der Völkerwanderungsepoche. – Budapest, 1885.
- Harmatta 2002 – *Harmatta J.* A Turk Officer of the Sāsānian King Xusrō I // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 2002. – No. 55 (1–3). – PP. 153–159.
- Harmatta 2004 – *Harmatta J.* Kümüş tudun avar fejedelem sírfelirata a Margit-szigeten (Epitaph of an Avar Prince in the Margaret-Island) // *Archaeologiai Értesítő.* – 2004. – No. 129 (1–2). – PP. 179–193.
- Moravcsik 1943 – *Moravcsik G.* *Byzantinoturcica.* – II. – Budapest, 1943.
- Németh 1932 – *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós // *Bibliotheca Orientalis Hungarica.* – II. – Budapest–Leipzig, 1932.
- Németh 1971 – *Németh J.* The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe // *Acta Linguistica Hungarica.* – XXI. – 1971.
- Schmauder 2015 – *Schmauder M.* Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE // *Bonn Contributions to Asian Archeology / Ed. by Jan Bemann.* – Vol. 7. – Bonn, 2015. – P. 673.
- Siemieniec-Golaś 2000 – *Siemieniec-Golaś E.* *Karachay-Balkar Vocabulary of Proto-Turcic Origin.* – Kraków, 2000.
- Tóth 1930 – *Tóth Z.* Attila's Schwert. Studien über die Herkunft des sogenannten Säbels Karls des Großen in Wien. – Antrittsvorlesung. Hrsg. v.d. Ungarischen Akademie der Wissenschaften. – Budapest, 1930.
- Underhill, Poznik, Rootsi et al. 2015 – *Underhill P.A., Poznik G.D., Rootsi S. et al.* The Phylogenetic and Geographic Structure of Y-Chromosome Haplogroup R1a // *European Journal of Human Genetics.* – 2015. – Vol. 23. – PP. 124–131.
- Unterländer et al. 2017 – *Unterländer M. et al.* Ancestry and Demography and Descendants of Iron Age Nomads of the Eurasian Steppe // *Nature Communications.* – 2017. – DOI: 10.1038/ncomms14615. – P. 8.

More about the Avar language (According to Byzantine sources)

A.A. Glashev

Moscow

Summary: The article studies the problem of the language of Avars who established the Avar Khaganate in Central Europe, the data on the genetics and DNA extracted from the bone remains in the archeological monuments of Avar period within the territory of historical Pannonia, their comparison with linguistic and historical sources on the history of the Avars. The author studies nowadays theories on the origin and language of Avars, various controversial opinions regarding the Avar language, etymology of Avar words preserved in Byzantine sources which are indisputably of Avar origin, including a critical analysis of words which Avar origin is not confirmed or doubtful, despite the fact that these words are considered «Avar» in number of works on Avar language. As a result of a detailed analysis of Byzantine sources about Avar language, archaeological sources and genetic data of remains from the monuments of the Avar time in

Hungary, the author concludes that Avar language was Turkic, it did not belong to Tungus-Manchu languages, it could be characterized by the presence of sibilant consonants at the beginning of words and replacement $-k \rightarrow -x$ at the end of words, which to a certain extent brings it closer to vocabulary and phonetics of Karachay-Balkar, Karaite, Chuvash and a number of other languages, but at the same time, according to the above said sources yet it cannot be attributed to any specific group of Turkic languages, including Chuvash language, since the words which can be identified as Avar ones are neutral in this regard. The author believes that new sources are needed for the final solution of this problem. Such sources may be found in the European and Byzantine archives.

Keywords: Avars, the Avar language, Byzantine sources on the Avar language, sibilant consonants, Tungus-Manchu languages, Avar words, Chuvash language, Karachay-Balkar language.

Akhmed Alabiyevich Glashev – postgraduate, the Institute of Asian and African Countries of the Lomonosov State University of Moscow, *e-mail*: a.glashev@mail.ru.

КИЗЛЯРСКИЙ ГОВОР ТЕРСКОГО ДИАЛЕКТА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В АРЕАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Г.-Р.А.-К. Гусейнов

г. Махачкала

Резюме: Изолированный кизлярский (селения Кизляр, Предгорное и Малый Малгобек Моздокского района Республики Северная Осетия – Алания) говор терского диалекта кумыкского языка еще не становился предметом специального рассмотрения. Основная цель данной публикации – рассмотрение лексических особенностей данного говора в широком ареальном и историческом контексте его взаимоотношений с другими кумыкскими диалектами и иными тюркскими языками. В результате произведенного анализа были установлены дополнительные лингвистические и исторические аргументы, которые указывают на обширные западные ареальные пределы распространения кумыкского языка в позднем средневековье и более раннее возникновение некоторых рассмотренных при этом лексических особенностей данного говора.

Ключевые слова: кумыкский язык, терский диалект, кизлярский говор, ареальный контекст/ареальная лингвистика, исторический контекст.

Носители рассматриваемого говора терского диалекта кумыкского языка исторически (оказавшись в дальнейшем, но лишь с XVIII–XIX вв., в русско-осетино-(кабардино)-ингушском окружении) проживают в настоящее время в собственно кумыкских селениях Моздокского района Республики Северная Осетия – Алания, главным образом, Кизляр (Верхние Бековичи/Бекиш-юрт, Кучук/Гючюк-юрт), а также Предгорное и Малый Малгобек. По переписи 2010 г. их насчитывалось 16 092 человека.

Данный говор терского диалекта кумыкского языка еще не становился объектом системного лингвистического анализа, в отличие от другого – бораганского (брагунского) – говора, монографически описанного Н.Х. Ольмесовым [Ольмесов 1994], памяти которого посвящена настоящая статья.

Впервые терский диалект кумыкского языка, именуясь «кизляро-моздокским», упоминается в перечне «татарских» (тюркских) наречий России Т.Н. Макаровым в его «Татарской грамматике кавказского наречия» [Макаров 1848: III] – первой научной грамматике кумыкского языка. Лишь в 1967 г. фонетические, грамматические и лексические особенности терского диалекта впервые, но без упоминания его говоров были сравнительно подробно описаны в «Очерках кумыкской диалектологии» И.А. Керимова [Керимов 1967: 105–134].

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета, e-mail: garun48@mail.ru.

Затем Ж.М. Хангишиев [Хангишиев 1989: 78–79], характеризуя терский диалект, приводит краткое описание его фонетико-грамматических особенностей в целом и более подробное – лексических черт (ср. русизмы, присущие говору с. Кизляр – русск. диал. терск. *ванда* ‘прутяная сеть’ (с XVII в.), известное и брагунскому говору [Гусейнов 2010: 165] при кум. кизляр. *лестик* ‘сатин’ [Хангишиев 1989: 79] < *ластик* ‘хлопчатобумажная ткань, с лицевой стороны похожая на атлас’ (впервые в словаре Даля) [ССРЛЯ 1957: 6, 74], имеющее в говорах, но не терских, значение ‘сатин’ [см. СРНГ 1980: 16, 281]). В дальнейшем фонетический материал брагунского и кизлярского говоров, наряду с прочими кумыкскими диалектами и говорами, становится предметом сравнительно-исторического рассмотрения в монографии Н.Х. Ольмесова [Ольмесов 1997].

В 2015 г. учителями кумыкского языка и литературы школ с. Кизляр А.Ш. Магометовой, И.З. Хажалиевой, Р.Г. Шамурзаевой был впервые осуществлен сбор лексического материала говора на основе словника (более 1300 наименований) «Серии межконтинентальных словарей» Департамента лингвистики Института эволюционной антропологии имени М. Планка (г. Лейпциг, ФРГ). Выявленная специфическая, неизвестная кумыкскому литературному языку лексика данного говора (174 лексические единицы) была обнародована в специальной статье [Магометова и др. 2015]. Автором данной статьи в 2017–2018 гг. был осуществлен целый ряд иных публикаций, некоторые материалы которых были использованы в данной работе (см. в последующем изложении). В силу того что терский диалект отличается от литературного языка «лишь некоторыми незначительными морфологическими особенностями» [Керимов 1967: 120], целью настоящей работы стал диахронно ориентированный (в ареальном и историко-этимологическом контексте) анализ лексических особенностей рассматриваемого говора. Его фонетические особенности, рассмотренные в том же контексте, стали предметом анализа в другой статье, которая сдана в печать.

Верхний предел хронологических рамок настоящего исследования составляет в основном время от начала формирования кумыкского языка в качестве самостоятельной общности. Оно может быть отнесено к эпохе позднего Средневековья (в европейской традиции это обычно XIV–XV вв.), когда имеет место связываемый с экспансией Тимура распад, по лексико-статистическим данным, к концу XIV – началу XV вв. (северо)кавказской тюркской общности кумыкского и карачаево-балкарского языков [СИГТЯ 2002: 732, рис. 3, 736], что, в принципе, предполагает их прошлую территориальную смежность. Причем уже в конце XIV в. часть терских кумыков – будущих носителей терского диалекта – уходит в связи с этим в Крым, где с ними в дальнейшем отождествляется один из четырех правящих родов – барын (другие – ширин, аргын и мансур) [Алиев 2004: 91–95] из области Борган-Маджар, где находился в XIII–XVI вв. крупнейший золотоордынский город Северного Кавказа Маджар (ныне г. Буденновск Ставропольского края).

Причем Маджар был известен письменной кумыкской исторической традицией («Дербенд-Наме») в том же Позднем Средневековье, связываясь с предшествующей эпохой хазар как крепость Уллу (Большой) Маджар (будущий Татартуп – Верхний Джулат) наряду с крепостью Кичи (Малый) Маджар на территории Засулакской Кумыкии [Алиев 2009а: 393].

О древности данного ойконима и пребывания там же хазарских предков кумыков говорит то, что он может быть возведен к названию реки, страны и хазарского города Баланджар/Баранджар, первой столицы хазар, который отождествляется некоторыми историками с Маджаром. Видимо, не случайно только в золотоордынский (вторая половина XIII – начало XVI вв.) период, но не раньше, как это обычно полагают, имеет место окончательная кыпчакизация кумыкского, как и других болгарских (куманских) языков Крыма, Северного Кавказа и Дагестана [Гусейнов 2010: 86, 87, 171], при том что развитие *б->м-* в Маджар из Баланджар/Баранджар могло быть обусловлено именно кыпчакским влиянием [Дыбо 2007: 40].

Уже к 1502 г., ко времени падения Большой Орды, государство кумыков (Къумукъ гъакимиег), называвшееся с XVI в. Вилайат Дагестан с титулом его правителя-чингизида *шаухал/шамхал*, включало в свой состав пространство от реки Баксан до Дербента. В его состав входило и Брагунское ханство [Идрисов, Абдусаламов 2013].

Потомки его владетелей возводили себя к упоминаемому в 1396 г. Бораганхану «властелину Татартупа» (Верхнего Джулата) [Алиев 2008: 117, 196 табл. 21], который располагался по обеим сторонам р. Терек близ современного с. Эльхотово (отождествляется с Верхним Джулатом (кум. терск. Ялхот > совр. осет. Елхот) в нынешней Северной Осетии). И в дальнейшем, еще в 1666 г., знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби [Челеби 1979: 101–102] упоминает там же, в городе Татартуп (Верхний Джулат) – крупнейшем городском центре Золотой Орды на Северном Кавказе – «множество хранителей-тюрбедаров, которые происходят из кумыков» (надо полагать, терских). Причем память о Джулате, исчезнувшем городе, сохранилась в лексике кизлярского говора, в котором слово *джулат* обозначает привидение – *гёзге гёрюнеген зат* [см. Хангишиев 1989: 79] ‘глазу видимое нечто’.

В отношении вассалитета к *шаухалу/шамхалу* ‘верховному правителю’ находились и другие соседние кумыкские государственные образования того времени: Тюменское крым-шамхальство в низовьях Терека и Кумы (именно по ее течению на месте нынешнего Буденновска был расположен г. Маджар – см. выше) с южными границами до р. Сулак в XV в. (причем кумыки, надо полагать, кизлярцы, были известны еще с XV–XVI вв. в г. Малая Тюмень, находившемся на месте нынешнего Моздока (кум. терск. Мазлек) [Ярбаш, Идрисов 2018: 32–33], в районе которого они проживают до настоящего времени в с. Кизляр); Кайтаг, который располагался между Дербентом и средневековым кумыкским городом Бойнакь (нынешний Избербаш), в то время как Брагунское ханство (Борагъан) находилось ко времени вторжения Тимура между Беш-Тау, или Беш-Дагом (Пятигорьем), и средним течением Терека [Ханмурзаев, Идрисов 2008: 124], в пределах побережья которого до сих пор проживают кизлярцы и брагунцы – носители терского кумыкского диалекта.

Кабардинские поселения, традиционно именуемые Малой Кабардой, появились в районе будущего Моздока, где еще в XV–XVI вв. были известны кумыки (см. выше), лишь к началу 60-х гг. XVIII в. [Волкова 1974: 56]. В начале 20-х гг. XIX в. владельцы Малой Кабарды кумыкские князья Бековичи-Черкасские, которые получили в 1824 г. грамоту, узаконившую их право на владение здесь

100 тыс. десятин земли [Ист. Сев. Кав. 1988: 95], переселяют сюда кумыков из принадлежавших им селений, находившихся в предгорной зоне нынешней Чечни и вытесненных из них в середине-конце XVIII в. Ими в Малой Кабарде были основаны кумыкские селения Кизляр, Коздемир, Магомет-Юрт и др. И уже в 1873 г. кумыков насчитывалось в Малой Кабарде 2106 человек [Гусейнов 1999: 56], в 1897 г. – 2349 [Перепись 1905: 82]. Осетинские поселения в районе крепости Моздок появляются позднее кабардинских, и первые из них – Черноярское и Новоосетинское – стали известны в лишь в начале XIX в. [Магометов 1963: 109].

Таким образом, кумыкское (тюркское) население вышеназванной области было исторически первичным. Неслучайно к числу следствий, в сущности, исторически непродолжительных контактов с вышеупомянутым пришлым населением в условиях, когда кумыкский язык использовался в регионе в качестве основного средства межэтнического общения (известны факты, когда в рассматриваемую эпоху в Кизляр приезжали жители соседних селений, например, ингуши, для того, чтобы выучить кумыкский язык [Волкова 1974: 209]), исследователи относят всего два осетинских слова – *катцахъур* ‘кустарник с кислыми листьями’ и *г’айэт бишлахъ* ‘творог’, где последнее слово обозначает в кумыкском ‘сыр’ [Керимов 1967: 123].

Таковой была история и историческая область расселения носителей кизлярского говора терского кумыкского диалекта. Они вместе с тюменами и гуенами [Алиев 2011], последние из которых исторически проживали на территории нынешней Чечни, – двумя субэтническими подразделениями других северных кумыков, занимавших восточные пределы Притеречья, – могут быть отнесены к числу древнейших кумыкских равнинных и предгорных субэтносов, занимавших вместе с терскими кумыками западную часть области исторического расселения кумыков.

Показательно, что последующий этимологический анализ только части вышеупомянутой лексики позволил в дальнейшем установить словесную единицу, относящуюся к древнейшему праалтайскому уровню. Об этом говорит анлаутное *гь-(h-)*, указывающее на возможность сохранения древнего (пра)алтайского облика данного слова [Дыбо 2007: 48–49]. Ср.: *гьакгоьв* ‘безумный’ при браг. терск. *гьагев* [Комри, Халилов 2010: 731], кум. лит. *гьайгев*, кум. хасав. *гьайюв* ‘глупый’. Данные формы могли развиться в результате действия различных процессов лабиализации, характерных для названных диалектов [Ольмесов 1997: 59, 61–62]. В качестве исходной может рассматриваться кум. лит. *гьанкъав* ‘глупый, тупой, бестолковый’ при ног. лит. *анъкав* ‘1) наивный человек; простака, простофиля; 2) глупый; 3) разиня, ротозей’, которые, наряду с аналогичными формами других тюркских языков, являются названиями носителя процесса от *аη-* ‘опешить’ [Севортян 1974: 154]. При этом аналогичные изменения консонантизма (-*η-/-з-/-й-//къ) в инлаутной позиции оказываются присущими широкому кругу иных тюркских языков [СИГТЯ 1984: 339–342].

В говоре обнаруживается также лексическая форма, относящаяся к менее древнему (с эпохи Хазарского каганата) болгаро-хазарско-караимскому, включая ареально крымский (караимский), уровню, имея также в виду близкородственные отношения названных языков, – *лапур болуп акъмакъ* ‘течь, литься потоком’. Ей прямо соответствует, с одной стороны, кум. лит. *тёюлмек, кёюлмакъ, лапур*

‘кучка, охалка (сена, соломы)’, кум. лит. *лопа-лопа къар йава* ‘(большими) хлопьями снег падает’ [Кум.-рус. сл. 1969: 220]. С другой – караим. крым. *лапа-лапа* ‘хлопья в выражении *лапа-лапа*’ [Кар.-рус.-польск. сл. 1974: 390], которое встречается в фольклоре караимов наряду с упоминанием этнонима хазар: «*Аткъа миндим – сагдагъым бар, Сагдагъымда ўч окъым бар, Ўчи билен ўч йат урсам, Хазар бийдэн тартагъым бар. Лапа-лапа кар йава, Эрби-баба къой сойа, Байларымыз той чала, Хазар огълу ат чаба*» ‘Сел я на коня – имею колчан, В моем колчане есть три стрелы, Если ими тремя убью трех врагов, Будет мне награда от хазарского князя. Хлопьями падает снег, Отец Эрби режет барана, Наши богачи свадьбу играют, Сын хазарский скачет на коне’ [Прик 1976: 5–6].

Упоминание хазар встречается и в фольклоре кумыков, ср.: *Хазар гетди – гетди хазна къумукъдан* ‘Ушли хазары – ушла казна от кумыков’. Кроме того, по мнению некоторых исследователей, к хазарской эпохе относятся и отдельные гебраизмы кумыкского языка, ср.: *ибрай/ибрайлар* – этноним древних евреев, *аван болмакъ* ‘оказаться простаком’, *лайсан (ййсан)* ‘праздник первого весеннего дождя’ [Алиев 2009б: 4–5].

С другой стороны, к кум. кизл. *къотан* ‘конюшня, стойло’ обнаруживает семантическую близость кар. трак., луцк.-галиц. *котан* ‘конюшня’ при кар. крым. *къотан* ‘загон для скота’, кум. лит. *къотан* ‘помещение для скота и работников’, ‘большое земельное угодье, в основном пастбищное’ [СИГТЯ 2001: 524], а также, по другим данным, караим. трак., луцк.-галиц. *котан* ‘конюшня, хлев’ [Кар.-рус.-польск. сл. 1974: 335]. Все это может быть объяснено и тем, что кумыкский и караимский языки считаются наследниками хазаро-булгарского, если принять во внимание следы его влияния, сохранившиеся в них, а также в северных диалектах азербайджанского языка [Хазарский язык].

Другие лексические факты также говорят о соответственно давнем времени проживания на Восточном Кавказе предков нынешних кумыков-кизлярцев, ареал обитания которых мог включать и прикаспийский регион. Об этом может свидетельствовать, помимо приведенных выше исторических данных, название паруса (*гемени ел кетени* досл. ‘корабля ветряной холст’, ср. кум. лит. *кетен* ‘холст, полотно’) при обще-, межтюркском, включая кумыкский литературный (при к.-балк. *джелпек* ‘парус’, где *джел* ‘ветер’), *елкен* ‘парус’.

Это слово считается производным на *-кен* со значением орудия действия от *ел-* ‘дуть (о ветре)’ при известности семантической этимологии как производное на *ен-* от отыменного глагола *йел-ик* [см. ЭСТЯ 1989: 181]. На наш взгляд, не исключено, что вышеприведенное обще-, межтюркское *елкен* могло развиваться в результате стяжения из словосочетания, аналогичного вышеприведенному, ср.: кум. кизляр. *ел кетени* > **елкетен* > *елкен*, т. е. речь может идти о возможности сохранения данной исходной формы в рассматриваемом говоре. При этом слово *кетен* ‘лен’, являясь общетюркским арабизмом (< *kattan* ‘лен, полотно’ [Шагиров 1977, №1427]) обладает и иными значениями, среди которых также ‘парус’, известное некоторым западнокыпчакским языкам – средневековому армяно-кыпчакскому (*k’etan* ~ *k’ietan* ~ *k’ietan*) и караимскому (ср.: трак. *k’et’an*, луцк.-галиц., крым. *кетен*) [СИГТЯ 2001: 128]. В свою очередь, средневековый армяно-кыпчакский язык, носители которого (армяне, подвергшиеся языковой ассимиляции в Крыму в XIV–XV вв. [Дашкевич 1983: 93]) мигрировали из Крыма на

нынешнюю Украину, обнаруживает системную (фонетико-морфологическую) близость к западнокыпчакским языкам [Гусейнов 2010: 172] (к ним относятся караимский, карачаево-балкарский, кумыкский, крымско-татарский и урумский [СИГТЯ 2002: 217]).

Таким образом, речь может идти о самостоятельной лексической изоглоссе, включающей кумыкский кизлярский говор, караимский, крымско-татарский и армяно-кыпчакский языки. При том что разделение кыпчакско-кавказской и кыпчакско-татарской ветвей относится ко времени окончательного распада Хазарского каганата в 1050 г., отделение крымско-татарско-караимского единства от мишаро-татарско-сибирского имеет место в XIII–XIV вв. [см. СИГТЯ 2002: 732, 736]. Не исключено поэтому, что возникновение данной глоссы может быть связано с вышеупомянутым уходом в конце XIV в. части терских кумыков – будущих носителей терского диалекта – в Крым.

Помимо позднейших лексических сходств с ареально смежным ногайским языком, обязанных, возможно, его воздействием на говор [см. Гусейнов 2017], что могло иметь место в позднесредневековую, точнее, постзолотоордынскую эпоху, когда в регионе появились носители указанного языка. В говоре также обнаруживаются лексические формы, связанные как со смежным западнотюркским, так и отдаленным восточнотюркским ареалами, в последнем случае несмотря на расположение в крайней западной части нынешнего распространения кумыкского языка.

Ср. в первом отношении: *кяхыт* (*кехыт* при известности в терском диалекте чередования *гь/х* [см. Хангишиев 1989: 76, 78]), которое (при кум. лит. *кагъыз* ‘бумага’) в большей степени отвечает с учетом указанного выше звукосоответствия ног. *кагъыт*, к.-балк., кар., кр.-тат. *кѡагъыт*, тур. *kâğit* ‘бумага’ (< др.-тюрк. *qağat*, *qağaz* [Др.-тюрк. сл. 1969: 405]). Им также соответствуют, в принципе, формы горных чеченских диалектов (кист., итум. *кегъат*, чеб. *кагъат*), в то время как чеч. *кехат*, инг., акк. *каъхат* [см. Алироев 1975: 290] восходят, несмотря на большую территориальную удаленность, к кизлярскому говору, что можно объяснить прошлым пребыванием части его носителей в предгорной части нынешней Чечни (см. в предшествующем изложении). Сюда же: *озек* ‘остров’, которое при известности преимущественно западнотюркским языкам не отмечено в них в указанном значении [см. Севортыян 1974: 510], ср.: кум. лит. *атав* ‘остров’ при *оьзек* ‘1. овраг (неглубокий); 2. ручей (протекающий в овраге)’; *гевек* (азерб. *кѡпѡк*, азерб.-теркм. *кепек* [Комри, Халилов 2010: 180]), но кум. лит. *кѡаснакѡ* ‘перхоть’; *судан янмакѡ* (азерб.-теркм. *янмаг* [Комри, Халилов 2010: 277]), но кум. лит. *сувсаѡ* ‘жажда’.

Что касается связей со вторым – восточнотюркским – ареалом, то к числу их свидетельств относятся: *кѡачырмакѡ* (гъайван) ‘совокупляться’, кирг. *кѡач-* ‘желать самца (о животных)’, узб. *кѡач-* ‘случаться, быть покрытым’ [ЭСТЯ 1997: 340–341] при кум. лит. *сигишимек* ‘совокупляться (вообще)’; *сунгумек* ‘нырять’ – уйг. *суьнгуй* ‘нырять’, кирг. *суьнгуй* ‘нырять, купаться’ при кум. лит. *суьнгуй* ‘копье, пика’ и *чомулмакѡ* ‘нырять’ общетюркского характера [ЭСТЯ 2003: 356].

Ожидаемым оказалось, что говор имеет несколько большую близость к брагунскому говору терского диалекта, но, с другой стороны, обращает на себя внимание и то, что аналогичный совокупный уровень близости обоих терских гово-

ров обнаруживается, как было уже отмечено автором [Гусейнов 2018б: 87], в отношении говоров южнокумыкских подгорного и кайтагского диалектов, ареально не смежных с терскими говорами (то есть «через голову» хасавюртовского и буйнакского диалектов, легших в основу кумыкского литературного языка, что указывает на значительную древность соответствующих связей).

Вместе с тем факты лексической близости кизлярского говора, кайтагского и подгорного диалектов, отмеченные в предшествующем изложении, носят ареальный характер, могут быть обусловлены более общими причинами исторического характера, анализ которых не входит в задачи настоящего исследования. Данное обстоятельство может быть объяснено не только уже установленной миграцией его носителей в Кайтаг [Гусейнов 2018б: 87], куда ушли жители кумыкского Тюменского крым-шамхальства (см. в предшествующем изложении) после его включения в состав Русского государства в 1594 г., через Засулакскую Кумыкию и далее на юг, в кумыкское с. Башлы в Кайтаге [Идрисов 2014], где основали с. Тюменлер (т. е. тюменцы) [Гусейнов 2018б], но и гораздо более древними и обширными ареальными пределами проживания их предков барсил на Северном Кавказе и в Дагестане [Гусейнов 2018а].

Изучение этого аспекта древней и позднесредневековой языковой истории носителей рассматриваемого говора, некоторые системные лексические факты которого уже были отмечены в предшествующем изложении, составит цель дальнейших исследований автора.

Сокращения названий языков, диалектов и говоров

азерб.	азербайджанский	крым.	крымский
азерб.-теркм.	теркеменский (говор азербайджанского языка)	кум. кизляр.	кизлярский говор терского диалекта кумыкского языка
акк.	аккинский (диалект чеченского языка)	кум. лит.	кумыкский литературный
браг. терск.	брагунский (говор терского диалекта кумыкского языка)	кум. хасав.	хасавюртовский диалект кумыкского языка
др.-тюрк.	древнетюркский	луцк.-галиц.	луцко-галицкий диалект караимского языка
инг.	ингушский	ног.	ногайский
кар.	караимский	русск. диал. терск.	русское терское диалектное
итум.	итумкалинский (диалект чеченского языка)	трак.	тракайский диалект караимского языка
к.-балк.	карачаево-балкарский	чеб.	чеберлойский диалект чеченского языка
кирг.	киргизский	чеч.	чеченский
кист.	кистинский (диалект чеченского языка)	уйг.	уйгурский
кр.-тат.	крымско-татарский	узб.	узбекский

Литература

- Алиев 2004 – *Алиев К.М.* Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. – Махачкала, 2004. – 127 с. {*K.M. Aliyev.* By Road of Millenniums: Kumyks and Their Ethno-Related Ties. – Makhachkala, 2004. – 127 p.}
- Алиев 2008 – *Алиев К.М.* Шамхалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. – Махачкала, 2008. – 203 с. {*K.M. Aliyev.* Tarkovsky Shamkhals. Pages of the Kumyk Family Tree. – Makhachkala, 2008. – 203 p.}

- Алиев 2009а – *Алиев К.М.* Влияние Золотой Орды на этнос и культуру Кавказа // Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». – Казань: Фэн, 2009. – С. 392–400. {*K.M. Aliyev.* Influence of the Golden Horde on Ethnos and Culture of the Caucasus // Materials of the International Scientific Conference «Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (XIII–XV centuries)». – Kazan: Fen, 2009. – PP. 392–400.}
- Алиев 2009б – *Алиев К.М.* О влиянии хазарских евреев на этнос и культуру кумыков // Тезисы докладов региональной научной конференции «История, историография и этнография горских евреев». – Дербент: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, 2009. – С. 4–9. {*K.M. Aliyev.* On the Influence of Khazar Jews on the Ethnos and Culture of the Kumyks // Theses of the Reports of the Regional Scientific Conference «History, Historiography and Ethnography of Mountain Jews». – Derbent: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2009. – PP. 4–9.}
- Алиев 2011 – *Алиев К.М.* Кумыкские гуены и тюмены (к этнической истории Засулакской Кумыкии позднезолотоордынского периода (XV–XVIII вв.)) // Материалы Международной научной конференции «Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XV–XVIII вв.)». – Махачкала, 2011. – С. 106–121. {*K.M. Aliyev.* The Kumyk Guyens and Tyumens (to the Ethnic History of Zaslak Kumykia of the late Golden Horde Period (the XVth–XVIIIth centuries) // Materials of the International Scientific Conference «Sultan-Mahmoud and his Successors in the Dagestan Historical Process (the 15th–18th centuries)». – Makhachkala, 2011. – PP. 106–121.}
- Алироев 1975 – *Алироев И.Ю.* Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. – Махачкала: Чечено-Ингушское издательство, 1975. – 383 с. {*I.Yu. Aliroev.* Comparative Dictionary of Branch Vocabulary of Chechen and Ingush Languages and Dialects. – Makhachkala: Chechen-Ingush Publishing House, 1975. – 383 p.}
- Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. – М.: Наука, 1974. – 275 с. {*N.G. Volkova.* Ethnic Composition of the Population of the North Caucasus in the XVIIIth – early XIXth centuries. – Moscow: Nauka, 1974. – 275 p.}
- Гусейнов 1999 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* К истории кумыкского этноса на Северо-Восточном Кавказе: Северная Осетия и Ингушетия // Возрождение. – Махачкала, 1999. – № 5. – С. 31–34. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* To the History of the Kumyk Ethnic Group in the Northeast Caucasus: North Ossetia and Ingushetia // Revival. – Makhachkala, 1999. – No. 5. – PP. 31–34.}
- Гусейнов 2010 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала, 2010. – 214 с. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* Story of Ancient and Medieval Relationships of the Northeast Caucasus and Dagestan Languages with Russian. – Makhachkala, 2011. – 214 p.}
- Гусейнов 2017 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Лексические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в ареальном освещении // Материалы XVII Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». – Уфа, 2017. – С. 81–84. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* Lexical Features of the Kizlyar Sub-Dialect of the Tersky Dialect of the Kumyk Language in the Areal Coverage // Materials of the XVII All-Russian Scientific Conference (with International Participation) «Topical Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia». – Ufa, 2017. – PP. 81–84.}
- Гусейнов 2018а – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Из древней и средневековой северокавказской предыстории и истории крымских барынов: от барсил и хазар к кумыкам-брагунцам // Крымское историческое обозрение. – Казань, 2018. – № 1. – С. 8–26. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* From the Ancient and Medieval North Caucasian Background and History of Crimean Baryns: from Barsils and Khazars to Kumyks-Bragunians // Crimean historical review. – Kazan, 2018. – No. 1. – PP. 8–26.}
- Гусейнов 2018б – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Лексические и некоторые фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в ареальном и историко-этимологическом контексте // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – Махачкала, 2018. – № 2. – С. 84–89. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* Lexical and Some Phonetic Features of Kizlyar Sub-Dialect of the Tersky Dialect of the Kumyk Language in Areal and Histori-

- cal-Etymological Context // Journal of Dagestan State University. Series 2. Humanities. – Makhachkala, 2018. – No. 2. – PP. 84–89.}
- Дашкевич 1983 – *Дашкевич Я.Р.* Армяно-кыпчакский язык: этапы истории // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2. – С. 91–107. {*Ya.R. Dashkevich.* Armenian-Kypchak Language: Stages of History // Issues of linguistics. – 1983. – No. 2. – PP. 91–107.}
- Др.-тюрк. сл. 1969 – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с. {Old Turkic Dictionary. – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p.}
- Дыбо 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд. – М.: Восточная литература, 2007. – 223 с. {*A.V. Dybo.* Linguistic Contacts of early Turks: Lexical Foundation. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. – 223 p.}
- Идрисов, Абдусаламов 2013 – *Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П. Б.* Северо-Восточный Кавказ, его география, население и феодальная элита в описаниях Эвлии Челеби и Адама Олеария: различия и сходства // Вестник Московского областного государственного университета. Серия «История и политические науки». – М., 2013. – № 4. – С. 63–68. {*Yu.M. Idrisov, M.-P. B. Abdusalomov.* North-East Caucasus, its Geography, Population and Feudal Elite in the Descriptions of Evliya Chelebi and Adam Olearia: Differences and Similarities // Journal of the Moscow Regional State University. Series «History and Political Sciences». – Moscow, 2013. – No. 4. – PP. 63–68.}
- Идрисов 2014 – *Идрисов Ю.М.* Кавказская Тюмень между Волгой и Кавказом: возникновение и гибель государства // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: Фэн, 2014. – Вып. 6. – С. 80–84. {*Yu.M. Idrisov.* Caucasus Tyumen between Volga and Caucasus: the Emergence and Death of the State // Medieval Turkic-Tatar states. – Kazan: Fen, 2014. – Issue 6. – PP. 80–84.}
- Ист. Сев. Кав. 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с. {The History of the Peoples of the North Caucasus (the end of the XVIIIth century – 1917). – Moscow: Nauka, 1988. – 659 p.}
- Кар.- рус.- польск. сл. 1974 – Караимско-русско-польский словарь. – М.: Русский язык, 1974. – 687 с. {Karaim-Russian-Polish Dictionary. – Moscow: Russkiy jazyk, 1974. – 687 p.}
- Керимов 1967 – *Керимов И.А.* Очерки кумыкской диалектологии. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1967. – 155 с. {*I.A. Kerimov.* Essays of Kumyk Dialectology. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967. – 155 p.}
- Комри, Халилов 2010 – *Комри Б., Халилов М.* Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. – Лейпциг-Махачкала: Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, 2010. – 897 с. {*Comrie B., Khalilov M.* Dictionary of Languages and Dialects of the Peoples of the North Caucasus. – Leipzig-Makhachkala: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2010. – 897 p.}
- Кум.-рус. сл. 1969 – Кумыкско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 408 с. {Kumyk-Russian Dictionary. – Moscow: Sovietskaya Encyclopedia, 1969. – 408 p.}
- Магометов 1963 – *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского крестьянства. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1963. – 226 с. {*A.Kh. Magometov.* Culture and Life of the Ossetian Peasantry. – Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 1963. – 226 p.}
- Магометова и др. 2015 – *Магометова А.Ш., Хажалиева И.З., Шамурзаева Р.Г., Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Лексика кизлярского говора терского диалекта, неизвестная кумыкскому литературному языку // Записки молодого лингвиста. – Махачкала, 2015. – С. 134–139. {*A.Sh. Magometova, I.Z. Khazhaliyeva, R.G. Shamurzayeva, G.-R.A.-K. Guseynov.* Vocabulary of the Kizlyar Sub-Dialect of the Tersky Dialect, unknown to the Kumyk Literary Language // Notes of the young linguist. – Makhachkala, 2015. – PP. 134–139.}
- Макаров 1848 – *Макаров Т.Н.* Татарская грамматика кавказского наречия. – Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1848. – VII+143 с. {*T.N. Makarov.* Tatar Grammar of the Caucasus Dialect. – Tiflis: Printing House of the Office of the Mayor of the Caucasus. 1848. – PP. VII + 143.}
- Ольмесов 1994 – *Ольмесов Н.Х.* Бораганский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. – Махачкала: Издательство Дагестанского государственного университета, 1994. – 142 с. {*N.Kh. Olmesov.* The Boragan Sub-Dialect and its Place in the System of Dialects of the Kumyk Language. – Makhachkala: Publishing House of the Dagestan State University, 1994. – 142 p.}
- Ольмесов 1997 – *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. – Махачкала: Издательско-полиграфический центр Дагестанского государственного университета, 1997. – 327 с. {*N.Kh. Olmesov.* Compara-

- tive and Historical Research of Dialect System of the Kumyk Language. Phonetics. Morphology. – Makhachkala: Publishing and Printing Centre of the Dagestan State University, 1997. – 327 p.}
- Перепись 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета министерства внутренних дел, 1905. – Т. LXVIII. – 255 с. {The First General Census of the Russian Empire in 1897, Terek Region. – St.-Petersburg: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior, 1905. – Vol. LXVIII. – 255 p.}
- Прик 1976 – Прик О.Я. Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). – Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. – 189 с. {O.Ya. Prik. An Essay on the Grammar of Karaim Language (Crimean Dialect). – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1976. – 189 p.}
- Севортян 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с. {E.V. Sevortian. Etymological Dictionary of Turkic Languages. General Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning with Vowels. – Moscow: Nauka, 1974. – 767 p.}
- СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1984. – 484 с. {Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Phonetics. – Moscow: Nauka, 1984. – 484 p.}
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с. {Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary. – Moscow: Nauka, 2001. – 822 p.}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. – 767 с. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages. Regional Reconstructions. – Moscow: Nauka, 2002. – 767 p.}
- СРНГ 1980 – Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1980. – Вып. 16. – 376 с. {Dictionary of Russian Folk Dialects. – Leningrad: Nauka, 1980. – Issue 16. – 376 p.}
- ССРЛЯ 1957 – Словарь русского литературного языка. – М.: Наука, 1957. – Т. 6. – 1458 с. {Dictionary of the Russian Literary Language. – Moscow: Nauka, 1957. – Vol. 6. – 1458 p.}
- Хазарский язык – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хазарский_язык. {Khazar Language. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хазарский_язык.}
- Хангишиев 1989 – Хангишиев Д.М. Къумукъ диалектологиясы. Къыгъгача курс. – Махачкала, 1989. – 81 с. {D.M. Khangishiyev. The Kumyk Dialectology. A Brief Course. – Makhachkala, 1989. – 81 p. (In Kumyk.)}
- Ханмурзаев, Идрисов 2008 – Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М. Проблема образования средневекового кумыкского государства Шаухальство в контексте политического наследия Улуса Джучи на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. – Казань, 2008. – Вып. 1. – С. 122–136. {I.I. Khanmurzayev, Yu.M. Idrisov. The Problem of Formation of the Medieval Kumyk Shaukhal State in the Context of the Political Heritage of Jochid Ulus in the North Caucasus // The Golden Horde Civilization. – Kazan, 2008. – Issue 1. – PP. 122–136.}
- Челеби 1979 – Эвлия Челеби. Книга путешествий (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). – М.: Наука, 1979. – Вып. 2. – 288 с. {Evliya Çelebi. Travel Book (Extracts from the Work of the Turkish Traveler of the XVIIth century). – Moscow: Nauka, 1979. – Issue 2. – 288 p.}
- Шагиров 1977 – Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977. – Т. 1–2. {A.K. Shagirov. Etymological Dictionary of Adyghe (Circassian) Languages. – Moscow: Nauka, 1977. – Vol. 1–2.}
- ЭСТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «И». – М.: Наука, 1989. – 292 с. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. General and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters «Zh», «Dzh», «I». – Moscow: Nauka, 1989. – 292 p.}
- ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «К», «К». – М.: Наука, 1997. – 363 с. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. General and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters «K», «Q». – Moscow: Nauka, 1997. – 363 p.}
- ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М.: Наука, 2003. – 446 с. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. General and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters «L», «M», «H», «P», «S». – Moscow: Nauka, 2003. – 446 p.}

Ярбаш, Идрисов 2018 – *Ярбаш С., Идрисов Ю.* Новые сведения о кумыках Северной Осетии // Кумыкский архив. – Махачкала: Абусупиян, 2018. – С. 29–33. {*S. Yarbash, Yu. Idrisov.* New Information about Kumyks of North Ossetia // Kumyk archive. – Makhachkala: Abusupiyan, 2018. – PP. 29–33.}

Kizlyar sub-dialect of the Terek dialect of the Kumyk language: lexical features in areal and historical context

G.-R.A.-K. Guseynov

Makhachkala

Summary: The isolated Kizlyar (villages of Kizlyar, Predgornoye and Maly Malgobek of the Mozdok region of the Republic of North Ossetia–Alania) subdialect of the Terek dialect of the Kumyk language has not yet been the subject of special scientific consideration. The main purpose of this publication is to consider the lexical features of this dialect in the wide areal and historical-etymological context of its relationship with other Kumyk dialects, as well as other Turkic languages. As a result of the analysis, were established additional linguistic and historical arguments that indicate the vast Western areal limits of distribution of the Kumyk language in the late Middle Ages and the earlier emergence of some of the lexical features of this dialect.

Key words: Kumyk language, Terek dialect, Kizlyar subdialect, areal linguistics/areal context, historical context.

Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich Guseynov – Ph.D. in philology, professor, Department of the Russian Language, Dagestan State University, e-mail: garun48@mail.ru.

ТЮРКСКИЕ ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА С АФФИКСОМ *-МА, ЗАИМСТВОВАННЫЕ В ИРАНСКИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

Е.К. Молчанова, А.К. Черкунова

г. Москва

Резюме: Статья посвящена анализу заимствований-тюркизмов с исходом, восходящим к тюркскому суффиксу *-*ma*, в иранских и русском языках. В иранских языках, в частности в персидском, таджикском и других, встречается ряд тюркизмов с характерным исходом, восходящим к тюркскому суффиксу *-*ma*. Аналогичное явление, иногда с теми же самыми лексическими заимствованиями, наблюдается в русском языке. В статье сделана подборка соответствующей лексики, прослежены, по мере возможности, этимологии лексем, а также сохранение или изменение семантики этих слов по разным языкам. Авторы сочли необходимым объяснить две достаточно употребительные иранские лексемы, этимология которых окончательно не выяснена, помимо исхода *-me* явно тюркского происхождения. Это перс. *qor^hme* ‘жаркое, жареное мясо’ и диал. совр. перс. *šāl^hme* ‘тюрбан, чалма’, а также русск. *чалма*. В этих лексемах усматривается индийский этимон.

Ключевые слова: заимствования, тюркизмы, тюркский суффикс *-*ma*, иранские языки, персидский язык, таджикский язык, русский язык, индийский этимон.

В иранских языках, в частности, в персидском, таджикском и других, встречается ряд тюркизмов с характерным исходом, восходящим к тюркскому суффиксу *-*ma*. Аналогичное явление, иногда с теми же самыми лексическими заимствованиями, наблюдается в русском языке. Естественно, что в языке-реципиенте исходный суффикс не вычленяется.

Авторам показалось небезынтересным сделать подборку соответствующей лексики, проследить, по мере возможности, этимологии лексем, а также сохранение или изменение семантики этих слов по разным языкам.

В тюркских языках огузской группы, например, в азербайджанском, суффикс *-*ma* образует существительные, означающие названия действия, течение процесса, см., например, тур. *aldatma* ‘обман’, тур. *buharlaşma* ‘испарение’ [Севортян 1966: 127]. См. также [ЭСТЯ 1997: 175, 176]: «От тюрк. *qavur* – ‘жарить’ производны <...> 2. Имя с афф. *-ma* со значением результата и признака действия, например, *qā^hur^hma* халадж. [Doerf.–Tez. 73]; *qav^hur^hma* тур. (осм.); *qā^hv^hur^hma* (qā^hv^hur^htā) уз.; *kav^hur^hma* (qav^hir^hta); каурма гаг.; *kaur^hma* (крым., чаг.); *qov^hur^hma* турк., аз.; *qov^hur^hma* ккал., *qur^hma* кир.; *qor^hur^hma* уйг. со значением ‘жареное мясо /

Молчанова Елена Константиновна – доктор филологических наук, заведующая Сектором иранских языков Института языкознания РАН, г. Москва, e-mail: e_molchanova@mail.ru.

Черкунова Александра Константиновна – стажер-исследователь Института языкознания РАН, г. Москва, e-mail: cherkunova@iling-ran.ru.

жаркое² – турк., тур. ‘в собственном соку’, гаг., аз., кир., уз., уйг., ‘блюдо, приготовляемое из баранины и куропатки’; ‘жареная пшеница или ячмень’ – (чаг.); ‘жареный’ – тур., аз., кир., ккал., уз. (см. Сев. АИ 140)».

Тюркизмы с **-та* в иранских языках

В современном персидском языке имеется предполагаемый тюркизм с исходом *-me*: *dišlame* ‘вприкуску’ в выражении *čāy-e dišlame* ‘[пить] чай вприкуску’. Вероятно, лексема сопоставима с азерб. *dişləmək* ‘кусать’, *dişləmə* ‘кусание; вприкуску’, татарск. *тешилән* ‘кусая, откусывая’.

Совр. перс. *dolme* – долма, голубцы (из мясного фарша и риса, завернутых в виноградные листья); *dolme-ye badenjan* – баклажаны, фаршированные мясом и рисом; *dolme-ye kadu* – кабачки, фаршированные мясом и рисом; *dolme-ye kalam* – голубцы (из мясного фарша и риса, завернутых в капустные листья) [ПРС 1983: 657]. Ср. в [Afshar 1998: 527]: несколько вариантов иранского блюда, для которого готовят смесь из риса, лущеного и дробленого гороха, особенно черного, зелени и полувареного мяса. Эту смесь завертывают в виноградные или капустные листья или начиняют ею баклажаны, томаты, перцы или кабачки и варят с приправами.

Согласно [Hassandoust II: 1340 № 2388], слово заимствовано из турецкого («османского») *dolma*, производного от *tol-/dol-* ‘быть наполненным’, по [Doerfer TMEN III/203f. Nr.1188]. Русск. *далма́* см. ниже.

Совр. перс. *sorme*, кл. перс. *surma*, тадж. *сурма* ‘сурьма’ – смесь черного цвета, используется для подведения глаз и краски ресниц. Согласно Дёрферу [Doerfer TMEN III/250f. Nr.1242], это заимствование: тюрк. *sürmä*, дериват от *sür* ‘мазать [мазью], мазать маслом’. Цит. по [Hassandoust III, № 3037: 1724]. См. также [Фасмер III: 809] по: [Radloff IV: 829 и сл.]. Русск. *сурьма*, см. ниже.

Совр. перс. *surme* ‘салазки, сани’. В классическом персидском [Гаффаров] не отмечено.

Совр. перс. *terme* – ткань ручной выработки из пуха (обычно козьего) и шелка с традиционными узорами (подобными *botte jeqqe*, букв. ‘расположенным напротив друг друга [gu-be-gu] листьям/кустам’, арабескам и др. (по-русски такие узоры называют «персидские огурцы» – прим. авт.). Узоры такого рода используются обычно при изготовлении молитвенных ковриков, котомок, жилетов и т. п., а также для ковров, терме, парчи, см. [Afshar 1998: 163, 308–309]. ПРС: *terme* ‘кашмирская шаль’. Кл. перс. *tirma* (без помет) ‘род шали’ [Гаффаров I: 158] и *šāli tirma* ‘кашмирская шаль’ [Гаффаров II: 488]. См. однако [Hassandoust II, № 1477: 862]: *tirma* ‘вид плотной шелковой ткани, кашмирская шаль’ (по [Dehkhoda]). По-видимому, слово связано с *tarma/turma* ‘(войлочный) потник у лошади’ (по [Dehkhoda]), которое заимствовано из тюрк. *türmä* (от *tür-* ‘складывать, сгибать; свертывать’ [Doerfer TMEN II/505 Nr.898]). См. также [Räsänen 1969: 506] чагат. *türmä* ‘тонкая шерстяная ткань, одежда, которую носили дервиши’, казахск. *türme*¹ ‘опушка / украшение шапки’. В современном таджикском

¹ В устном произношении *türmö*: согласно закону губного сингармонизма, в казахском происходит огубление е, і после огубленных, которое не всегда отражается на письме.

языке [ФТР 2005: 219] приводится лишь одно значение у лексемы *тарма* – ‘снежный обвал, снежная лавина’. Тогда как у С. Айни [Айни 1976: 380] два значения: 1) ‘снежная лавина, падающая с гор’; 2) ‘потник’.

Совр. перс. *tasme* – ‘ремень, лента из кожи, металла или другого крепкого материала, которая используется для завязывания, связывания, а также обруч, обод’, кл. перс. *tasma* ‘ремень’ с пометой «т.» [Гаффаров I: 160]. Русск. *тесьяма* см. ниже.

Совр. перс. *yortme* ‘рысь (аллюр) лошади, бег рысью’, кл. перс. *yurtma* – с пометой «т.» [Гаффаров II: 913] – ‘рысь, рысью, рысцей’.

Совр. перс. *vasma* – ‘басма, растительная краска для волос’, кл. перс. *vasma* ‘растительная краска для бровей’ – без помет [Гаффаров II: 890], т. е. М.А. Гаффаров не знал этимологии. См. варианты тадж. *васма*, *усма*, *ӯсма* – *бот.* ‘усма, басма’. Русск. *басма* с этимологией (< тюрк.) см. ниже.

Можно показать случаи, когда заимствуются и лексема, и реалия, например, тадж. *қатлама* ‘тонкая слоеная сдобная лепешка, жаренная в масле’. Или совр. перс. *sorme*, кл. перс. *surma*, тадж. *сурма* ‘сурьма’. Но нередко заимствованные лексемы показывают расхождения или развитие в семантике, например, тадж. *тарма* ‘снежный обвал, снежная лавина’. Или в совр. перс. *tasme* значение ‘обруч, обод’.

В двух следующих лексемах, этимология которых окончательно не выяснена, помимо исхода *-me* (очевидно, тюркского происхождения), усматривают индийский этимон.

Совр. перс. *qorme* – 1) ‘жаркое, жареное мясо’; 2) ‘мясо, жаренное в растительном масле / в собственном соку (заготавливается на зиму и сохраняется в закрытой посуде)’. См. [Afshar 1998: 851]. В [Ivanov: 13]: *qurma* – разновидность мясного блюда. В классическом персидском [Гаффаров], а также [Hassandoust] не отмечено.

Имеется следующая информация об индийском происхождении этой лексемы. Краткие извлечения из русской Википедии:

Корма (произносится также как *кормаа*, *горма*, *кавурма*, *кхорма*, *курма*) – блюдо индийской кухни, распространенное также в Центральной и Западной Азии. *Корма* может быть мясной (например, из курицы) или вегетарианской. При приготовлении *корма* тушится на огне (само слово «корма» на языках хинди и урду означает ‘тушение еды’).

Корма известна по крайней мере с XVI столетия и относится к кухне Великих Моголов. В настоящее время она является национальным блюдом народов Пакистана, Северной Индии и Бангладеш. Обозначение *Шахи корма* у некоторых видов этого блюда указывает на его высокий статус, а также на то, что его подавали на стол при дворе индийских властителей-магарадж. Существует множество различных вариантов «корма».

Корма является одним из самых популярных блюд в индийских ресторанах Европы, особенно Великобритании. Известно и о популярности этого блюда в Турции и на Балканах.

Итак, совр. перс. *qorme*, возможно, исходно индийская лексема, распространившаяся, в том числе, на Ближнем Востоке и оформленная тюркским суффиксом *-ma, о чем см. выше.

Адаптация лексемы в персидском языке: популярное в Иране блюдо *qorme-sabzi* – жареное мясо с зеленью (перс. *sabzi*). Название этого блюда, будучи переосмыслено, вошло в состав фразеологизма: перс. разг. *sar-e u bu-ye qorme-sabzi midehad* ‘он занимается опасными делами; он замешан в темной истории’, букв. ‘его голова пахнет жареным мясом с зеленью’.

Другое слово – совр. перс. (диалектное) *šāl-me* ‘тюрбан, чалма’ засвидетельствовано А.К. Черкуновой у писателя Садека Хедаята (1903–1951) в повести «Слепая сова» (1937).

В классическом персидском [Гаффаров II: 488] дается только *šāl* ‘шаль’. Этимологию *šāl* находим в кн. [Hassandoust III: 1831 № 3256]: слово заимствовано из хинди; даны подробные ссылки на санскрит, язык пали и лексемы осетинск. *salī* ‘шаль’ (из персидского через грузинский *šali*) и пашто *šarəu* ‘одеяло’ (из хинди), а также на многие европейские заимствования этого слова через персидский.

По любезному сообщению г-на Хосейна Мусавиана (Иран), лексема *šālme* отмечена в тегеранском говоре персидского языка со значением ‘индийская чалма’. Указание на тегеранский говор персидского языка присутствует в иранской Википедии. Там же приведена цитата из Садека Хедаята, и заглавное слово *šālme* истолковано как ‘индийская чалма’ (*ammāme ye hendī*): ... *yek pirmarde quz karde, šabihe jugiyane hend, šālme baste, zire yek deraxte sarv nešaste bud va...* ‘... под кипарисовым деревом сидел горбатый старик, похожий на индийского йога, голова его была повязана индийской чалмой’.

В словаре Деххода [Dehkhoda] имеется словарная статья с заглавным словом *čālme* с пометой «тюркизм» (*torki*). Представлены два значения лексемы: 1) название кожаного контейнера, похожего на ведро, куда помещают измельченный лед и где хранят в холоде бутылки с шербетом и алкогольными напитками; 2) разновидность чалмы, которую носят индусы. Пример из Садека Хедаята в словаре Деххода под заголовком ‘индийская чалма’ (*ammāme ye hendī*): *Be har hāl atu-yam pīrmardī bud quz karde, ke šālme ye hendī dowre sar-aš baste bud* ‘Во всяком случае мой дядя был горбатым стариком, у которого голова была повязана индийской чалмой’.

Здесь стоит обратить внимание на перебои у Деххода начального согласного: *čālme/šālme*. В первом случае [č-] – как у тюрков, во втором [š-] – как в персидской лексеме *šāl*. Тюркская лексема *шал* [šāl] в значениях ‘шаль’ и ‘ткань из козьей шерсти’ (соотв. значения ⁷ и ⁸) засвидетельствована в словаре Радлова [Radloff IV: 959]. В словаре Рясänen [Räsänen 1969: 441] указано персидское происхождение этой лексемы, а оно, в свою очередь, возводится к названию индийского города *šāliāt*, в котором производилась ткань, носящая его имя. Русск. *чалма* см. ниже.

II. Тюркизмы с *-та в русском языке

Русск. *бáсма* – ‘темная растительная краска для волос, тюркского происхождения’ [Крысин 2007: 118] (у Фасмера в этом значении нет). Совр. перс. *vasma* см. выше.

Русск. *басма́* – 1) ‘тонкая металлическая пластинка с изображением хана, выдававшаяся монголо-татарскими ханами в XIII–XV вв. как верительная грамота’; 2) ‘тонкий металлический (в основном серебряный) лист с тисненными узорами,

применяемый для украшения чего-либо'. *Оклад иконы из басмы* < тюрк. *basma* 'набивной холст' [Крысин 2007: 118]. В [Фасмер I: 131]: 1) 'изображение древних татарских ханов'; 2) 'послание с ханской печатью'; 3) 'оправа икон'; 4) 'тур. войлок'. «Заимств. из тур., туркм., тат., хивинск., узб. *basma* 'набивной холст', алт., тел. *pasma* 'набивные ткани из Средней Азии'» [Radloff IV: 1193, 1540]. «От *басма́* 'металлическая оправа икон' произведено русск. *басменное дело*, *басменищик*. Улица, на которой жили *басменички*, называется *Басманная*» [Фасмер I: 131].

В тюркологической статье [Латфуллина 2009: 173], построенной на материале старинной татарской лексики, проникшей в русские толковые словари иностранных слов, приводится лексема *basmá* 'болван, изображающий хана, перед которым во время татарского ига преклонялись наши русские князья'. Отсюда: *басманный*, *басманная*.

Русск. *бастурма* [Крысин 2007: 119], а также [Фасмер I: 570 – послесловие О.Н. Трубачева ко 2-му изд.]: 'мясо, приготовленное впрок особым способом'; «речь идет о слове тюркского происхождения, ср. тюрк. (тат.) *bastyr-* 'давить', каузатив от инфинитива *basmak*».

Русск. *далма́*, *дулма́*, *дурма́* [Фасмер I: 483, 551]: 'рубленая баранина, завернутая в листья винограда; мясо или рыба с пшеном в капустных листьях' – астрах. (Даль). Согласно [Radloff III: 1723], заимствовано из тур., крым.-тат. *dolma* 'фарш', *japrak dolmasy* 'фарш, завернутый в виноградные листья', *lahana dolmasy* 'начиненная капуста'.

Русск. *кайма́* [Крысин 2007: 324]: «< тюрк. *kajma* 'край, обшивка'». См. также [Фасмер II: 162]: «Из тур. *kajma* то же».

Русск. *кутерма́* 'суматоха, неразбериха', также 'вьюга, непогода'. Неясно. Возможно, из тюрк.; но кюэр. (кюэрикский диалект языка чулымских татар), тар. (таранчинский кульджинский говор центрального диалекта уйгурского языка) *kütürmä* (так подгоняют лошадей) [Фасмер II: 434] по [Radloff II: 1484]. См. также [Евгеньева 1982: 156] из тюрк. *köterme* 'усиленное понукание скаковых лошадей'.

Русск. *сурьма́*, см. [Фасмер III: 809] по [Radloff IV: 829 и сл.]: из тур., крым.-тат. *sürmä* 'сурьма' от *sür-* 'красить', тат. *sörmä* 'сурьма'. Также см. выше совр. перс. *sorte*.

Русск. *тесьма́*, др.-русск. *тясма* (XV–XVI вв.); см. также *тасма* арханг. 'тесменная подпруга в оленьей упряжи'. Заимств. из тур., тат., чагат. *tasma* 'лента, тесьма, ремень', см. [Фасмер IV: 52, 26; Radloff III: 924].

Русск. *тюрьма́* <др.-тюрк. **türmä* < *tür-* 'класть' [Крысин 2007: 802]. М. Фасмер [Фасмер IV: 137], ссылаясь на Рясänen [Räsänen 1946: 114], возводит слово к др.-тюрк. **türmä* 'темница' (XI в.) от *tür-* 'класть'. См. также [Räsänen 1969: 506].

Русск. *чалма́*, см. [Фасмер IV: 313]: из тур., крым.-тат., тат., караим. (Тракай.), алт., тел. *çalma id.* См. также [Ушаков IV: 1234]: «чалма [тюрк. *calma*] – длинный кусок материи, обернутый несколько раз вокруг головы и служащий у мусульман мужским головным убором». Тюркскую лексему *çalma* 'тюбан' от глагольной основы *çal-* со значением 'обвивать, обертывать' + суф. *-та* отглагольных имен см. в [Räsänen 1969: 97].

Русск. *шаурма́* (у [Крысин 2007] нет).

Согласно Википедии, шаурма́, шавёрма, шавáрма, шуáрма, донар (араб. شاورما, ивр. פּאָרמאַש, от тур. *çevirme*), в некоторых странах называемое дёнёр-кеба́б (тур.

döner kebab) – ближневосточное блюдо (вероятно, турецкого происхождения) из питы или лаваша, начиненного рубленным жареным мясом (баранина, курятина, свинина, реже телятина, индюшати́на) с добавлением специй, соусов и салата из свежих овощей.

Шаурма – изначально так называлось туркменское блюдо, изобретенное степными чабанами – вареное мясо джейрана или сайгака мелко рубится и помещается в промытый желудок того же джейрана или сайгака, туда же сливается его жир. Потом желудок зашивается. Храниться может до нескольких месяцев, не портясь.

Современные российские словари содержат только одно название – шаурма. Оно унифицировано, а «шаверма» является диалектным вариантом. Диалектные варианты «шаверма» и «шаварма» говорят о том, что слово является недавним заимствованием: согласно данным корпуса русского языка, первое упоминание относится к 1997 г., и, соответственно, литературная норма еще не закрепи́лась.

Итак, слово «шаверма» – это арабское произношение турецкого слова *çevirme* [tʃevir'me], означающего ‘поворот, вращение; жаренный на вертеле ягненок (козленок)’ [БТС 1998: 182]. Тур. *döner* (в русском варианте *дөнер*) происходит от тур. *döndürmek* дословно ‘вертеть, вращать; поворачивать, переворачивать’ [БТС 1998: 245].

Хотя блюдо было доступно всем слоям населения, оно считалось низкосортной едой, отличаясь только мясом, остальная же начинка была без изменений.

В Османской империи, как минимум, еще в XVII в. кусочки мяса готовились на горизонтальном гриле, похожем на шашлык. Вертикальный гриль появился не позднее середины XIX в. Город Бурса в современной Турции обычно считается местом рождения *döner kebab* (‘поворачиваемого мяса’) – мясной стружки из слоеного мяса, обжариваемого на вертикальном вертеле.

В заключение статьи хочется привести мнение академика О.Н. Трубачева в кн. [Фасмер I: 569–570]: говоря об отсутствии тех или иных слов (заимствований) в словаре Фасмера, он призывает лексикологов-этимологов проявлять такт и здравый смысл: «Преимущество на включение перед ... внешними новыми заимствованиями имеют, на мой взгляд, заимствованные слова, теснее связанные с традиционной культурой и отражающие межнациональные контакты в традиционных рамках старой России» (напомним, что речь здесь идет о русском языке – прим. авт.).

Краткие выводы

Тюркизмы на **-та* как в иранских, так и в русском языке, составляют хотя и небольшую по количеству, но интересную и значимую часть и иранской, и русской лексики. По семантике их можно отнести к бытовой повседневной, обиходной лексике, но иногда и к специальной, терминологической (совр. перс. *terme*, русск. *басма́*, *тюрьма*). И эти тюркизмы, по О.Н. Трубачеву, отражают межнациональные контакты. Две достаточно употребительные иранские лексемы (перс. *qorṯe* ‘жаркое, жареное мясо’ и диал. совр. перс. *šālme* ‘тюбан, чалма’, а также русск. *чалма*), в которых усматривают индийский этимон, требуют дальнейшего исследования на индийском материале.

Список сокращений языков и диалектов

аз., азерб.	азербайджанский	разг.	разговорный
алт.	алтайский	русск.	русский
араб.	арабский	совр.	современный
гаг.	гагаузский	тадж.	таджикский
диал.	диалектный	тар.	таранчинский кульджинский
др.-тюрк.	древнетюркский		говор центрального диалекта уй-гурского языка
ивр.	иврит		
казахск.	казахский	тат., татарск.	татарский
караим.	караимский	тур.	турецкий
кир.	киргизский	туркм.	туркменский
кл. перс.	классический персидский	тюрк.	тюркский
ккал.	каракалпакский	уз., узб.	узбекский
крым.-тат.	крымский (татарский)	уйг.	уйгурский
кюэр.	кюэрикий диалект языка чулымских татар	халадж.	халаджи
осетинск.	осетинский	хивинск.	хивинский
осм.	османский (турецкий)	чаг., чагат.	чагатайский
перс.	персидский	id.	idem латинск. 'то же'

Литература

- БТПС 1998 – Большой турецко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1998. {The Big Turkish-Russian Dictionary. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1998.}
- Гаффаров I – *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь: в 2-х томах. – Т. I. – М., 1914. {*M.A. Gaffarov. The Persian-Russian Dictionary: in 2 volumes. – Vol. I. – Moscow, 1914.*}
- Гаффаров II – *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь: в 2-х томах. – Т. II. – М., 1927. {*M.A. Gaffarov. The Persian-Russian Dictionary: in 2 volumes. – Vol. II. – Moscow, 1927.*}
- Евгеньева 1982 – *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка. – Т. II. – М.: Русский язык, 1982. {*A.P. Evgeniyeva. Dictionary of Russian Language. – Vol. II. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1982.*}
- Крысин 2007 – *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2007. – 944 с. {*L.P. Krysin. Explanatory Dictionary of Foreign Words. – Moscow: Eksmo, 2007. – 944 p.*}
- Латфуллина 2009 – *Латфуллина Л.Г.* Тюркская лексика в полном толковом словаре иностранных слов Н. Дубровского // Сборник материалов конференции «Сравнительно-историческое языковедение. Алтаистика. Тюркология. К юбилею члена-корреспондента Российской академии наук А. В. Дыбо». – М., 2009. – С. 172–174. {*L.G. Latfullina. Turkic Vocabulary in the Complete Explanatory Dictionary of Foreign Words by N. Dubrovsky // Compendium of materials of the international conference “Comparative historical linguistics. Altaistics. Turkology. On the occasion of the anniversary of the corresponding member of the Russian Academy of Sciences A. V. Dybo”. – Moscow, 2009. – PP. 172–174.*}
- ПРС 1983 – Персидско-русский словарь / Под ред. *Ю.А. Рубинчика.* – Т. I–II. – М., 1983. {The Persian-Russian Dictionary / Ed. by *Yu.A. Rubinchik.* – Vol. I–II. – Moscow, 1983.}
- Севортян 1966 – *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М.: Наука, 1966. – 436 с. {*E.V. Sevortyan. Affixes of Nominal Word Formation in the Azerbaijani Language. – Moscow: Nauka, 1966. – 436 p.*}
- СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. *Э.Р. Тенишев.* – М.: Наука, 1988. – 557 с. {Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Morphology / Ed. by *E.R. Tenishev.* – Moscow: Nauka, 1988. – 557 p.}
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. *Э.Р. Тенишев.* – М.: Наука, 2001. – 822 с. {Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Lexicology / Ed. by *E.R. Tenishev.* – Moscow: Nauka, 2001. – 822 p.}
- Трубачев 1986 – *Трубачев О.Н.* Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – С. 563–573. {*O.N. Trubachev. After-*

- word to the Second Edition of the “Etymological Dictionary of the Russian Language” by M. Vasmer // Vasmer, Max. Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes: Translation from German. – 2nd ed., stereotype. – Moscow: Progress, 1986. – Vol. 1. – PP. 563–573.}
- Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 1. – М., 1935; Т. 2. – М., 1938; Т. 3. – М., 1939; Т. 4. – М., 1940. {Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes / Ed. by D.N. Ushakov. – Vol. 1. – Moscow, 1935; Vol. 2. – Moscow, 1938; Vol. 3. – Moscow, 1939; Vol. 4. – Moscow, 1940.}
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Изд. 2-е. – Т. I. – М., 1986; Т. II. – М., 1986; Т. III. – М., 1987; Т. IV. – М., 1987. {M. Vasmer. Etymological Dictionary of the Russian Language. – Vol. I. – Moscow, 1986; Vol. II. – Moscow, 1986; Vol. III. – Moscow, 1987; Vol. IV. – Moscow, 1987.}
- ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘К’, ‘Қ’ / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. – М., 1997. – 368 с. {Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Bases beginning with Letters ‘K’, ‘Q’ / Auth. of the Ling. Artic.: L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, V.I. Rassadin. – Moscow, 1997. – 368 p.}
- Айни 1976 – Айни С. Куллиёт. – Душанбе: Ирфон, 1976. – Ч. 12. – 564 с. {S. Ayni. The Complete Works. – Dushanbe: Irfon, 1976. – Vol. 12. – 564 p. (In Tajik.)}
- ФТР 2004 – Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Ч. 1 (Таджикско-русский словарь. Т. 1) / Под ред. С.Д. Холматовой, С. Солехова, С. Каримова. – Душанбе: Дониш, 2004. – 760 с. {The Tajik-Russian Dictionary. Vol. 1 / Ed. by S.D. Kholmatova, S. Solehov, S. Karimov. – Dushanbe: Donish, 2004. – 760 p. (In Tajik.)}
- ФТР 2005 – Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Ч. 2 (Таджикско-русский словарь. Т. 2) / Под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова. – Душанбе: Дониш, 2005. – 780 с. {The Tajik-Russian Dictionary. Vol. 2 / Ed. by D. Saymiddinova, S.D. Kholmatova, S. Karimov. – Dushanbe: Donish, 2005. – 780 p. (In Tajik.)}
- Afshar 1998 – حکمی نسرین، حکمی نسرین، افشار غلامحسین صدری / Afshar Gholam Hosein Sadri, Hakami Nasrin, Hakami Nastaran. فرهنگ معاصر فارسی / Farhang-e Mo’āser-e Fārsī. – Tehrān, 1377/1998. {Afshar Gholam Hosein Sadri, Hakami Nasrin, Hakami Nastaran. A Pocket Dictionary of Contemporary Persian Language. – Tehran, 1377/1998. (In Persian.)}
- Dehkhoda – علی اکبر دهخدا / Dehkhoda A. لغتنامه / Loghatnāme (Encyclopedic Dictionary) / Ed. by Mohammad Mo’in, Ja’far Shahidi. In 14 volumes. – URL: <https://dehkhoda.ut.ac.ir/fa/dictionary> (дата обращения: 10.01.2021)
- Doerfer TMEN – Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen I–IV. – Wiesbaden, 1963–1975. {G. Doerfer. Turkish and Mongolian Elements in New Persian. Volumes I–IV. – Wiesbaden, 1963–1975. (In German.)}
- Hassandoust – محمد حسن دوست / Hassandoust M. فرهنگ ریشه‌شناختی زبان فارسی / Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsī. Vol. 1–5. – Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsī, 1393/2014. {M. Hassandoust. An Etymological Dictionary of the Persian Language. Vol. 1–5. – Tehran: The Academy of Persian Language and Literature, 2014. (In Persian.)}
- Ivanow – Ivanow W. The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia, 1935–1939 // Revista degli Studi Orientali. – 1935. – Vol. 16. – PP. 31–97 (grammar); 1938. – Vol. 17. – PP. 1–39 (texts); 1939 – Vol. 18. – PP. 1–59 (vocabulary).
- Radloff – Radloff F.W. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. – Saint Petersburg. – Bd. 1. – 1893; Bd. 2 – 1899; Bd. 3 – 1905; Bd. 4 – 1911. {F.W. Radloff. An Attempt at a Dictionary for the Turkic Dialects. – Vol. 1–4. – Saint Petersburg: Vol. 1. – 1893; Vol. 2. – 1899; Vol. 3 – 1905; Vol. 4 – 1911. (In German.)}
- Räsänen 1946 – Räsänen M. Russ. тюрма́, тюрьма́ ‘Gefängnis’ // Neuphilologische Mitteilungen. – 1946. – Vol. 47. – № 3. – S. 113–114. {M. Räsänen. Russian тюрма́, тюрьма́ ‘Prison’ // Neuphilologische Mitteilungen. – 1946. – Vol. 47. – № 3. – S. 113–114. (In German.)}
- Räsänen 1969 – Räsänen M. Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki, 1969. – 533 S. {M. Räsänen. An Attempt at an Etymological Dictionary for the Turkic Languages. – Helsinki, 1969. – 533 p. (In German.)}
- شالمه / Shālme [Electronic source] // Parsi Wiki URL: <https://www.parsi.wiki/fa/wiki/474688/%d8%b4%d8%a7%d9%84%d9%85%d9%87> (дата обращения 10.01.2021).

**Turkic verb nouns with the affix *-ma,
borrowed in Iranian and Russian languages***Ye.K. Molchanova, A.K. Cherkunova**Moscow*

Summary: The article is devoted to the analysis of Turkic borrowings with the Auslaut, going back to the Turkic suffix *-ma, in Iranian and Russian languages. There are a number of Türkisms with a characteristic outcome that goes back to the Turkic suffix *-ma in the Iranian languages, in particular in Persian, Tajik and others. A similar phenomenon sometimes with the same lexical borrowings is observed in the Russian language. The authors made a selection of the corresponding vocabulary, traced the etymology of lexemes, as well as the preservation or change of the semantics of these words in different languages. The authors considered to explain two rather common Iranian lexemes, the etymology of which has not been finally clarified, in addition to the outcome -me of clearly Turkic origin. These are *qorme* 'roast, grilled meat' and modern dialect. Persian *šālme* 'turban', as well as Russian *chalma*. These lexemes are seen as an Indian etymon.

Key words: borrowed words, Türkisms, Turkic suffix *-ma, Iranian languages, Persian, Tajik, Russian, Indian etymon.

Yelena Konstantinovna Molchanova – Ph.D. in philology, head of the Department of Iranian Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: e_molchanova@mail.ru.
Alexandra Konstantinovna Cherkunova – research trainee, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: cherkunova@iling-ran.ru.

ХОРЕЗМИЙСКАЯ ЛЕКСИКА В ОДНОМ ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ХОРЕЗМА

Т.Р. Хайытбаев

г. Штутгарт

Резюме: Хорезмийский язык – вымерший восточноиранский язык, некогда распространенный преимущественно в среднеазиатском оазисе Хорезм (хор. *Xwārizm*). В данной работе рассматривается хорезмийская лексика, сохранившаяся в современных тюркских языках Хорезма. Большая часть возможных хорезмийских слов обнаружена в тюркском языке огузской группы, на котором в основном говорят в южной части оазиса. В литературе конца XIX – начала XX вв. носители этого языка назывались сартами или татами. Это древнейшее население Хорезма, потомки ираноязычных хорезмийцев, которые в раннем средневековье сначала стали двуязычными, используя одновременно иранский и тюркский языки, а затем где-то после XIV в. полностью утратили свой иранский язык. В этой работе представлены несколько слов с предполагаемой хорезмийской этимологией и несколько слов со следами хорезмийской морфологии и фонетики. В представленной лексике отразились некоторые особенности фонетики хорезмийского языка, например, наличие качественной разницы в артикуляции кратких и долгих гласных. В статье также содержатся некоторые сведения о хорезмийской ономастике. Перечислены некоторые топонимы и гидронимы, которые предположительно могут быть хорезмийскими. Особенно высока их концентрация на юге Хорезма. Также в статье представлены слова с пока невыясненной этимологией и несколько слов согдийского происхождения.

Ключевые слова: восточноиранский хорезмийский язык, хорезмийская лексика, тюркские языки Хорезма, огузский тюркский язык Хорезма, сарты Хорезма, таты Хорезма, Ургенч, язык и народ урганджи, согдийский язык, смена языка в Хорезме.

Первые письменные документы на хорезмийском языке датируются IV в. до н. э., последние – серединой XIV в. [Эдельман 2000; Durkin-Meisterernst 2009]. В хорезмийских документах XIII в. упоминается использование хорезмийцами и некоего тюркского языка¹ [Фрейман 1951: 80]. Считается, что и в последующие

¹ Пока этот язык не отнесен к какой-то конкретной группе. Что касается литературы на тюркских языках, связанной с Хорезмом, то, с одной стороны, она продолжала более раннюю письменную традицию тюркских языков (древнеуйгурский, караханидский), с другой – включала огузские и кипчакские элементы. Причем в одних произведениях преобладают огузские, в других кипчакские. Одни ученые называют этот язык (языки?) хорезмско-тюркским. Другие считают обязательным преобладание кипчакского элемента, чтобы называться хорезмско-тюркским. Например, Э.Р. Тенишев разделял письменные тюркские языки Хорезма на хорезмско-огузский XI–XII вв. и хорезмско-тюркский

столетия хорезмийский язык оставался по меньшей мере разговорным языком населения Хорезма. К началу XVI в., когда узбеки овладели Хорезмом, потомки ираноязычных хорезмийцев в большинстве были уже тюркоязычными [Bregel 1978]. Узбеки заняли север Хорезма, а юг оставался заселенным к тому времени уже тюркоязычными хорезмийцами, которых узбеки стали называть сартами [Bregel 1978]. Это название для населения южного Хорезма использовалось в литературе вплоть до советского времени². В результате национально территориального размежевания в 1924 г. и сарты и узбеки были записаны в узбеки [Ильхамов 2005].

Первым из европейских ученых о современных говорах Хорезма сообщает Арминий Вамбери, побывавший в Хорезме в 1863 г. Он отличает язык узбеков от языка сартов и дает краткую характеристику языка сартов³ [Bregel 1978]. Масштабные диалектологические исследования говоров «узбеков» Хорезма были проведены только в 1950-х гг. Фаттахом Абдуллаевым. Он выделил несколько говоров, которые отнес к двум группам тюркских языков: распространенные преимущественно на севере Хорезма – кипчакские говоры⁴ и распространенные на юге Хорезма – огузские⁵ [Абдуллаев 1961].

XIII–XIV вв. [Тенишев 2021]. С XV в. после разорения Хорезма Тамерланом и присоединения Хорезма к его государству (в конце XIV в.), чагатайский (тюрки) вытеснил хорезмско-тюркский в литературе. Таджикский же оставался литературной нормой и до 1857 г. был языком бюрократии в Хивинском ханстве наравне с чагатайским [Bregel 1978]. Кипчакский язык переселившихся в XVI–XVIII вв. узбекских племен на литературную норму не повлиял. Арабский оставался доступен высокообразованным людям, которых в пересчете на душу населения, судя по известным уроженцам Хорезма, после XIV в. стало существенно меньше, видимо, ввиду ослабления экономики и упадка культуры, вызванной разрушительными походами Тамерлана и частыми грабительскими набегами кочевников. Туркменские племена часто пребывали в контакте с населением Хорезма, даже текинцы – племя, ныне проживающее в районе г. Ашхабад, еще в начале XIX в. некоторое время проживало на крайнем юге Хорезма. В XVIII–XIX вв. в Хорезм переселилось ныне самое многочисленное туркменского племени Хорезма – йомуды [Брегель 1959; Bregel 2003: 72–75]. В 1811 г. каракалпаки были переселены с восточного Приаралья в дельту Амударьи [Bregel 2003: 62].

² Иногда как синоним слова «сарт» использовалось слово «тат» [Eden 2016].

³ Представители западных народов, побывавшие в Хорезме в конце XIX – начале XX вв., однозначно отличают узбеков от сартов. Сартов называют исконным населением края. Некоторые (А. Вамбери, А. Кун) отмечают их иранское происхождение. Узбеков называют завоевателями края, от которых происходит и правящая династия. Ю. Брегель считает, что о местном происхождении сартов европейцы могли узнать лишь от самих сартов [Bregel 1978]. Т. е. сарты по меньшей мере до конца XIX в. осознавали свое историческое отличие. Представление о зороастрийском прошлом не забыто до сих пор. Многие обряды и поверья населения южного Хорезма, задокументированные этнографом Г.П. Снесаревым, берут свое начало из зороастризма и осознаются населением как таковые, см. подробнее [Снесарев 1969].

⁴ В некоторых кипчакских говорах Ф. Абдуллаев находит особенности, присущие средневековому хорезмско-тюркскому, например, кипчакские говоры деревень Аккум

Исторические источники и поздние этнографические исследования подтверждают, что северяне – это по большей части потомки дашти-кипчакских племен, т. е. потомки исторических узбеков⁶, сохранивших вплоть до второй половины XX в. свое тюрко-монгольское родоплеменное деление [Задыхина 1952; Снесарев 2001]. Большинство населения юга не знало тюрко-монгольского родоплеменного деления⁷, называлось в прошлом сартами и является потомками местного ираноязычного населения, сменившего где-то между XI и XVI вв.⁸ свой восточноиранский язык на теперешний огузский тюркский [Сазонова 1952; Bregel 1978]. Сейчас само население Хорезма свой язык называет *хоразымча*⁹ ‘хорезмский (язык)’ или *хоразым шевасы* ‘хорезмское наречие’, а по-русски – хорезмский или даже хорезмийский¹⁰. В землях, подвластных Бухарскому эмирату, мигрантов из Хорезма называли *урганджи* или *ургянджи*¹¹. Как правило это были

и Шанги, фонетические и морфологические особенности которых сближают их с хорезмско-тюркским. Интересно, что население этих деревень не знает тюрко-монгольского родоплеменного деления [Абдуллаев 1961: 240]. Возможно, и кипчакский экающий ([æ]-кающий) говор имеет родство с хорезмско-тюркским. Ему присуще [æ] в первом слоге, наличие которого предполагается в хорезмско-тюркском. Распространение этого говора коррелирует с распространением топонимов, связанных с племенами Кипчак и Кангли.

⁵ Описания, данные А. Вамбери сартскому языку, совпадают в фонетическом отношении с огузскими говорами Хорезма, которые Ф. Абдуллаев называет огузскими говорами узбеков Хорезма [Bregel 1978; Абдуллаев 1961]. На английский название языка переводят как *Khorezm Oghuz Uzbek*. Это искусственное название, само население свой язык так не называет.

⁶ Среди носителей кипчакских языков есть и группы без тюрко-монгольского родоплеменного деления, и такие, которые называются сартами, т. е. доузбекское население [Снесарев 2001: 59; Абдуллаев 1961: 240].

⁷ Среди прочих на юге тоже живут группы поздних переселенцев с севера. Обычно они образуют островки смешанного кипчакско-огузского говора в огузоязычной среде. Кроме них есть и несколько деревень потомков туркмен, переселившихся в XVI в., и пара деревень с чагатайским населением [Снесарев 2001; Снесарев 1975].

⁸ Временные границы гипотетические. Огузский тюркский мог проникнуть в Хорезм со времен Сельджуков или Хорезмшахов Ануштегинидов, т. е. с XI–XII вв. Точное время полного вытеснения хорезмийского языка неизвестно. Ю. Брегель отмечает, что узбеки в своих исторических трудах различают ираноязычное население Бухары – таджиков – от доузбекского населения Хорезма, называя последних сартами уже в контексте событий XVI в. По мнению Ю. Брегеля, это основывается на языковом отличии этих групп, т. е. он считает, что большинство сартов к XVI в. было тюркоязычными [Bregel 1978].

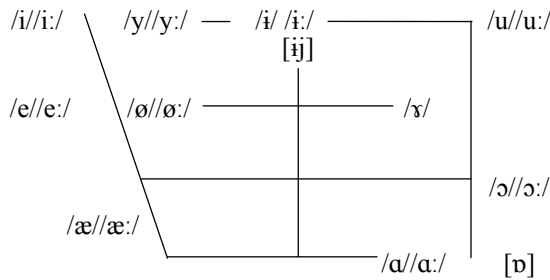
⁹ Произносится как /xaxaxɯmtʃa/, видимо из прс. или тадж. *Xwārazm* < (?) хор. *Xwārizm* по народной этимологии < *xw'r* **xwār* ‘мясо’ + *'zm* **izm* ‘дрова’, ср. арб. *Xuwārizm*.

¹⁰ Разумеется, большинство населения не знает, что так принято называть вымерший восточноиранский язык. К тому же они считают себя потомками «древних хорезмийцев».

¹¹ Это слово, видимо, происходит от названия г. Ургенч (Куня Ургенч) и встречается в произведении «Родословная туркменов» 1660 г. пера Абуль-Гази в выражении *ürgänji ... xan* (اورگنجی ... خان) ‘ургенчский (хорезмский) хан’. Форма «юргенский» или «юргенчский» встречается в XVI–XVII вв. в российских дипломатических протоколах в отноше-

выходцы из южного Хорезма [Сухарева 1966: 139]. Их язык получил название *урганджича*. В некоторых областях Средней Азии современные хорезмийцы и их язык до сих пор известны под этими именами.

	Билаби- альные	Передне- язычные	Пала- тальные	Велярные	Глотталь- ные
взрывные	/p/ /b/	/t/ d/		/c/ /ɟ/	/k/
фрикативы	«/f/» /β/	/s/ /z/	/ʃ/		/x/ /χ/
аффрикаты		/tʃ/ /dʒ/			
аппроксиманты				/j/	
носовые	/m/	/n/		[ŋ]	/ŋ/
дрожащие		/r/			
латеральный аппроксимант		/l/			

Иранист А.А. Фрейман в своем труде, посвященном хорезмийскому языку, вышедшем в свет в 1951 г., пишет: «Исследование словаря узбекских говоров Хорезма поможет выяснить остатки хорезмийского словаря, сохранившиеся в этих говорах» [Фрейман 1951: 32]. Настоящая статья представляет собой попытку такого исследования. Главным источником послужил словарь, составленный Ф. Абдуллаевым в дополнение к описанию говоров Хорезма. В него были включены слова, которые не встречаются в литературном языке Узбекистана, а также те, которые проявляют значительные и нерегулярные отличия в фонетике от этимологически родственных слов литературного языка¹². Ф. Абдуллаев разделил своих информаторов¹³ на 118 групп по регионам и населенным пунктам. Для большинства слов он указывает места их распространения, обозначая аббревиа-

нии послов и купцов из Хорезма [Жуковский 1915]: хор. *urganc* < 'wrk *urg 'волк' + суфф. 'nc/nc *ānc/*anc, ср. Гургандж < тадж. *гург* 'волк'.

¹² В этой лексике, среди прочего, Ф. Абдуллаев указал на десять возможных хорезмийских слов. Четыре из них представлены в данной статье.

¹³ Ф. Абдуллаев заручился поддержкой 522 информаторов из Хорезмской области и Мангытского района Каракалпакской АССР. Из соседней области тогдашней Туркменской ССР у него было 12 информаторов и 28 информаторов из Берунийского и Турткульского районов Каракалпакской АССР, т. е. последние области были представлены слабо. Хотя в них говорят на тех же говорах, что и в Хорезмской области Узбекистана, Ф. Абдуллаев указывает их как источник слова, только если оно встречалось исключительно там.

турой регионального центра, если слово встречается во всем регионе, или с дополнительным номером, представляющим одну из 118 групп, что позволяет проследить происхождение слов вплоть до деревень. Карта говоров Хорезмской области [Снесарев 1975], составленная Ф. Абдуллаевым, и сведения об их распространении, включая локализации источников текстов, приведенных в качестве образцов говоров, позволяют отнести большинство слов к соответствующим говорам.

Вторым источником слов, представленных в данной статье, стал словарь хивинского говора, составленный Отаназаром Мадрахимовым – филологом из Хорезма.

В ссылках на источники страница указывалась только для слов, приведенных в источнике не в алфавитном порядке.

/βædʒ/ √ I ‘предмет, вещь’ /bir βædʒ sɔrab jældim, taβibbærsænjiz ajtaman, dijdij kijz/ (Х-асп, 10) ‘Я пришла, чтобы спросить кое-что, если Вы найдете, то я скажу, говорит девочка’; /me:næt ætib jejæn βædʒin mazalɤ βɔladɤ/ (Хив, 1) ‘заработанное трудом бывает вкусным’; II ‘имущество; одежда’ /jijit βædʒlæriɤ kazɤka asadɤ/ (Ург, 9) ‘Парень повесил свои вещи на кол’; /mullala baɤnɤ kɤdɤrɤb jælsælæ, βædʒlæri jok/ (Хив, 1) ‘Когда муллы вернулись после посещения сада, их вещей не было’; III /hetʃ (jeʃ) βædʒ/ ‘ничего’ /baj ɤnə jeʃ βædʒ bærmæpti/ (Гурл, 6) ‘Как оказалось, бай ничего ему не дал’ [Абдуллаев 1961] < хор. *wāc ‘вещь (thing)’ [Durkin-Meisterernst 2009: 353] w’c, м. ‘thing, matter’ [Henning 1971], w’c, w’j, w’c ‘дело, вопрос, (Angelegenheit)’, ср. ав. vāč- ‘тж.’ [Benzing 1983: 631].

/jap/ √ ‘оросительный канал, большой канал’ (Ург.), ‘маленький канал’ (Гурл.) [Абдуллаев 1961] **/jab/**, **/ja:p/** Хив. [Мадрахимов 1999] /jap bɔjɤnda ɔɤrɤrɤtɤ sɔ:jæn ja:ɤ, sɔ:jæn ja:ra salamɤmnɤ alɤp bar/ (Ург, 3) ‘У берега канала сидит любимый друг (половинка), принеси любимому другу мой привет’ [Абдуллаев 1961] < хор. y’b ‘канал’, видимо, от слияния артикля мужского рода y и слова вода b [Benzing 1983] < ир. *āp-: ap- ‘вода, поток, река’ [Расторгуева 2000: 311], ткм. yap /jap/ ‘тж.’ чар. /jap/ ‘тж.’ в лит.-узб. считается диалектным. Ф. Абдуллаев приводит это слово в списке возможных хорезмизмов [Абдуллаев 1961: 141]. Хорезмолог В.А. Лившиц приводит это слово как пример сохранившейся хорезмийской лексики [Лившиц 1962: 140]. Й. Бенцинг тоже возводит тюркские /jap/ к хор. y’b. [Benzing 1983].

/arna/ √ [Абдуллаев 1961] с ассимиляцией **/anna/** Хив. [Мадрахимов 1999] ‘большой оросительный канал, большой арык’, ткм. arna ‘рукав реки возвращающийся в нее’ ср. шуг. ардāн (ж.) ‘главная борозда (орошаемой земли); канавка’ [Карамшоев 1988]. Ф. Абдуллаев приводит это слово в списке возможных хорезмизмов [Абдуллаев 1961: 141]. Иранист В.А. Лившиц приводит это слово как пример сохранившейся хорезмийской лексики [Лившиц 1962: 140].

/pætic/ ‘потолок’ /ɔj dɤm βejran, pæticlæri tʃyʃip kalɤrɤtɤ/ (Ург, 3) ‘Дом очень захудалый, потолок упавший’ [Абдуллаев 1961]; **/pæticpɔʃ/** ‘способ покрытия крыши с помощью полукруглых брусков, укладываемых поверх основных балок’; **/dʒyppætic/** ‘потолок, собранный из балок’ [Абдуллаев 1961: 124]; «Поперечные балки перекрытия назывались “балар”, мелкие продольные – “патик” (по-узбекски *vacca*)» [Снесарев 2001]; ткм. petik ‘потолок’, в этом смысле слово встретилось только в этимологическом словаре и может быть диалектным [Atanyūazow 2004]. < хор. pθk, bθk ‘дом’ [Benzing 1983]; возможно как-то связан-

но с сркл. *patex* ‘опора, поддержка’ [Писарчик 1957]; в ткм. *petik* имеет и другое значение – ‘тупик’ [Кууъасова 2016; Хамзаев 1968]; этимология, приводимая С. Атаныязовым от гл. *bitmek* ‘завершаться; выполняться,’ фонетически и семантически неубедительная, он возводит к нему и гл. *pitemek*, и *petiklemek* ‘закрывать, запираť’. Последние, видимо, вербализация сущ. *petik*. Смысл ‘запираť’ ткм. *petik* может быть переосмыслением от хрзм. /*prætíc*/ или восходит к ир. *band-*: *bad-* ‘связывать, завязывать; привязывать’, так как подобная семантика не встречается в других тюркских языках.

/*æβæræc*/ Ург, Хив, Швт. /*æræβæc*/ Гурл, Х-асп. ‘кольцо (серьга) для носа’ /*dört ajakí βa: munnı̄da æβæræci*/ (Хив, 1) ‘есть четыре ноги и кольцо на носу (загадка: сундук с навесным замком)’ [Абдуллаев 1961]; хор. **βrk* или **β’rk* ‘кольцо’ из хор. *ıwβ’rk* ‘подвеска для ушей, серьга (для ушей)’ < **gauša-bāra-ka-, knđ-βrk* ‘кольцо (на палец)’ [Расторгуева 2003: 97; Benzing 1983]. ~ Анлаутная гласная – отображение, неэтимологического звука, изображавшегося на письме буквой алиф, который условно называют протетическим ’. Подробнее о предполагаемом протетическом ’ – см. [Эдельман 2008]; ср. прс. тадж. *gōšvāra* ‘подвеска для ушей’ [Benzing 1983].

/*t̪sæjæ*/ Я-бзр /*t̪sæjæ*/ Ург. Швт. К-кпр. ‘песок, песчаное место’ /*bu əβanɯ jellærīni teji j̄oc t̪sæjæ. j̄oc t̪sæjæni paxtasɯ æββæl øsip, s̄ɔɯ j̄enæ t̄ɔxtap kaladıɯ*/ (Швт. 9) ‘Под землями этой деревни – зеленый песок. Хлопчатник с зеленого песка сначала растет, а потом останавливается’; чар. /*t̪sæyæ*/ или /*t̪sææ*/, ткм. *çäge* /*t̪sæ:yæ*/ ‘песок’ < хор. *cy, j̄y* ‘песок’ ~ в хрзм. /*y*/ не встречается в слогах с гласными переднего ряда. Потому /*y*/ → /*j*/, /*j*/. Неясна связь с хрзм. /*s̄ɔya*/ ‘почва из липкой белой глины’, ткм. *çagyl* ‘галька; гравий; щебень’.

/*d̪zyjyr*/ Ург, Хив, Хнк, Я-ар. ‘щепка дерева, заноза, колючка’ /*ajakimɯ tu: tɯɯ d̪zyuɯri j̄ardɯ*/ (Я-ар, 3) ‘Мою ногу проткнула колючка тутовника’ [Абдуллаев 1961]; < хор. *çyr* ‘острый’ [Benzing 1983]. ~ Возможно, переход /*j*/ < /*y*/ вызван необходимостью сохранить качество второго гласного. В хрзм. в слоге с /*y*/ артикулируются только гласные заднего и среднего – /*i*/ рядов, ср. /*t̪sæjæ*/. Направленные заимствования чар. *çükür, çügür* ‘терн, колючка’ неясно. Происхождение неизвестно [Räsänen 1969: 121].

/*ʃa:βyr*/ Ург, Хив, Хнк. /*ʃabyr*/ Я-бзр, 3 I ‘дернистая земля, изобилующее водой пастбище; луг’ /*mallaɯ ʃaβyɯta j̄ærdic*/ (Хнк, 2) ‘мы отправили скот на луг’; II ‘ремесленный инструмент – веревка с камнем (шнуровой отвес?)’ [Абдуллаев 1961]; < хор. *š’y’ry- š’y’ry-* ‘делать влажным, мочить’, *šy’r-, šyr-* ‘стать влажным, стать мокрым’, *šyr* ‘оросительный канал (?)’, *b’knd’h y šyr – δ’r* ‘он наполнил оросительный канал (?)’ [Benzing 1983]. Исходя из современного значения, слово могло значить речную долину, луг. ~ Тенденция к удлинению гласной в первом открытом слоге. В интервокальной позиции *y* → /*β*/¹⁴, ср. вах. *ç(ə)qar, ç(ə)qar* ‘пастбище, летовка (на берегу реки Пяндж внизу долины, в отличие от летовки *-ayloq* – высоко в горах)’ [Стеблин-Каменский 1999], ткм. *jygyr* /*d̪ziyir*/ ‘вспахан-

¹⁴ общ-тюрк. **sögüt* [Левитская 2003: 335] > хрзм. /*søβyt*/ ‘вид ивы’, ср. трц. *sögüt* ‘ива’ у МК. *sögüt* ‘дерево’ [Наделяев 1969]; общ-тюрк. **ayuz* [Севортян 1974] > хрзм. /*əβuz*/ ‘первое молоко, молозиво’, ср. в сказании об огуз-кагане *oyuz* ‘тж.’ [Наделяев 1969], лит.-узб. *og`iz* ‘тж.’

ная и бороненная, подготовленная к посеву земля, пашня' [Ку́yasowa 2016]; МК. (*oγuz*) *sīyra* 'долина' [Räsänen 1969: 415]; хрзм. /*šīrya*/ 'лысый, паршивый, плешистый' [Мадрахимов 1999].

/særæntʃ/ Ург, Хив, Х-асп. /tʃiræntʃ/ Гурл, Я-бзр. 'ручка ручной мельницы (длинная палка)' /*ʃycirdʒan*, *bar særæntʃi* *alɣæɫ*, *tu:t kaki jijmis*/ (Х-асп, 3) 'Шукурджан, сходи и принеси шест, поедим стяхнутого тутовника'; туда же ткм. *serent* 'шест (которым вращают жернов ручной мельницы)' [Хамзаев 1968]; ткм. *serenji* /θerendʒi/, *serenji ɟybyk* 'рейка (ветка), на которую крепятся нити основы для их натяжения по ширине при ткании полотна' [Ку́yasowa 2016]. Варьирование форм *serent/serenç* и форма *serenji* – относительное прилагательное, которые нетипичны для тюркских языков, говорят, скорее, в пользу заимствования этого слова в ткм., видимо, из какого-то нетюркского; < хор. *sry'nc* 'растение (?)' Не ясно, есть ли связь с осм. *sārān* 'рея', происхождение которого неизвестно [Räsänen 1969: 411].

/tʃayyrɤk/ 'озерная птица, питается рыбой, беловатого цвета, вес 1 кг' [Абдуллаев 1961: 116]; < хор. (?) *čyr* 'балобан (*Falco sacer*)' [Benzing 1983]; ср. прс. *čarg* (چرگ) 'ястреб-перепелятник, пустельга (птица)'; ср. МК. *sīyirčik* 'куропатка'. В тюркских языках существует ряд слов для обозначения птиц и насекомых, которые М. Ряснен считает звукоподражаниями. Почти во всех тюркских словах первые гласные – верхнего подъема. Аффриката в анлауте встречается только в осм. *čoyurjuk* 'скворец' каз. *čiyirčik* 'тж.' [Räsänen 1969: 415]. Поэтому слово, скорее, не связано с этой группой тюркских слов.

/huβ kuʃ/ 'обыкновенная кваква, ночная цапля', скорее /*hyβ kuʃ*/, /h/, как правило, встречается в слогах с гласными переднего ряда. Видимо, опечатка. В транскрипционных знаках, использованных Ф. Абдуллаевым, *хув қуш* /*huβ kuʃ*/, где в слове /*kuʃ*/ с *y* /y/ вместо *y* /u/ [Абдуллаев 1961: 116]; < хор. (?) *Hwβyk* 'ночная птица' [Benzing 1983], ср. ткм. *hūwi* 'филин', хрзм. /*hyjji*/ 'тж.'? [Мадрахимов 1999].

/zymæca:n/ Хив. I 'название пещеры, которая находилась близ Хазараспа'; II 'тьма, темнота' [Мадрахимов 1999]; /zymaca:n/ К-кпр. III 'холод, холодное место' /*næ zymaca:nan jældiŋmi*/ 'ты что, пришел из холодного места?' < хор. *zmk'nc* 'зима' [Benzing 1983]; ср. ос. дигор. *зумæг* 'зима' [Таказов 2003] < ир. **zima-* 'тж.' [Абаев 1989: 321]. Ф. Абдуллаев отмечает, что в этих говорах глухой палатальный взрывной может встречаться перед гласными заднего ряда. Но после него следует звук, похожий на [j] в полдлинны [Абдуллаев 1961: 134]. В первой форме гласная в последнем слоге хорезмийского слова *zmk'nc*, переданная алифом, – видимо, долгая **ā*, в сохранившемся слове она отличается от других гласных, являясь гласной заднего ряда в слове с предшествующими гласными переднего ряда, что нарушает гармонию гласных, присущую данному языку. Т. е. иранские краткие дошли до нас в виде тюркских гласных переднего ряда, а иранская долгая – в виде тюркской гласной заднего ряда. Во второй форме сохранилась квантитативная разница в долготах гласных. Если первичным было значение – название пещеры, то необязательно искать фонетические причины выпадения аффрикаты. Слово могло быть интерпретировано под влиянием хрзм. /*ca:n*/ < прс. *kān* (كان) 'рудник, копь'.

/cōtanaɛc/ Ург, Хив, Хнк. 'птенец воробья (когда начинает оперяться)' [Абдуллаев 1961]; < хор. *kwtNYk* 'осленок', *šck kwtNYk* 'молодая ослиха' [Ben-

zing 1983] или тадж. *кӯтоҳ* ‘короткий, краткий’, прс. *kūtāh* (کوتاه) ‘короткий; низкий; краткий, малый’.

/pɔpɪʃæc/ Хив. ‘удод’ [Мадрахимов 1999], чар. /pɔrsi pɔpɪʃæc/ ‘удод, букв. вонючий /pɔpɪʃæc/’, лит.-узб. (*sassiq*) *popishak* ‘удод’ < хор. *pwpšyk*, *bwbsšyk* ‘удод’ [Benzing 1983].

/tə:dʒim/ Ург, Хив. /~ ætmæc/ ‘набирать, собирать; подготовить’ /təj xaradʒat-larɯx tə:dʒim ætipmi/ (Хив, 1) ‘Он собрал (подготовил) расходы на свадьбу?’ [Абдуллаев 1961]; < хор. *θ-jamī’ (?) < хор. θ- + арб. *ġamī*‘ (جمع) ~ арабизмы в хор. часто встречаются в комбинации с префиксами, среди прочего и с θ- [Durkin-Meisterernst 2009: 372].

/cæpi:n/ ‘саван’, чар. /cæpin/ ‘тж.’, ср. хор. *kfn* ‘тж.’ < арб. *kafan* (کفن) ‘тж.’ В пользу хорезмийского посредничества слова говорит вторая гласная, видимо, являясь отображением хор. -y-, встречающейся перед последней согласной в паузальных формах слов. Ср. хор. *styr* ‘подкладка, набивка’ = прс. *āstar*; хор. *bl’jyb* ‘фокусник’ = прс. *bil* - *‘ajab* [Benzing 1983]. Удлинение последней гласной встречается и в **/xadi:m/** Ург, Хив, Хнк ‘женщина (чаще пожилая), принимающая участие в организации приготовления пищи, руководящая приемом гостей, на праздничных, траурных, религиозных, мероприятиях’ < арб. *hādīm* (خادم) ‘слуга’, ср. хор. *x’dm* ‘внух’ здесь также нарушен сингармонизм.

/xirric/ Ург, Хив, Хнк, X-асп ‘складывание, сбор, складывание в кучу’ /ku:nnɯ xirric ættic/ Ург. 3. ‘мы собрали дыню и разложили по сортам’ [Абдуллаев 1961]; < хор. *xryk* м. ‘куча зерна (?)’, *Getreidehaufe* (?) [Benzing 1983]. Нарушение сингармонизма. У О. Мадрахимова /xiric/ I ‘куча’; II ‘узда’; III ‘подставка для дутара’. Ф. Абдуллаев отличает /xiric/ ‘узда’ от /xirric/.

Отдельного рассмотрения заслуживают лексемы, оканчивающиеся на /ic/, среди них часто встречаются лексемы с пока не ясной этимологией: **/ændic/** Ург, Хив, Хнк, X-асп. I ‘легкое раздражение (физическое), щекотка’; II ‘помеха, препятствие’, **/xadīc/** Ург, Хив, Хнк ‘мешать, беспокоить’, а также возможные заимствования задокументированных в хорезмийском слов: **/xədʒic/** I ‘пижон, барский сын’; II устар. ‘шеголь; человек, склонный к веселому времяпрепровождению’ [Абдуллаев 1961], ср. хор. *xw’jyk* м. ‘магистр, уважаемый господин’ [Benzing 1983], **/mefiric/** Ург, Хив, Хнк **/mefric/** Хив ‘катушка из ниток, намотанных на веретено’ [Абдуллаев 1961; Мадрахимов 1999], ср. хор. *m’šwryk* ‘ткацкий челнок, катушка’, прс. *māšūra* (ماشوره) ‘стебель (тростника, злаковых)’, *māsūra* (ماسوره) ‘трубка; шпулька; челнок (швейной машины)’ [Benzing 1983] с типичным для хорезмского разогублением непервых огубленных гласных, **/hædʒɔciætmæc/** ‘говорить по слогам, разбить по слогам’ [Мадрахимов 1999], ср. хор. м. *hčyk* ‘слог, Silbe, Silbenzeichen, Buchstabierung’ < арб. *haġā* (هجا) ‘тж.’ > прс. *hijā* ‘тж.’ ср. хор. *hġj-* ‘buchstabieren’ [Samadi 1986]. Й. Бенцинг сравнивал хор. *hčyk* с ткм. *hejjik* ‘слог’ [Benzing 1983]. В современных туркменских словарях встречается *heçjikleme* ‘читать по слогам или по буквам’ В хорезмском имеются суффиксы /ik/, /ic/, /iɣ/, /ij/ для образования существительных и прилагательных из глаголов [Абдуллаев 1961: 144, 145]. Подобных суффиксов для образования существительных из существительных, как это было бы необходимо, если исходить из прямого заимствования из персидского /xədʒic/ < *xwāja*, /mefiric/ < *māšūra*, Ф. Абдуллаев не отмечает. В древнетюркском существовали суффиксы -Ak и -Ik.

Слова, образованные с их помощью, обозначают сущности, являющиеся как бы уменьшенной версией того, что обозначается основой [Erdal 2004: 145]. Но возведение суффикса /ic/ к тюркскому -Ik в некоторых случаях затруднительно, так как лексемы с /ic/ часто нарушают сингармонизм и/или являются иранизмами: /xadic/, /xɑdʒic/, /jɑxijc/ ‘холодный’; сингармонизм нарушается и в словах тюркского происхождения /taɣɑric/ ‘деревянная миска для теста’. Известны слова с вариантами, оканчивающимися на /ic/ и /æc/: /mɑɣɑnic/, /mæɣɑnæc/, /mæɣjænæc/ ‘чугунный подшипник, устанавливаемый в отверстии ступицы арбы’, ср. тадж. *мургак* ‘шипы полотнища двери’, ср. прс. *toryak* ‘птичка; токарная бабка’ [Мухиддинов 1982: 216; Абдуллаев 1961: 120; Мадрахимов 1999]; /tytænɪc/ Хив, 1, /tytænæc/ Ург. X-асп. /tuta:nɪk/ Хнк, 11. ‘полог для встряхивания ягод тутовника’. Если предположить, что /ic/ происходит из таджикского суффикса -ак > (?) /æc/, то кажется, что это явление лишено регулярности, так как в языке много слов, оканчивающихся на /æc/: /ʃijʃæc/ ‘осколок стекла’ [Абдуллаев 1961], /xɑɣɑzæc/ Хив, 1 ‘удушающая болезнь’ [Абдуллаев 1961], /xɑtɪnæc/ Ург., Хив., Хнк. ‘женоподобный’ [Абдуллаев 1961], /juzæc/ Хив. ‘осень’ [Мадрахимов 1999], /pɑxtæc/ ‘горлица’ [Абдуллаев 1961], /dʒyɗzæc/ Хнк. 1 ‘цыпленок’ /tʃyɗzæc/ Гурл, Я-бзр, X-асп. [Абдуллаев 1961], /ʃæcæɣæc/ ‘летний виноград, хрустящий, белый с голубым оттенком’ [Абдуллаев 1961: 114], /jedzæc/ или /jædzæc/ ‘кудри’ [Мадрахимов 1999], /dæβæɣæc/ Хив. I ‘окрестность, округа; среда, окружение’; II ‘вокруг, кругом; около, приблизительно’ [Мадрахимов 1999]. Появление суффикса /ic/ возможно было бы связывать с хорезмийским суффиксом -(y)k, который менял свою форму в зависимости от положения слова в словосочетании: с паузальной формой -ук в конце фразы или обособленной позиции и стяженной -k в прочих позициях.

Ономастика

Хорезмийские имена собственные представлены в Хорезме главным образом топонимами и гидронимами. Эта тема требует отдельного рассмотрения. Здесь будут представлены лишь некоторые лексемы и предложены пути дальнейшего изучения этого пласта лексики.

В свой словарь О. Мадрахимов включил одно имя и одно прозвище, которые могли быть хорезмийскими: /baɣβæc/ – мужское имя, /βaβak/ – псевдоним знаменитого хивинского исполнителя фольклорных танцев [Мадрахимов 1999]. Еще одним источником хорезмизмов могли бы служить локальные клановые, фамильные имена или прозвища¹⁵. К сожалению, эти имена не собраны и не изучены, но иногда упоминаются в сочинениях, посвященных истории, так как они использовались в качестве фамилий до введения их русифицированных форм.

¹⁵ Население южного Хорезма знало клановые или семейные имена. Но они не имеют присущей тюрко-монгольским племенам иерархической родоплеменной структуры, при которой роды являются частью племен, а племена частью племенных объединений. Кланов южного Хорезма существуют на одной плоскости. Известные мне не имеют отношения к тюрко-монгольским племенам, а их названия происходят от огузских, иранских (в широком смысле) и арабских слов, а не кипчакских и монгольских, как у узбеков.

Последние обычно давали по имени отца. Среди бытовавших ранее клановых имен, встречающихся в литературе и не являющихся по происхождению именем собственным, является, например, название клана Гавдон¹⁶ [Жуманиёзова 2015]. Множество личных имен сохранилось в легендах и поверьях, но эта тема еще исчерпывающе не изучена.

Хорезмийские топонимы слишком многочисленны, чтобы перечислить их все.

Это не только названия былых крупных городов, часть которых сохранилась, но и других, от которых остались лишь руины и их названия в народной памяти: *Кердер*, *Ургенч* /uɣɣæntʃ/, *Бизмышир* или *Зумукишир* (*Замахшар*), *Кят*, *Хива*, *Хазарасп* /xazarɒs/, *Шурахан*, *Питнак*, *Садывар*, *Джигир-банд*, *Дарган*. В южном Хорезме сохранились десятки названий деревень и каналов, а также общин: *Варагзан*, *Ирдимзан*, *Пирнахас*, *Незахас*, *Карвак*, *Индавак*, *Арвик*, *Римиган*, *Джинган*, *Мадир*, *Пышканык*, *Манак* и т. д. Гидронимы: озера *Назурак*, *Говик* /ɣɔβic/ или /ɣaβic/, *Корп*, *Динак*; каналы *Киник*, *Хийханак* (старое название канала *Палваняп*), коллектор *Адыркуль*, хивинский колодец *Хивак*¹⁷.

Слова с неясной этимологией

В языке много слов с неясной этимологией. Часть из них приведена ниже. Некоторые из них – предполагаемые иранизмы, возможно, и хорезмизмы. Однако сложно привести надежные звуковые соответствия. Большинство представленных ниже слов – из словаря, составленного Ф. Абдуллаевым¹⁸: /nasak/ Хив. ‘сплетня’ [Мадрахимов 1999] < (?) хор. *nɣws’k* ‘слышать’ инф. от *m/nɣws-* < ир. **ni-gauš* [Samadi 1986] в выражении *mkd’h mr’yk’wu’wd nɣws’k’wu’er tat es aus Heuchelei und zum Hören* (d. h. damit es gesehen und gehört würde). Он сделал это из лицемерия и для услышания (т. е. чтобы это было увидено и услышано)’ [Benzing 1983]; /ælpætæc/ значение неясно, встречается в выражениях: /ælpætæctæ-jælpætæc/ ‘гостеприимный’, /ælpætæc bəlmak/ букв. ‘стать /ælpætæc/, чрезмерно заботиться (о ком-л.)’ < (?) хор. *’nbθ*, *’nbyθ* ‘спутник’; /caenticaesæc/ Гурл. 4 ‘имущество, домашняя утварь’; /ytfæc/ ‘крыша’; /tɣɣpak/ ‘деформированный, расцарапанный, изношенный’; /æβætf/ I ‘двухлетняя овца’, II ‘восклицание’; /pæŋ/ ‘опора, подпорка’; /særynæ/ ‘кольцо у носика самоваров и кумганов’ (< ? прс. *tanūre* (تنوره) ‘желоб, труба’); /sɣdɣrɣm akmak/ ‘течь с журчанием, течь струей’; /æjirt/, /ejirt/, /æjirt/, /ænnic/ ‘недозревшее яйцо’; /pælæntf/ ‘стебли хлопчатника’; /pædic/ ‘ткацкий станок для производства ковриков и грубой хлопчатобумажной ткани’, видимо, как-то восходит к **pūta*, **pauta* ‘(маленькая) лодка, челн; уток (поперечные нити ткани)’ < ир. **pau-d-*, **pu-d-* ‘двигаться, ходить; бежать, убегать; спешить’ производные задокументированы в хор. *’bwd*, *’βwd* ‘шелк; уток’ [Эдельман 2020: 265]; /tælæc/ ‘надстройка в виде второго этажа над прихожей (сенями), используемая в качестве амбара,

¹⁶ Написание и фонетика адаптирована под лит.-узб., видимо, /ɣaβdan/ или /jæβdan/.

¹⁷ Представленные здесь названия собраны из современной литературы и географических карт и в свое время могли быть изменены согласно правилам фонетики узбекского литературного, туркменского или русского языков.

¹⁸ В противном случае указан источник.

преимущественно для хранения зерна', чаг. *täläk* 'тж.' [Räsänen 1969: 471], ср. ос. *tillæg* 'злаки, уродившийся хлеб, урожай' [Абаев 1979], ягн. *тахак* 'зернохранилище' [Хамиджанова 1982]. В Хорезме слово /tælæc/ используется также в игре индийского происхождения *пачиз* (*пачиси*), которая сопровождается индийской лексикой; /axra/ 'поверхность текущей воды, пространство между двумя берегами'; /axratʃy/ 'человек убирающий подальше грунт, образованный при копании каналов' [Абдуллаев 1961: 121], ткм. *ahyra* 'в Лебапе (бывш. Чарджоуская область) каналы рыли так, чтобы берега образовывали продольные ступеньки, они были нужны, чтобы выбрасываемая снизу земля не сыпалась обратно. Ступени назывались *ahyra*, их могло быть от одного до трех' [Atanyúazow 2004]; /dayana/ 'место вхождения оросительной воды в посевное поле'; /dʒæpsær/ 'место объединения путей или каналов'; /βap/ 'многолетнее насыпное возвышение из почвы или ила по обеим сторонам арыка (обычно покрывают землю под скотом)' < (?) прс. *lab* 'губа; край', но /l/ > /β/ единственный случай, прс. *a* чаще > /æ/, ср. прс. *lab* 'губа; край', хрзм. /lœ:β/ 'губа' с коартикуляцией; /hæppic/ Хив. 'очень низкорослый человек; брань' [Абдуллаев 1961], 'озорник, пострел' [Мадрахимов 1999] < (?) хор. *h'b'k* 'маленькая собака', вариант чтения *C'b'k* [Benzing 1983], ср. прс. *xepelē* (خپله) 'коротышка', ср. ткм. *hepbik* 'приспособление для ловли птиц из дерева или ребер скота', ткм. *hepbige dönme* 'исхудать', ср. ткм. *hep* 'количество опиума на один прием', *hepi yetmek* 'быть в привычном состоянии (о наркомане после приема опиума)'; /tənyirtka/ К-кпр. /təkirtka/ Гурл. Я - бзр. /təkitka/ Ург, Хив, Хнк. 'труба'; /katʃy/ ¹⁹ 'дамба'; /ne:su:/ 'способ орошения грядок тонкой струей' < (?) прс. *nāy* 'тростник, камыш' + тюрк. /suβ/ 'вода'; /latu:n/ 'деревянный амбар'; /səyā/ 'почва из липкой белой глины'; /dyrcyndæ/ 'приспособление, прижимающее колесо арбы'; /pærræβic/ или /piræβic/ 'деревяшка, вставляемая в ось арбы для предотвращения выскакивания ступицы'; /pɔjzik/ 'место вхождения спицы в ступицу'; /xuxβay/ 'ремень, которым прикрепляют оглобли к хомуту'; /zærfay/ 'ремень, соединяющий нижние части хомута'; /zeβær bi:z/ 'длинное шило'; /akkurt/ 'задник (обуви)'; /ʃarxæβic/ 'перемычка', ср. ткм. *çarhowuk* 'тж.'; /jædʒæc/ 'вид уток (пятнистая)'; /yɔβic kuʃ/ 'птица, похожая на гуся весом 800 гр. – 1 кг'; /kurryk/ 'озерная птица, белого цвета 500–800 гр.'

Следующие два слова встречаются в языке Чарджоуского оазиса: /yʃic/ или /yʃyc/ 'сказка, сказание', ср. хор. *ʃwysk* 'сказка, история' [Benzing 1983]. Если *ʃwysk* – уменьшительная форма от **ʃwuk*; /jɔryit/ или /jɔryyt/ 'гиперактивный ребенок, предприимчивый человек, человек, из-за своих активностей попадающий в неприятности (слово несет несколько негативный оттенок)', хор. *ywr-yt* 'быстрая верблюдица (бегающая как кулан)' [Benzing 1983].

Слова с согдийской этимологией

В ходе работы были выявлены слова согдийского происхождения. Некоторые из них широко распространены в тюркских языках: /axʃam/ √ I 'ночь, ночью' < согд. *(ə)xšap, ʔšp- 'ночь' [Gharib 1995; Севортян 1974: 207]; /ʃyɔyir/ или /ʃyɔkir/

¹⁹ С. Тезджан считает это слово хорезмийским, так как оно встречается только в языках, связанных с Хорезмом [Tezcan 1997].

‘чигирь’ [Абдуллаев 1961: 123] < согд. В, S *cyr-*, *čaxr* ‘колесо; круг’ [Gharib 1995], ср. хор. *čxr*, *čхур* ‘круг; колесо’, *črx* ‘чигирь’ [Benzing 1983] < ир. **čaxra-* < **čakra-* ‘колесо’ [Расторгуева 2003: 248]; /*cænt*/ X-асп, 6 ‘община, народ, деревенская община’ [Абдуллаев 1961]; слово встречается во многих тюркских языках < согд. **knd* ‘город’ [Clauson 1972]. Кроме них встречаются согдизмы, некоторые из которых можно найти и в туркменском.

/p̄xsm̄yl/ Манг, I ‘зловредный, желчный, принимающий все близко к сердцу’, II ‘какая-то болезнь’ [Абдуллаев 1961] < согд. *psm* ‘r B *(ə)p(ə)smār, ‘psm’ r B ‘название какой-то болезни, эпилепсия?’ [Gharib 1995] или др.-уйг. *apsmar* ‘эпилепсия’ < скр. *apasmāra* ‘тж.’ [Наделяев 1969: 47].

/x̄zyar/ Хнк. ‘сырость, влага’ /d̄zora ah̄ir, taza d̄zaj salmasa βəlm̄jdx̄, hæmmæ jerni x̄zyar al̄xb̄ jet̄x̄t̄x̄/ (Хнк, 1) ‘не годится, если Джора не построит новый дом, все охватила сырость’ [Абдуллаев 1961], ср. чар. /x̄zyar/ ‘тж.’²⁰ < согд. *(ə)zyār, *zy’r*, *zy’r* ‘humidity (?) влажность’ [Gharib 1995] или хор. *zyr-*, *zyr-* ‘течь, сочиться; пропускать воду’ [Расторгуева 2007: 154], *šy’r-*, *šy’r-* ‘стать влажным, мокрым’ [Benzing 1983], ткм. *yzgar* /iz̄yɑ:ɾ/ ‘влага; сырость’.

/zej/ или /zij/ ‘грунтовая вода’ [Абдуллаев 1961: 121], чар. /zej/ ‘тж.’, сркл. *zey* т. *zæy* в. *zay* б. ‘болото, топь; сырое место’ [Пахалина 1971], ткм. *zey* ‘избыточная грунтовая вода, выходящая на поверхность в виде влаги или засоления’ < согд. **zāy*, *z’y* ‘земля, грунт’, *z’yh* ‘земля, страна’, ср. ягн. *zou* ‘земля, почва, поле, пашня’.

/zejcæf/ или /zijcæf/ ‘канал для отведения грунтовых вод; грунтовые воды’ [Абдуллаев 1961: 121], ср. сркл. *zeykaš* т. *zæykaš* в. *zaykaš* б. ‘ручей; родник’ [Пахалина 1971], ткм. *zeykeş* ‘канал для отведения грунтовых вод’, *zeybent* ‘очищенные от веток стволы деревьев, которые стелют на фундамент для защиты от сырости’.

/h̄əβir/ Хив. ‘жар’ [Мадрахимов 1999], ткм. *howur* ‘жара; зной, жар’ < согд. В **xuwər* или **xōur* согд. В *yur* согд. М, С *xwur* ‘солнце’ [Gharib 1995], ср. хор. *xr*, *xur*, *xur* ‘тж.’ [Benzing 1983], прс. *xāvar* (خاور) ‘восток; солнце’ < ир. **h(u)uar-* ‘солнце’ [Расторгуева 2007: 438].

/əp̄cin/ или /jəp̄cin/ ‘легкий прохладный ветерок’ < согд. будд. **āp(a)kēn-*, ‘*p̄ky*’ *k* ‘стекло’ или из прс. *ābgine* ‘тж.’ < **āpaka-ina-* < ир. **āp* ‘вода, поток, река’ [Расторгуева 2000].

Заключение

Дальнейший сбор, изучение и кластеризация иранизмов по их фонетическим особенностям с целью определения времени и источника заимствования, сопоставление этих результатов с географическим распределением слов, этнографическими данными и с источниками по истории края помогли бы прояснить обстоятельства смены языка хорезмийцев. В этом аспекте многообещающей кажется

²⁰ В 20-х гг. прошлого века многие хорезмийцы, подвергнувшись гонениям со стороны новой власти, иммигрировали в Чарджоу (особенно из Ханки), позже часть их вернулась в Хорезм. Видимо, это слово привнесено из Чарджоу в результате обратной миграции. В Чарджоу слово имеет широкое распространение, особенно в значении ‘сырость; влага, поднимающаяся с земли по стенам зданий; сырость в закрытых помещениях’.

топо- и гидронимика. Фонология языка с ее сложной системой гармонии палатальных и велярных взрывных и фрикативов и множеством исключений, частым нарушением сингармонизма, наличием огубленного [ɒ] требует изучения на предмет субстратного влияния. Нельзя исключать, что хорезмизмы представляют собой не только отображение хорезмийских слов, наложившихся на огузскую тюркскую фонетическую систему, но и фонетическая система хорезмийского языка могла в свою очередь повлиять на фонетику тюркского языка хорезмийцев.

Тема тюркизмов в хорезмийском требует отдельного изучения. То, как хорезмийцы воспринимали тюркские слова, может поведать и о фонетике самого хорезмийского языка. Тем более, что теперь известно, какой тюркский язык с высокой долей вероятности вытеснил хорезмийский. В решении этой задачи существуют несколько сложностей: отсутствие прозрачности в диахроническом развитии хорезмского тюркского и сложность в различении заимствований книжных от устных. Напр. хор. *č'qr* 'серо-голубой' < тюрк. *čaqır* 'тж.' [Benzing 1983] ~ видимо, книжное заимствование, так как сохранило правописание с чуждым для хорезмийского /q/; ср. хрзм. /tʃakɪt/ 'блестящий, белый'; хор. *xj*, *xc*, *xč* 'баран' ср. хрзм. /yɪtʃ/ 'баран' ~ *jijit* 'удалец' ~ возможно, заимствование из разговорного тюркского языка Хорезма, так как велярные фрикативы в анлауте – редкость для слов тюркского происхождения.

Список сокращений языков и диалектов

ав.	авестийский	тадж.	таджикский, включая вариант некогда распространенный в Хорезме (в Хивинском Ханстве)
аз.	азербайджанский	тадж.-вахш.	таджикский среднего течения
арб.	арабский	р.	Вахша
вах.	ваханский	тат.	татарский
дар.	дари	ткм.	туркменский
дигор.	дигорский	трц.	турецкий
ир.	иранский праязык	тюрк.	тюркский
крм.	крымскотатарский	хор.	хорезмийский
лит.-узб.	литературный язык Узбекистана	хрзм.	хорезмский язык (тюркский язык южного Хорезма, он же язык сартов Хорезма, он же огузский говор «узбеков» Хорезма)
общ.-тюрк.	реконструируемый тюркский (без болгарской ветви)	хот.	хотанский
ос.	осетинский	чар.	язык Чарджоуского оазиса
осм.	османский	ягн.	ягнобский
прс.	персидский		
скр.	санскрит		
согд.	согдийский		
сркл.	сарыкольский		

Общие сокращения

букв.	буквально	Ург.	Ургенчский район
гл.	глагол	Ург, 3	Ургенчский район сельсовет Чакка шалыкар колхоз Сталин
ж.	женский род	Ург, 9	Ургенчский район сельсовет Бегават колхоз Сталин
истор.	исторический	Х-асп	Хазараспский район
м.	мужской род	Х-асп, 3	Питнак, Сейит сельсоветы им. Энгельса, Сталина
МК.	Махмуд ал-Кашгари (словарь)	Х-асп, 10	сельсовет Авшар колхоз Тельман
ср.	сравните		
тж.	также		
∨	встречается во всем Хорезме		

Хив.	Хивинский район	Швт.	Шаватский район
Хив, 1	город Хива	Швт. 9	деревня Айиргам
Хнк.	Ханкинский район	К-кпр.	Кошкوپирский район
Хнк, 2	сельсовет Карамазы колхоз Ак алтын	Манг	Мангытский район
Хнк, 11	сельсовет Сарапаян колхоз Коммунизм	Гурл.	Гурленский район
Я-ар.	Янгиарькский район	Гурл. 4	сельсовет Марибугат колхоз Социализм
Я-ар, 3	сельсовет Калинин (Астана) колхозы Калинин и Чапаев	Гурл. 6	сельсовет Хизирэли

Литература

- Абаев 1958 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.–Л.: Издательство академии наук СССР, 1958. – Том I. – 655 с. {*V.I. Abayev. Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language. – Moscow–Leningrad: The USSR Academy of Sciences Publishing House, 1958. – Vol. I. – 655 p.*}
- Абаев 1979 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. – Том III. – 358 с. {*V.I. Abayev. Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language. – Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1979. – Vol. III. – 358 p.*}
- Абаев 1989 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Л.: Наука, 1989. – Том IV. – 325 с. {*V.I. Abayev. Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language. – Leningrad: Nauka, 1989. – Vol. IV. – 325 p.*}
- Абдуллаев 1961 – *Абдуллаев Ф.А.* Узбек тилининг Хоразм шевалари (Хорезмские говоры узбекского языка). – Ташкент: Издательство академии наук Узбекской ССР, 1961. – 345 с. {*F.A. Abdullayev. Khorezmian Dialects of the Uzbek Language. – Tashkent: The Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1961. – 345 p.*}
- Бегматов 2006 – *Бегматов Э., Мадвалиев А., Маҳкамов Н., Мирзаев Т., Тўхлиев Н., Умаров Э., Худойберганова Д., Ҳоҗиев А.* Ўзбек тилининг изоҳли луғати. В 5 томах. – Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси «Давлат Илмий Нашриёти», 2006–2008. – 3214 с. {*E. Begmatov, A. Madvaliyev, N. Mahkamov, T. Mirzayev, N. Tukhliyev, E. Umarov, D. Khudoyberganova, A. Khodzhiyev. The Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. In 5 volumes. – Tashkent: National Encyclopaedia of Uzbekistan «State Scientific Publishing House», 2006–2008. – 3214 p.*}
- Брегель 1959 – *Брегель Ю.Э.* Расселение туркмен в Хивинском Ханстве в XIX в. // Страны и народы востока. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – С. 242–256. {*Yu.E. Bregel. Settlement of the Turkmens in the Khanate of Khiva in the XIXth century // Countries and Peoples of the East. – Moscow: Vostochnaya Literatura publishing house, 1959. – PP. 242–256.*}
- Жуковский 1915 – *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды Общества русских ориенталистов. – Петроград, 1915. – Вып. 2. – 215 с. {*S.V. Zhukovskiy. Relations of Russia with Bukhara and Khiva for the Last Three Hundred Years // Proceedings of the Society of Russian Orientalists. – Petrograd, 1915. – Issue 2. – 215 p.*}
- Жуманиёзова 2015 – *Жуманиёзова К., Нуржонов М.* Хонка тарихи. – Урганч: Хоразм, 2015. – 196 с. {*K. Zhumaniyozova, M. Nurzhonov. History of Khanka. – Urganch: Khorazm, 2015. – 196 p.*}
- Задыхина 1952 – *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты Аму-дарьи // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М.: Издательство академии наук СССР, 1952. – Том I. – С. 319–400. {*K.L. Zadykhina. Uzbeks of the Amu-Darya Delta // Proceedings of the Khwarezmian archaeological and ethnographic expedition. – Moscow: The USSR Academy of Sciences Publishing House, 1952. – Vol. I. – PP. 319–400.*}
- Ильхамов 2005 – *Ильхамов А.* Археология узбекской идентичности // Этнографическое обозрение. – М.: Наука, 2005. – Вып. 1. – С. 25–47. {*A. Ilkhamov. Archaeology of Uzbek Identity // Ethnographic Review. – Moscow: Nauka, 2005. – Issue 1. – PP. 25–47.*}
- Карамшоев 1988 – *Карамшоев Д.* Шугнанско-русский словарь. – М.: Наука, 1988. – Том I. – 522 с. {*D. Karamshoyev. The Shughnan-Russian Dictionary. – Moscow: Nauka, 1988. – Vol. I. – 522 p.*}

- Левитская 1989 – *Левитская Л.С.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1989. – 287 с. {*L.S. Levitskaya.* Etymological Dictionary of Turkic Languages. – Moscow: Nauka, 1989. – 287 p.}
- Левитская 1997 – *Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 363 с. {*L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, V.I. Rassadin.* Etymological Dictionary of Turkic Languages. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1997. – 363 p.}
- Левитская 2003 – *Левитская Л.С., Дыбо А.В., Благова Г.Ф., Рассадин В.И., Насилов Д.М., Поцелуевский Е.А.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Восточная литература, 2003. – 476 с. {*L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, G.F. Blagova, V.I. Rassadin, D.M. Nasilov, Ye.A. Potseluyevskiy.* Etymological Dictionary of Turkic Languages. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. – 476 p.}
- Лившиц 1962 – *Лившиц В.А.* Иранские языки народов Средней Азии // Народы Средней Азии и Казахстана. – Том. I / С.П. Толстов. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – С. 138–140. {*V.A. Livshits.* Iranian Languages of Central Asian Peoples // Peoples of Central Asia and Kazakhstan. – Vol. I / S.P. Tolstov. – Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. – PP. 138–140.}
- Мадрахимов 1999 – *Мадрахимов О.* Ўзбек тили ўғуз лахжасининг хива шеваси. – Ургенч: Хорезм, 1999. – 192 с. {*O. Madrakhimov.* Khivan Sub-dialect of the Oghuz Dialect of the Uzbek Language. – Urgench: Khorezm, 1999. – 192 p.}
- Мухиддинов 1982 – *Мухиддинов И.* Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нукерским водохранилищем XIX – начало XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Е.Е. Неразик, А.Н. Жилина. – М.: Наука, 1982. – С. 210–225. {*I. Mukhiddinov.* Traditional Dwelling of the Tajiks in the Middle Reaches of the Vakhsh River in the Flood Zone of the Nuker Reservoir, XIXth – early XXth centuries // Dwelling of the peoples of Central Asia and Kazakhstan / Ye.Ye. Nerazik, A.N. Zhilina. – Moscow: Nauka, 1982. – PP. 210–225.}
- Наделяев 1969 – *Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М.* Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 677 с. {*V.M. Nadelyayev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak.* The Old Turkic Dictionary. – Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1969. – 677 p.}
- Пахалина 1971 – *Пахалина Т.Н.* Сарыкольско-русский словарь. – М.: Наука, 1971. – 311 с. {*T.N. Pakhalina.* The Sarikoli-Russian Dictionary. – Moscow: Nauka, 1971. – 311 p.}
- Писарчик 1957 – *Писарчик М.С., Андреев В.А., Лившиц А.К.* Ягнобско-русский словарь // Ягнобские тексты / М.С. Пещерева, Е.М. Андреев. – М.–Л.: Издательство академии наук СССР, 1957. – С. 217–391. {*M.S. Pisarchik, V.A. Andreyev, A.K. Livshits.* The Yaghnobi-Russian Dictionary // Yaghnobi texts / M.S. Peshchereva, Ye.M. Andreyev. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. – PP. 217–391.}
- Расторгуева 2000 – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. – М.: Восточная литература, 2000. – Том I. – 327 с. {*V.S. Rastorguyeva, D.I. Edelman.* Etymological Dictionary of the Iranian Languages. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. – Vol. I. – 327 p.}
- Расторгуева 2003 – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. – М.: Восточная литература, 2003. – Том II. – 502 с. {*V.S. Rastorguyeva, D.I. Edelman.* Etymological Dictionary of the Iranian Languages. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. – Vol. II. – 502 p.}
- Расторгуева 2007 – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. – М.: Восточная литература, 2007. – Том III. – 492 с. {*V.S. Rastorguyeva, D.I. Edelman.* Etymological Dictionary of the Iranian Languages. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. – Vol. III. – 492 p.}
- Сазонова 1952 – *Сазонова М.В.* К этнографии узбеков южного Хорезма // Труды Хорезмской Археолого-этнографической экспедиции / Под общей редакцией С.П. Толстова. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. – С. 247–318. {*M.Z. Sazonova.* To the Ethnography of Southern Khwarezm Uzbeks // Proceedings of the Khwarezm archaeological and ethnographic expedition / Edited by S.P. Tolstov. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. – PP. 247–318.}
- Севортян 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 767 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological Dictionary of the Turkic Languages. – Moscow: Nauka, 1974. – 767 p.}

- Севортян 1978 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1978. – 346 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological Dictionary of the Turkic Languages. – Moscow: Nauka, 1978. – 346 p.}
- Снесарев 1969 – *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969. – 336 с. {*G.P. Snesarev.* Relics of Pre-Muslim Beliefs and Rituals among the Uzbeks of Khwarezm. – Moscow: Nauka, 1969. – 336 p.}
- Снесарев 1975 – *Снесарев Г.П.* Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX – начало XX в.)» // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана / Т.А. Жданко, К.Ш. Шаниязов. – М.: Наука, 1975. – С. 75–94. {*G.P. Snesarev.* Explanatory Note to the «Map of Uzbek Settlement in the Khwarezm Region (late XIXth – early XXth century)» // Economic and Cultural Traditions of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan / T.A. Zhdanko, K.Sh. Shaniyazov. – Moscow: Nauka, 1975. – PP. 75–94.}
- Снесарев 2001 – *Снесарев Г.П.* Дургадык (материалы к истории культуры и быта хорезмских узбеков группы «сарт») // Расы и народы / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – С. 55–80. {*G.P. Snesarev.* Durgadyk (Data to the History of Culture and Life of Khwarezmian Uzbeks of the «Sart» Group) // Races and Peoples / V.A. Tishkov. – Moscow: Nauka, 2001. – PP. 55–80.}
- Стеблин-Каменский 1999 – *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 478 с. {*I.M. Steblin-Kamenskiy.* Etymological Dictionary of the Wakhi Language. – Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1999. – 478 p.}
- Сухарева 1966 – *Сухарева О.А.* Бухара XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1966. – 327 с. {*O.A. Sukhareva.* Bukhara of the XIXth – the beginning of the XXth century. – Moscow: Nauka, 1966. – 327 p.}
- Таказов 2003 – *Таказов Ф.М.* Дигорско-русский словарь. – Владикавказ: Алания, 2003. – 733 с. {*F.M. Takazov.* The Digor-Russian Dictionary. – Vladikavkaz: Alania, 2003. – 733 p.}
- Тенишев 2021 – *Тенишев Э.Р.* История тюркских письменных литературных языков донациональной поры // Российская тюркология. – М., 2021. – № 1–2 (30–31). – С. 30–43. {*E.R. Tenishev.* History of Turkic Written Literary Languages of the Pre-national Period // Russian Turcology. – Moscow, 2021. – No. 1–2 (30–31). – PP. 30–43.}
- Фрейман 1951 – *Фрейман А.А.* Хорезмийский язык. – М.–Л.: Издательство академии наук СССР, 1951. – 118 с. {*A.A. Freyman.* The Khwarezmian Language. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. – 118 p.}
- Хамзаев 1968 – *Баскаков Н.А., Каррыев/Гаррыев Б.А., Хамзаев М.Я.* Туркменско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 832 с. {*N.A. Baskakov, B.A. Karryyev/Garryyev, M.Ya. Khamzayev.* The Turkmen-Russian dictionary. – Moscow: Soviet Encyclopaedia, 1968. – 832 p.}
- Хамиджанова 1982 – *Хамиджанова М.А.* Жилище таджиков Ягноба // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Е.Е. Неразик, А.Н. Жилина. – М.: Наука, 1982. – С. 226–239. {*M.A. Khamidzhanova.* Dwelling of Tajiks of Yaghnob // Dwelling of Nations of Central Asia and Kazakhstan / Ye.Ye. Nerazik, A.N. Zhilina. – Moscow: Nauka, 1982. – PP. 226–239.}
- Эдельман 2015 – *Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. – М.: Наука–Восточная литература, 2015. – Том V. – 566 с. {*D.I. Edelman.* Etymological Dictionary of the Iranian Languages. – Moscow: Nauka–Vostochnaya Literatura, 2015. – Vol. V. – 566 p.}
- Эдельман 2020 – *Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. – М.: Наука–Восточная литература, 2020. – Том VI. – 463 с. {*D.I. Edelman.* Etymological Dictionary of the Iranian Languages. – Moscow: Nauka–Vostochnaya Literatura, 2015. – Vol. VI. – 463 p.}
- Эдельман 2000 – *Эдельман Д.И.* Хорезмийский язык // Языки мира. Иранские языки. III: Восточно-иранские языки / В.С. Расторгуева. – М.: Индрик, 2000. – 327 с. {*D.I. Edelman.* The Khwarezmian language // Languages of the World. Iranic Languages. III: East Iranic Languages / V.S. Rastorgueva. – Moscow: Indrik, 2000. – 327 p.}
- Эдельман 2008 – *Эдельман Д.И.* Хорезмийский язык // Основы иранского языкознания. Средне-иранские и новоиранские языки / В.А. Ефимов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. – С. 6–60. {*D.I. Edelman.* The Khwarezmian Language // Fundamentals of Iranic Linguistics. Middle Iranic and New Iranic languages / V.A. Yefimov. – Moscow: «Vostochnaya Literatura» RAS, 2008. – PP. 6–60.}
- Эдельман 2011 – *Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. – М.: Восточная литература, 2011. – Том IV. – 415 с. {*D.I. Edelman.* Etymological Dictionary of the Iranian Languages. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. – Vol. IV. – 415 p.}

- Atanyázow 2004 – *Atanyázow S.* Türkmen diliniň sözköki (etimologik) sözlügi. – Aşgabat: Miras, 2004. – 496 s. {*S. Atanyázow.* Etymological Dictionary of the Turkmen Language. – Ashkhabat: Miras, 2004. – 496 p.}
- Bailey 1979 – *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 559 p.
- Benzing 1983 – *Benzing J.* Chwaresmischer Wortindex. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983. – 734 s. {*J. Benzing.* Index of Khwarezmian Words. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983. – 734 p.}
- Bregel 1978 – *Bregel Yu.* The Sarts in The Khanate of Khiva // *Journal of Asian History.* – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1978. – Vol. XXII. – Issue II. – PP. 120–151.
- Bregel 2003 – *Bregel Y.* A Historical Atlas of Central Asia. – Leiden–Boston: Brill, 2003. – 109 p.
- Cheung 2007 – *Cheung J.* Etymological Dictionary of the Iranian Verb. – Leiden–Boston: Brill, 2007. – 600 p.
- Clauson 1972 – *Clauson Sir G.* An Etymological Dictionary of Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 929 p.
- Durkin-Meisterernst 2009 – *Durkin-Meisterernst D.* Khwarezmian // *The Iranian languages / G. Windfuhr.* – London–New York: Routledge, 2009. – PP. 336–376.
- Eden 2016 – *Eden J.* A Persian Captiv’s Guide to Khiva: Esmail Mir-Panja’s Satirical Recollections // *Journal of Persianate Studies.* – Leiden–Boston: Brill, 2016. – Vol. 9. – PP. 205–227.
- Erdal 2004 – *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. – Leiden: Brill, 2004. – 575 p.
- Gharib 1995 – *Gharib B.* Sogdian Dictionary. – Tehran: Farhangan Publications, 1995. – 644 p.
- Henning 1971 – *Henning W.B., MacKenzie D.N.* A Fragment of a Khwarezmian Dictionary. – London: Lund Humphries, 1971. – 55 p.
- Kuczkiewicz-Fraś 2001 – *Kuczkiewicz-Fraś A.* Turcic in India and its Elements in Hindi // *Studia Turcologica Cracoviensia.* – Kraków: Jagiellonian University, Institute of Oriental Studies, 2001. – Issue 8. – PP. 43–48.
- Kyýasowa 2006 – *Kyýasowa G., Geldimyradow A., Durdyýew H.* Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi. Iki tom luk. – Aşgabat: Ylym, 2016. – 1200 s. {*G. Kyýasowa, A. Geldimyradow, H. Durdyýev.* Dictionary of the Turkmen language. In 2 volumes. – Ashkhabat: Ylym, 2016. – 1200 p.}
- Räsänen 1969 – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. – 533 s. {*M. Räsänen.* An Attempt of an Etymological Dictionary of Turkic Languages. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. – 533 p.}
- Samadi 1986 – *Samadi M.* Das chwaresmische Verbum. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1986. – 335 s. {*M. Samadi.* The Khwarezmian Verbum. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1986. – 335 p.}
- Tezcan 1997 – *Tezcan S.* Additional Iranian Loanwords in Early Turkic Languages // *Türk Dilleri Araştırmaları.* – İstanbul: Simurg, 1997. – Issue 7. – PP. 157–164.

Khwarezmian vocabulary in one of the modern Turkic languages of Khorezm

T.R. Hayytbayev

Stuttgart

Summary: The Khwarezmian language is an extinct East-Iranic language, once spoken mainly in the Central Asian oasis of Khorezm (khwar.: Xwārizm). This article presents the Khwarezmian vocabulary preserved in the modern Turkic languages of Khorezm. Most of the possible Khwarezmian words were found in the Turkic language of the Oghuz branch, which is mainly spoken in the southern part of Khorezm. In the literature of the late XIXth and early XXth centuries the speakers of this language were called *Sarts*, or *Tats*. They represent the most ancient population of Khorezm, the descendants of the Iranian-speaking Khorezmians, who in the High Middle Ages first became bilingual, using a Turkic language, and then, approximately, after the XIVth century completely lost their Iranian language. This work presents several words with a presumed Khwarezmian etymology and several words with traces of Khwarezmian morphology and phonetics. The presented vocabulary reflects some features of the Khwarezmian phonetics. The presence of a qualitative difference in the articulation of short and long vowels is also noted.

The article contains some information about the Khwarezmian onomastics. Some presumably Khwarezmian topo- and hydronyms are listed. Their concentration is especially high in the southern Khorezm. Also, the article presents words with not yet clarified etymology and several words of possible Sogdian origin.

Key words: East-Iranic Khwarezmian language, Khwarezmian vocabulary, Turkic languages of Khorezm, Khorezmian Oghuz Turkic, Sart people of Khorezm, Tat people of Khorezm, Urgench, Urganji people and language, Sogdian language, language shift in Khorezm.

Timur Rustemovich Hayytbayev – master’s degree student, the University of Stuttgart, Germany, e-mail: timur_hayytbayev@outlook.com.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ¹

М.Г. Усманова

г. Уфа

Резюме: Сравнительное изучение образования форм башкирского причастия будущего времени в башкирском общенародном языке² по сравнению с теми, которые представлены в официальной грамматике, позволило выявить существование некоторых отличий. В частности, в классических грамматиках образование причастия будущего времени в основном представлено тремя аффиксами (-ыр, -лы, -асаҡ), а в языке башкир – пятью, представляющими собой простую и сложную формы образования. В статье приводится подробный анализ всех существующих точек зрения, представленных в грамматиках и учебниках башкирского языка, относительно образования и функционирования причастия будущего времени, а также обосновывается новый, авторский взгляд на проблему на основе анализа объемного материала общенародного языка. Обобщаются и систематизируются примеры употреблений из различных жанров литературных произведений, речи дикторов радио и телевидения, газет и журналов, образцы многолетних наблюдений над речью носителей языка, привлекается обширный преподавательский опыт автора. В работе представлен новый, оригинальный взгляд на проблему образования и функционирования причастия будущего времени в башкирском языке. На русском языке материал публикуется впервые.

¹ Статья является продолжением ранее опубликованной автором серии статей по вопросам образования, употребления и функционирования причастий настоящего и прошедшего времени в башкирском языке (см. «Российская тюркология», № 1–2 (18–19), 2018, с. 67–83; № 1–2 (22–23), 2019, с. 125–138).

² Понятие «общенародный язык» употребляется в значении: «Совокупность всех существующих вариантов функционирования языка, включающая следующие разновидности: а) литературный язык – разновидность с кодифицированными нормами, дифференцирующаяся в разных функциональных стилях (научном, публицистическом, официально-деловом, разговорно-бытовом, стиле художественной литературы, в котором сочетаются кодифицированные и некодифицированные нормы); б) территориальные диалекты, социальные диалекты (жаргоны), просторечие – разновидности с некодифицированными нормами (узусом) [см. СЛТ].»

Ключевые слова: башкирский язык, глагол, причастие, будущее время, аффикс, простая форма, сложная форма, общенародный язык.

История изучения

Причастие – особая форма глагола, которая совмещает в себе свойства глагола и прилагательного; обозначает признак предмета или лица не статично, как прилагательное, а динамично, как процесс, протекающий во времени. Оно, подобно глаголу, имеет *формы прошедшего, настоящего и будущего времени*.

Причастие будущего времени башкирскими учеными представлено в грамматиках аффиксами *-асак, -ыр, -аһы*. Формы причастий с этими аффиксами в научных трудах и учебниках в разные годы описываются и называются по-разному. В частности, А.А. Мансуровым в издававшихся на протяжении ряда лет учебниках для 5–6 классов (1930–1965 гг.) был представлен один аффикс – *-асак* [Мансуров 1945: 124; 1947: 207; 1949: 123, 128; 1951: 185; 1953: 148; 1961: 114]; в одном только издании, выпущенном в 1949 г., он отмечает, что иногда форма будущего времени изъявительного наклонения на *-р* используется вместо формы причастия будущего времени, здесь же указывает и форму с вспомогательным глаголом *торған* [Мансуров 1949: 128, 169]; Х.С. Фаритов и Г. Гумаров указывают два аффикса – *-асак* и *-һы* и называют их *первая* и *вторая формы*; как исключение отмечают, что причастия могут образоваться и с аффиксом *-р* [Фаритов, Гүмәров 1949: 219–220].

Ученые А.А. Галлямов, Х.С. Фаритов, Ж.Г. Киекбаев, В.Ш. Псянчин и Ю.В. Псянчин, М.В. Зайнуллин и К.Г. Ишбаев указывают три формы (*-асак, -ыр, -аһы*), они названы *первая, вторая и третья формы*; Р.И. Байсурина-Бердигулова в своей работе также называет три формы, две из которых (*-асак* и *-ыр*) вслед за Ж.Г. Киекбаевым называет *очевидные* и *неочевидные формы*, а форма на *-аһы* ею не названа [Фаритов, Гүмәров 1949: 219–220; Кейекбаев, Ғәлләмөв и др. 1976: 102; Ишбаев 2012: 390–392; Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. 2018: 157; Зәйнүллин 2002: 207–211; Байсурина-Бердигулова 2007: 94–100].

Такая же картина наблюдается и в учебниках для педучилищ. Например, К.З. Ахмеровым в учебнике, изданном в 1941 г., указаны два аффикса – *-асак* и *-аһы*, а в объемном приложении «Башкирско-русского словаря» «Краткий очерк грамматики башкирского языка» ученым представлено уже три аффикса – *-асак, -р* и *-аһы* [Әхмәр 1941: 102; Ахмеров 1958: 785].

Профессором Ж.Г. Киекбаевым причастие будущего времени также представлено тремя аффиксами – *-асак, -ыр* и *-һы*: аффикс *-асак* он считает формой *очевидного будущего времени*, *-ыр* – *неочевидного будущего времени*, *-һы* – формой *с должностовательным значением*; профессор Г.Г. Сайтбатталов в коллективном труде, выпущенном для педучилищ в 1997 г., в разделе «Глагол» ведет речь только об одном аффиксе *-асак*, а профессор Х.В. Султанбаева в учебнике, изданном в 2010 г. для педагогических колледжей и училищ, представляет два аффикса – *-асак* и *-р* [Кейекбаев 1966: 126–127; Кейекбаев, Ғәлләмөв и др. 1976: 247; Кейекбаев, Ғәлләмөв и др. 1983: 236–237; Кейекбаев, Сәйетбатталов 1997: 110; Солтанбаева и др. 2010: 141].

Следует отметить, что соавторы профессора Ж.Г. Киекбаева Х.С. Фаритов и А.А. Галлямов в учебнике для 5–6 классов, изданном в 1969 и 1980 гг. после

кончины Ж.Г. Киекбаева, заменяют термины *очевидное будущее время*, *неочевидное будущее время*, форму с *долженствительным значением* на *первая*, *вторая* и *третья формы* [Кейекбаев, Фэритов, Гэллэмов 1969: 194; 1980: 112].

Таким образом, до 1950-х гг. причастие будущего времени в учебниках башкирского языка было представлено, в основном, одной формой – с аффиксом *-асак*, реже двумя – *-асак* и *-аһы*, начиная с 1949 г. – в некоторых изданиях дополнительно указывается и аффикс *-ыр*.

По этому вопросу профессор Н.К. Дмитриев писал: «Вторым существенным недостатком школьной схемы является то, что она оставляет вне поля зрения некоторые причастные формы как пережиточного, так и актуального значения. К числу последних относится: причастие будущего времени, которое образуется от основы глагола через прибавление аффиксов *-ыр/ер*, *-ор/-өр* (после согласных) и *-р* (после гласных). Примеры *бар-ыр* ‘тот, который пойдет’, *эйт-ер* ‘тот, который скажет’, *тот-ор* ‘тот, который схватит’, *көлдөр-өр* ‘тот, который рассмешит’, *һайра-р* ‘тот, который будет петь’. Это причастие лежит в основе будущего 1-го и потому само может быть названо “будущее причастие 1-е”» [Дмитриев 1948: 191]. Кроме того, он приводит пример образования отрицательной формы причастия будущего времени: «Оно образуется сочетанием частицы *-ма/-мә* и аффикса *-р*, который после указанной частицы в башкирском языке изменяется в *-с*: *ал-маç* ‘тот, который не возьмет (не будет брать)’ и ‘тот, которого нельзя будет брать (взять)’, *бир-мәç* ‘тот, который не даст (не будет давать)’ и ‘тот, которого нельзя будет дать (давать)’, *башла-маç* ‘тот, который не начнет (не будет начинать)’ и ‘тот, которого нельзя будет начать (начинать)’» [Дмитриев 1948: 148].

А по мнению А. Биешева причастие будущего времени образуется при помощи аффиксов *-ыр* и *-һы*, а также аффикса *-а* (*-ә*, *й*) и вспомогательного слова *торған*: *эшләр эш* ‘работа, которую предстоит сделать’, *ашар азык* ‘пища, которую надо будет съесть’, *алаһы акса* ‘деньги, которые надо будет получить’, *хәл итә торған мәсьәлә* ‘вопрос, который предстоит решить’, *үтәй торған бурыс* ‘долг, который нужно будет вернуть’³ [Бейеш 1999: 88].

Далее для полного представления картины с причастиями будущего времени в грамматике башкирского языка приведем примеры из учебников и научных трудов ученых (даются в оригинале). Заметим, что в грамматике в форму *-асак* ученые вложили такое мощное категоричное значение, которое подразумевает, что действия в будущем непременно, несмотря ни на что, должны будут совершены. Учитывая, что данный аффикс не свойственен башкирскому языку, переводить слова и словосочетания, данные авторами, очень трудно, почти невозможно, так как подобные понятия в языке башкир передаются другими формами; в форму *-р* в грамматике вложено значение неопределенности, вероятности; *-аһы* имеет значение долженствования, необходимости. Рассмотрим примеры.

Из школьных учебников:

кайтасак ‘тот который несмотря ни на что вернется’, *башляясак* ‘тот, который непременно начнет’, *коясак* ‘тот, который несмотря ни на что нальет’, *укьясак китабым бар* ‘у меня есть книга, которую непременно должен про-

³ Здесь и далее перевод на русский язык выполнен автором статьи.

честь', *Бөгөн эшлэйәсәк эште иртәгәгә калдырма* 'работу, которую сегодня непременно надо было делать, на завтра не оставляй'. Однако эта пословица в народе звучит так: *Бөгөнгө эшеңде иртәгәгә калдырма* 'То, что можно сделать сегодня, на завтра не оставляй' [Әхтәмов 2008: 138];

йөрөр ерем күп 'много мест, куда обязательно надо сходить', *йөрөйәсәк ерем күп* 'много мест, куда непременно надо сходить'; *саба торған бесәнем бар* 'есть сенокосное угодье, которое непременно надо будет косить';

отрицательная форма: *кайтмаясак* 'тот, который ни за что не вернется', *йөрәмәйәсәк* 'тот, который не будет ходить' [Мансуров 1945: 124; 1947: 207; 1949: 128, 169; 1951: 185; 1953: 148; 1961: 114];

барасак 'тот, который непременно пойдет', *киләһе кеше* 'тот, который обязательно придет';

отрицательная форма: *китмәйәсәк* 'тот, который не уйдет', *көтмәйәсәк* 'тот, который вообще ждать не будет' [Фәритов, Ғүмәров 1949: 216–220];

первая форма: *аласак* 'тот, который непременно возьмет', *һөйләйәсәк* 'тот, который обязательно расскажет';

отрицательная форма: *килмәйәсәк* 'тот, который ни за что не придет', *буямаясак* 'тот, который ни за что не покрасит';

вторая форма: *һөйләр (һүз)* 'речь, которую надо произносить';

отрицательная форма: *һөйләмәс (хәбәр)* 'весть, которую не надо рассказывать';

третья форма: *түләйһе (бурыс)* 'долг, который надо отдать', *ятлайһы (шигыр)* 'стихотворение, которое надо выучить' [Кейекбаев, Фәритов, Ғәлләмөв 1969: 194–195; 1980: 112];

Мәскәүгә осасак самолет 'самолет, который непременно полетит в Москву', *башкараһы эш* 'работа, которую необходимо выполнить', *һөйләнәсәк телмәр* 'речь, которая несмотря ни на что должна быть произнесена' [Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. 2001: 156–158].

Из учебников для педучилищ:

определенная форма: *барасак* 'тот, который непременно поедет' [Әхмәр 1941: 102–103]; *уқыр* 'тот, который будет учиться', *киләһе* 'будущий' [Ахмеров 1958: 785];

определенная форма: *ултыртасак* 'тот, который обязательно будет сажать', *ярзам итәсәк* 'тот, который обязательно поможет';

отрицательная форма: *ултыртмаясак* 'тот, который никогда не будет сажать', *ярзам итмәйәсәк* 'тот, который никогда не поможет';

неопределенная форма: *алыр* 'тот, который, возможно, возьмет', *уқыр* 'тот, который, возможно, будет учиться', *эшләр* 'тот, который, возможно, сделает', *ярзам итерзәй* 'тот, у которого, наверное, будет возможность помогать', *алырлык* 'то, что можно будет забирать';

отрицательная форма: *алмас* 'тот, который, возможно, не возьмет', *эшләмәс* 'тот, который, наверняка, не сделает'; *алмәстай* 'тот, который, возможно, не будет брать', *ярзам итмәстәй* 'тот, у которого, наверное, не будет возможности помогать'; *алмаслык* 'то, чего невозможно будет забирать';

форма с долженствовательным значением: *әйтәһе һүз* 'слово, которое необходимо сказать', *киләһе кеше* 'человек, который должен прийти'; *киләһе йыл*

‘следующий год’ (букв. ‘год, который должен прийти’), *язаһы хат* ‘письмо, которое надо написать’ [Кейекбаев 1966: 125; Кейекбаев, Гэллэмов и др. 1983: 233];
 определенная форма: *эшлэйәсәк* ‘тот, который непременно будет делать’,
кайтасак ‘тот, который непременно вернется’ [Сәйетбатталов 1997: 110];
 определенная форма: *укьяясак китап* ‘книга, которую обязательно должен прочесть’,
китәсәк көн ‘день, когда непременно надо уезжать’;
 неопределенная форма: *кайтыр кеше* ‘человек, который вернется’ [Солтанбаева и др. 2010: 141].

Из вузовских учебников и научных трудов:
 первая форма: *алыр әйбер* ‘вещь, которую надо брать’;
 отрицательная форма: *какшамаҫ көс* ‘несокрушимая сила’;
 вторая форма: *киләсәк* ‘тот, который непременно придет’, *Өфөгә йөрөйәсәк поезд* ‘поезд, который несмотря ни на что будет следовать в Москву’, *Мәскәүзә укьяясак студент* ‘студент, который будет учиться в Москве’;
 отрицательная форма: *бармаясак* ‘тот, который никогда не пойдет’,
укьямаясак ‘тот, который ни за что не будет учиться’;
 третья форма: *бараһы* ‘то, куда необходимо пойти’, *эшлэйһе* ‘то, которое надо сделать’ [Зәйнуллин 2002: 199–214];
 первая форма: *кайтыр кеше* ‘человек, который вернется’;
 отрицательная форма: *еңелмәҫ көс* ‘непобедимая сила’;
 вторая форма: *үтәләсәк план* ‘план, который непременно осуществится’, *ауылда эшлэйәсәк йәштәр* ‘молодежь, которая обязательно будет работать в деревне’;
 третья форма: *киләһе кеше* ‘человек, который должен прийти’ [Ишбаев 2012: 390–392];
 определенная форма: *укьяясак егет* ‘парень, который непременно будет учиться’, *йәшәйәсәк кеше* ‘человек, который несмотря ни на что будет жить’;
 отрицательная форма: *бармаясак кеше* ‘человек, который ни за что не пойдет’, *баһылмаясак әсәр* ‘произведение, которое никогда не будет напечатано’;
 неопределенная форма: *кайтыр көн* ‘день отъезда’;
форма с -аһы автором не именована: *төзөйһө өй* ‘дом, который надо построить’ [Байсурина-Бердигулова 2007: 94–100].

После анализа данных примеров перед нами предстает следующая картина: почти всеми учеными после причастий с аффиксами на *-ыр*, *-аһы* приводятся определяемые слова (например, *алыр әйбер* ‘вещь, которую, вероятно, надо брать’, *бараһы ер* ‘местность, куда, возможно, надо съездить’, *киләһе кеше* ‘человек, который придет’), а причастия с аффиксом *-асак* большинством авторов (кроме А.А. Мансурова, М.В. Зәйнуллиной, К.Г. Ишбаева, В.Ш. Псянчина и Ю.В. Псянчина, Р.И. Байсуриной-Бирдегуловой) приведены без них (*аласак* ‘тот, который непременно купит’, *ултыртасак* ‘тот, который несмотря ни на что посадит’). То же самое можно сказать и по поводу образования отрицательных форм (*алмаясак* ‘тот, который никогда не будет брать’, *килмәйәсәк* ‘тот, который никогда не придет’).

Возникает вопрос: почему же ученые так поступили?

Дело в том, что если приведенные учеными причастия с аффиксом *-асак* представить с определяемыми словами (например, *емеш бирәсәк ағас* ‘дерево, которое непременно будет давать плоды’, *япрагын коймаясак ағас* ‘дерево, которое никогда не сбросит листья’), то образуются стилистически неправильно

оформленные словосочетания, которых носитель башкирского языка никогда не составит и не произнесет. Поэтому, вполне вероятно, в примерах уважаемых авторов они и отсутствуют.

А представленные учеными примеры с аффиксом *-асак* с определяемыми словами (*киләсәк кунак* ‘гость, который непременно придет’, *Мәскәүгә йөрөйдәсәк поезд* ‘поезд, который непременно будет следовать в Москву’ [Зәйнуллин 2002: 199–214]; *үтәләсәк план* ‘план, который непременно будет выполнен’, *ауылда эшләйдәсәк йәштәр* ‘молодежь, которая обязательно будет работать в деревне’ [Ишбаев 2012: 390–392]; *киләһе йыл укыясаҡ бала* ‘ребенок, который несмотря ни на что в будущем году будет учиться’, *Мәскәүгә осасаҡ самолет* ‘самолет, который непременно полетит в Москву’ [Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. 2001: 157–158]; *футбол уйнайсаҡ команда* ‘команда, которая обязательно будет играть в футбол’, *бармайсаҡ кеше* ‘человек, который ни за что не пойдет’ [Байсурина-Бердигулова 2007: 94–100] выглядят довольно искусственными, так как в живой речи башкирами такие формы не употребляются. Подтверждение этому находим в труде А. Биешева: «Башкиры никогда не говорят *эшләйдәсәк эш*, они говорят *эшләр эш* ‘работа, которую предстоит сделать’. Народный язык – это основа письменного литературного языка. Насильно внедренная, несвойственная языку форма *-сак* никак не красит язык, а только портит его» [Бейеш 1999: 88]. И поэтому можно утверждать, что причастие будущего времени в грамматике башкирского языка представлено некорректно. Примеры стилистически верных и ошибочных употреблений представлены в таблице.

Причастие будущего времени	
ошибочное употребление	верное употребление
1. <i>Укыусылар йәшәйдәсәк ятак ошо.</i> ‘Вот общежитие, в котором будут жить учащиеся’.	<i>Укыусылар йәшәй торған ятак ошо.</i>
2. <i>Киләһе йыл укырга киләсәк балаларҙы ошонда урынлаштырасаҡбыз.</i> ‘Детей, которые поступят учиться в следующем году, разместим здесь’.	<i>Киләһе йыл укырга килгән балаларҙы ошонда урынлаштырабыз.</i>
3. <i>Йәшәйдәсәк урының (ерең) бармы?</i> ‘Тебе есть где жить?’	<i>Йәшәр урының (ерең) бармы?</i>
4. <i>Алда тыуасаҡ көндәреңде уйла, Барый батыр шикелле балаларыңдан яңы хәбәрҙәр көт</i> (Р. Камалов). ‘Думай о завтрашнем дне, подобно Барый батыру жди новых вестей от детей’.	<i>Алда тыуар көндәреңде уйла, Барый батыр шикелле балаларыңдан яңы хәбәрҙәр көт.</i>
5. <i>Хәзер Шәңгәрәйгә аттарҙы егергә лә, туйға барасаҡ козаларҙы саналарға парлап ултыртаһы кала</i> (Т. Ғарипова). ‘Сейчас Шангарею остается запрячь лошадей и рассадить ехавших на свадьбу сватов парами’.	<i>Хәзер Шәңгәрәйгә аттарҙы егергә лә, туйға барған козаларҙы саналарға парлап ултыртаһы кала.</i>
6. <i>Эштең һәүетемсә хәл ителмәйсәге аңлашылып тора</i> (Ә. Хәкимов). ‘Понятно, что дело миром не закончится’.	<i>Эштең һәүетемсә хәл ителмәсе аңлашылып тора.</i>

Таким образом, по мнению большинства башкирских ученых причастие будущего времени образуется с помощью аффиксов *-ыр*, *-асак*, *-аһы*, где *-ыр* имеет значение неопределенного будущего времени, а *-асак* – определенного будущего времени.

А сами башкиры в своей речи понятие причастия будущего времени выражают несколько иначе.

Способы образования причастий будущего времени в общенародном языке

Сравнение форм причастия будущего времени, представленных в грамматиках башкирского языка, с теми, которые употребляются в общенародном языке, показало определенные различия. В частности, для образования причастия будущего времени башкиры в своей речи используют пять аффиксов: *-ған*, *-р*, *-һы* (простая форма), *-а*, *-п* + причастие на *-ған* (сложная форма).

1. Простая форма при помощи аффиксов *-ған*, *-р*, *-һы*

1.1. С аффиксом *-ған* (фонетические варианты *-гән*, *-кан/-кән*)

В общенародном языке аффикс *-ған* активно участвует в передаче значения причастия будущего времени. Однако он как показатель причастия будущего времени в грамматике башкирского языка не представлен.

В башкирском языкознании существует мнение, что аффикс *-ған* выражает только *прошедшее неопределенное (неочевидное) время*: неочевидным его считают А.А. Юлдашев, Ж.Г. Киекбаев [Юлдашев 1958: 138–143; Кейекбаев, Фәлләмов и др. 1983: 214–223], неопределенным – К.Г. Ишбаев, М.В. Зайнуллин, В.Ш. Псәнчин, Ю.В. Псәнчин и др. [Ишбаев 2012: 369; Зәйнуллин 2002: 104; Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. 2001: 131; ГСБЛЯ 1981: 274] и др.

Однако исследование большого количества фактического материала (художественная литература, фольклорный и диалектологический материал и др.) показывает, что в башкирском языке аффиксы *-а*, *-ған*, *-р* являются универсальными многозначными аффиксами. В зависимости от условий контекста они могут выражать *прошедшее, настоящее, будущее* и *общее времена*. При этом они остаются грамматически нейтральными, так как основную нагрузку передачи понятия времени берут на себя специальные языковые средства – даты, наречия и другие слова, выражающие время, а также контекст, содержащий указание на время. Например, причастие с аффиксом *-ған* может передавать значение не только *прошедшего времени*, но и *настоящего, будущего* и *общего времен*. В частности, если в предложении присутствуют слова, указывающие на будущее время (даты, наречия времени – *алда* ‘в будущем’, *иртәгә*, *иртән* ‘завтра’, *тиззән* ‘скоро’, *иртәме-һуңмы* ‘рано или поздно’ и др.) или же из контекста понятно, что действия будут совершаться в будущем, то к причастию присоединится аффикс *-ған*, и он будет показателем будущего времени. Например:

Уларга *иртәгә* һайлаузар **барған** сакта низәр эшләргә кәрәген тағы ла бер тапқыр әйтәп, *һөйләшеп алырга кәрәк ине* (Н. Мусин). ‘Им еще раз надо было поговорить о том, что нужно будет делать завтра во время выборов’;

*Иртәгә директор **ебәрған** ат капкагыз төбөндә вақытында көтөр* (Р. Өмөтбаев). ‘Завтра лошадь, отправленная директором, в нужное время будет ждать у ворот’;

*Үзең **ишеткең килмәгән** һүззе кешегә һөйләмә* (поговорка). ‘Не говори то, что ты сам не хочешь услышать от других’;

*Музейга ансамбль концерттары **үткән** көндә йәки алдан язылып килергә мөмкин* (газета «Башкортостан», 27.04.2018). ‘В музей можно прийти заранее записавшись или в день, когда проходят концерты ансамбля’;

*Йөрәктә ут **токандырған** берәй багышлаузы ишеттер* (Ф. Акбулатова). ‘Исполни-ка что-нибудь, что взяло бы за душу’;

*12 июндә **булған** кинцертта без зә катнашабыз*. ‘На концерте, который будет 12 июня, и мы участвуем’;

*Һеззе 14 декабрзә «Башкорт теле» көнө айканлы **үткән** байрамга сақырабыз* (объявление). ‘Приглашаем вас на мероприятие по случаю празднования дня «Башкирского языка», который проводится 14 декабря’;

*Ә хәзер **алда көтөлгән** хәл-вакигалар тураһында* (телепередача, 15.05.2018). ‘А теперь о предстоящих событиях’;

*Тағы бер аз ошолай ятһаң, пулянан **үлмәгән** хәлдә лә, төзәлмәс күкһәүгә әйләнәүең бар* (И. Ноғманов). ‘Если вот так еще немного полежишь, то если даже не умрешь от пули, то можешь заболеть воспалением легких’;

*Иртәгә таң менән **килгән** кунактарзы тәүзә ашатып алығыз, шунан гына университетка алып килегез* (распоряжение декана). ‘Гостей, которые завтра придут очень рано, сначала покормите, потом сопроводите в университет’;

*Конкурс ике этапта үтә. Район кимәлендә еңеү **яулаган** команда қала бәйгеһендә катнашыу хоқуғын ала* (телепередача, 22.11.2019). ‘Конкурс будет проходить в два этапа. Команда, победившая в районе, получит возможность участвовать в городском конкурсе’.

Следует особо подчеркнуть, что В.И. Рассадин на основании сравнения причастий в разных тюркских языках считает, что причастия прошедшего и будущего времени (-кан и -ар) являются общетюркскими [Рассадин 2013: 51].

Аффикс -ған в башкирском также выражает такие свойства действий и состояний предмета или лица, которые присущи им всегда (независимо от времени): *Иртә **торған** ир уңыр* (поговорка). ‘Рано встающий преуспеет’; *Иңкеш – бал корттары ғаиләһенә **ингән** йомро йөнтәс эре бөжәк* [БТҖ I: 390]. ‘Шмель – круглое, мохнатое насекомое, относящееся к семейству пчел’. Образование простых форм причастий представлено в таблице.

Образование причастия будущего времени с аффиксом -ған, -р, -һы:

Изъявительное наклонение (настоящее, будущее времена)	Причастие будущего времени
<i>Иртәгә директор һезгә машина ебәрә, ул капка төбөндә көтөл торор</i> . ‘Завтра директором отправит вам машину, она будет ждать у ворот’. – будущее время	<i>Иртәгә директор ебәрған машина һеззе капка төбөндә көтөл торор</i> . ‘Завтра директором отправленная машина будет ждать вас у ворот’.

<p><i>Кунактар иртәгә иртә менән <u>кайта</u>, уларҙы аэропортка алып барырһығыз. ‘Уезжающих завтра рано утром гостей отвезите в аэропорт’. – будущее время</i></p>	<p><i>Иртәгә иртә менән <u>кайтқан</u> // <u>кайта торған</u> кунактарҙы аэропортка алып барығыз. ‘Уезжающих завтра рано утром гостей отвезите в аэропорт’.</i></p>
<p><i>Беззе улыбыҙ <u>карай</u>. ‘О нас заботится сын’. – настоящее время</i></p>	<p><i><u>Карар</u> кешең булыу һәйбәт инде ул. ‘Хорошо, что есть кому о вас заботиться’.</i></p>
<p><i>Шаршамбы врачка <u>барам</u>. ‘В среду надо сходить к врачу’. – будущее время</i></p>	<p><i>Шаршамбы врачка <u>бараһым бар</u> // ... <u>бара торғаным бар</u>... // <u>барырга кәрәк</u>. букв. ‘В среду у меня есть хождение к врачу // надо идти к врачу’.</i></p>

1.2. С аффиксом *-р* (фонетические варианты *-ыр/-ер, -ор/-өр, -ар/-әр*)

В башкирском литературном языке приняты только следующие варианты аффикса *-р*: *-ыр/-ер, -ор/-өр, -ар/-әр*, имеющие значение неопределенности [Кейекбаев, Гәлләмов и др. 1983: 216–217; Зәйнуллин 2002: 139–144; Ишбаев 2012: 373–375; Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. 2001: 139–140]. Однако в общенародном языке аффикс *-р* выражает конкретное будущее время. Например, *Ивандың күз терәп кайтыр өйө лә, тугандары ла юк, балалар йортонда тәрбиәләнен үскән егет ул* (Ф. Аллаяров). ‘У Ивана нет ни родного дома, ни родственников, в детском доме воспитывался он’; *Хажға килгәнемде аңлаткаҫ, дуҫтарса аркамдан кағып, барыр якты күрһәтөп ебәрзе* (Г. Ситдикова). ‘После того, как я объяснила, что приехала совершать хадж, по-дружески похлопав по спине, указал куда идти’; *Таш яуһа ла, барыр еремә барам, эшемде башкарып куям* (Л. Якшыбаева). ‘Если даже камень с неба упадет, дойду до нужного места, завершу начатое дело’.

Здесь следует особо отметить, что в общенародном языке форма *-ар/-әр* испокон веков имела широкое употребление: встречается она в фольклоре, в художественной литературе, в песенном репертуаре, в разговорной речи и др. Поэтому трудно принять, понять и согласиться с тем, что форма *-ар/-әр* в башкирском языке не является литературной нормой, когда как почти во всех тюркских языках она считается формой, выражающей конкретное будущее время, например, в тофаларском, сойотском, азербайджанском, сибирско-татарском, татарском и др. [Рассадин 2013: 39, 146; Гаджиева 1966: 81; Алишина 2019: 88; Хисамова 2006: 241; Тумашева 1978: 145; ТГ 1997: 121]. Поэтому невключение данной формы в состав вариантов аффикса *-р* мы считаем одним из ключевых недостатков, допущенным в свое время башкирскими лингвистами. Примеры употребления:

Тура һүзгә азар һыузар туктар (В. Псәнчин). букв. ‘Прямо и справедливо сказанные слова могут остановить и текущие реки’;

Эс, улым, эсар һыуың, ейәр ризығың ошо ерзә булһын (Т. Ғарипова). ‘Пей, сынок, пей, пусть твоя судьба будет связана с этой землей’.

Ж.Г. Киекбаев отмечает, что если причастия переходят в разряд существительных (*Уғатар батыр* – имя собственное: *уғ* ‘стрела’ + *атар* ‘застрелит’, *осар тейен* ‘белка-летяга’) или глаголов (*тейәр* ‘прикоснется’, *беләр* ‘узнает’, *етәр* ‘дойдет, доедет’), то они пишутся с аффиксом *-ар/-әр* [Кейекбаев, Гәлләмов и др. 1983: 217, 236–237].

1.3. С аффиксом *-һы* (фонетические варианты *-һе, -һо/-һө*)

Причастие будущего времени образуется и при помощи аффикса *-һы*, который, как и *-р*, присоединяется к основе глагола с аффиксом *-а(-ә, -й)*: *бар+а+һы ер* ‘место, куда предстоит пойти’, *бир+ә+һе* акса ‘деньги, которые необходимо вернуть’. Однако заметим, что в башкирском языке причастная форма на *-һы* менее распространена по сравнению с формами на *-ған* и *-р*.

По этому поводу профессор Н.К. Дмитриев пишет следующее: «Употребляется оно сравнительно редко и к тому же ограничено определенными стилистическими условиями. Добавим, что оно чаще встречается в тех диалектах Башкирии, которые обнаруживают определенные черты татарского влияния. В самом татарском *ала-сы* – обычная форма, которой в башкирском соответствует тип *алғы* (отглагольное существительное). В этих диалектах, как и в татарском языке, данное причастие употребляется со словами *килә* или *бар*, например: *алаһы килә* ‘ему хочется взять’, *язаһым бар* ‘мне хочется писать’» [Дмитриев 1950: 192]. Действительно, в башкирском языке широко употребляются формы на *-р* и *-ған*. В частности, башкиры практически не говорят *эшләйһе эштәрем күбәйеп китте*. Вместо этого они употребляют формы – простую на *-р* или же сложную на *-а, -п + торған*: *эшләй торған эштәрем күбәйеп китте* ‘неотложных дел накопилось’.

Әзәм затын эсә-һе һыуы, ашай-һы ризығы тарта, ти. Һин дә үз ризығың тартыуға килгәнһең безгә, Бейеш ағай (Я. Хамматов). Данное предложение в народном языке звучит так:

Әзәм затын эсәр һыуы, ашар ризығы йөрөтә, ти. Һин дә ризығың тартканға килгәнһең безгә, Бейеш ағай (Я. Хамматов). ‘От судьбы не уйдешь. И ты волею судьбы оказался в наших краях, дядя Бишш’.

Отрицание передается при помощи модального слова *юк, түгел* ‘не, нет’:

Ғүмерзә бараһы эшем юк шуға (Ж. Кейекбаев). ‘Никогда за него замуж не пойду’;

Ә инде эсәй-өләсәйҙәрҙең туктауһыҙ һукраныуы хаҡында әйтеп тораһы ла түгел (И. Ноғманов). ‘О том, что мать и бабушка без конца недовольны и ругаются на нас, и нечего говорить’;

Башка сакта унан бындай итәгәтлекте көтәһе юк (М. Филәжев). ‘В другой раз такого доброжелательного отношения от него и не дождешься’.

2. Сложные формы

2.1. Посредством сочетания деепричастия на *-а (-ә, -й)* и причастия *торған*

Об образовании причастия будущего времени при помощи конструкции, состоящей из формы настоящего времени изъявительного наклонения и причастия *торған*, пишет А. Бейеш и приводит следующие примеры: *хәл итә торған мәсьәлә* ‘вопрос, требующий решения’, *үтәй торған бурыс* ‘долг, подлежащий возврату’ [Бейеш 1999: 88].

Также отметим, что такая форма указана А.А. Мансуровым только в одном издании за 1949 г. из целого ряда учебников для 5–6 классов (1930–1965 гг.) [Мансуров 1949: 123]. Например:

*Борон Урал арты башкорттары илендә бик көслө батыр йәшәгән. Уның етәм тигән еренә **еткерә ала торган** күк толлары булган* (из легенды «Сыңрау торна»). ‘В давние времена в стране Зауральских башкир жил очень сильный батыр. У него был сизый тулпар, который мог довести его куда только он пожелает’;

*Балаларга **калдыра торган** мирастарзың иң киммәтлеһе – дин өйрәтәп калдырыу* (Ризаитдин Фәхретдин). ‘Самое ценное, что ты можешь оставить своим детям в наследство, – это обучить их религии’;

*Кара, миңең алда **башкара торган** кайһы тиклем вазифалар бар?* (Р. Өмөтбаев) ‘Посмотри-ка, оказывается, у меня столько дел, которые необходимо сделать в будущем’;

*Иртәгә **башилана торган** Бөйөк Еңеү менән котлайым* (Р. Өмөтбаев). ‘Поздравляю с Великим праздником Победы, который начинается завтра’.

2.2. Посредством сочетания деепричастия на -п

(фонетические варианты -ып/-еп, -оп/-өп)

и причастия *торган* или глаголов в форме причастия на -ган:

*Арагызза якшылыкка **өндәп**, яманлыктан **тыйып йөрөгән** бер йәмәгәт булһын* (из суры «Аль-Гимран»). ‘Пусть среди вас будет человек, который будет призывать к добру и запрещать предосудительное’;

*...Һеззе йыл да **үткәреlep килгән** байрамга сакыра* (радиореклама, 26.08.2018). ‘... Приглашают вас на праздник, который проводится ежегодно’;

*Өйөгөззө **карап торган** кеше кәрәк. Аскысты күршегезгә калдырыгыз.* ‘Надо, чтобы кто-то присмотрел за вашим домом. Оставьте ключи соседу’.

Синтаксические функции причастия будущего времени

1. Функция определения

Наиболее типичной синтаксической функцией причастий является выполнение роли определения. Как и прилагательное, оно предшествует определяемому слову. Способ связи – примыкание.

1.1. Причастие с аффиксом -ган

Простая форма: *Конкурс ике этапта үтә. Бер автор тик бер генә әсәр менән катнаша ала. **Тәкдим ителгән** әсәрзең компьютерза йыйылыуы мотлак* (газета «Йәшлек», 20.02.2021). ‘Конкурс проходит в два этапа. Автор может участвовать только с одним произведением. Предложенное произведение должно быть набрано на компьютере’;

*1 Майза **булган** концертта катнашам.* ‘Принимаю участие в Первомайском концерте’;

*Иртәгә кис **киткән** таксига ултырып кайтам.* ‘Приеду на такси, которое отправится завтра вечером’;

Сложная форма: ***Калдыра торган** нәмәләр бик күп бит* (С. Агиш). ‘Оказывается, есть много вещей, которые необходимо оставить’;

Минең хәзер курортта һәм башка урында, әйтәйек, вагонда, пароходтарза йөрөгәндә иң кызыкһынып һөйләй торған вакигам шул (С. Агиш). ‘Сейчас это мой тот самый интересный случай, о котором я с удовольствием рассказываю на курорте и в других местах, например, во время поездок в вагоне, на пароходе’.

Ә бит, тәү карашка ябай күрәнһә лә, корама бер зә бөгөн тегеп, иртәгә әзер була торған әйбер түгел – уны ижад итеү өсөн күпме ныкышмалык, сабырлык, зауык кәрәк (газета «Киске Өфө», 13.06.2009). ‘Лоскутное шитье только на первый взгляд кажется простым и легким делом – а ведь оно требует столько упорства, терпения, вкуса’;

Алып кита торған нәмәләреңде алдан әзерләп куй (из разговорной речи). ‘Вещи, которые хочешь взять с собой, приготовь заранее’.

1.2. Причастие с аффиксом -р

Бер көнгә лә һуңламай уны эздәр уйым бар (С. Бәзретдинов). ‘Намерен ее искать, не медля ни одного дня’;

Хажга килгәнемде аңлаткас, дустварса аркамдан кагып, барыр якты күрһәттеп ебәрзе (Г. Ситдикова). ‘После того, как я объяснила, что приехала совершить хадж, по-дружески похлопав по спине, указал, в какую сторону надо идти’;

Был тиклем ямгыр һөйәр ерзе күргәнем юк әле минең (Ш. Янбаев). ‘Я еще не видел землю, которая до такой степени любит дождь’;

Отрицательная форма образуется сочетанием частицы *-ма/-мә* и аффикса *-р*, который после указанной частицы в башкирском языке превращается в *-с*:

Әйтмәс һүззе *әйттерерһең*. ‘Вынудишь сказать то, о чем не хотелось бы говорить’;

Килеп сыкмас эш менән булма. ‘Не начинай делать что-то, зная, что все равно ничего не получится’.

1.3. Причастие с аффиксом -һы

Атка атлана башлаузан алда һез өйрәнһе баһкыстары бар (Р. Өмөтбаев). ‘Прежде чем садиться на коня верхом, есть еще чему поучиться’;

Киләһе йылда диссертация якларга әзерләһә (З. Биешева). ‘На следующий год готовится к защите диссертации’.

2. Функция имени действия

Причастие будущего времени чаще других форм может субстантивироваться, обозначать имена действия, принимая при этом различные падежные аффиксы и формы принадлежности и множественного числа.

2.1. Субстантивированные причастия

в роли подлежащего: *Ашаған белмәй, тураған белә* (пословица). ‘Знает не тот, кто ест, а тот, кто нарезает (готовит еду)’;

Тик тормаған тук торған (пословица). ‘Кто не бездельничает, тот сыт’.

2.2. Имена действия

а) с аффиксом *-ган*

Данная форма очень активно употребляется в башкирском языке:

в роли подлежащего: *Ағаһының һүзе менән эше айырылғаны юк* (Ф. Акбулатова). ‘У брата слово с делом не расходятся’;

Китғанан китгага мәсхәрә йөкмәп кайтып барғансы, үлгәнең мең арты (И. Ноғманов). ‘Чем с одной части света на другую с позором возвращаться, лучше умереть’;

в роли дополнения: *Хурлык тип ни, Алла язғаны шулдыр инде, без зә алда ни булғанын күрербез* (Н. Дәүләтшина). ‘Позор, конечно, но от судьбы не уйдешь, чему быть, того не миновать’;

Шуга ла мин серле китабымды асып, һыуга багып, һине алда низәр көткәнән әйтеп бирергә булдым (из эпоса «Зөһрә менән Алдар»). ‘Поэтому я решила открыть свою таинственную книгу, смотреть в воду и рассказать, что тебя ждет впереди’;

Кеше әйткәндә көтмә, үзең белеп эшләргә өйрән (из нравочений). ‘Не жди, когда кто-то скажет, научись делать самостоятельно’.

Очень часто имя действия, оформленное падежными формами, выступает в роли сказуемого придаточных предложений. Например:

Кисеү кискәндә ат тугармайзар (поговорка). ‘Коней на переправе не распрягают’;

Көтөү кайтқанда йоклап калдыңмы, ыртәгәһен ... гәләмәт тәмһез, йөрәккә ятмас кара сәй һемереуең – котолгоһоз хал (И. Ноғманов). ‘Если проморгал возвращение стада, то назавтра неизбежно будешь пить очень невкусный черный чай’.

Күк күкргәндә яланбаһ йөрәмәгез (из разговорной речи). ‘Когда гром гремит, не ходите с непокрытой головой’;

б) с аффиксом *-р*:

В роли дополнения:

Ни әйтерендә беләм (Я. Хамматов). ‘Я знаю, что ты скажешь’;

Килерендә алдан белгән булһам, үзеңдә кунак итер инем әле (Р. Солтангәрәев). ‘Если бы знал о твоём приезде, угостил бы я тебя’.

*Тик бер үзем генә беләм, һинһез йәшәй алмасты*⁴ (из песни). ‘Сам только знаю, что не смогу без тебя жить’;

Бикбаев, Юламановтың барыбер аңдамасын белеп, был уйзарын уға һөйләп торманы, райкомға Яубасаров эргәһенә китте (Н. Мусин). ‘Предположив, что Юламанов его не поддержит, не стал с ним делиться, напрямик пошел в райком к Яубасарову’.

Ашатмастың ашы беһмәс (пословица). ‘У жадного еда не сварится’.

в) с аффиксом *-һы*:

В роли подлежащего: данная форма в башкирском языке в основном употребляется в сочетании с модальными словами *бар* ‘есть’ и *юк* ‘нет’, *түгел* ‘нет, не’, где они выступают в роли сказуемого, а имя действия – в роли подлежащего:

Бараһы бар. ‘Надо съездить’;

⁴ Как было отмечено выше, в отрицательной форме наблюдается переход аффикса *-р* в аффикс *-с*.

Ярзамлашаһы бар. ‘Надо помочь’.

Ултыртып алып кайтыр инем дә бит икегеззе лә, Асҡынға тейеп кайтаһы бар шул, – тине (Ж. Кейекбаев). ‘Привез бы, посадив вас обоих, только вот надо захватить в Асҡын’.

Употребление имени действия с аффиксом *-һы* в конструкции с другими глаголами встречается, в основном, в южном диалекте башкирского языка:

Ташып алаһы калды, – тип яуапланы Сергей (А. Абдуллин). ‘Осталось перетаскать, – сказал Сергей’.

Данная конструкция *Ташып алаһы калды* в общенародном языке передается в формах *Ташып алырға калды* // *Ташып ала торғаны калды*.

Отрицательная форма имен действий на *-һы* выражается модальными словами *юк, түгел* ‘нет, не’:

Миңә уның менән йәшәйһе түгел әле. ‘Не мне с ним жить’;

Һиңә иртә тораһы түгел. Йоклай бир. ‘Тебе не надо рано вставать. Поспи немного’;

Миңә унда бер касан да бараһым юк (// *бара торғаным юк*). ‘Я туда никогда не пойду’;

Мал үзе кайта, эзләп йөрөйһө юк (// *эзләй торғаны юк*). ‘Возвращаются животные сами, нет надобности искать’.

Переход причастий будущего времени в другие части речи

Некоторые причастия окончательно перешли в категорию существительных, прилагательных и наречий.

1. Существительные

С аффиксом *-р*: *елгыуар* ‘ветреник, ветреница’, *илгизәр* ‘путешественник, странник’, *урынбасар* ‘заместитель’, *илбасар* ‘захватчик’, *һөтимәр* ‘млекопитающие’ и др.;

с аффиксом *-р* в отрицательной форме: *тиктормас* ‘непоседа; вертлявый, подвижный’, *бөтмәс-төкәнмәс* ‘нескончаемый, неиссякаемый, неисчерпаемый’;

с аффиксом *-сак*: *бирәсәк* ‘долг’, *киләсәк*, *буласак* ‘будущее’, *аласак* ‘причитающаяся сумма, долг за кем-либо’;

с аффиксами *-ған, -һы* + аффикс множественного числа *-лар* (с вариантами):

Бөгөн төндә килгәндәрҙе кайһы гостиницаға алып барабыҙ? ‘Сегодня ночью прибывших в какую гостиницу устроим?’;

Әле был – башы ғына, һезҙең күрәһеләр алда, кешенән эшләтеп ингән өйөгөзгө, хужалығығыҙы тартып алырбыҙ (Р. Өмөтбаев). ‘Это только начало, вы еще увидите, отберем у вас и дом, построенный чужими людьми, и хозяйство’.

2. Наречия

Парные сочетания, состоящие из комбинации положительной и отрицательной основы будущего времени одного и того же причастия на *-р*, перешли в ряд наречий: *ашар-ашамас* ‘впроголодь’, *белер-белмәс* ‘чуть зная’, *көләр-көлмәс* ‘чуть улыбаясь’, *һизелер-һизелмәс* ‘еле заметно’ и др. *Урман эсенән үткән беле-*

нер-беленмәс һукмактан ике һыбайлы сабып бара (И. Ноғманов). ‘В лесу по еле заметной тропинке скачут два всадника’;

с аффиксом *-сы/-се*: *Өзөлгәнсе уйна кылдарын* (А. Абдуллин). ‘Играй, пока не оборвались струны’;

с аффиксом *-лык*: *етәрлек* ‘достаточно’.

3. Прилагательные

При помощи аффиксов *-зай(-зэй)*, *-лык(-лек)* причастие на *-р* (положительная форма) и *-мас/-мәс* (отрицательная форма) приобретает значение прилагательного: *эшләй алырзай* // *эшләй алырлык кеше* ‘человек, который сможет выполнить’, *каршы алырлык* // *каршы алырзай кеше* ‘человек, который смог бы встретить’ и др.;

Бәхет теләйем мин һиңә / Һүзәр менән әйттеп бөтмәслек (из песни «Бәхет теләйем»). ‘Желаю тебе такого большого счастья, которое и словами невозможно передать’.

Ошибки, связанные с употреблением причастий с аффиксами *-р*, *-сак*

Принятие в 1925–1930 гг. в официальной грамматике башкирского языка формы с аффиксом *-ыр* формой причастия неопределенного будущего времени, и формы с аффиксом *-асак* – формой определенного будущего времени и обучение этому более 90 лет во всех образовательных учреждениях привели к искусственному образованию слов и словосочетаний, которых носитель языка никогда не образует и не произносит, т. е. фактически к порче общенародного башкирского языка. По этому поводу А.Г. Бишев пишет: «В примерах, приведенных в трудах по грамматике как причастия будущего времени – *калага барасак автобус, безгә киләсәк кунак, укыясак студент, йөрөйсәк поезд, көрәйсәк йылдар*, форма *-сак* – это насильственно внедренная в язык форма. Народ никогда не говорит *эшләйсәк эш*, а говорит *эшләр эш, ашар азык*. Средств у языка много, его нельзя насильственно переделывать, выкручивать по своему усмотрению. Таким путем невозможно его исправить, а можно только сломать. ... Три формы народного языка без насильного внесения формы *-сак* могут удовлетворять потребность языка в причастии будущего времени. Поэтому надо полностью использовать языковое богатство самого башкирского языка» [Бейеш 1999: 88]. К слову, образование причастия будущего времени с аффиксом *-ачак* – особенность татарского языка [ТГ 1997: 211].

В таблице приведены примеры стилистически неправильного употребления форм причастий.

Стилистически неправильно составленные предложения (составлены по правилам грамматики)	Правильный вариант (в общенародном языке)
<p><i>Шул көндән алып мин үзебезең балалар йортонда йәшәмәйсәгемде</i> тоя башланым (Р. Низамов).</p> <p>‘В этот день я почувствовал, что не буду жить в нашем детском доме’.</p>	<p><i>Шул көндән алып мин үзебезең балалар йортонда йәшәмәсәгемде</i> тоя башланым.</p>

<i>Мин өйләнгәнмен. Киләсәктә мине караясак балаларым бар. Ә ағайымдың карарлык бер кеме лә юк (газета «Киске Өфө», 2017).</i> ‘Я женат. У меня есть дети, которые в старости за мной будут ухаживать. А у брата никого нет’.	<i>Мин өйләнгәнмен. Киләсәктә мине карап балаларым бар. Ә ағайымдың карап бер кеме юк.</i>
<i>... дарыу эшләүсә завод асасак (телепередача, 04.02.2016).</i> ‘... откроет завод, который будет производить лекарства’.	<i>... дарыу эшләй торган (// эшләгән) завод аса.</i>
<i>Бына мин, пландарымдың тормошка ашасазына шатланып, умарталыкка китеп барам (Н. Мусин).</i> ‘Вот я, радуясь, что осуществляются мои планы, иду на пасечник’.	<i>Бына мин, пландарымдың тормошка ашырына шатланып, умарталыкка китеп барам.</i>
<i>Алда тыуасак көндәреңде уйла (Р. Камалов).</i> ‘Думай о завтрашнем дне’.	<i>Алда тыуар көндәреңде уйла.</i>
<i>Хәзер Шәңгәрәйгә аттарзы егергә лә, туйга барасак козаларзы саналарга парлап ултыртаһы кала (Т. Ғарипова).</i> ‘Сейчас Шангарею остается запрячь лошадей и посадить ехавших на свадьбу сватов парами’.	<i>Хәзер Шәңгәрәйгә аттарзы егергә лә, туйга барган козаларзы саналарга парлап ултыртаһы кала.</i>
<i>Эштең һәүетемсә хәл ителмәйсәге аңлашылып тора (Ә.Хәкимов).</i> ‘Понятно, что дело миром не закончится’.	<i>Эштең һәүетемсә хәл ителмәсе аңлашылып тора.</i>
<i>... Маһинур апайзы күрмәйенсә күңелем тынысланмаясағын аңланым да юлга кузгалдым (газета «Башкортостан», 2016).</i> ‘Понял, что не успокоюсь, пока не увижу Магинур апай, и отправился в путь’.	<i>... Маһинур апайзы күрмәйенсә күңелемдең тынысланмасын аңланым да юлга кузгалдым.</i>

Немало встречается и правильно оформленных причастий будущего времени:
*Был эшкә уның кулы **бармасын** якишы беләһең (Ә. Вәли).* ‘Ты же знаешь, что он не делает эту работу’;

*Кала **торган** нәмәләр бик күп бит (С. Агиш).* ‘Вещей, которых надо оставить, оказывается, очень много’;

*Без юлга **сыгыр** көн иртәнсәк Ғабдерәсүл хандан: «Кабулдан **китерзән** алда һеззең менән күрешергә кәрәк» – тигән хат килде (Ә.Ә. Вәлиди Туған).* ‘В день отъезда утром от Габдерасуль хана пришло письмо: «До отъезда из Кабула нам надо встретиться»’;

*Сара гәзәттән тыш хәл **сыга калганда** **үтәлә торган** хәүефһезлек кагизләрен беләүгә кайтып калды (телепередача, 22.11.2019).* ‘Мероприятие было посвящено знанию правил техники безопасности в чрезвычайных ситуациях’;

*Аксага күп нәмә һатып алып була, әммә аксага **алып булмаган** эйберзәр зә була (журнал «Башк. Укыт.», № 4, 2021).* ‘За деньги можно купить много чего, однако есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги’;

*Өсөнсө, югары кимәлдең төп яңылыгы укытыусылар менән йәңле һөйләшеүгә **нигезләнгән** дәрестәр була тип планлаштырыла (журнал «Башк. Укыт.», № 4,*

2021). ‘Основная новизна третьей, высшей ступени – это планирование уроков, основанных на живом общении с учителями’;

Диктантты баһалағанда иҫәпкә алына торған хаталарҙың һаны бер нисә вариантта билдәләнгә лә, теге йәки был билдәне куйырға мөмкин булмаған сиккә иҫтибар итеү мөмкин (В.Ш. Псәнчин, Ф.Ф. Исламова, В.И. Хажин). ‘Если даже количество ошибок, которые надо учитывать при оценивании диктантов, дано в нескольких вариантах, можно обращать внимание на то обстоятельство, при котором невозможно ставить ту или иную оценку’.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования удалось установить, что образование и употребление причастий будущего времени в башкирском языке, представленных в академических грамматиках и используемых в общенародном языке, значительно различаются. Многочисленные примеры употреблений из разных жанров литературных произведений, речи дикторов радио и телевидения, газет и журналов, образцы наблюдений над речью носителей языка свидетельствуют о том, что способы образования причастий в разговорной речи намного шире, чем в литературном языке. Анализ данных приводит нас к следующим выводам:

– аффиксы *-а*, *-ған*, *-р* являются универсальными многозначными аффиксами, они могут участвовать в образовании *прошедшего*, *настоящего*, *будущего* и *общего времен*;

– причастие будущего времени образуется при помощи аффиксов *-ған*, *-р*, *-һы* (простая форма) и посредством сочетания деепричастия на *-а*, *-п* и вспомогательного глагола в форме причастия на *-ған* (сложная форма), наиболее продуктивными являются аффиксы *-ған*, *-р*;

– для выражения понятия причастия будущего времени, а также всех других времен большую роль играют слова, выражающие время – даты, наречия времени и др.: *Иртәгә директор ебәрған ат капкағыз төбөндә ваҡытында көтөр* (Р. Өмөтбаев). ‘Завтра лошадь, отправленная директором, в нужное время будет ждать у ворот’.

Еще раз следует отметить, что искусственное внедрение в официальную грамматику в самом начальном периоде составления учебников (1925–1930 гг.) формы *-сак* как *формы определенного будущего времени*, а формы *-р* – *неопределенного будущего времени* и обучение по этим грамматикам более 90 лет во всех образовательных учреждениях способствовало широкому распространению аффикса *-сак* и появлению в языке слов и словосочетаний, которых носитель языка никогда не образует и не произносит, т. е. привело фактически к порче башкирского языка.

Подобные несоответствия были обнаружены нами и в ходе предыдущих исследований, посвященных образованию и функционированию причастий прошедшего и настоящего времени в башкирском языке [см. Усманова 1918: 67–83; Усманова 1919: 125–138]. Все это приводит к мысли о необходимости пересмотреть правила грамматики в соответствии с фактическим положением вещей, объективно существующим в языке.

Литература

- Алишина 2019 – *Алишина Х.Ч.* Язык сибирских татар. – Тюмень, 2019. – 198 с. {*Kh.Ch. Alishina. The language of the Siberian Tatars.* – Tyumen, 2019. – 198 p.}
- Ахмеров 1958 – *Ахмеров К.З.* Краткий очерк грамматики башкирского языка // Башкирско-русский словарь. – М.: Государственное изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – С. 743–802. {*K.Z. Akhmerov. A Brief Summary of Grammar of the Bashkir Language // The Bashkir-Russian Dictionary.* – Moscow: The State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958. – PP. 743–802.}
- Байсурина-Бердигулова 2007 – *Байсурина-Бердигулова Р.И.* Причастия в современном башкирском языке. Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. {*R.I. Baysurina-Berdigulova. Participle in Modern Bashkir Language. A Monograph.* – Ufa: Editorial and Publishing Centre of Bashkir State University, 2007.}
- Бейеш 1999 – *Бейеш Ә.* Тел хикмәттәре. – Өфө: Китап, 1999. – 144 б. {*A. Beyesh. The Wisdom of Language.* – Ufa: Kitap, 1999. – 144 p. (In Bashkir.)}
- БТһ I – Башкорт теленәң һүзлегә. 2 томда. – I том. – М.: Русский язык, 1993. – 861 б. {Dictionary of the Bashkir Language. In 2 volumes. – Vol. 1. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1993. – 861 p.}
- БТһ II – Башкорт теленәң һүзлегә. 2 томда. – II том. – М.: Русский язык, 1993. – 815 б. {Dictionary of the Bashkir Language. In 2 volumes. – Vol. 2. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1993. – 815 p.}
- Гаджиева 1966 – *Гаджиева Н.З.* Азербайджанский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. – М.: Изд-во Наука, 1966. – С. 66–90. {*N.Z. Gadzhiyeva. Azerbaijani Language // Languages of Peoples of the USSR. Vol. 2. Turkic Languages.* – Moscow: Nauka Publishing House, 1966. – PP. 66–90.}
- ГСБЛЯ 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка / Под редакцией *А.А. Юлдашева.* – М.: Наука, 1981. {Grammar of Modern Bashkir Literary Language / Ed. by *A.A. Yuldashev.* – Moscow: Nauka, 1981.}
- Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – Л., 1948. – 232 с. {*N.K. Dmitriyev. Grammar of the Bashkir Language.* – Leningrad, 1948. – 232 p.}
- Дмитриев 1950 – *Дмитриев Н.К.* Башкорт теленәң грамматикаһы. – Л., 1950. {*N.K. Dmitriyev. Grammar of the Bashkir Language.* – Leningrad, 1950. (In Bashkir.)}
- Дмитриев 2007 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, 2007. – 232 с. {*N.K. Dmitriyev. Grammar of the Bashkir Language.* – Moscow: Nauka, 2007. – 232 p.}
- Дмитриев 2008 – *Дмитриев Н.К.* Башкорт теленәң грамматикаһы. – Өфө, 2008. {*N.K. Dmitriyev. Grammar of the Bashkir Language.* – Ufa, 2008. (In Bashkir.)}
- Әхмәр 1941 – *Әхмәр К.* Башкорт теле. Педучилищелар өсөн дәреслек. – Өфө, 1941. {*Q. Äxmär. The Bashkir Language. Manual for Pedagogical Schools.* – Ufa, 1941. (In Bashkir.)}
- Әхтәмов 2008 – *Әхтәмов М.Х.* Башкорт халыҡ мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлегә. – Өфө: Китап, 2008. – 776 б. {*M.X. Äxtämov. Dictionary of Bashkir Folk Proverbs and Sayings.* – Ufa: Kitap, 2008. – 776 p. (In Bashkir.)}
- Зәйнуллин 2002 – *Зәйнуллин М.В.* Хәзерге башкорт эзәби теле. Морфология. – Өфө: БДУ, 2002. {*M.V. Zaynullin. Modern Bashkir Literary Language. Morphology.* – Ufa: BDU, 2002. (In Bashkir.)}
- Зәйнуллин 2018 – *Зәйнуллин М.В.* Кылым // Башкорт теле грамматикаһы. Морфология. II том. – Өфө: Китап, 2018. – Б. 66–227. {*M.V. Zaynullin. Verb // Grammar of the Bashkir Language. Morphology. Vol. 2.* – Ufa: Kitap, 2018. – PP. 66–227. (In Bashkir.)}
- Ишбаев 2012 – *Ишбаев К.Ф.* Кылым // Башкорт теле. Юғары укуы йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек. – Өфө: Китап, 2012. – 353–397-се б. {*K.Gh. Ishbayev. Verb // The Bashkir Language. Manual for Students of Philological Faculties of Higher Educational Institutions.* – Ufa: Kitap, 2012. – PP. 353–397. (In Bashkir.)}
- Кейекбаев 1966 – *Кейекбаев Ж.Ф.* Хәзерге башкорт теле. – Өфө, 1966. – 146 б. {*J.G. Keyekbayev. Modern Bashkir Language.* – Ufa, 1966. – 146 p. (In Bashkir.)}
- Кейекбаев, Ғәлләмов и др. 1976 – *Кейекбаев Ж.Ф., Ғәлләмов А.А., Фәритов Х.С., Азнабаев Ә.М., Сәйетбатталов Ф.Ф.* Башкорт теле. Педагогия училищелары өсөн дәреслек. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1976. – 414 б. {*J.G. Keyekbayev, A.A. Gällämov, X.S. Färitov, Ä.M. Äznabayev, G.G. Säyetbattalov. The Bashkir Language. A Manual for Pedagogical Schools.* – Ufa: The Book Publishing House of Bashkortostan, 1976. – 414 p. (In Bashkir.)}

- Кейекбаев, Ғәлләмөв и др. 1983 – *Кейекбаев Ж.Ғ., Ғәлләмөв А.А., Ғәритов Х.С., Азнабаев Ә.М., Сәйетбатталов Ғ.Ғ.* Башҡорт теле. Педагогия училищелары өсөн дәреслек. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1983. – 398 б. {*J.G. Keyekbayev, A.A. Gällämov, X.S. Färitov, Ä.M. Aznabayev, G.G. Säyetbattalov.* The Bashkir Language. A Manual for Pedagogical Schools. – Ufa: The Book Publishing House of Bashkortostan, 1983. – 398 p. (In Bashkir.)}
- Кейекбаев, Сәйетбатталов и др. 1997 – *Кейекбаев Ж.Ғ., Сәйетбатталов Ғ.Ғ., Ишбирзин Э.Ф., Азнабаев Ә.М., Ғәритов Х.С., Хәбибуллина Ф.Й.* Башҡорт теле. Педагогия училищелары өсөн дәреслек. – Өфө: Китап, 1997. – 353 б. {*J.G. Keyekbayev, G.G. Säyetbattalov, E.F. İşbirzin, Ä.M. Aznabayev, X.S. Färitov, F.Y. Häbibullina.* The Bashkir Language. A Manual for Pedagogical Schools. – Ufa: Kitap, 1997. – 353 p. (In Bashkir.)}
- Кейекбаев, Ғәритов, Ғәлләмөв 1969 – *Кейекбаев Ж.Ғ., Ғәлләмөв А.А., Ғәритов Х.С.* Башҡорт теле дәреслеге. 5–6 кластар өсөн. Фонетика һәм морфология. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1969; 1980. {*J.G. Keyekbayev, A.A. Gällämov, X.S. Färitov.* Manual of the Bashkir Language. 5th and 6th Grades. Phonetics and Morphology. – Ufa: The Book Publishing House of Bashkortostan, 1969; 1980. (In Bashkir.)}
- Мансуров 1945 – *Мансуров Ә.* Башҡорт теле грамматикаһы. I китеп. Фонетика һәм морфология. Ете йыллыҡ һәм урта мәктәптең 5–6 кластары өсөн дәреслек. – Өфө: Башгосиздат, 1945, 1947, 1949, 1951, 1953, 1961. {*Ä. Mansurov.* Grammar of the Bashkir Language. Part 1. Phonetics and Morphology. A Manual for 5th and 6th Grades of Seven-Years and Secondary Schools. – Ufa: Bashgosizdat, 1945, 1947, 1949, 1951, 1953, 1961. (In Bashkir.)}
- Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. 2001 – *Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В.* Әсә теле. 10–11 кл. – Өфө: Китап, 2001. – 319 б. {*V.Sh. Psyanchin, Yu.V. Psyanchin.* The Mother Tongue. 10th–11th Grades. – Ufa: Kitap, 2001. – 319 p. (In Bashkir.)}
- Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. 2018 – *Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В.* Әсә теле. 10–11 кл. – Өфө: Китап, 2018. – 328 б. {*V.Sh. Psyanchin, Yu.V. Psyanchin.* The Mother Tongue. 10th–11th Grades. – Ufa: Kitap, 2018. – 328 p. (In Bashkir.)}
- Рассадин 2013 – *Рассадин В.И.* Тюркологические исследования. Избранное. – Элиста, 2013. – 214 с. {*V.I. Rassadin.* Turkological Studies. Selected Works. – Elista, 2013. – 214 p.}
- СЛТ – URL: https://gufo.me/dict/linguistics_zherebilo/%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA (дата обращения: 11.02.2018).
- Солтанбаева и др. 2010 – *Солтанбаева Х.В., Кейекбаев Ж.Ғ., Сәйетбатталов Ғ.Ғ. и др.* Башҡорт теле. Педагогия колледждары һәм училищелары өсөн дәреслек. – Өфө: Китап, 2010. – 479 б. {*X.V. Soltanbayev, J.G. Keyekbayev, G.G. Säyetbattalov et al.* The Bashkir Language. Manual for Pedagogical Colleges and Schools. – Ufa: Kitap, 2010. – 479 p. (In Bashkir.)}
- ТГ 1997 – Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань, 1997. – 398 с. {Grammar of the Tatar Language. Vol. 2. Morphology. – Kazan, 1997. – 398 p. (In Tatar.)}
- Тумашева 1978 – *Тумашева Д.Г.* Хәзерге татар әдәби теле. – Казан: Казан университеты нәшриәте, 1978. – 223 б. {*D.G. Tumasheva.* The Modern Literary Tatar Language. Morphology. – Kazan, 1978. – 223 p. (In Tatar.)}
- Усманова 2018 – *Усманова М.Г.* Причастие настоящего времени и способы его выражения в башкирском языке: новый взгляд на проблему // Российская тюркология. – 2018. – № 1–2 (18–19). – С. 67–83. {*M.G. Usmanova.* Present Participle of the Bashkir Language and Its Means of Expression: A New Outlook on the Problem // Russian Turcology. – 2018. – No. 1–2 (18–19). – PP. 67–83.}
- Усманова 2019 – *Усманова М.Г.* Причастие прошедшего времени и способы его выражения в башкирском языке: новый взгляд на проблему // Российская тюркология. – 2019. – № 1–2 (22–23). – С. 125–138. {*M.G. Usmanova.* Past Participle of the Bashkir Language and Its Means of Expression: A New Outlook on the Problem // Russian Turcology. – 2019. – No. 1–2 (22–23). – PP. 125–138.}
- Усманова 2020а – *Усманова М.Ғ., Абдуллина Ф.Ф.* Башҡорт теле. Теория. – Өфө: Китап, 2020. – 279 б. {*M.G. Usmanova, F.F. Abdullina.* The Bashkir Language. Theory. – Ufa: Kitap, 2020. – 279 p. (In Bashkir.)}
- Усманова 2020б – *Усманова М.Ғ.* Телебезе кем боза? Үзебез! // «Башҡортостан» гәзите. – 27.04.2012; 25.05.2012; Башҡорт грамматикаһы һәм халыҡ теле (киләсәк заман сифат кылым) // «Ватан-даш» журналы. – 2020. – № 1. – Б. 127–141. {*M.G. Usmanova.* Who Debases Our Own Language?

- Nobody Else But Us! // «Başqortostan» newspaper. – 27.04.2012; 25.05.2012; The Bashkir Grammar and the Folk Language (Future Participle) // «Vatandaş» journal. – 2020. – No. 1. – PP. 127–141. (In Bashkir.)
- Усманова 2020в – *Усманова М.Ф.* Башкортса дөрөс һөйләйек. Башкорт теленең функциональ грамматикаһы. – Өфө: Китап, 2020. – 164 б. {*M.G. Usmanova.* Let's Speak Bashkir Correctly. The Functional Grammar of the Bashkir Language. – Ufa: Kitap, 2020. – 164 p.}
- Фәритов, Ғүмәров 1949 – *Фәритов Х.С., Ғүмәров Ф.* Башкорт теленең грамматикаһы. Фонетика һәм морфология. Педучилищелар өсөн дәреслек. – Өфө: Башгосиздат, 1949. {*X.S. Färitov, G. Gümärov.* Grammar of the Bashkir Language. Phonetics. – Ufa: Bashgosizdat, 1949. (In Bashkir.)}
- Хисамова 2006 – *Хисамова Ф.М.* Татар теле морфологиясе. Югары укыу йортлары өчен дәреслек. – Казан: «Мәгариф» нәшрияты, 2006. – 336 б. {*F.M. Khisamova.* Morphology of the Tatar Language. Manual for Higher Educational Institutions. – Kazan: «Magarif» Publishing House, 2006. – 336 p. (In Tatar.)}
- Юлдашев 1958 – *Юлдашев А.А.* Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. – М., 1958. – 195 с. {*A.A. Yuldashev.* The System of Word Formation and Verb Conjugation in the Bashkir Language. – Moscow, 1958. – 195 p.}
- URL: <http://212.193.132.98/bashkorp/korpusv4> (дата обращения: 20.01.2021).
- URL: http://212.193.132.98/bashkorp/korpusv4?p_user=4544 (дата обращения: 06.08.2019).
- URL: http://bank.orenipk.ru/Text/t46_254.htm (дата обращения: 13.04.2020).

Future participle of the Bashkir language and its means of expression: a new outlook on the problem

M.G. Usmanova

Ufa

Summary: The comparative study of form development of Bashkir future participle in Bashkir common folk language in comparison with grammatically attested and adjusted forms helped to note the existence of some differences. Inter alia, in classical grammars the formation of the future participle is mainly described as accompanied with only three affixes (-ır, -һı, -asaq), but in the Bashkir spoken folk language – with five affixes, which can be defined as simple and complex form. In this article the author analyses in detail all the existing points of view, listed in grammatical descriptions and manuals of the Bashkir language on formation and functioning of the future participle, and also is justified a new author's look at the problem on the basis of the vernacular spoken language. The examples of usage from various genres of literary works, speeches of radio and television announcers, newspapers and magazines, the examples of long-term observations of the speech of native speakers are generalized and systematized, the author's extensive teaching experience is involved. A new, original vision on a problem of formation and functioning of the future participle in Bashkir is declared in the work. The material is published in Russian for the first time.

Key words: Bashkir language, verb, participle, future tense, affix, simple form, complex form, common folk language.

Minsylu Gubaytovna Usmanova – Ph.D. in philology, professor of M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University; e-mail: usmanova.minsylu@mail.ru.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПОСА «АЛДАР И ЗУХРА»

Г.М. Набиуллина

г. Уфа

Резюме: Статья посвящается выявлению религиозных особенностей башкирского эпоса «Алдар и Зухра», который был обнаружен в 1961 г. в рукописном отделе Ленинградской библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в личном фонде Р.Г. Игнатьева исследователем М.Г. Рахимкуловым. Автором ставятся и решаются следующие задачи: систематизировать накопленные сведения об эпосе, определить в нем место ислама, показать противоречивость и взаимосвязь религиозных и традиционных обрядов, объяснить религиозную атрибутику и установить их функциональное значение.

Согласно первоначальному замыслу, эпос должен был рассказать об истории героизма и любви Алдара и Зухры. Возможно, принятие ислама башкирами способствовало тому, что текст произведения претерпел определенные изменения: появляются мотивы веры героев во Всевышнего, их уверенность в том, что не только мифические силы, но Аллах и его святой пророк Мухаммед помогают тем, кто в них верит и просит у них покровительства и поддержки. Таким образом, отныне исламская культура защищает жизнь как степных, так и лесных башкир от атак мифических тварей, отпугивает врагов ислама от мусульман.

С момента создания эпоса и до его широкого распространения изменилось и представление о женской красоте в народном восприятии: такие прежде считающиеся важными качества, как богатырская сила и физическое превосходство с принятием ислама поменялись на религиозность и набожность. Это, по всей видимости, было связано в целом с готовностью общества к принятию мусульманской религии либо явилось следствием последнего.

В заключении делается вывод о том, что сложные переплетения разных мировоззрений героев образуют синкретизм, что и формирует поэтику народного произведения.

Ключевые слова: эпическое произведение, Авлия, Пророк, дагуат, молитва, кыз-батыр, Пяри, степные и лесные башкиры.

Введение

Одним из самых своеобразных башкирских эпосов является «Алдар и Зухра», рукопись которого в русском переводе под названием «Мои вечера. Сказки башкирские» была обнаружена в 1961 г. в рукописном отделе Ленинградской библиотеки им. М.А. Салтыкова-Щедрина в личном фонде Р.Г. Игнатьева исследователем М.Г. Рахимкуловым. Фотокопия рукописи находится в Научной библиотеке башкирского филиала АН СССР [БНТ 1987: 514].

Набиуллина Гульнур Мирзаевна – кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, e-mail: gulnurnabiullina@mail.ru.

Эпос привлек внимание таких известных ученых, как К. Мэргэн, М.М. Сагитов, М.Г. Рахимкулов, М.А. Мамбетов [Идельбаев 1990: 387], А.И. Харисов, Г.Б. Хусаинов; отдельные его аспекты нашли отражение в работах «Об одном башкирском эпическом сказании (“Кызбатыр и Кырбатыр”» С.А. Галина, «Кузыйкурпяч», «Алдар и Зухра» М.Х. Идельбаева, «Об одной археологической иллюстрации башкирского эпоса “Алдар и Зухра”» В.Г. Котова, «Красота как гендерная характеристика» Ю.А. Ибрагимовой, «Расселение башкирских племен накануне и в период вхождения Башкирии в состав Русского государства» В.А. Иванова, «Форма брака у башкир до XVI века (по фольклорным и письменным источникам)» Ш.Н. Исянгулова, «Кузы-Курпес и Алдар и Зухра» М.Х. Идельбаева и Ф.С. Фазыловой. Тем не менее, религиозной составляющей эпоса уделено не так много внимания, она не становилась предметом специального анализа.

С учетом этого целью данной работы является выявление религиозных особенностей эпоса «Алдар и Зухра». Для достижения поставленной цели нужно решить следующие задачи: систематизировать накопленные сведения об эпосе, определить в нем место ислама, показать противоречивость и взаимосвязь религиозных и традиционных обрядов, объяснить религиозную атрибутику и установить их функциональное значение.

Эпос «Алдар и Зухра» изображает «эпоху разложения родового строя и раннего феодализма» [БНТ 1987: 24], в основе его сюжета лежит повесть о том, как дочь Кидряса Зухра, *кыз-батыр* ‘девушка-богатырь’, наделенная огромной силой, решает выйти замуж за юношу, который превзойдет ее в силе. Согласно А.И. Харисову, данный сюжет «в генезисе своем отражает традиции древнего общества, основной социальной ячейкой которого был патриархальный род с присущей ему экзогамией» [Харисов 2007: 121], где внимание сосредоточено на двух образах (*кыз-батыр* Зухра и Алдар-батыр), их судьбе и подвигах, сопровождаемых традициями исламской религии. Эпос «Алдар и Зухра» состоит из нескольких вечеров-рассказов Зухры, повествующих о ее жизненном пути после смерти мужа. «О том, что данное произведение существовало в рамках устной традиции, говорит тот факт, что структура его построена по образцу восточной сказки – сюжет в сюжете» [Котов 1999: 434]. В ход повествования Зухры вплетены рассказы Алдара, Итбая, Муйнака, Аккубака, а она, будучи вдовой Алдар-батыра, пересказывает их Аллабирде, который вместе со своим другом Елкибаем приехал свататься к ней.

Как отмечает Г.Р. Хусаинова, «основной корпус башкирских народных сказок записан в советское время. Известно, что по идеологическим соображениям при издании сказок в годы советской власти из текста максимально изымались исламские образы и мотивы. Традиционно новые явления, появившиеся в обществе, в том числе и принятие башкирами ислама, всегда находили отражение в фольклорных произведениях» [Хусаинова 2012: 1533]. Следует подчеркнуть, что если из сохранившихся башкирских произведений народного творчества в советский период были изъяты элементы, связанные с религией, то в текстах, записанных до революции, они присутствуют. В данном случае примером для нас служит переведенный на русский язык эпос «Алдар и Зухра», в котором к моменту его записи бытовали религиозные мотивы.

Как отмечают башкирские фольклористы, «“личной” обработке эпические сюжеты подвергались больше при письменном их изложении, нежели при уст-

ном повествовании. И, конечно, неслучайно. Ведь письменным изложением могли заниматься образованные люди, получившие определенное воспитание в схоластических школах мусульманского толка» [БНТ 1987: 31].

Разъясняя присутствие религиозных и мифологических мотивов в эпосе, В.Г. Котов указывает на «сосуществование какое-то время у башкир языческой и мусульманской обрядности» [Котов 1999: 435].

Вышеуказанные исследователи никак не расходятся в оценке религиозной составляющей эпоса, однако в своих работах они не придают особого значения данной проблеме. Мы считаем, что наличие исламских ценностей в эпосе обусловлено не религиозностью создателей эпоса, а готовностью пересказчика или человека, записывающего эпические тексты, к распространению ислама в обществе. На наш взгляд, в основу данного эпоса положен принцип универсализма – единство мифологии, религии и реализма. С одной стороны, обладание героев необыкновенной силой приближает произведение народного творчества к «героическим поэмам с мифологической основой» [Харисов 2007: 102], с другой стороны, отражение жизни и быта «башкирских племен, процесс их этнического развития» [Харисов 2007: 102] отдаляет его от мифологического эпоса. Действительно, «в повествовании же о богатырской девушке Зухре и степном батыре Алдаре мотивы любви и брачные состязания перемежаются с богатырскими проявлениями героев как в защите рода от нападений злых духов и соседних племен, так и в повседневной хозяйственной деятельности кочевников-скотоводов» [БНТ 1987: 24].

Зухра, которую товарищи называют *кыз-батыр* ('девушка-богатырь'), объявляет отцу: «Тот мне будет муж, кто превзойдет меня в стрельбании из лука, в борьбе и кто стащит на скаку с коня» [БНТ 1987: 356]. Подобный мотив бытует и в якутских олонхо [Данилова 2006: 150], и в адыгской сказке [Бухуров 2018: 235]. По своему мировоззрению и образу жизни героиня очень далека от идеала мусульманской женщины: из уст ее читатель узнает, что женские занятия, беседы ее не привлекают. В то же время Зухра суеверна, она считает, что все делается «не без предопределения, которое пишет на роковой доске огненной тростью бытие всех живущих на земле» [БНТ 1987: 353].

В отличие от многих мифологических эпосов башкир, в образе Зухры внимание заострено на ее необычайной физической силе, доказательством которой является победа над белым медведем, являющимся царем медведей: «Как вдруг мы увидели из леса гордо выступающего белого медведя, а за ним множество других черных, которые хотя были велики, но ему были только по брюхо. Сие новое полчище зверей, предводительствуемое белым медведем, привело в страх моих товарищей» [БНТ 1987: 358].

В этом плане Зухра отличается от героинь других эпосов: в эпосе «Урал-батыр» героиня Хумай – небесное создание, дочь солнца и царя небес Самрау, обладала женственностью, Наркасу из эпоса «Акбузат» были свойственны «черты сказочно-мифического существа иного мира» [Юлдыбаева 2014: 151]. Несмотря на то что и здесь Аллабирде и Елкибай обращают внимание на ее красоту, все же физическое превосходство Зухры выставляется на первый план: она наделена такими чертами башкирских батыров, как энергичность и решительность. После смерти мужа она не теряет выдержку, читатель может оценить ее глазами Аллабирде: «В кибитке кроме вдовы ничего не видел, и ее, может быть, считал украшением всего башкирского народа» [БНТ 1987: 350].

Мифологические и религиозные элементы эпоса

Тема борьбы батыров с демоническими существами в башкирском фольклоре имеет свою историю, в качестве примеров можно привести мифологические эпосы «Урал-батыр», «Акбузат», «созданные на основе древних мифологических представлений» [Зарипов, Сагитов 1987: 15]. В отличие от них в эпосе «Алдар и Зухра» между батырами, обладающими крепкой физической силой, и мифическими существами появляется третья ипостась – вера в Аллаха. «Все поступки и действия положительных персонажей эпоса направлены на реализацию основных идей произведения – создание семьи, защита рода и родовой территории, борьба со злом в любом проявлении, установление мира и равновесия в Среднем мире, где проживают эпические герои» [Кузьмина 2019: 20]. Жизнь, благополучие героев эпоса зависит теперь не только от их физического превосходства, но и от их религиозности. Какой бы смелой и выносливой не была Зухра, защищаться от *Пярия* (злого демона) ей помогает пятикратный *намаз* (исламская каноническая молитва).

В эпосе привлекает внимание и прорицатель, который встречается на пути Зухры, с необычным внешним видом: головой и плечами престарелого человека, тощим лицом, редкой и седой бородой, высокой шапкой на голове, вместо повивала шея его была обвита шипящими змеями, а прожил он 167 мусаль (1 мусаль = 12 лет). «Прорицателем выступает служитель языческого культа: индийский маг или шаманка Мяскай. ... На фоне всего произведения, насыщенного языческими мотивами и образами, эта часть эпоса “Алдар и Зухра” выделяется особо» [Котов 1999: 435].

По дороге батыри встречаются с *ильчи* (послом) Болгарского царя, пасущего стадо *Пярия* (злого демона), а после него встречают и самого *Пярия*. Один из братьев *Пяри*, в образе беркута, умирает от стрелы Алдара-батыра, второго Зухра не успела застрелить.

В.Г. Котов считает, «что существовало два образа крылатых существ: Сенмурва и дракон. Если образ Сенмурва был заимствован из иранской иконографии, то крылатый змей-дракон с двумя лапами и звериной мордой не встречен за пределами этого региона» [Котов 1999: 439].

В эпосе сочетаются мифологические и религиозные представления. Религия становится не только духовной поддержкой, но и физически помогает героям в победе над мифическими существами. В эпосе «Алдар и Зухра» существует неразрывная религиозная составляющая тех проблем, которые волновали тогдашнее общество: тяжбы между родами, борьба с белым князем. Все эти проблемы предстают перед героями в образе *Пяри* – мифической силы. В эпосе подробно описывается его внешний вид: «Крылатый зверь, ростом с большого быка, голову имел наподобие птицы, с кривым носом и шею длинную. Передние лапы вооружены были долгими ногтями, задние тоже. Хвост длинный, а крылья как бы у летучей мыши» [БНТ 1987: 425].

По пути к вдове Зухре Аллабирде и Елкибаю приходится сражаться с дикими зверями. «Если бы два друга не были покровительствуемы свыше, то, конечно, погибли бы от лютой их» [БНТ 1987: 345]. Очень своеобразно описана борьба батыров с *Пярием*, который в пешем положении был выше, чем всадники, «но

батыры с помощью *имана* (веры) и своего пророка избегают его ударов» [БНТ 1987: 347]. Таким образом, батыры победили Пярия, сожгли его и двинулись в путь.

От традиционных мифологических эпосов «Алдар и Зухра» отличается главным образом тем, что здесь большое внимание уделяется ценностям исламской религии. Герой эпоса Аллабирде лишается жены, трех сыновей и впадает «в печаль и уныние» [БНТ 1987: 336], и в тот самый трудный период жизни пророк спешит к нему на помощь: «В одно утро, после обыкновенной молитвы, которую, может быть, он отправил с большим умилением» в степи перед ним внезапно появился «с ног до головы вооруженный батыр; кольчуга на нем была так светла, как бы из чистого серебра сделанная, шишак был из чистой стали, на бедре висела кривая сабля, оправленная в серебро, лук натянутый и колчан со стрелами, а в правой руке длинное копьё. Сидел он на прекрасном белом аргамеке, на коем убор и седло было серебряное с бирюзой» [БНТ 1987: 336]. Батыру поручено было передать Аллабирде «волю Магомета» [БНТ 1987: 337].

В комментариях составители тома отметили, что в образе батыра был представлен Хызыр-Ильяс [БНТ 1987: 515], бытующий в фольклорном наследии тюркских народов в качестве покровителя героев, обездоленных и сирот, оказывает чудесную помощь и влюбленным. Соответствует Илье-пророку у христиан» [БНТ 1987: 503]; «в народных поверьях и суевериях Хызыр-Ильяс помогает людям в пути, в тяжелую минуту» [Хуббитдинова 2018: 163].

В главе «Вечер четвертый» Елкикай и Аллабирде встретили человека, который «лицо имел постное, брану седую, росту большого, в длинной зеленой одежде, на голове была чалма с белым повивалом, опоясан широким поясом, на коем изображены были слова им неизвестные. В правой руке имел он длинную трость» [БНТ 1987: 340–341]. Он обращается к путникам со словами: «Куда вы едете, добрые мусульмане? ... Надобно, чтобы вы покровительствуемы были небом и святым нашим пророком, дабы проехать сии места» [БНТ 1987: 341]. Мусульманин заострил их оружие, дал кармазинные кафтаны, из чернобурок шапки, которые охраняли от смерти, напоив путников и их коней, прибавил силы. «Теперь поезжайте, – сказал им пустынный, – да будет над вами благословение отца мусульман. Батыры поблагодарили Авлию» [БНТ 1987: 344].

Всех положительных героев-батыров с образом Авлии связывает хронотоп дороги. Перед тем как выйти на дорогу, герои «призывают в помощь Магомета» [БНТ 1987: 339]. Причиной начала пути Аллабирде тоже был пророк, а когда Зухра собралась искать прорицателя, она встретила человека с посохом в левой руке, отдавшего ей свою плеть. О предстоящих опасностях на дороге батыров также предупредил «старый муж в белой одежде, в одной руке держал он посох, а в другой из крупного марьяна четки. Бороду имел длинную и, как лунь, белую. На голове тонкое белое повивало, коего один конец висел до пояса» [БНТ 1987: 421]. Алдар и батыры всегда надеются на Бога и его святого пророка. Мусульманин просит путников совершить омовение для совершения намаза. После этого он разделил четки на три части, сделал «из них ожерелье, а для коней подал три амулета. Первые велел надеть на шеи, а другие – вплести коням в гривы и сказал: “Надейтесь на Бога и его великого пророка”. ... Прикосновением посоха в горе появилось отверстие. Он вошел в оное, и гора сомкнулась» [БНТ 1987: 421–422].

В башкирской литературе тоже встречается мотив вплетения амулета в гриву коня. В поэме-эссе Т. Сагитова «Аманат» [Сәғитов 1995] жена, провожая мужа на войну, тайком от него вплетает монету-амулет в гриву коня, т. к. муж не верит в подобные вещи и от предназначенного ему амулета отказывается. В финале повести Т. Сагитова мужчина погибает, а конь его возвращается со своим амулетом. Амулет в виде монеты «в народной культуре выполняет умиловительную, отгонную и обережную функции. Обычай пришивания монеты на новую одежду с пожеланиями счастья, долголетия безусловно, отражает доисламское мировоззрение народа» [Хисамитдинова 2010: 313].

Хронотоп дороги связывает героев с конкретными топонимическими названиями: молодые, когда едут на родину Алдара, пересекают реки Дим, Уршак, Ашкадар. В рассказе Зухры упоминаются реки Уфа, Ак-Идиль, Чолман-Идиль, Яик, Сакмар, Кармасан, Чермасан, Бирь, озеро Кандра, которые связывают происшествия с конкретными географическими координатами. Место жительства Авлия старейшины связывали с горой Иремель¹, другие говорили, что он Мяскай², третьи – Пяри³, четвертые – Курязя⁴, который живет при устье Ак-Идила⁵. Как и в большинстве башкирских кубаирах, в эпосе «Алдар и Зухра» родная земля, природа Урала описана с теплотой и любовью, на ее фоне более подробно раскрывается быт и обычаи, миропонимание кочевника.

Архетип старца существует, пожалуй, во всех башкирских эпосах: в «Урал батыр» – старик, в свое время выпивший живую воду, а теперь призывающий смерть; в «Акбузат» – добрый старик Тарауыл, раскрывший секрет успеха герою-Хаубану; в «Кузы-Курпес и Маянхылу» (в переводе Т.С. Беляева) – Авлия, старец и Аксакал, посланный «от пророка» [БНТ 1987: 278]; в «Идукай и Мурадым» – наставник Хабрау-сэсэн.

В эпосе «Алдар и Зухра» Авлия изображен с особой проникновенностью, и его внешний набожный вид, и благородство, и атрибуты исламской религии, такие как посох, четки, одежда, символизируют и усиливают религиозность, хотя можно отметить типологическое сходство его с другими Авлия. Величавость облика, душевная доброта отличает его от других персонажей-батыров. В образе Авлия народ воплотил свои представления о религиозном человеке, который по статусу очень близок к пророку Мухаммеду, он внушает доверие, надежду, несет доброе начало, может разрешить все проблемы и несправедливости мирской жизни, которые не смогли преодолеть батыры Алдар и Зухра, несмотря на имеющиеся у них колоссальные физические силы. Авлия является неким религиозным символом, указывающим правильный путь, помогающим советами башкирским батырам.

Примечательно, что в повествовании мусульманин, встретивший путников, читал *Дагуат*. В комментариях *Дагуат* обозначен как «молитвенная книжка, которую мусульмане носят на себе под левой подмышкой. Они думают, что сие

¹ Иремель (башк. *Ирэмәл*) – вторая по величине вершина Южного Урала.

² Мяскай (башк. *Мәскәй*) – вампир, упырь [Хисамитдинова 2010: 226].

³ Пяри (башк. *Пәрей*) – бес [Хисамитдинова 2010: 248].

⁴ Курязя (башк. *Күрәзә*) – ворожея, гадалка, предсказатель [Хисамитдинова 2010: 161].

⁵ Агидель – самая длинная река Башкортостана, исток находится в районе горы Иремель.

деяние спасает их от болезней и злых сил» [БНТ 1987: 516]. В мифологическом словаре Ф.Г. Хисамитдиновой и в словаре башкирского языка *дауат* обозначает «женский нагрудник», имеющий «обережную силу» [Хисамитдинова 2010: 84]. Одно из значений слова *дагуат* в толковом словаре дается как «молитвенник», «амулет» [Словарь башкирского языка 1993: 300].

Из беседы с доктором филологических наук З.Я. Шариповой мы выяснили, что книга *Дагуат*, народное название *дауат* (без гортанного арабского айна ǧ, зачастую переходящего при заимствовании в ǧ или *хамзу – Г.Н.*), действительно была частью жизни мусульман Бурзянского района, мать З. Шариповой носила ее с собой в кожаной сумке⁶. В собранных нами полевых материалах в деревнях близ озера Аслыкуль, также имеется информация, что башкиры в этих краях носили с собой молитвенную книгу *Дагуат*, некоторые зашивали в одежду. В эпосе «Алдар и Зухра» девушка по имени Гульбика также носила при себе книгу *дагуат*, подаренную ее матери одним святым мужем. Мы считаем, что упомянутая в эпосе молитвенная книга *Дагуат (Да'уат)* может быть сопоставлена с книгами «Ад-Да'уат аль-Кабир» (Большая молитвенная книга) и «Ад-Да'уат уас-Сагир» (Малая молитвенная книга) Имама аль-Байхаки (384–458 по хиджре)⁷.

В эпосе «Алдар и Зухра» религиозная атмосфера охватывает все уровни жизни героев: начало дня описывается с подготовки воды для омовения, за которым всегда следует молитва; Аллабирде и его друг Елкибай начинают свои дела с «благодарной молитвы» [БНТ 1987: 337], они всегда находятся в молитвенном состоянии и по возможности повторяют, что им покровительствует отец мусульман. Будущий муж Зухры Алдар услышал о ее подвигах не от кого-нибудь, а от Хазрата (уважительное обращение к человеку с высоким религиозным статусом в исламе), который приехал в гости. И в поисках ее Алдар приезжает к лесным башкирам. Встречается с Зухрой, переодетой в мужскую одежду, и принимает ее за молодого батыра.

Быт героев пронизан мусульманскими религиозными традициями. Родители Зухры и ее односельчане не пропускают пять намазов. Время в эпосе также представлено в религиозном измерении, это становится наиболее очевидным, когда отец Зухры собирает джиин⁸: гости сообщают, что ближние приедут около *Өйля-намаз* (полуденная молитва), дальние – к *Икенде-намазу* (молитва перед заходом солнца). Зухра и ее отец Кидряс знакомят Алдара с башкирскими батырами Итбай, Чюрюбай, Муйнак, Кушбай, Балтас, приехавшими из разных уголков. При встрече они приветствуют друг друга словами: «Добрые мусульмане!»

В эпосе описания повседневной жизни дополнены религиозными событиями, связанными в первую очередь с традиционным исламом: душевное единение героев было скреплено *никахом* (мусульманским браком), путники с молитвой режут оленя, мясо его отдают просящей птице, отдают в качестве милостыни. Выражение, что впереди «будут еще большие препятствия, кои с помощью великого пророка нашего мы преодолеем» [БНТ 1987: 340], определяет место и роль рели-

⁶ Из личной беседы с З. Я. Шариповой.

⁷ URL: <https://darulfikr.ru/articles/biografija-imama-al-bajhaki> (дата обращения: 20.03.2021).

⁸ Джиин – народные летние праздники с разными играми, скачками, призами. <http://mfbl2.ru/mfbl/bashrus>.

гии в жизни героев. Аллабирде и Елкибай узнали от мусульманина, что намерение жениться Аллабирде на вдове Зухре «благословляет пророк», который послал его к ним навстречу, велел угостить и дать совет: «К мужеству вашему присоедините и вы молитвы, предписанные, а сим и истребить все препятствия, вам встречающиеся» [БНТ 1987: 343].

Кроме того, на Зухре хотят жениться два брата Пярии. Здесь можно провести параллели между башкирским эпосом «Алдар и Зухра» и бурятскими эпосами, в которых также имеется «мотив сватовства к деве-богатырке нежеланного жениха» [Николаева 2012: 153]. Как отмечает Н.Н. Николаева, «героиня либо убивает мангадхая в поединке, либо избегает замужества при помощи чудесных помощников и далее вступает в брак с подходящим женихом» [Николаева 2012: 153]. Действительно, подобно бурятским девам-богатыркам, Зухра «на прелести их не соглашается и очарование их разгоняет пятью молитвами» [БНТ 1987: 343]. Достоинства и поведение героини оценивается Елкибаем с позиции религии: она – «истинная гурия на земле», выполняет пятикратный намаз и не болтлива.

Подробно о втором женихе – Аллабирде – читатель вместе с Зухрой узнают от Елкибая, который сватает его к Зухре: «в советах он мудр, а в разборах ссор наших справедлив» [БНТ 1987: 352]. Герои эпоса свои слова и мысли всегда связывают с пророком Мухаммедом. Елкибай говорит: «Утешься, великий наш пророк приготовляет тебе награду за них, не только в сей, но и в будущей жизни» [БНТ 1987: 352].

Очень красочно описывается быт башкир на фоне встречи Алдара и Зухры: весть пастухов о нападении на стадо медведей переключает внимание героев на охоту, после него собрание джиина, скачки, приезд гостей, желание одного из гостей по имени Муйнак жениться на Зухре без ее согласия, борьба батыров, победа Алдара, благодарность аксакалов. Аксакалы радуются, что это не просто победа, а защита их дочерей от насилия, и просят Кидряса, чтобы он отдал свою дочь за Алдара. Отец девушки уверен, что она не поступит против воли его и «гласа народного» [БНТ 1987: 403].

Алдар, как благородный батыр, выполнил все условия, поставленные будущей невестой, и стащил Зухру с коня, тем самым завоевав право жениться на ней. Отец Зухры, сам благословляя молодых, просит благословения «Всевышнего и великого пророка» [БНТ 1987: 406]. Зухра, подобно бурятской деве-богатырше, «выходит замуж за богатыря из дальних земель и уезжает вместе с ним» [Николаева 2005: 307].

Традиция обмена дарами сближает героев, разрушает вражду. Путники во время встречи с Муйнаком, когда-то претендующим стать женихом *кыз-батыра*, обмениваются подарками. Как отмечает Р.Р. Баязитова: «Обмен подарками, будучи одним из способов регулирования отношений внутри социума, встречается в повседневной жизни, календарных и семейных обрядах башкир, обычае гостеприимства и в других ситуациях общения» [Баязитова 2013: 264–265].

Муйнак указывает, что перед ними два пути, один – короткий и опасный, где живет Пяри, другой – длинный, но безопасный. Алдар выбирает первый путь и хочет избавить страждущих мусульман от злодейства Пярии. Основной конфликт эпоса составляет столкновение батыров с Пяриями на фоне бытовых эпизодов. Другие батыры на праведном пути, например, Байегет говорит: «Святой

наш пророк защитит всякого мусульманина, закон его проповедующего» [БНТ 1987: 420].

После смерти Пярия перед батырами предстоял выбор: идти за богатством или освободить пленных, они выбирают второй путь. Батыры совершают подвиги не только с помощью своих физических сил, как это бывает обычно в богатырских эпосах, здесь сам Аллах посылает им свою помощь.

Немаловажное значение имеет в эпосе мотив сна. «Вещий сон герои башкирских эпосов видят обычно в наиболее критические, ответственные моменты своей жизни, когда судьба “близка”» [Аминев 2013: 120]. Так случилось и с такими героями, как Мряс, Гюльбустан и Тансылу.

После освобождения пленных от рабства Пярия в жизни героев снова появляется Авлия: прочитав молитвы, он произносит свои назидания, рассказывает о предопределенности судьбы при рождении, предсказывает им будущее. Пленницы-женщины все оказались мусульманками. Их радость заключалась в том, что они были спасены Алдаром и Зухрой, освободителями – избранниками Всевышнего.

Характерная деталь – *арслан* ‘лев’ (мотив приручения льва Урал-батыром фигурирует в эпосе «Урал-батыр»), который во время драки с крылатым джиланом, получив поддержку от Аккубака, провожает героя до хребта Уральских гор.

Таким образом, если за этим и другими эпизодами кроется глубокая связь эпоса с мифологическими воззрениями народа, то такие атрибуты как посох, четки, дагуат усиливают религиозный акцент произведения.

Заключение

Распространенный в фольклоре многих тюркских народов мотив выбора *батыр-кыз* ‘девушкой-богатырь’ себе мужа в башкирском эпосе «Алдар и Зухра» решается с помощью образа Зухры, наделенной невероятной физической силой. Если в начале повествования *батыр-кыз* носит мужскую одежду, окружена батырами и далека от религии, то встреча с Авлией, замужество, смерть мужа и сына постепенно отдаляют ее от богатырских подвигов, в жизни героини начинают появляться религиозные мотивы. В начале повествования о принадлежности Зухры к мусульманской вере свидетельствуют лишь ее пятикратное совершение намаза и суеверие. Сложность и противоречие для нее проявляется еще и в том, что в мусульманской культуре у женщины на первом плане стоит не физическая сила, а смиренность, праведность, преданность мужу и семье.

Зухре, Алдару, Аллабирде, а также остальным персонажам эпоса приходится пройти нелегкий путь к своему счастью. По замыслу эпос изначально должен был рассказать об истории героизма и любви Алдара и Зухры. Возможно, с принятием ислама он претерпел определенные изменения: у героев появляется вера во Всевышнего, уверенность в том, что не только мифические силы, но Аллах и его святой пророк Мухаммед помогают тем, кто в них верит и просит у них кровительства и поддержки.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что сложные переплетения разных мировоззрений героев образуют синкретизм, что и формирует поэтику народного произведения. С момента создания эпоса и до его распро-

странения изменилось представление о женской красоте: ранее такие важные качества, как богатырская сила и физическое превосходство, с принятием ислама поменялись на религиозность и набожность. Это, по всей видимости, было связано в целом с готовностью общества к принятию религии либо явилось следствием последнего.

Литература

- Аминев 2013 – *Аминев З.Г.* Эпос «Урал батыр» и мифология башкир. – Уфа: ДизайнПресс, 2013. – 160 с. {*Z.G. Aminov.* Epic «Ural-batyr» and Bashkir Mythology. – Ufa: DizaynPress, 2013. – 160 p.}
- БНТ 1987 – Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос / под ред. *Н.Т. Зарипова.* – Уфа: БКН, 1987. – 544 с. {*Bashkir Folk Art. Vol. 1. Epic / ed. by N.T. Zaripov.* – Ufa: BKN, 1987. – 544 p.}
- Баязитова 2013 – *Баязитова Р.Р.* Традиционный обмен дарами в фольклоре башкир // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 264–269. {*R.R. Bayazitova.* Traditional Exchange of Gifts in the Folklore of Baskirs // Bulletin of the Chuvash University. – 2013. – No. 4. – PP. 264–269.}
- Бухуров 2018 – *Бухуров М.Ф.* Образ женщины-богатырши в историко-героическом эпосе адыгов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 9 (87). – Ч. 2. – С. 233–236. {*M.F. Bukhurov.* The Image of a Woman-Hero in the Historical and Heroic Epic of Adyghes // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. – 2018. – No. 9 (87). – Vol. 2. – PP. 233–236.}
- Данилова 2006 – *Данилова А.Н.* Эпосы о женщинах-богатырках // Наука и образование. – 2006. – № 4. – С. 149–151. {*A.N. Danilova.* Epics about Women-Heroes // Science and Education. – 2006. – No. 4. – PP. 149–151.}
- Идельбаев 1990 – *Идельбаев М.Х.* «Кузыйкурпач», «Алдар и Зухра» // История башкирской литературы. – Уфа: Китап, 1990. – С. 385–404. {*M.Kh. Idelbayev.* «Kozykorpesh», «Aldar and Zukhra» // History of Bashkir Literature. – Ufa: Kitap, 1990. – PP. 385–404.}
- Котов 1999 – *Котов В.Г.* Об одной археологической иллюстрации башкирского эпоса «Алдар и Зухра» // Stratum plus. – 1999. – № 5. – С. 431–444. {*V.G. Kotov.* About One Archaeological Illustration of the Bashkir Epic «Aldar and Zukhra» // Stratum plus. – 1999. – No. 5. – PP. 431–444.}
- Кузьмина 2019 – *Кузьмина Е.Н.* Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 18–26. {*E.N. Kuzmina.* Reflection of Archetypical Models in «Loci Communes» of Heroic Epics of the Peoples of Siberia // Siberian Philological Journal. – 2019. – No. 2. – PP. 18–26.}
- Николаева 2005 – *Николаева Н.Н.* Образы чудовищ-мангадхаек и женщин-богатырш в героическом эпосе бурят: функции, семантика и поэтика: дисс. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2005. – 350 с. {*N.N. Nikolaeva.* The Images of Mangadkhay She-Monsters and Women-Heroes in the Heroic Epic of the Buryats: Functions, Semantics and Poetics: Ph.D. diss. abstract. – Ulan-Ude, 2005. – 350 p.}
- Николаева 2012 – *Николаева Н.Н.* Алгоритм действий эпической героини-богатырки (на материале героического эпоса бурят и якутов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (18). Ч. 2. – С. 151–154. {*N.N. Nikolayeva.* Algorithm of Actions of the Epic She-Vogatur Heroes (Based on the Material of the Heroic Epic of Buryats and Yakuts) // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. – 2012. – No. 7 (18). P. 2. – PP. 151–154.}
- Словарь башкирского языка 1993 – Словарь башкирского языка. В 2 т. Т. 2 / под ред. *А.Г. Башиева, З.К. Ишмухаметова, З.Г. Ураксина, У.М. Яруллиной.* – М.: Русский язык, 1993. – 862 с. {*Dictionary of the Bashkir Language. In 2 vol. Vol. 2 / Ed. by A.G. Baishev, Z.K. Ishmukhametov, Z.K. Uraksin, U.M. Yarullina.* – Moscow: Russkiy yazyk, 1993. – 862 p.}
- Харисов 2007 – *Харисов А.И.* Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX вв.) / пер. Р.Б. Ахмедова. – Уфа: Китап, 2007. – 344 с. {*A.I. Kharisov.* Literary Heritage of the Bashkir People (XVIIIth–XIXth Centuries) / transl. by R.B. Ahmedova. – Ufa: Kitap, 2007. – 344 p.}
- Хисамитдинова 2010 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с. {*F.G. Khisamitdinova.* Mythological Dictionary of the Bashkir Language. – Moscow: Nauka, 2010. – 452 p.}
- Хубитдинова 2018 – *Хубитдинова Н.А.* Башкирский народный эпос в художественной интерпретации в русской литературе XIX века: культурологический аспект // Филология и человек. –

2018. – № 3. – С. 156–164. {*N.A. Khubbitdinova*. Artistic Interpretation of the Bashkir Folk Epic in the Russian Literature of the XIXth Century: Cultural Aspect // *Philology and Human*. – 2018. – No. 3. – PP. 156–164.}
- Хусаинова 2012 – *Хусаинова Г.Р.* Башкирская народная сказка и ислам // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. № 3 (I). – С. 1533–1535. {*G.R. Khusainova*. Bashkir Folk Tale and Islam // *Bulletin of the Bashkir University*. – 2012. – Vol. 17. – No. 3 (I). – PP. 1533–1535.}
- Юлдыбаева 2014 – *Юлдыбаева Г.В.* Башкирский мифологический эпос «Акбузат» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 91. – 2014. – № 16 (345). – С. 150–155. {*G.V. Yuldybayeva*. Bashkir Mythological Epic «Ak buzat» // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Study of Art*. – Issue 91. – 2014. – No. 16 (345). – PP. 150–155.}
- Сәғитов 1995 – *Сәғитов Т.Б.* Аманат. Поэма-эссе. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1995. – 176-сы б. {*T.B. Sägitov*. Amanat. An Essay Poem. – Ufa: Bashkortostan book publishing house, 1995. – 176 p.}

Religious features of the epic «Aldar and Zukhra»

G.M. Nabiullina

Ufa

Summary: The article is devoted to the identification of the religious features of the Bashkir epic «Aldar and Zukhra», which was discovered in 1961 by M.G. Rakhimkulov in the manuscript department of the Saltykov-Shchedrin Leningrad Library in R.G. Ignatyiev's personal collection. The author raises issues regarding the systematization of the yet collected data on the epic, determination of the place of Islam in this folklore work, contradictoriness and interrelation of religious and traditional rites, explanation of religious symbols, as well as determination of the functional meaning of the latter.

According to the original intention, the epic should be devoted to the heroism and love of Aldar and Zukhra. Very possibly, the adoption of Islam provoked some changes in the text of epic: the reasons of faith in God, the belief not only in pre-Islamic mythical powers, but also in Allah and Muhammad, His Prophet and that they can help everybody, who believes and asks for support and protection. Thus the Islamic religion protects the life of the steppe and forest Bashkirs from the attack of mythical creatures, scares the enemies of Islam out of Muslims.

Since the creation of the epic and before its distribution, the concept of female beauty has changed: previously, the most important qualities as physical superiority with the adoption of Islam is undergoing changes. This, apparently, is also connected with the willingness of society to accept religion, or just reflects the consequences.

The author concludes that the complex interweaving of different worldviews of the characters generates a syncretism, which forms the poetics of the folk work.

Key words: epic, Avliya/Auliya, Prophet, daguat/da'wah, prayer, Kyz-Batyr/Qyz-Batyr, Pyari/Peri, steppe and forest Bashkirs.

Gulnur Mirzaevna Nabiullina – Ph.D. in philology, assistant professor, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, e-mail: gulnurnabiullina@mail.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

РАЗВИТИЕ МАНАСОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А.К. Исаева

г. Бишкек (Киргизия)

Резюме: В статье рассматривается становление манасоведения – направления в эпосоведении Кыргызстана, основные этапы его развития. На основе проведенного обзора в диахроническом плане выявлены основные проблемы, которые вставали перед исследователями эпоса «Манас» в разные годы его изучения: принципы собирания и записи эпоса «Манас»; время возникновения эпоса; принципы составления и издания сборника трудов, посвященных эпосу; методы составления сводного варианта эпоса; принципы перевода эпоса на русский язык; принципы академического издания эпоса; подходы к созданию энциклопедии эпоса.

В исследовании затронута проблема взаимоотношений государства, власти и фольклора, характерного для советского пространства, выявлены общие закономерности этого процесса, заключающиеся в попытках создать «советский фольклор», отвечающий идеологическим установкам, а также в нигилистическом отторжении и осуждении ряда национальных эпосов народов СССР – «Гэсэр», «Едиге», «Манас», «Алпамыш» и др.

Определена роль исследователей, сделавших вклад в развитие науки об эпосе «Манас». Ряд ведущих российских и казахских ученых – литературоведов, лингвистов, историков и этнографов – в разные периоды своей творческой деятельности включили в орбиту своих научных интересов эпос «Манас» и, тем самым, были подвергнуты политическим гонениям и преследованиям. В работе приводятся имена ученых, попавших в жернова террора за свою причастность к исследованию и популяризации эпоса.

Исследование показывает достижения отечественных фольклористов в разработке методов и подходов в исследовании эпоса «Манас», его поэтики и текстологии. Значимыми вехами на пути становления манасоведения стали подготовленные академические издания двух вариантов эпоса «Манас», энциклопедии по эпосу, издание эпоса в серии «Эпос народов СССР» и ряда сборников с трудами исследователей об эпосе, с материалами и документами, касающимися различных аспектов эпоса.

Ключевые слова: эпосоведение, манасоведение, эпос, сказитель, фольклор, сводный вариант, сборник документов, панисламизм, пантюркизм, репрессии.

Исаева Асель Кенешбековна – кандидат филологических наук, заведующая Рукописным фондом Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика, e-mail: asel.isaeva@gmail.com.

Период становления и развития одного из направлений фольклористики, рассматривающего в качестве объекта и предмета исследования кыргызский эпос «Манас», пришлось на XX столетие. Основной корпус вариантов эпоса (кроме вариантов, записанных во второй половине XIX в. Ч. Валихановым и В.В. Радловым) был записан в этот период. Первым энтузиастом, заложившим основы записи кыргызского фольклора, стал просветитель и теоретик-эмпирик – Каюм Мифтаков. Бывая в разных частях страны, К. Мифтаков выявлял носителей фольклора, записывал от них разножанровые тексты. По его рекомендации Туркестанская научная комиссия и Народный комиссариат просвещения Кара-Киргизской АО приняли решение о первой полномасштабной записи текста эпоса «Манас» от сказителя Сагымбая Орозбакова, которая растянулась на четыре года (1922–1926 гг.). С этого момента начался процесс планомерной и систематической записи устного народного творчества кыргызского народа.

Первые десятилетия XX столетия стали периодом просветительства, накопления знаний и активного вовлечения кыргызской интеллигенции в научные исследования. Последующие десятилетия были омрачены идеологическим и политическим давлением, преследованиями ученых и носителей фольклора.

Аналізу отношений, сложившихся между государством и носителями фольклора, а также его исследователями в Советском Союзе в первой половине XX в. посвящен ряд научных работ. Статья А.С. Архиповой и С.Ю. Неклюдова «Фольклор и власть в закрытом обществе» [Архипова, Неклюдов 2010] выявляет и показывает главные тенденции государственного регулирования процесса фольклорного творчества. Определяя эти отношения как «уникальные», авторы показывают, как предпринимались попытки создать «советский фольклор», отвечающий требованиям политико-идеологической системы того времени, и объясняют, почему эти усилия ни к чему не привели. Основной причиной отторжения новоявленных фольклорных текстов явилась сама природа фольклорного творчества, которая принимает и развивает только те традиции, которые востребованы народом, а не навязаны искусственно сверху.

Одним из важных аспектов исследования стал вопрос о судьбе эпических произведений народов СССР: «Последний всплеск интереса властей к устным традициям, имевший место во время антикосмополитической кампании 1940-х гг., заключался в осуждении ими ряда национальных эпосов народов СССР как “феодално-байских” (бурятский “Абай Гэсэр”, ногайский “Едиге” и др.) и их последующей “реабилитации” в 1950-е гг.». И далее: «“методологические” предпосылки ... имели совершенно “неакадемический” характер и заключались в категорическом неприятии коммунистической партией любых проявлений национального самосознания, кроме русского» [Архипова, Неклюдов 2010: 84–108]. Положения, изложенные в данном исследовании, объясняют те процессы, с которым столкнулись исследователи эпоса «Манас», как «неакадемические предпосылки» отразились на их судьбах и, в конечном счете, на развитии эпосоведения в стране в целом.

Освещению периода репрессий, которым подверглись исследователи эпоса, посвятили свои работы С.В. Плоских [Плоских 2012] и Т. Бакчиев [Бакчиев 2012].

Важным событием, которое обобщило исследовательские усилия ученых-манасоведов, стало издание сборника документов по эпосу «Манас» [Манас 2020],

позволившее академическому сообществу познакомиться с самым широким спектром проблем, стоявшим перед манасоведением, а также с путями их решения. В издание вошли документы, хранящиеся в Рукописном фонде Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, в Центральном государственном архиве КР, Центральном государственном архиве общественно-политической документации КР. Среди них стенограммы заседаний и конференций, протоколы ученых советов, переписка между научными ведомствами. В представленных документах нашли свое отражение наиболее важные проблемы, которые в разные периоды ставились перед эпосоведами страны: принципы собирания и записи эпоса «Манас»; вопрос о времени возникновения эпоса и его историзме; издание сборника трудов по эпосу; вопрос о возможности/невозможности создания сводного варианта эпоса; принципы перевода эпоса на русский язык; принципы академического издания эпоса; создание энциклопедии эпоса.

Первое большое совещание по проблемам манасоведения было собрано в 1935 г. на Всесоюзной конференции, сведения по которой были засекречены, так как подавляющее большинство ее участников в 1937 г. было репрессировано: первый секретарь Киргизского обкома ВКП(б), член редколлегии по изданию эпоса «Манас» Морис Белоцкий; председатель Совнаркома Киргизской ССР, член редколлегии по изданию эпоса «Манас» Баялы Исакеев; ученый, поэт, Народный комиссар просвещения Киргизской АССР Касым Тыныстанов; лингвист, востоковед и литературовед Евгений Дмитриевич Поливанов [Судьба 1995: 13–23]. Стенограмма совещания по «Манасу» 27–28 декабря 1935 г. опубликована в сборнике на основе оригинала, хранящегося в архиве Комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Основными докладчиками выступили К. Тыныстанов, Е.Д. Поливанов, М.О. Ауэзов, которые поставили вопрос о ценности эпоса и его непреходящем значении, заложив таким образом тенденции будущих исследований.

Поистине драматичным и, более того, трагичным, стал для манасоведения вопрос об издании эпоса. Задача издания эпоса на кыргызском и русском языках будет ставиться перед учеными неоднократно, начиная с 1925 г. В марте 1935 г. была создана первая редколлегия по изданию эпоса, семь человек из ее состава в 1937 г. будут расстреляны. Среди них: Токчоро Джолдошев – основоположник киргизской литературной критики, главный редактор подготавливаемого к изданию эпоса, народный комиссар просвещения; вышеупомянутые М. Белоцкий и Б. Исакеев; Хасан Джиенбаев – второй секретарь ЦК КП(б) Киргизской ССР, член редколлегии; Александр Николаевич Самойлович – востоковед, тюрколог, академик АН СССР, член редколлегии; Айильчинов¹ – Зав. отделом культуры и пропаганды марксизма-ленинизма ОК ВКП (б), член редколлегии; Сакен Сейфуллин – основоположник современной казахской литературы, поэт и писатель, государственный деятель, член редколлегии. Издание планировалось подготовить к 20-летию Октябрьской революции (1937), но по идеологическим причинам было остановлено. В «Записке» второго секретаря ЦК КП(б) Киргизии Х. Джиенбаева членам бюро ЦК КП(б) Киргизии причина запрета на издание

¹ Во всех доступных автору архивных документах фамилия приводится без инициалов.

эпоса объясняется тем, что «контрреволюционная, пантюркистская и панисламистская идеология, которая насквозь проходила по всему эпосу “Манас”, не устранена из содержания» [Судьба 1995: 26]. В 1937 г. были расстреляны секретарь Киргизского обкома ВКП(б) Торокул Айтматов, который в 1935 г. на Бюро обкома поднимал вопрос об издании эпоса, а также Максим Аммосов – Первый секретарь ЦК КП(б) Киргизии, поднимавший этот же вопрос на заседании Киробкома ВКП(б) в июле 1937 г., Осмонкул Алиев – народный комиссар просвещения, принимавший участие в заседании бюро Киробкома в июле 1937 г. Репрессиям были подвергнуты Е. Султанбеков и К. Камбаров, которые в ноябре 1937 г. вошли в состав комитета по эпосу.

Попытки издания эпоса продолжали предприниматься и дальше. В январе 1938 г. создается вторая редколлегия по изданию эпоса «Манас», которая повторила трагическую судьбу первого состава: Мурат Салихов – председатель Совета Народных Комиссаров Киргизской ССР, политический редактор, А. Алимов, политический редактор, Гуревич² – член и кандидат Бюро ОК ВКП (б), сотрудник газеты «Советская Киргизия» и политический редактор будут расстреляны в том же году.

В сентябре 1938 г., после ликвидации членов второй редколлегии, утверждается третья редколлегия. К этому времени волна репрессий стихла, и люди, вошедшие в последний состав, не пострадали. Однако вопрос с изданием эпоса снова решить не удалось.

Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятое 14 августа 1946 г., затронуло судьбы литераторов и оказало воздействие на всю гуманитарную науку в Советском Союзе. Период же конца 30-х – начала 40-х гг. XX в. был относительно спокойным, в силу чего исследователям эпоса была предоставлена возможность не только постановки и решения теоретических проблем, но и проведения практических мероприятий по их реализации. В эти годы были выдвинуты такие вопросы, как проведение 1100-летнего юбилея эпоса «Манас», а также издание сборника научных исследований по эпосу.

Празднование юбилея эпоса планировалось провести в 1947 г., и в рамках подготовки к этому событию были намечены масштабные мероприятия. Среди них издание полного текста эпоса на кыргызском языке, издание отрывков из эпоса «Великий поход» и «Поминки по Кокетею» в русском переводе, издание сокращенного прозаического пересказа сюжета трилогии на кыргызском и русском языках, а также ряд мероприятий, демонстрирующих отражение эпоса в различных видах искусства – кино, театральных и оперных постановках, живописи. Однако меры, предпринятые по реализации Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», не позволили большей части запланированных задач осуществиться. Издание 1946 г. «Великий поход» в переводе С. Липкина, Л. Пеньковского, М. Тарловского [Манас 1946] вскоре будет признано реакционным и станет повсеместно изыматься из обращения.

Состоявшееся в 1948 г. заседание ученого совета Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР [Манас 2020: 191–224] прошло в обстановке относительной свободы, что позволило выработать ряд теоретических положений.

² Во всех доступных автору архивных документах фамилия приводится без инициалов.

Основной темой совещания стал вопрос об издании сборника научных трудов, посвященных эпосу «Манас». Совещание подготовило ряд важных рекомендаций, заложивших основы развития манасоведения на годы вперед. Основным докладчиком выступил М.О. Ауэзов. Характеризуя эпос, писатель подчеркнул, что «не каждый эпос достигает уровня развития, при котором он становится единым целым повествованием, тогда как “Манас” представляет в последние века единственный пример такой циклизации, такого объединения» [Манас 2020: 194].

Относительно свободная атмосфера позволила докладчику и выступающим ставить острые полемические проблемы. Было решено привлечь к работе таких видных ученых, как В.М. Жирмунский, А.Н. Бернштам, С.М. Абрамзон, П.Н. Берков, а также ученых из Кыргызстана – Х. Карасаева, Т.И. Байджиева, З. Бектенова, кроме того, включить в сборник диссертационную работу К. Рахматуллина (к этому времени уже покойного). Идея издания этого сборника была реализована только через 20 лет – в 1968 г. [Манас 1968]. Редактором издания выступил С. Мусаев. В сборник вошли статьи авторов, которые планировали включить в первоначальный вариант сборника – К. Рахматуллина, А.Н. Бернштама, П. Беркова, С.М. Абрамзона. Кроме того, сборник был расширен за счет исследователей дореволюционного времени – В.В. Радлова, Ч. Валиханова, Г. Алмаши, П. Фалева, а также Е.Д. Поливанова и Б.М. Юнусалиева. В него не вошли статьи В.М. Жирмунского, Х. Карасаева, Т.И. Байджиева, З. Бектенова.

Отличительной особенностью совещания 1948 г. стала атмосфера свободного обмена мнениями его участников, позволивших себе быть независимыми в высказывании своих идей. Так, основной докладчик М.О. Ауэзов предоставляет право А.Н. Бернштаму на научные поиски и вообще всем участникам на «различные точки зрения» [Манас 2020: 197]. Говоря о значимости участия в подготовке сборника В.М. Жирмунского, М.О. Ауэзов при этом спорит с ним по вопросу о времени зарождения эпоса, настаивая на том, что это IX в., а не XV–XVII вв., как утверждает в своих изысканиях Виктор Максимович. М.О. Ауэзов выступает в защиту варианта эпоса «Манас», записанного от сказителя Сагымбая Орозбакова, в частности, от нападок П.И. Балтина, обвинявшего его в панисламизме и пантюркизме, выступает с критикой позиции Л.И. Климовича, настаивающего на механическом «урезании» текста эпоса для массового издания.

На совещании ставится вопрос о сравнительном изучении эпоса как с родственными тюрко-монгольскими эпосами, так и с другими эпосами, отстоящими по месту и времени их возникновения и бытования. Г.А. Самарин является активным сторонником сравнительно-сопоставительного изучения эпоса, которое позволит решить «вопрос введения киргизского эпоса в первые ряды мирового эпоса» [Манас 2020: 213], его позицию поддерживает Т. Саманчин, вслед за В.М. Жирмунским. Т. Саманчин пытается восстановить научную репутацию К. Рахматуллина, к этому времени уже покойного, подвергнутого гонениям за выдвинутую им гипотезу о том, что «Великий поход» является центральным эпизодом эпоса, что, в свою очередь, отсылало его зарождение к эпохе кыргызского великодержавия. Этой же позиции придерживался и А.Н. Бернштам.

Во время совещания была высказана идея о необходимости комплексного изучения эпоса специалистами из разных областей – литературоведами, языковедами, историками, этнографами. Сборник 1968 г. эту идею реализовал, включив

статьи исследователей по всем этим направлениям. Показательно, что роль и значимость фольклористов, как и в 1948 г., так и позже, не заявлялась, так как сама отрасль «фольклористика» не имела самостоятельного статуса. При этом участие фольклористов в этом совещании было представительным и компетентным. Свой вклад в обсуждение внесли Т. Байджиев (в 1950 г. арестован, в 1952 г. скончался в Песчаном исправительно-трудовом лагере в Карагадинской области Казахстана), Т. Саманчин (также будет репрессирован и сослан в тот же лагерь, что и Т. Байджиев), Г.А. Самарин, У. Джакишев. Обсуждалась работа вышеупомянутого К. Рахматуллина. Фольклористы поставили важные проблемы поэтической структуры эпоса, принципов его описания и анализа. Научный подход позволил им избежать вульгаризации и оценочных суждений, касающихся эпоса. Благодаря усилиям фольклористов удалось выработать важные научные подходы и методологические приемы, которые впоследствии активно осваивались в отечественном эпосоведении. Всесоюзная конференция 1952 г. по эпосу «Манас» оказалась значительно более слабой в постановке фольклористических проблем, так как ведущие фольклористы уже не смогли принять в ней участие в силу примененных к ним репрессивных мер.

В обстановке страха и смятения прошло совещание ученых при Киргизском филиале АН СССР, состоявшееся в сентябре 1951 г., на котором обсуждался вопрос о подготовке к Всесоюзной конференции, посвященной эпосу «Манас». Это совещание проходило на фоне усилившегося давления на гуманитарную науку и последовавших за ним репрессий в отношении исследователей, изучающих эпосы народов СССР. За год до совещания были арестованы и сосланы в Карлаг фольклористы Т. Байджиев, З. Бектенов, Т. Саманчин, как было сказано выше, а сектор «Манаса» расформирован. Эти обстоятельства наложили серьезный отпечаток на атмосферу, в которой прошло совещание, а также на содержание выступлений его участников.

В качестве главного докладчика выступил Л.И. Климович, человек, последовательно придерживающийся неприятия эпоса и особенно одного из его вариантов – текста, записанного от Сагымбая Орозбакова. Он выступал против самой идеи проведения конференции, считая ее преждевременной в силу того, что варианты эпоса, «их характеристика как демократического, народного эпоса не может быть принята» [Манас 2020: 227]. В варианте Сагымбая Орозбакова Л.И. Климович находит только «непрерывные, кровавые войны, стычки такого грабительского характера, которые оправдываются здесь идеями газавата, войны за веру, за распространение ислама путем ограбления и истребления неверных» [Манас 2020: 227]. Поэтому он отрицает возможность «очищения» эпоса от так называемых наслоений, аргументируя это тем, что в этом случае «сюжетная канва разрушится и тогда разрушится само основание этого варианта» [Манас 2020: 227].

Выступление Л.И. Климовича свело обсуждение проблем манасоведения к идеологическим клише, вульгаризации проблем эпоса, что станет мейнстримом на ближайшие десятилетия. В подобного рода дискуссиях места фольклористическому анализу уже практически не отводилось.

Участники совещания боялись открыто высказывать свои суждения, прячась за общими теоретическими определениями марксизма-ленинизма. Один из немногих оставшихся фольклористов У. Джакишев высказал общее мироощущение

ученых, сказав, что он «в запутанном состоянии и нахожусь в таком по сегоднешний день» [Манас 2020: 242]. Объяснением «запутанному состоянию» У. Джакишева является то обстоятельство, что он совместно с Е. Мозольковым был редактором и автором вступительной статьи к изданию «Манаса» на русском языке 1946 г. [Манас 1946], которое было названо реакционным и изъято из обращения.

На этом совещании была заложена практика оценки эпоса с позиции народности – антинародности, были введены в активный оборот такие определения, как панисламизм, пантюркизм, которые в конечном итоге привели к тому, что все выступающие приводили в качестве примеров строки из эпоса, подтверждающие или опровергающие вышеназванные понятия. Установки, заявленные на данном совещании, получили свое развитие на Всесоюзной конференции 1952 г., ставшей этапным событием в развитии манасоведения и оказавшей влияние на некоторые положения эпосоведения в стране.

За три дня конференции выступили 40 человек. Статус всесоюзной конференции получила благодаря участию в ней ученых Л.И. Климовича (РСФСР), А.К. Боровкова (Узбекская ССР), М.О. Ауэзова (Казахская ССР), Б.П. Сухотина (РСФСР), А.Н. Бернштама (РСФСР).

Конференции предшествовала кампания по публикации статей на русском и кыргызском языках в газетах общесоюзного и местного значения. Всего было опубликовано порядка 15 статей в газетах «Советская Киргизия», «Литературная газета», «Советтик Кыргызстан». Газетные публикации заложили направление и настрой конференции, определили главные тенденции и оценочные суждения, такие как панисламизм, пантюркизм, народность – антинародность эпоса.

Официальная постановка главной проблемы, выносимой на конференцию, была сформулирована в приветственном слове А.А. Алтмышбаева – председателя конференции: «выяснить идейно-политическую значимость, народность или антинародность эпоса» [Манас 2020: 261]. Это положение нашло свое отражение в каждом докладе и выступлении. Наряду с данной задачей участники конференции ставили и решали вопросы практической направленности: возможна ли публикация эпоса «Манас», и если возможна, то в каком виде она должна быть реализована. Остро стоял вопрос о необходимости изучения эпоса, который последовал вслед за обвинениями его в реакционной направленности. Эти вопросы разделили участников на критиков и защитников эпоса, что привело к ожесточенной полемике.

С основным докладом выступил А.К. Боровков (член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР), с содокладами – М.И. Богданова, У. Джакишев, К. Маликов, А.А. Валитова, Б. Керимджанова. Задачей содокладчиков было представить характеристику и обзор основных вариантов эпоса «Манас».

А.К. Боровков, Л.И. Климович, П.И. Балтин, Г.Г. Нуров, Ж. Самаганов не видели в эпосе «Манас» народной основы, считали его реакционным и, следовательно, не видели возможности для создания сводного варианта. Им оппонировали содокладчики, указанные выше, а также такие исследователи, как Б.М. Юнусалиев, А.Н. Бернштам, К. Соронбаев, М.О. Ауэзов, С. Табышалиев.

Говоря об исламском элементе в эпосе, А.К. Боровков проводит идею о том, что исламские мотивы являются не просто наслоениями в эпосе, а представляют

собой глубинные конструкции, которые изначально там присутствовали. А.К. Боровков отстаивает положение о том, что эпос зародился во время войн с ойратами-калмыками, тем самым «омолаживает» «Манас», подводя его к XV–XVII вв. и, тем самым, отрицает эпоху «кыргызского великодержавия», сложившегося к IX в. Не согласен он и с точкой зрения о многостадийном развитии эпоса «Манас». Отталкиваясь от этих умозрений, А.К. Боровков признает вариант Сагымбая Орозбакова однозначно реакционным, а значит подлежащим полному запрету.

Обвиняя своих оппонентов, он отмечает, что в их трудах проходит «идеализация феодально-клерикальной линии в развитии эпоса». Не остается он в стороне и от критики учения А.Н. Веселовского и Н.Я. Марра, которая в это время была в полном разгаре. В заключение А.К. Боровков утверждает, что не существует ни одной версии эпоса, которую можно было бы считать народной, следовательно, выступает против создания сводного варианта эпоса.

Его единомышленник Л.И. Климович выстроил свое выступление на критике исследователей, стоящих на позиции защиты эпоса – А.Н. Бернштама, М.И. Богдановой, К. Рахматуллина, С.М. Абрамзона, А. Токомбаева, Б.М. Юнусалиева, У. Джакишева. Свои доводы Л.И. Климович облек в грубую, агрессивную форму, что подвигло М.И. Богданову и У. Джакишева выступить с заключительным словом в последний день конференции, в котором они ответили на выпады Л.И. Климовича. А.Н. Бернштам ответил Л.И. Климовичу в предоставленном ему слове, и так как он выступал после Л.И. Климовича, у него была возможность ему оппонировать.

Кроме нападок на участников конференции, Л.И. Климович высказал и несколько общих положений, касающихся непосредственно эпоса. Он подвергает критике выводы об эпосе, сделанные Ч. Валихановым и В.В. Радловым: решительно отрицает сравнение эпоса «Манас» с «Илиадой» и «Одиссеей», сделанное В.В. Радловым, называя его «неправильным, антиисторическим» [Манас 2020: 403]. В заслугу В.В. Радлова он ставит только его деятельность по сбору записей фольклора кыргызского и других тюркских народов и введение их в научный оборот, но при этом отрицает сделанные им умозаключения и научные выводы.

Л.И. Климович обрушивается с критикой и на Научно-исследовательский институт языка, литературы истории Киргизии, который за основу своих исследований принял вариант Сагымбая Орозбакова, отражающий, по его словам, «грязные антинародные идейки буржуазных националистов» [Манас 2020: 406].

При этом нельзя не согласиться с положением, высказанным Л.И. Климовичем, о негативном влиянии, которое оказала на эволюцию эпоса «Манас» исламская религия. Для его подкрепления Л.И. Климович приводит цитату П. Кушнера (Кнышева), который был в научной экспедиции в Кыргызстане в 1925 г.: «Ислам повлиял на содержание “Манаса” самым убийственным образом – из поэмы выпали сказания, которые не сходились с привычными мусульманскими преданиями и были заменены официальными исламистскими рассказами. Так, например, в “Манасе” оказалось магометанское предание о происхождении людей, земледелия, скотоводства, между тем как среди стариков-киргизов сохранились еще древние киргизские предания о тех же предметах и явлениях, резко отличающиеся от мусульманских версий» [Манас 2020: 407–408].

Отечественный ученый Ж. Самаганов также подверг яростным нападкам эпос «Манас» и его исследователей. Для выступления он выбрал оскорбительный тон, используя далекую от этики лексику, направленную на «националистов» Т. Саманчина, Т. Байджиева, З. Бектенова, а также на содокладчиков, обвиняя их во «вредительстве» и создании «аракчеевского режима». Свое отрицательное отношение к идее создания сводного варианта эпоса Ж. Самаганов выразил в тираде, отсылая участников конференции к произведению Н.В. Гоголя «Женитьба»: «если у каралаевского варианта взять губы, да приставить нос шапаковского варианта, да к этому добавить развязность Сагымбая, а ко всему этому дородность Великого Похода, то получился бы желаемый “Манас”. Товарищ Климович убедительно доказал, и в этом вопросе товарищ Боровков подтвердил, что из этих губ, носов и других частей невозможно создать единого организма» [Манас 2020: 483].

Сотрудник ИЯЛИ Г.Г. Нуров также был в рядах оппонентов эпоса, выступавших против попыток «очищения» его от исламских наслоений и не видевших в этом смысла. Он отрицает идею о древности происхождения эпоса. Г.Г. Нуров высказался и по вопросам истории, в частности о происхождении киргизского народа: «Кроме Бернштама, никто из крупных ученых эту точку зрения не разделяет. Киргизский народ, как и все остальные народы Средней Азии, формировался главным образом из древних и средневековых обитателей этой территории» [Манас 2020: 555].

П.И. Балтин, последний из яростных апологетов «антинародности» эпоса «Манас», высказывает мысли, схожие с идеями А.К. Боровкова и Л.И. Климовича. Полную несостоятельность своей точки зрения и непонимание природы устного творчества П.И. Балтин проявил, заявляя, что «Киргизский эпос, чудом сохранившийся до наших дней в живых народных устах, к сожалению, не обрел своего Гомера. Он бытует до сих пор в разных вариантах» [Манас 2020: 579]. Это высказывание П.И. Балтина ярко характеризует атмосферу конференции, на которой состоялось обсуждение эпоса «Манас», где были представлены литературоведы, историки, писатели и поэты, но отсутствовали фольклористы. П.И. Балтин видит в многовариантности «Манаса» его недостаток, а не фундаментальный признак его народности.

Позицию по защите эпоса от внелитературных обвинений в антинародности и по обоснованию древности его происхождения, построенную на строгом научном подходе, с применением научной методологии, выбрали Б.М. Юнусалиев и А.Н. Бернштам. Языковед Б.М. Юнусалиев построил свое выступление на сопоставительном анализе киргизского языка с языками народов Сибири, а также с языками народов Центральной Азии – казахским и узбекским. Сравнение выявило, что «исследования в сравнительно-историческом аспекте корневых слов показали наибольшую близость современного киргизского языка не с казахским, как многие предполагали до сих пор, а с далеким алтайским языком и другими диалектами и наречиями на Алтае и в верховьях Енисея, как, например, с тувинским, шорским и отчасти с хакасским языками» [Манас 2020: 593–594]. Б.М. Юнусалиев использует для сравнения так называемые «корневые слова», которые представляют собой, по его мнению, «наиболее устойчивую часть языка», а также признаки лабиального сингармонизма, выпадение в ряде корневых слов начального «дж», неправильные формы образования множественного числа,

а кроме того, выявляет те лексемы, которые имеются только в кыргызском и алтайском языках и отсутствуют в том же казахском в этой же языковой форме. На основе сравнительного лингвистического анализа он делает важный вывод о том, что «история языков в исторические времена не знает ни одного факта случайного совпадения в языке и ни одного факта изобретения слова без исторической традиции» [Манас 2020: 594]. Проведенное сопоставление языков позволяет Б.М. Юнусалиеву прийти к убедительному заключению о том, что «носители современного кыргызского языка – кыргызы находились в давние времена в верховьях Енисея и на Алтае длительное время и составляли одну общность с предками современных алтайцев, тувинцев, шорцев, хакасов» [Манас 2020: 595]. Данное заключение исследователя позволяет ему оппонировать критикам эпоса «Манас», утверждавшим, что эпос не имеет древнего происхождения, а также «омолаживающим» возраст кыргызского этноса. Время сложения общих черт в языке кыргызского и алтайского народов он определяет «периодом от II в. до н. э. до IX в. н. э., т. е. до нападения кара-кытаев (киданей) на кыргызов в начале XI в., когда была разрушена последняя государственность кыргызов» [Манас 2020: 595].

А.Н. Бернштам к моменту выступления на конференции был в особенно трудном положении в связи с политическими гонениями, которые были организованы против него. Тем не менее, он продолжал отстаивать свою теорию о древности зарождения эпоса «Манас», вступив в дискуссию с Л.И. Климовичем и Г.Г. Нуровым: «Эпос отражает древнейшие представления кыргызов, начало их этнического самоопределения из других этнических групп. Вот отправная позиция в изучении эпоса, а это намного старше XV–XVIII вв.» [Манас 2020: 522]. Образно выразил А.Н. Бернштам и идею об «очищении» эпоса от исламистских наслоений: «Давайте и мы проведем такую реставрацию в отношении “Манаса”. Мы оставим “Манас” без всей мусульманской “штукатурки”» [Манас 2020: 526].

Группа содокладчиков сфокусировала свои исследования на анализе отдельных вариантов эпоса: М.И. Богданова – на варианте Багыша Сазанова, У. Джакишев сделал обзорное сравнение вариантов Сагымбая Каралаева и Саякбая Каралаева, К. Маликов представил к рассмотрению вариант Саякбая Каралаева, А.А. Валитова – ранние варианты, записанные Ч. Валихановым и В.В. Радловым, Б. Керимджанова – письменную версию, созданную Ы. Абдырахмановым. Все выступившие поддержали идею о создании сводного варианта эпоса, при этом придерживаясь литературоведческого подхода к этой работе. Так, М.И. Богданова сказала, что «не Саякбай Каралаев или какие-либо другие *манасчи* должны создать сводный вариант эпоса “Манас”, а создать его должен коллектив ученых и писателей» [Манас 2020: 304]. Писатель К. Маликов предлагает более радикальный метод по работе с текстами эпоса: «За исключением покойного Тоголок Молдо все сказители были неграмотными или малограмотными людьми, поэтому все записи должны подвергнуться некоторой элементарной обработке со стороны литераторов» [Манас 2020: 351]. Забегая вперед, надо сказать, что К. Маликов после завершения конференции приступит в составе группы литературоведов, писателей и поэтов к составлению сводного варианта (он будет ответственным за первую часть трилогии эпоса – «Манас») и, основываясь на своих убеждениях о необходимости «литературной правки» эпоса, будет им неукоснительно следовать.

Среди участников конференции нужно отметить еще одного выступившего – казахского писателя и общественного деятеля М.О. Ауэзова. Писатель принимал непосредственное участие не только в изучении эпоса «Манас», но и в научных мероприятиях, проводимых КирФАН. Он оказался одним из немногих уцелевших из состава участников первой Всесоюзной конференции 1935 г., где он выступил с докладом наряду с К. Тыныстановым и Е.Д. Поливановым. Он неумолимо продолжал изучать эпос и находиться в тесном сотрудничестве с киргизскими коллегами. Но политическое давление не обошло и М.О. Ауэзова, что сказалось на содержании его выступления, которое показывает, что ему пришлось отступить от некоторых принципиальных позиций. Одна из них касается варианта Сагымбая Орозбакова, которого он в 1948 г. оценивал как сказителя, «донесшего до нас ... народную основу» [Манас 2020: 206], тогда как на конференции 1952 г. обошел его молчанием. Высказавшись за создание сводного варианта, в качестве опорных текстов М.О. Ауэзов предлагает использовать записи от Саякбая Каралаева, Шапака Рысмендеева, а также вариант эпоса, записанный В.В. Радловым.

Принципиальная позиция исследователей, писателей и поэтов, вставших на защиту эпоса, принесла свои положительные результаты. По итогам конференции Президиум Академии наук СССР постановил в ряду других решений создание сводного текста эпоса «Манас», а также восстановление сектора устного поэтического творчества. Это были главные итоги конференции, которые общественность восприняла как победу подлинно научных сил над внелитературным вульгаризаторским подходом к эпическому наследию. Компромиссный вариант по изданию сводного варианта эпоса явился на тот момент важнейшим достижением, позволившим впервые издать относительно полный текст эпоса на киргизском языке.

Несмотря на практически полное отсутствие фольклористов, участникам конференции удалось прийти к важным наблюдениям и выводам. Одно из них касается исламистских наслоений в эпосе, которые были включены в него уже в более позднюю эпоху. Большинство выступавших аргументировано доказали, что эти включения не связаны с сюжетным развитием «Манаса», оставаясь изолированными от общей фабулы эпоса. И все же введение исламских компонентов в повествование нанесло урон эпосу. Так, в некоторых сюжетных линиях мотивировки поступков героев эпоса были подменены на исламские, поэтому изначальные мотивы их действий оказались затемненными, например, происхождение Алмамбета (побратима и соратника Манаса), причина разрыва Алмамбета со своим народом, убийство им своего отца.

Не менее важный вывод был сделан на конференции о статусе вариантов, записанных в середине двадцатого столетия. Анализ касался второй фиксации эпоса от Саякбая Каралаева, которая, по оценкам участников, носила «искусственный, лабораторный» характер, а также письменной версии эпоса, сделанной Ы. Абдырахмановым, который записывал эпос от нескольких сказителей, прекрасно знал текст и на основе своих знаний составил свой собственный письменный вариант «Манаса». Исследователи пришли к выводу о необходимости разграничивать поздние варианты как вторичные от вариантов, записанных в более естественных условиях бытования эпоса.

Значение конференции сказалось не только на развитии манасоведения в республике, но также отозвалось в других республиках, переживавших похожие процессы нигилистической оценки эпосов. Во время Всесоюзного совещания, посвященного вопросам изучения и публикации эпосов народов СССР, состоявшегося в ноябре 1958 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР, писатель и публицист А.И. Киреев из Башкирии отметил: «изучение башкирского народного эпоса фактически приостановлено. Особенно огорчает нас почти полное прекращение исследования и публикации прекрасного народного эпоса “Идукай и Мурадым”, который был подвергнут нигилистической проработке». И далее: «Мы просим Институт мировой литературы помочь нам реабилитировать наш национальный эпос, как это было сделано с “Алпамышем” и “Манасом”. Известно, что научные конференции, посвященные проблемам изучения узбекского и киргизского эпоса (которые в недавнем прошлом находились в том же положении, в котором теперь наш башкирский эпос), сыграли большую роль» [ВС 1958: 28].

О такой же проблеме заявил представитель Института литературы Казанского филиала АН СССР Х.Х. Ярмухаммедов: «я совершенно убежден в том, что сектор фольклора Института мировой литературы правильно поставил в центр своего внимания изучение древних памятников, в частности, проблемы изучения эпоса. Ведь совсем недавно на местах боялись произносить слово “эпос”. Именно Институт мировой литературы вытащил из “зиндана” (темницы) эпос “Алпамыш” и “Манас”. И трудно переоценить значение научных конференций, посвященных проблемам этих эпических произведений» [ВС 1958: 33].

А.А. Петросян поддержала запросы исследователей из национальных республик и, в свою очередь, заявила о необходимости специального изучения национальных версий эпоса «Идэгэ» (башкирских, татарских, казахских, каракалпакских), а также предложила созвать для этого Всесоюзную конференцию [ВС 1958: 68].

Следующим важным этапом в становлении отечественного эпосоведения стала масштабная подготовка сводного варианта эпоса «Манас», начатая в 1953 г. и завершившаяся изданием четырех томов в 1960 г. [Манас 1958; Семетей 1959; Сейтек 1960]. Для реализации этого грандиозного плана манасоведы республики не единожды собирались для обсуждения вопросов, стоящих перед ними. Наиболее важные вопросы были подняты на расширенных заседаниях Бюро отделения общественных наук АН Киргизской ССР в марте и июле 1956 г. [Манас 2020: 692, 745]. Состав редакционной коллегии был представлен специалистами разных направлений гуманитарного профиля, в нее вошли литературоведы Б. Керимжанова, К. Асаналиев, языковеды Б.М. Юнусалиев (главный редактор и автор предисловия), Ж. Шукуров, К.К. Юдахин, философ А. Салиев (заместитель главного редактора), историк С. Ильясов, писатели и поэты М. Ауэзов, К. Жантошев, А. Токомбаев, фольклорист У. Джакишев (заместитель главного редактора).

Составителям нужно было решить методологические вопросы для объединения в единый текст десяти разных вариантов эпоса. Было решено представлять текст, характеризующий того или иного героя, от одного сказителя, чтобы сохранить его стилистическую трактовку. Споры велись вокруг статуса третьей части трилогии «Сейтека» (повествовании о внуке Манаса), поэт А. Токомбаев считал ее эпилогом «Манаса» и «Семетя». Было принято решение о том, что

«Сейтек» является самостоятельной частью трилогии, этот принцип генеалогического деления вошел в обиход манасоведения, став уже классическим для циклизации эпоса.

Не обошлось без критики членов редколлегии, а именно поэтов и писателей, которые стали включать в текст эпоса строки собственного сочинения. Отступления от текстологических принципов издания эпоса коснулись и вопроса о сохранении эпитетов Манаса. Так, эпитет «*канкор*» ‘кровопивец’ в восприятии современных читателей мог вызвать негативную оценку главного героя – Манаса, что было недопустимо в том тексте эпоса, который должен был отвечать идеологическим представлениям о положительном герое. Примечательно, что при обсуждении проблем составления текста вопросы о текстологии, следовании ее принципам не ставились.

Для компоновки сводного варианта составители использовали варианты десяти сказителей: Сагымбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, Багыша Сазанова, Ыбраима Абдырахманова, Молдобасана Мусульманкулова, Шапака Рысмендеева, Тоголока Молдо, Тыныбека, Акмата Рысмендеева, Жакшылыка Сарыкова. Особое внимание при выборе вариантов было приковано к варианту Сагымбая Орозбакова, который до 1956 г. фактически был под запретом. О включении его текста в сводный вариант первым заговорил А. Токомбаев [Манас 2020: 704] в марте 1956 г., затем М.О. Ауэзов в июле того же года [Манас 2020: 749, 751], и конечное решение, которое озвучил Б.М. Юнусалиев, однозначно предложив включить в сводный вариант текст Сагымбая, было принято на том же июльском заседании [Манас 2020: 757].

В дальнейшем, с упрочением фольклористической науки в стране, а также с ослаблением идеологического давления на гуманитарную сферу, издание сводного варианта эпоса «Манас» будет подвергнуто критике как труд, составленный без учета научных и методологических подходов. Однако в конце 50-х гг. подготовка и издание сводного варианта сыграло важную роль как в становлении науки об эпосе, так и в деле популяризации эпоса среди широких кругов читателей, для которых эти четыре тома стали настольными книгами на многие годы.

Следующим значимым этапом в манасоведении стала подготовка и издание научного перевода эпоса «Манас» в серии «Эпос народов СССР – Эпос народов Евразии» Института языка и литературы АН Киргизской ССР. Киргизские ученые вели активную работу под руководством А.А. Петросян – главного редактора серии «Эпос народов СССР» Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, начиная с 1969 г. вплоть до издания эпоса в конце 80-х – начале 90-х гг. XX столетия [Манас 1984–1995].

Издание эпоса «Манас» стало самым объемным в данной серии, представляя собой четыре тома. Это был не только первый опыт двуязычного издания эпоса «Манас», но и первый опыт его научного перевода на русский язык. Для издания в качестве основного текста был выбран вариант Сагымбая Орозбакова и, частично, Саякбая Каралаева. Текст Саякбая Каралаева был взят для завершения эпоса, финал которого у Сагымбая Орозбакова оказался значительно сокращенным, так как записывался от сказителя, уже тяжело больного.

Во вводной статье «От редакции» дается обзорная характеристика содержания томов: «Каждая книга серии включает разделы: текст эпоса на языке оригинала и

его перевод, выполненный с максимально достижимой адекватностью; краткое исследование, дающее историческую оценку и художественную характеристику издаваемому памятнику; комментарии и словарь к переводу; сведения о вариантах и о сказителях, от которых записан текст эпоса; статью об особенностях исполнения эпических произведений; нотные записи и др.» [Манас 1984–1995: 5].

Работа по составлению издания была осуществлена под руководством акад. АН Киргизской ССР Б.М. Юнусалиева и продолжена после его смерти С. Мусаевым. В число составителей и разработчиков томов входили следующие ученые института: Э. Абдылдаев, Р. Кыдырбаева, К. Кырбашев, А. Джайнакова, Р. Сарыпбеков, С. Бегалиев, М. Мамыров, Дж. Мусаева, О. Сооронов, А. Усенбаев.

Работа переводчиков издания – старших научных сотрудников Института мировой литературы АН СССР – А.С. Мирбадалевой и Н.В. Кидайш-Покровской осуществлялась на основе подстрочных переводов, которые были выполнены под редакцией акад. АН КиргССР К.К. Юдахина и проф. А. Алдашева, а также с участием О. Орозбаева, М. Токтомушева, М. Байджиева, З. Бектенова, Р. Кыдырбаевой и З. Мамытбекова [Манас 1984–1995: 6].

Издание эпоса «Манас» в серии «Эпос народов СССР» впервые предоставило возможность широкой академической общественности познакомиться с ним в полном объеме, а также получить ценные сведения, содержащиеся в научном аппарате опубликованных томов.

Издание двух томов энциклопедии эпоса «Манас» в 1995 г. стало знаковым событием, подтвердившим зрелость и высокий уровень компетентности отечественных манасоведов. Энциклопедия была подготовлена в рамках мероприятий, приуроченных ко всемирному празднованию 1000-летия эпоса «Манас», на основе резолюции, принятой в 1994 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Издание вобрало в себя более трех тысяч статей (терминов) по фольклористике, литературоведению, истории, этнографии, лингвистике, философии, искусству, имеющих отношение к эпосу «Манас». В энциклопедию вошли материалы по истории и теории манасоведения, сказительскому искусству *манасчи*, сказителям и их вариантам, поэтике и мотивам эпоса, образной системе, художественно-изобразительным средствам, топонимике, философским и религиозным понятиям, встречающимся в эпосе, и многое другое. Энциклопедия на долгие годы стала важной источниковедческой базой не только для манасоведов, но и для широких читательских кругов, не утратила она своего значения и в наши дни.

В постсоветский период были изданы академические варианты эпоса «Манас», но, несомненно, их фундаментальные основы были заложены в предшествующий период. В 1995–2014 гг. был издан вариант Сагымбая Орозбакова, подготовленный коллективом сотрудников Института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики С. Мусаевым, К. Кырбашевым, Э. Абдылдаевым, Р. Сарыпбековым [Манас 1995–2014]. В 1995–1998 гг. был издан вариант Саякбая Каралаева [Манас 1995–1998].

Подводя итоги обзору истории становления и развития манасоведения в Кыргызской Республике, отметим, что проведенное исследование позволило выявить некоторые общие закономерности взаимоотношений государства и фольклора, которые складывались на протяжении XX в. на советском пространстве. Основанное на ряде материалов и документов, касающихся эпоса «Манас», исследо-

вание позволило получить общую картину становления и развития науки об эпосе в сложнейшей политической обстановке, которая характеризовалась диктатом идеологического мировоззрения и преданностью партийным установкам. Тем более значимыми становятся усилия ученых двадцатого столетия, посвятивших себя изучению эпоса «Манас» или касавшихся его отдельных проблем. Практически не имея доступа к имевшимся на тот момент методологическим разработкам или находясь в ситуации запрета на их применение (в частности, учения А.Н. Веселовского), ученым-манасоведам приходилось создавать историю и теорию эпоса, основываясь на эмпирических наблюдениях. Места выживших исследователей-фольклористов эпоса занимали ученые из смежных гуманитарных дисциплин – литературоведы, лингвисты, историки, философы. Неоценимую помощь в разработке теоретических и практических подходов к исследованию эпоса оказали российские ученые: лингвист Е.Д. Поливанов, литературоведы В.М. Жирмунский, П.Н. Берков, М.И. Богданова, историки, археологи и этнографы В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, С.М. Абрамзон. Находясь у истоков создания манасоведения, эти ученые, используя свой незаурядный талант, энциклопедический ум и глубочайшие знания, со всей преданностью истинных исследователей посвятили себя изучению эпоса «Манас», истории кыргызов и тюркоязычных народов.

В этом же ряду находятся казахские ученые и деятели науки: А.Х. Маргулан, М.О. Ауэзов, Е. Турсунов. Известный писатель М.О. Ауэзов вписан отдельной строкой в историю манасоведения, как человек, который отдал больше половины своей научной жизни не только изучению эпоса «Манас», но и его защите от идеологических нападков и обвинений. Эти выдающиеся умы были подвергнуты идеологическому давлению, наравне с учеными Кыргызстана они несли тяжелую ношу по отстаиванию научных принципов, проявляя невиданное мужество в своем сопротивлении «неакадемическому характеру методологических предпосылок», навязыванию идеологических норм и установок фольклору.

Значимость усилиям ученых, посвятивших себя изучению эпоса «Манас», придает внушительный объем его текста (183 000 строк в варианте Сагымбая Орозбакова). Практически самый большой эпос, бытовавший на советском пространстве, требовал невероятных усилий со стороны его исследователей. Была проведена грандиозная работа по записи его вариантов, их систематизации, последующему изучению и сравнительному анализу. Наличие вариантов эпоса не могло не привести к идее создания сводного варианта, которая впоследствии была успешно осуществлена. Благодаря переводу эпоса в серии «Эпос народов СССР – Эпос народов Евразии» на русский язык «Манас» стал доступен не только тюркоязычным ученым, но и широкому кругу читателей и ученых.

Современное состояние фольклористики ставит вопрос о дальнейшем углубленном структурно-функциональном изучении эпоса «Манас», выявлению инвариантов эпоса и пределов его варьирования.

Литература

- Архипова, Неклюдов 2010 – *Архипова А.С., Неклюдов С.Ю.* Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. – М., 2010. – № 101. – С. 84–108. {*A.S. Arkhipova, S.Yu. Neklyudov.* Folklore and Power in a Closed Society // *Novoe literaturnoe obozrenie.* – Moscow, 2010. – № 101. – PP. 84–108.}

- Ашнин 2002 – Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. – М.: Восточная литература, 2002. – 296 с. {Ashnin F.D., Alpatov V.M., Nasilov D.M. *Repressed Turkology*. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. – 296 p.}
- Бакчиев 2012 – Бакчиев Т.А. Манасоведение: курс лекций. – Бишкек: Кут–Бер, 2012. – 176 с. {T.A. Bakchiev. *Manas study: lecture course*. – Bishkek: Kut–Ber, 2012. – 176 p.}
- ВС 1958 – Всесоюзное совещание, посвященное вопросам изучения и публикации эпоса народов СССР «Вопросы изучения эпоса народов СССР» / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР. – Ноябрь 1958 г. – 71 с. {All-Union Conference on the Study and Publication of the Epics of the Peoples of the USSR «The Issues of the Study of the Epics of the Peoples of the USSR» / The Gorky Institute of World Literature of the USSR Academy of Sciences. – November 1958. – 71 p.}
- Манас 1946 – Манас. Великий поход. Киргизский эпос / Пер. Семена Липкина, Льва Пеньковского, Марка Тарловского; под ред. У. Джакишева, Е. Мозолькова и др.; вступ. статья Евг. Мозолькова, У. Джакишева. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. – 370 с. {Manas. The Great Campaign. The Kyrgyz Epic / Transl. by Semen Lipkin, Lev Penkovsky, Mark Tarlovsky; ed. by U. Dzhakishev, E. Mozolkov and others; introduction article by Yevgeny Mozolkov, U. Dzhakishev. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury, 1946. – 370 p.}
- Манас 1958 – Манас: Биринчи бөлүк. 1 китеп. (Кыскартылып бириктирилген вариант) / Жалпы редакциялаган – проф. Б.М. Юнусалиев. – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1958. – 303 б. {Manas: First Part. Vol 1. (An abridged consolidated version) / Ed. by prof. B.M. Yunusaliev. – Frunze: Kyrgyzmambas, 1958. – 303 p.}; Манас: Биринчи бөлүк. 2 китеп. (Кыскартылып бириктирилген вариант) / Жалпы редакциялаган – проф. Б.М. Юнусалиев. – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1958. – 330 б. {Manas: First Part. Vol. 2. (An abridged consolidated version) / Ed. by prof. B.M. Yunusaliev. – Frunze: Kyrgyzmambas, 1958. – 330 p.}
- Манас 1968 – Манас: героический эпос киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1968. – 232 с. {Manas: Heroic Epic of the Kyrgyz People. – Frunze: Ilim, 1968. – 232 p.}
- Манас 1984–1995 – Манас: киргизский героический эпос / Пер. А.С. Мирбадалевой, Н.В. Кудайш-Покровской. В 4 кн. (Серия «Эпос народов СССР» – «Эпос народов Евразии»). – М.: Наука, 1984–1995. {Manas: Kyrgyz Heroic Epic / Transl. by A.S. Mirbadaleva, N.V. Kidaish-Pokrovskaya. In 4 volumes. (Series: «Epics of the Peoples of the USSR» – «Epics of the Peoples of the Eurasia»). – Moscow: Nauka, 1984–1995.}
- Манас 1995–1998 – Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу / Саякбай Каралаевдин варианты боюнча академиялык басылышы. 1–2–3 китеп. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 448 б.; Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 296 б.; Бишкек: Кыргызстан, 1998. – 787 б. {Manas: Kyrgyz Heroic Epic / Academic edition of Sayakbay Karalaev's version. Vol. 1–2–3. – Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 448 p.; Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 296 p.; Bishkek: Kyrgyzstan, 1998. – 787 p.}
- Манас 1995–2014 – Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу: 1–2–3–4–5–6–7–8–9 китеп: С. Орозбаковдун варианты б-ча академиялык басылыш. – Адаб. ж-а искусство ин-ту – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 568 б.; Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 800 б.; Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 672 б.; Бишкек: Шам, 1997. – 612 б.; Бишкек: Шам, 2006. – 756 б.; Бишкек: Шам, 2006. – 768 б.; Бишкек: Турар, 2014. – 792 б.; Бишкек: Турар, 2014. – 800 б. {Manas: Kyrgyz Heroic Epic / Academic edition of Sagymbaj Orozbekov's version. Vol. 1–2–3–4–5–6–7–8–9. – Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 568 p.; Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 800 p.; Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 672 p.; Bishkek: Sham, 1997. – 612 p.; Bishkek: Sham, 2006. – 756 p.; Bishkek: Sham, 2006. – 768 p.; Bishkek: Turar, 2014. – 792 p.; Bishkek: Turar, 2014. – 800 p.}
- Манас 1995 – Манас: энциклопедия. I. Аалам – Манастын музыкасы. – Бишкек: Кыргыз энциклопедиясынын Башкы редакциясы, 1995. – 440 б. {Manas: Encyclopedia. I. The Universe – Music in Manas. – Bishkek: Kyrgyz enciklopedijasyнын Bashky redakciyasы, 1995. – 440 p.}; Манас: энциклопедия. II. – Манастын сюжети – Ярупа. – Бишкек: Кыргыз энциклопедиясынын Башкы редакциясы, 1995. – 432 б. {Manas: Encyclopedia. II. The plot of «Manas» – Yagrupa. – Bishkek: Kyrgyz enciklopedijasyнын Bashky redakciyasы, 1995. – 432 p.}
- Манас 2020 – Манас: сборник документов / Сост.: А. Акматалиев, А. Исаева, М. Колбаева, Р. Сырдыбаева, П. Абдыбаева, Ж. Омуралиева, Ж. Тойчубек кызы. – Бишкек: Принт Экспресс, 2020. – 1260 с. {Manas: collection of documents / Compiled by A. Akmatalliev, A. Isaeva, M. Kolbaeva, R. Syrdybaeva, P. Abdymbaeva, J. Omuralieva, J. Toichubek kызы. – Bishkek: Print Ekspress, 2020. – 1260 p.}

- Плоских 2012 – *Плоских С.В.* Репрессированные за эпос «Манас» (к проблеме взаимоотношений интеллигенции и власти в середине XX в.) // Вестник КРСУ. – 2012. – Том 12. – № 9. – С. 175–179. {*S.V. Ploskikh.* Repressed for the epos «Manas» (on the issue of relations between the intellectuals and the authorities in the middle of the XXth century) // Vestnik KRSU. – 2012. – Volume 12. – № 9. – PP. 175–179.}
- Сейтек 1960 – Сейтек: Манас эпосунун үчүнчү бөлүгү. 4 китеп / Проф. *Б.М. Юнусалиевдин* жалпы редакциясы боюнча. – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1960. – 267 б. {*Seitek: the Third Part of the Epic «Manas».* Vol. 4 / Ed. by prof. *B.M. Yunusaliev.* – Frunze: Kyrgyzmambas, 1960. – 267 p.}
- Семетей 1959 – Семетей: Манас эпосунун экинчи бөлүгү. 3 китеп / Проф. *Б.М. Юнусалиевдин* жалпы редакциясы боюнча. – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1959. – 324 б. {*Semetei: the Second Part of the Epic «Manas».* Vol. 3 / Ed. by prof. *B.M. Yunusaliev.* – Frunze: Kyrgyzmambas, 1959. – 324 p.}
- Судьба 1995 – Судьба эпоса «Манас» после Октября: сборник документов. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 141 с. {*The Fate of the Epic «Manas» after the October: a Collection of Documents.* – Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. – 141 p.}

Development of Manas studies in the Soviet period

A.K. Isaeva

Bishkek (Kyrgyz Republic)

Summary: The article considers the formation of Manas studies – a trend in the epic studies of Kyrgyzstan, the main stages of its development. On the basis of the review in diachronic plan the main problems that faced the researchers of the epos «Manas» in different years of its study are identified: the principles of collecting and recording of the epos «Manas»; the time of the epos; the principles of compilation and publication of the collection of works on the epos; methods for compiling a consolidated version of the epos; principles of translation of the epos into Russian; principles of academic publication of the epos; approaches to creating an encyclopedia of the epos.

The study touches upon the problem of the relationship between the state, power and folklore, typical for the Soviet space, revealing the general patterns of this process, consisting in attempts to create «Soviet folklore» that meets ideological guidelines, as well as the nihilistic rejection and condemnation of several national epics of the peoples of the USSR – «Geser», «Edige», «Manas», «Alpamysh», etc.

The role of researchers who contributed to the development of the science of the epos «Manas» is defined. A number of leading Russian and Kazakh scholars – literary scholars, linguists, historians and ethnographers – in different periods of their career included the epos «Manas» in the orbit of their scientific interests and, thus, subjected themselves to political persecution and persecution. The paper provides the names of the scholars who fell into the millstone of terror for their involvement in the study and popularization of the epos.

The study shows the achievements of domestic folklorists in the development of methods and approaches in the study of the epic «Manas», its poetics and textology. Significant milestones on the way to the formation of the epic of Manas were the prepared academic publications of two versions of the epos «Manas», encyclopedias on the epos, the series «The epos of the peoples of the USSR», several collections of works by scholars on the epos, with materials and documents related to different aspects of the epos.

Key words: epic studies, Manas studies, epic, storyteller, folklore, consolidated version, digest, Pan-Islamism, Pan-Turkism, repression.

Asel Keneshbekovna Isaeva – Ph.D. in philology, head of the Department of Manuscript Collection, Aitmatov Institute of Language and Literature, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek (Kyrgyz Republic), e-mail: asel.isaeva@gmail.com.

ПЕРСОНАЛИИ

ИГОРЬ ЛЕОНИДОВИЧ КЫЗЛАСОВ И ТЮРКСКАЯ РУНОЛОГИЯ (К 70-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)

В 2021 г. отметил свой юбилей Игорь Леонидович Кызласов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии РАН. Его имя широко известно в научной среде: он по праву считается крупнейшим российским археологом и специалистом по истории Южной Сибири и, более того, одним из авторитетнейших исследователей памятников рунической письменности степной Евразии – его перу принадлежат концептуальные работы по связанной с их изучением проблематике¹.

И.Л. Кызласов родился 28 августа 1951 г. в г. Москва. Его отец – известный советский археолог, а на тот момент аспирант кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ) Л.Р. Кызласов. По словам И.Л. Кызласова, деятельность отца долгое время не оказывала никакого влияния на его собственные интересы, однако постепенно

¹ Библиография трудов И.Л. Кызласова недавно издана, см. [Костякова 2021].

начавшееся участие в археологических экспедициях и, в особенности, поездка в Хакасию в 1968 г. произвели на него глубокое впечатление [Кызласов И.Л. 2021]. И в 1969 г. И.Л. Кызласов поступил туда же, на исторический факультет МГУ, где в дальнейшем также проходил специализацию на кафедре археологии. После окончания университета в 1974 г. И.Л. Кызласов поступил в аспирантуру Института археологии АН СССР, с которым оказалась надолго связана его последующая деятельность.

Имевшийся уже к моменту поступления в университет определенный опыт полевой работы накапливался в дальнейшем в ходе многочисленных ежегодных экспедиций, в том числе под руководством Л.Р. Кызласова. Под научным руководством С.А. Плетневой И.Л. Кызласовым была подготовлена и в 1977 г. представлена к защите кандидатская диссертация на тему «Аскизская культура Южной Сибири. Происхождение и развитие (X–XIV вв.)». И.Л. Кызласову принадлежит соответствующий раздел в томе «Степи Евразии в эпоху средневековья» [Кызласов И.Л. 1981a], а полностью результаты его изысканий были монографически опубликованы в 1983 г. [Кызласов И.Л. 1983].

В последующем многолетняя работа в археологических экспедициях в Хакасии под руководством Л.Р. Кызласова дала не только значительный материал, составивший основу работ И.Л. Кызласова, но обусловила расширение сферы его исследовательских интересов. Сами методологические воззрения Л.Р. Кызласова в значительной степени находят отражение и в подходах И.Л. Кызласова к интерпретации исторических явлений и процессов. Для его работ в целом характерно дальнейшее последовательное развитие и методики Л.Р. Кызласова. В этом отношении их с самого начала и в последующем всегда отличает значительное внимание к деталям, аккуратность и ювелирная точность в копировании петроглифов и надписей², широкое привлечение этнографического, языкового и фольклорного материала к интерпретациям археологических находок. Именно то, что можно именовать комплексным подходом, является неотъемлемой чертой всех работ И.Л. Кызласова.

Довольно быстро поле исследовательских интересов И.Л. Кызласова расширяется – его внимание привлекают не только археологические объекты, но и надписи: он начинает предлагать попытки прочтения и интерпретации добытых в полевых исследованиях на территории Хакасии памятников древнетюркской рунической письменности. Результаты его изысканий публикуются в авторитетнейшем советском издании «Советская тюркология» [Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1976; Кызласов И.Л. 1977; Кызласов И.Л. 1979а; Кызласов И.Л. 1979б]. И.Л. Кызласов с самого начала и постепенно больше и больше уделяет значительное внимание графическим особенностям надписей [Кызласов И.Л. 1977: 77, 78; Кызласов И.Л. 1981б: 89, 94; Кызласов И.Л. 1985: 61], а также композиционным и палеографическим характеристикам, таким как пространственное расположение текстов или отдельных графем, способы начертания знаков, дукт [Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1976: 62; Кызласов И.Л. 1979а: 281–282; Кызласов И.Л. 1985: 57, 58].

² В частности, Д.Д. Васильев в личной беседе как-то говорил, что если предоставлена какая-либо прорисовка, выполненная И.Л. Кызласовым, можно совершенно не сомневаться в ее надежности и точности.

Статьи И.Л. Кызласова, посвященные даже отдельным памятникам или группам памятников, всегда отличаются довольно значимыми выводами. Так, предложенное им прочтение одной из надписей стало основанием для того, чтобы выделить среди памятников древнетюркской письменности енисейского бассейна такой тип по функциональному назначению, как «межевые надписи» [Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1976: 63–64]. В другом случае И.Л. Кызласов приходит к заключению о возможности видеть в текстах манихейские мотивы [Кызласов И.Л. 1979б: 95, 96]. Основываясь на прочтении надписей на китайских монетах с территории Южной Сибири, он считал возможным говорить о существовании широкого денежного обращения у населения Хакасско-Минусинской котловины древнетюркской эпохи, или, по И.Л. Кызласову (вслед за Л.Р. Кызласовым), «древних хакасов» [Кызласов И.Л. 1984: 96–99].

Между тем, погружение в вопросы истории и культуры народов Южной Сибири и прежде всего в те из них, что связаны с появлением и распространением письменности у древнетюркского населения Хакасско-Минусинской котловины, постепенно подводит И.Л. Кызласова к необходимости искать объяснение этого явления за рамками сугубо регионального материала. Не осталось без внимания И.Л. Кызласова пополнение, в том числе за счет новых находок с территории Южной Сибири, фонда надписей, выполненных рунической (или, как иногда ее называют, руноподобной) письменностью, но не поддающихся расшифровке на основе сопоставления их графического фонда с графикой памятников древнетюркской рунической письменности [Кызласов И.Л. 1986].

Со второй половины 80-х гг. XX в. И.Л. Кызласов обращается к этой новой теме – графический фонд надписей, разбросанных по степной Евразии от бассейна Енисея до Дуная, становится предметом исследования в ряде его последующих работ.

В 1990 г. И.Л. Кызласов защищает докторскую диссертацию «Рунические письменности евразийских степей. Проблемы источниковедения». Можно совершенно обоснованно утверждать, что выход его монографий «Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа» [Кызласов И.Л. 1990] и, в особенности, более пространной «Рунические письменности евразийских степей» [Кызласов И.Л. 1994] знаменуют совершенно новый этап в изучении рунических памятников степной Евразии.

И.Л. Кызласовым проделана колоссальная работа по обобщению и систематизации графического фонда всех непрочитанных текстов степной Евразии, выполненных письменностью рунического типа, осуществлено сопоставление встречающихся в них графем между собой и с графемами памятников древнетюркской рунической письменности. Предложенная И.Л. Кызласовым классификация графических систем или «алфавитов» выделенной им евроазиатской группы (донская, кубанская, ачикташская, исфаринская, южноенисейская) является не только первой, но, при любых возможных возражениях к деталям (см., напр.: [Tryjarski 1997]), наиболее обоснованной и на современном уровне накопления материала. Она активно используется исследователями.

Помимо этого И.Л. Кызласовым была предложена вполне убедительная атрибуция для части выделенных «алфавитов» (как он их называет) с конкретными политическими образованиями, при этом без привязки к конкретному этниче-

скому сообществу³, а именно как характеристика «государственной культуры»: донского – с Хазарским каганатом, кубанского – с политическими образованиями булгар [Кызласов И.Л. 1994: 216].

Наблюдения И.Л. Кызласова за графическими характеристиками памятников рунического письма степной Евразии привели его к возможности присоединиться к гипотезе И.В. Кормушина [Кормушин 1975] о последовательной эволюции графики памятников древнетюркской рунической письменности [Кызласов И.Л. 1991: 62 сл.; Кызласов И.Л. 1994: 79–80]. Сам такой подход вызывает скептическое отношение ряда тюркологов, объясняющих разнообразие их графического фонда с иных позиций (см., напр.: [Васильев 1983: 19–20; Tryjarski 1997: 373; Щербак 2001: 91]). Тем не менее, И.Л. Кызласов пошел несколько дальше и, основываясь на интерпретации знаков, уникальных для локальных групп памятников как самобытного явления, отражающего характеристики конкретных алфавитов, предложил свое видение взаимного соотношения графических систем памятников разных ареалов.

Основываясь на такой логике, он счел возможным взять палеографический критерий для определения примерной хронологии и атрибуции в том числе отдельных памятников, не содержащих каких-либо непосредственных или косвенных признаков для установления датировки и этнополитической принадлежности их авторов [Кызласов И.Л. 1991: 67–78; Кызласов И.Л. 1994: 80–84]. И.Л. Кызласов пришел к выводу о вторичности графического фонда орхонского алфавита по отношению к енисейскому. Наличие же своеобразных знаков в некоторых енисейских надписях, учитывая возможность довольно ранней датировки некоторых из них, привело И.Л. Кызласова к заключению о возможном существовании на территории Южной Сибири более ранних письменностей [Кызласов И.Л. 1991: 78–81; Кызласов И.Л. 1994: 93–98]. В методическом плане значимо наблюдение И.Л. Кызласова в отношении памятников древнетюркской рунической письменности, также соотносимых с разными политическими традициями, касающееся их композиционных особенностей – положение и порядок строк, размещение тамги (при наличии) [Кызласов И.Л. 1994: 225–232]. Так, указание на наличие в Туве надписей, состоящих из строк, расположенных вертикально и в нисходящей последовательности, стало дополнительным доводом в пользу гипотезы о существовании в этом регионе некоторой местной, относительно ранней письменной традиции [Кызласов И.Л. 1998: 68–72].

Своеобразное объяснение было предложено И.Л. Кызласовым для факта существования слоговых знаков и так называемых лигатур в графическом фонде памятников древнетюркской рунической письменности. Отсутствие каких-либо закономерностей в употреблении этих знаков, а также характерная для памятников некоторая непоследовательность в практике выписывания гласных были ис-

³ Это вопреки возражению Р.Г. Фахрутдинова («не получается ли некое синкретическое единение этноса и государства (его государства!)?») [Фахрутдинов 1997: 36], поскольку И.Л. Кызласов несколько раз подчеркивает, что эти государства носили полиэтнический характер, а алфавит следует отождествлять, прежде всего, с создавшим его этносом, «конкретным этническим коллективом», но находившимся в соответствующую эпоху во главе государства [Кызласов И.Л. 1994: 213–214, 238–239].

толкованы И.Л. Кызласовым как свидетельства изначально алфавитного характера системы письменности, которая легла в основу древнетюркского рунического письма [Кызласов И.Л. 1994: гл. III].

В 90-е гг. XX в. И.Л. Кызласов издает ряд статей, посвященных различным аспектам интерпретации памятников древнетюркской рунической письменности, как по материалам проделанных ранее исследований, так и в отношении новых вопросов, предлагая в ряде случаев новаторские интерпретации, в особенности, с точки зрения историко-культурных явлений.

На основе наблюдений за такой особенностью выполненных на бумаге текстов древнетюркским руническим письмом из Восточного Туркестана, как более регулярное графическое обозначение гласных, даже в тех позициях, где оно нехарактерно для эпиграфики (широких гласных в первом слоге, в том числе в начальном открытом, узких гласных в аффиксах), И.Л. Кызласов сформулировал гипотезу о непосредственном влиянии среднеперсидской манихейской системы письма на нормы орфографии памятников древнетюркской рунической письменности Южной Сибири [Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1994: 46–48; Кызласов И.Л. 1997: 175–176]. В конце концов, эти наблюдения за текстами из Восточного Туркестана на бумаге в сопоставлении с эпиграфикой Южной Сибири привели И.Л. Кызласова к соображениям историко-культурного характера не просто о формировании орфографических канонов древнетюркской рунической письменности Южной Сибири вследствие влияния манихейской религиозной пропаганды, но, более того, о существовании в регионе с конца VIII в. религиозных образовательных центров «при монастырях и храмах» [Кызласов И.Л. 1999: 107]. Эта мысль, подкрепляемая интерпретациями археологического материала Л.Р. Кызласовым, последовательно развивается в ряде других работ И.Л. Кызласова.

Как уже упоминалось, историко-культурные выводы и отдельные интерпретации И.Л. Кызласова, связанные общей последовательной логикой, во многом обусловлены влиянием подходов и взглядов Л.Р. Кызласова, безусловно, стадиалистских, сформировавшихся еще в рамках марксистской схемы. Это касается видения как культурных, так и социально-экономических и этнических процессов в истории, и в истории Южной Сибири в частности. Вместе с тем, методическая глубина изысканий И.Л. Кызласова и присущее ему внимание к деталям, вне всяких сомнений, способствовали развитию подходов к исследованию рунических памятников степной Евразии, прежде всего, комплексно, как продукта культуры. Сам И.Л. Кызласов в итоге счел возможным выделить тюркскую рунологию в самостоятельную исследовательскую дисциплину (ранее это понятие использовалось в научной литературе, но без концептуальной нагрузки), подчеркивая, что «тюркская рунология – это не филология». «Это особая отрасль науки, более всего принадлежащая эпиграфике, в меньшей степени – к археографии. У этой науки, которую точно следовало бы именовать *рунической эпиграфикой*, свой предмет изучения. И это не письменный язык, не словесный текст, а сама надпись, ее облик: от места и особенностей размещения до техники нанесения и формы знаков», – поясняет исследователь [Кызласов И.Л. 2005: 431].

Имя Игоря Леонидовича Кызласова, вне всяких сомнений, уже вписано в историю тюркологии. Как бы ни дискутировать с отдельными предлагаемыми им чтениями надписей, а, значит, и интерпретациями (см., напр.: [Кляшторный

2000]), И.Л. Кызласов совершенно заслуженно является одним из самых авторитетных специалистов в области изучения памятников древнетюркской рунической письменности. Отдельные высказанные им положения могут быть подвергнуты дискуссии в связи с накоплением материала⁴.

Эрудиция И.Л. Кызласова компенсирует изначальную недостаточность лингвистической подготовки. В частности, хорошим примером является обстоятельная и в целом вполне справедливая, хотя местами, быть может, завышено суровая, критика с его стороны подходов лингвистов к проблеме языка исторического сообщества, известного под названием *сюн-ну* 匈奴: соотносимая с ним скудная лексика известна по разновременным и не всегда однозначными контекстам китайских источников [Кызласов И.Л. 2008; Кызласов И.Л. 2011: 8–31]. Впрочем, попытки самого И.Л. Кызласова предложить решения для лингвистических вопросов существенно ограничены зависимостью от переводных работ. Справедливости ради нужно отметить, что подобные столкновения в дискуссиях представителей разных научных специальностей, оказывающихся не в силах добиться понимания друг друга⁵, отражает лишь общую беду отечественной гуманитарной науки, связанную с практикой подготовки узких специалистов, сложившейся в советское время и порвавшей тем самым с дореволюционной традицией, безусловно, обеспечивавшей исследователям более широкую и фундаментальную подготовку. Таким образом, сегодня совершенно не удивительно, что «формальный», с точки зрения обладания дипломом, историк часто не имеет филологической подготовки, лингвист не разбирается в историческом контексте, а археолог лишь в общих чертах знаком с письменными источниками и совершенно далек от языков.

В этом отношении И.Л. Кызласов является уникальной фигурой в отечественной науке, представляя собой тот редкий тип исследователя, который не ограничивается рамками собственной «официальной» специализации и стремится к максимальному охвату материала по изучаемой проблеме, воплощая это в силу своих возможностей.

⁴ В качестве примера можно упомянуть интерпретацию прочитанного в надписи Туба III (E 37), на каменном изваянии, слова *bičig* ‘письмо’ как монголизма, обусловившую вывод о поздней датировки надписи и последующие ответственные выводы о хронологии древнетюркского рунического письма енисейского ареала [Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1994: 38, 39–40]. Такая палатализация /č/ > /t/ перед узким гласным, видимо, собственно в тюркских языках достоверно фиксируется в форме слова *tegin* > *čegin*, которая встречена в одном из согдийских документов с горы Муг (B 8) в личном имени пенджикентского правителя *ck'un cwr bydk'*, т.е. *Čegin Čor Bilgä* (правил не позднее 693 г.) [Лурье 2005; Lurje 2010: 161].

⁵ Примером подобного случая является дискуссия, разгоревшаяся в 1992 г. на страницах журнала «Этнографическое обозрение», когда лингвистические доводы тюркологов и даже синологов не смогли убедить И.Л. Кызласова в ошибочности упорно отстаиваемого им вслед за Л.Р. Кызласовым мнения о передаче этнонима *хакас* посредством транскрипции *ся-ца-сы* 點夏斯 [Кызласов И.Л. 1992: 69–71], которая наряду с другими явно соответствует наименованию *qırqiz* памятников древнетюркской рунической письменности.

Соглашаться ли или не соглашаться с отдельными выводами И.Л. Кызласова, нужно признать, что желающим дискуссии оппонентам приходится сталкиваться с очень обстоятельной и последовательно выверенной аргументацией, имея в итоге возможность подвергать сомнению только теоретические и методологические основы его построений. Работы И.Л. Кызласова характеризует не только глубокое знание обсуждаемого материала и строгая методичность, но также точность в изложении собственной позиции, не оставляющая никакой недосказанности и двусмысленности, и им же присуще, что немаловажно, такое же внимание к позициям оппонентов, без каких-либо искажений и передедерживаний.

Едва ли можно подвергнуть сомнению утверждение, что И.Л. Кызласов сделал гораздо больше, чем кто-либо другой, для развития тюркской рунологии, не только сформировав методические критерии для изучения рунических памятников степной Евразии, но и, собственно, задав общую высокую исследовательскую планку. Будущие находки покажут, насколько можно скорректировать теоретические схемы И.Л. Кызласова, но никакой исследователь не сможет избежать того, чтобы в своих интерпретациях отталкиваться именно от них.

Тишин Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
e-mail: tihij-511@mail.ru

Литература

- Васильев 1983 – *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). – М.: Наука, 1983. – 146 с. {*D.D. Vasiliev. Graphic Fund of Monuments of the Turkic Runic Writing of the Asian Area (an Experience of Systematization).* – Moscow: Nauka, 1983. – 146 p.}
- Кляшторный 2000 – *Кляшторный С.Г.* Об одной новой находке енисейской руники // *Altaica: сб. ст. / редколл.: В.М. Алпатов (отв. ред.) и др.* – М.: ИВ РАН, 2000. – Вып. IV. – С. 39–42. {*S.G. Klyashtornyj (Klyashtornyi). On the one New Finding of the Yenisei Runics // Altaica: collection of articles / ed. by V.M. Alpatov et al.* – Moscow: IOS RAS, 2000. – Issue 4. – PP. 39–42.}
- Кормушин 1975 – *Кормушин И.В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии // *Советская тюркология.* – 1975. – № 2. – С. 25–48. {*I.V. Kormushin. Toward the Basic Concepts of the Turkic Runic Paleography // Soviet Turcology.* – 1975. – No. 2. – PP. 25–48.}
- Костякова 2021 – Кызласов Игорь Леонидович: биобиблиографический справочник / сост. *Л.В. Костякова.* – Абакан: Хакасское книжн. изд-во им. В.М. Торосова, 2021. – 76 с. {*Kyzlasov Igor Leonidovich: a Biobibliographic Guide / comp. by L.V. Kostyakova.* – Abakan: V.M. Torosov Khakass publishing house, 2021. – 76 p.}
- Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1976 – *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия) // *Советская тюркология.* – 1976. – № 1. – С. 58–65. {*L.R. Kyzlasov, I.L. Kyzlasov. Medieval Border Inscription from the Lower Uybat Valley (Khakassia) // Soviet Turcology.* – 1976. – No. 1. – PP. 58–65.}
- Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1994 – *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // *Российская археология.* – 1994. – № 1. – С. 33–50. {*L.R. Kyzlasov, I.L. Kyzlasov. A New Stage in the Development of the Yenisei Writing (late XIIIth – early XVth century) // Russian Archeology.* – 1994. – No. 1. – PP. 33–50.}
- Кызласов И.Л. 1977 – *Кызласов И.Л.* Средневековая эпитафия из Малиновки (Тува) // *Советская тюркология.* – 1977. – № 2. – С. 74–78. {*I.L. Kyzlasov. A Medieval Epitaph From Malinovka (Tuva/Tuva // Soviet Turcology.* – 1977. – No. 2. – PP. 74–78.}

- Кызласов И.Л. 1979а – *Кызласов И.Л.* Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // Советская археология. – 1979. – № 3. – С. 280–290. {*I.L. Kyzlasov.* New Evidence of the Uighur-Khakass Wars in the IXth century // *Soviet Archeology.* – 1979. – No. 3. – PP. 280–290.}
- Кызласов И.Л. 1979б – *Кызласов И.Л.* Тугутупская стела с древнехакасской эпитафией // Советская тюркология. – 1979. – № 5. – С. 90–96. {*I.L. Kyzlasov.* Tugutüp Stele with an Ancient Khakass Epitaph // *Soviet Turcology.* – 1979. – No. 5. – PP. 90–96.}
- Кызласов И.Л. 1981а – *Кызласов И.Л.* Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья / отв. ред. тома С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1981. – С. 200–207. {*I.L. Kyzlasov.* Askiz Culture (Medieval Khakass, Xth–XIVth centuries) // *Steppes of Eurasia in the Middle Ages* / ed. by S.A. Pletneva. – Moscow: Nauka, 1981. – PP. 200–207.}
- Кызласов И.Л. 1981б – *Кызласов И.Л.* Новые материалы по енисейской рунической письменности // Советская тюркология. – 1981. – № 4. – С. 86–96. {*I.L. Kyzlasov.* New Materials on the Yenisei Runic Writing // *Soviet Turcology.* – 1981. – No. 4. – PP. 86–96.}
- Кызласов И.Л. 1983 – *Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с. – (Свод археологических источников. – Вып. Е3-18). {*I.L. Kyzlasov.* Askiz Culture in South Siberia. Xth–XIVth centuries. – Moscow: Nauka, 1983. – 128 p. – (Code of archaeological sources. – Issue E3-18).}
- Кызласов И.Л. 1984 – *Кызласов И.Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями (к вопросу о денежном обращении в Древнехакасском государстве) // Нумизматика и эпиграфика. – М.: Наука, 1984. – Т. XIV. – С. 84–99. {*I.L. Kyzlasov.* Coins with Yenisei Inscriptions in Turkic Language (on the Problem of Money Circulation in the Ancient Khakass State) // *Numismatics and epigraphy.* – Moscow: Nauka, 1984. – Vol. 14. – PP. 84–99.}
- Кызласов И.Л. 1985 – *Кызласов И.Л.* Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун оба // Советская тюркология. – 1985. – № 1. – С. 51–63. {*I.L. Kyzlasov.* Ancient Khakass Inscriptions on the Slabs of the Uzun Oba Burial Mound // *Soviet Turcology.* – 1985. – No. 1. – PP. 51–63.}
- Кызласов И.Л. 1988 – *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая / отв. ред. А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы, 1988. – С. 108–140. {*I.L. Kyzlasov.* New Runic Writing of Southern Siberia // *Archeology of Gorny Altai* / ed. by A.S. Surazakov. – Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Scientific Research Institute of History, Language and Literature, 1988. – PP. 108–140.}
- Кызласов И.Л. 1990 – *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии (опыт палеографического анализа). – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – 179 с. {*I.L. Kyzlasov.* Old Turkic Runic Writing of Eurasia (an Experience of Paleographic Analysis). – Moscow: Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the USSR, 1990. – 179 p.}
- Кызласов И.Л. 1991 – *Кызласов И.Л.* Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов // Советская археология. – 1991. – № 4. – С. 62–85. {*I.L. Kyzlasov.* Paleographic Research of Asian Runic Alphabets // *Soviet Archeology.* – 1991. – No. 4. – PP. 62–85.}
- Кызласов И.Л. 1992 – *Кызласов И.Л.* Об этнонимах хакас и татар и слове *хоорай* (ответ оппонентам) // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 2. – С. 69–76. {*I.L. Kyzlasov.* About Ethnonyms *Khakas* and *Tatar* and the Word *Khoorai* (Answer to Opponents) // *Ethnographic review.* – 1992. – No. 2. – PP. 69–76.}
- Кызласов И.Л. 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Вост. лит-ра, 1994. – 327 с. {*I.L. Kyzlasov.* Runic Scripts of Eurasian Steppes. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. – 327 p.}
- Кызласов И.Л. 1997 – *Кызласов И.Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии (отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – 1997. – T. L. Fasc. 1–3. – PP. 163–184. {*I.L. Kyzlasov.* Varieties of the Old Turkic Runic Orthography (Reflection of the Manichaean Written Culture in the Yenisei and Orkhon Script Monuments) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – 1997. – T. L. Fasc. 1–3. – PP. 163–184.}
- Кызласов И.Л. 1998 – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. – 1998. – № 2. – С. 68–84. {*I.L. Kyzlasov.* Materials for the Early History of the Turks. III. The Oldest Evidence on Writing // *Russian Archeology.* – 1998. – No. 2. – PP. 68–84.}

- Кызласов И.Л. 1999 – *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М.: ИСАА при МГУ, 1999. – Вып. 4: Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию со дня рождения / отв. ред. Ю.В. Щека. – С. 85–111. {*I.L. Kyzlasov. Orthographic Features of Manichean Runic Inscriptions // Issues of Turkic Philology. – Moscow: IAAS at Moscow State University, 1999. – Vol. 4: Materials of the Dmitriev Readings for the 100th Anniversary of His Birth / ed. by Yu.V. Shcheka. – PP. 85–111.*}
- Кызласов И.Л. 2005 – *Кызласов И.Л.* Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук Е.А. Давидович и действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук Б.А. Литвинова (Москва, 3–5 апреля 2003 г.) / отв. ред. Е.А. Антонов, Т.К. Мкртычев. – М.: Вост. лит-ра РАН, 2005. – С. 427–449. {*I.L. Kyzlasov. Peculiarities of the Turkic Runology // Central Asia: Sources, History, Culture. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Historical Sciences E.A. Davidovich and a Full Member of the Academy of Sciences of Tajikistan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Historical Sciences B.A. Litvinov (Moscow, April 3–5, 2003) / ed. by E.A. Antonov, T.K. Mkrtychev. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. – PP. 427–449.*}
- Кызласов И.Л. 2008 – *Кызласов И.Л.* Новые поиски в алтаистике. I. Разработки лингвистов-тюркологов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Вып. 7 / под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – С. 88–101. {*I.L. Kyzlasov. New Searches in Altaistics. I. Developments in Works of Linguists on Turcology // A Study of the Historical and Cultural Heritage of the Southern Siberia Peoples. – Vol. 7 / ed. by V.I. Soyonov, V.P. Oynoshev. – Gorno-Altaysk: AKIN, 2008. – PP. 88–101.*}
- Кызласов И.Л. 2011 – *Кызласов И.Л.* Алтаистика и археология. – М.: Институт тюркологии, 2011. – 256 с. {*I.L. Kyzlasov. Altaistics and Archeology. – Moscow: Institute of Turkic Studies Publ., 2011. – 256 p.*}
- Кызласов И.Л. 2021 – Игорь Кызласов: «Знали бы вы, какое удовольствие – копать...» [интервью] // Хакасия. Республиканское интернет-издание. 13:02 11.10.2021. – URL: <https://gazeta19.ru/index.php/v-khakasii/item/66647-igor-kyzlasov-znali-by-vy-kakoe-udovolstvie-kopat> (дата обращения: 20.11.2021). {Igor Kyzlasov: «If you only knew, what a pleasure it is to excavate...» [interview] // Khakassia. Republican Online Media Outlet. 13:02 11.10.2021. – URL: <https://gazeta19.ru/index.php/v-khakasii/item/66647-igor-kyzlasov-znali-by-vy-kakoe-udovolstvie-kopat> (access date: 20.11.2021).}
- Лурье 2005 – *Лурье П.Б.* Счастливый правитель, царь Пенджикента Чегин Чур Билгä // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: мат-лы междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г.) / отв. ред. В.П. Никоноров. – СПб.: ИИМК РАН, 2005. – С. 127–131. {*P.B. Lurje. Happy Ruler, the King of Penjikent Chegin Chur Bilgä // Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: Archaeology, History, Ethnology, Culture: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the Centenary of Aleksandr Markovich Belenitsky (St. Petersburg, November 2–5, 2004) / ed. by V.P. Nikonorov. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture of RAS, 2005. – PP. 127–131.*}
- Фахрутдинов 1997 – *Фахрутдинов Р.* Кочевой мир Средневековой Евразии (обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.) // Татарская археология. – 1997. – № 2 (3). Кочевой мир Средневековой Европы. – С. 25–46. {*R.[G]. Fakhrutdinov. The Nomadic World of Medieval Eurasia (a Review of Archaeological and Historical Literature of the Second Half of the XXth century) // Tatar Archeology. – 1997. – No. 2 (3). The Nomadic World of Medieval Europe. – PP. 25–46.*}
- Щербак 2001 – *Щербак А.М.* Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. – СПб.: Наука, 2001. – 152 с. {*A.M. Shcherbak. Turkic Runic. The Origin of the Ancient Writing of the Turks, the Areal of its Distribution and Peculiarities of Use. – St. Petersburg: Nauka, 2001. – 152 p.*}
- Lurje 2010 – *Lurje P.B.* Personal Names in Sogdian Texts (Iranisches Personennamenbuch. Bd. II.: Mit-teliranische Personennamen. Fasz. 8). – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissen-

schaften, 2010. – 527 p. – (Philosophisch-Historische Klasse. – 808. Bd; Iranische Onomastik. – Nr. 8).

Tryjarski 1997 – *Tryjarski E.* The Unity or Multiplicity of Runic Scripts: an Account of the Attempt to Isolate a South Yenisei Alphabet // *Studia Uralo-Altaica*. – 1997. – Vol. 39. – PP. 365–374.

**IGOR LEONIDOVICH KYZLASOV AND TURKIC RUNOLOGY
(TO THE 70TH ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST)**

Vladimir Vladimirovich Tishin – Ph.D. in history, research fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), e-mail: tihj-511@mail.ru.

ВКЛАД Ф.А. НАДРШИНОЙ В БАШКИРСКУЮ ФОЛЬКЛОРИСТИКУ

В настоящее время фольклористическая наука Республики Башкортостан может гордиться значительными достижениями по всем своим направлениям: сбору, изданию и исследованию богатейшего духовного наследия народа.

С середины 60-х гг. XX в. дело известных ученых А.Н. Киреева и А.И. Харисова продолжило молодое поколение талантливых фольклористов. Среди них выделяется имя доктора филологических наук, почетного академика Академии наук Республики Башкортостан Ф.А. Надршиной, которая и сегодня остается в трудовом строю, продолжая традиции золотой плеяды ученых того времени, и в этом году празднует свой славный юбилей.

Фануза Аитбаевна Надршина родилась 7 февраля 1936 г. в д. Старомурадымово Аургазинского района Башкирской АССР (ныне одноименного района Республики Башкортостан) в семье сельских тружеников. В 1955 г. она начала трудовую деятельность заведующим отделом Аургазинского районного комитета ВЛКСМ. После окончания в 1959 г. Стерлитамакского государственного педагогического института (ныне Стерлитамакский филиал БашГУ) работала учителем

русского языка и литературы, затем директором Мурадымовской неполной средней школы в родном районе.

В 1959 г. Фануза Аитбаевна поступила в аспирантуру по специальности «фольклористика» и навсегда связала свою судьбу с Институтом истории, языка и литературы БФАН СССР (ныне Уфимского федерального исследовательского центра РАН). Успешно защитила кандидатскую («Афористические жанры башкирского фольклора: пословицы, поговорки, загадки», Уфа, 1971) и докторскую диссертации («Башкирская народная несказочная проза», Уфа, 1998). С 1973 г. – старший научный сотрудник, с 1999 г. – ведущий научный сотрудник, а с 2005 г. является главным научным сотрудником института. Научная деятельность Ф.А. Надршиной связана с изучением и разработкой теории жанров башкирского фольклора. За 62 года своей научной деятельности она одинаково успешно работала по разным направлениям филологической науки: Фануза Аитбаевна – автор более 300 научных работ, в том числе свыше 40 книг.

В своей первой монографии «Халык һүзе» («Слово народное», Уфа, 1983) исследователь раскрыла жанровую природу, рассмотрела исторические корни и поэтику пословиц и загадок. Большой научный интерес вызвала и следующая ее монография «Халык хәтере» («Память народная», Уфа, 1986), посвященная изучению несказочной прозы башкир, где исследуются такие жанры как предания, песни-предания, хурафати хикая (былички) и устные рассказы. Особое внимание в монографии уделяется мифам-легендам, отражающим осколки древних верований башкир, и историческим легендам о важных событиях в истории народа. Изданные друг за другом, эти монографии и сегодня остаются единственными монографическими исследованиями по афористическим жанрам и несказочной прозе в башкирской филологической науке. Фануза Аитбаевна впервые исследовала паремические жанры и несказочную прозу в историко-типологическом плане, введя в научный оборот материалы мирового фольклора.

Собирательскую работу она начала уже в аспирантские годы. Ее первая экспедиция под руководством А.Н. Киреева состоялась в Оренбургскую область в 1960 г. Далее были экспедиции в Челябинскую, Свердловскую, Курганскую области и Пермский край, районы Республики Башкортостан и в качестве рядового собирателя, и в качестве руководителя экспедиций. Фануза Аитбаевна фиксировала образцы башкирского устно-поэтического творчества и во время индивидуальных выездов, как служебных, так и личных. Материалы, записанные ей во время экспедиций и командировок, большей частью включены в тома научного свода «Башкирское народное творчество». Некоторые изданы и отдельными книгами на башкирском языке.

Многие годы своей жизни Ф.А. Надршина посвятила подготовке к изданию книг многотомного научного свода «Башкирское народное творчество» на башкирском (в 18 и 36 томах) и на русском (в 12 томах) языках, став опытным текстологом по башкирскому фольклору. Каждый том оснащен основательной вступительной статьей, в которой дается полная информация о жанре, начиная с историографии, генезиса, классификации, заканчивая характеристикой поэтических особенностей. Ряд солидных изданий из образцов устного народного творчества башкир появились в результате ее огромного скрупулезного труда. В частности, хотелось бы выделить одну из недавно вышедших ее книг «Башкирские

исторические предания и легенды» (2015), которая содержит историко-генеалогические, собственно-исторические предания, предания-легенды, рассказы-воспоминания (в русской фольклористике – устные рассказы) и истории деревень – ауыл тарихтары (всего 589 единиц). В этом издании научная подача материала осуществлена с учетом новых методологических исследований автора, а также отечественных и зарубежных ученых. Так, в понятие «Исторические предания», определяемые как предания о реальных событиях общественного значения и исторических лицах, автором вкладывается более широкий смысл, включая в него и этногенетические предания с их разновидностями, а также истории о происхождении селений.

Значительный вклад внесла Фануза Аитбаевна в разработку таких коллективных тем института, как «История башкирской советской литературы» (перевод текстов на русский язык), «История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в.» (1996), энциклопедия «Салават Юлаев» (2004), «История башкирского народа» в семи томах (т. 1, 2009; т. 3, 2011); участвовала в подготовке словарей (1973, 2002, 2008).

Конец XX и первое десятилетие XXI вв. в истории башкирской фольклористики стали новым этапом, характеризующимся переводом и изданием произведений башкирского фольклора на иностранных языках. Зачинателем этого приоритетного научного направления является Фануза Аитбаевна Надршина, которая провела кропотливую работу по отбору и научной публикации образцов разных жанров (афористических, несказочной прозы, эпоса, песен и др.) башкирского фольклора на трех (башкирском, русском и английском) языках. Перевод и издание памятников народного творчества обеспечило выход башкирского фольклора на российскую и международную научные сферы.

Первый трехязычный сборник, посвященный башкирским народным песням «Халкым йыры» («Песни моего народа»), был издан в 1995 г. (науч. ред., сост., авт. вступ. ст., коммент. Ф.А. Надршина, сост. муз.-видовой части Ф.А. Кильдиярова). В 1997 г. увидел свет еще один трехязычный сборник «Башкорт халык йырлары, йыр-риуэйәттәре» («Башкирские народные песни, песни-предания»), содержащий 75 избранных песен мифологического, исторического, социально-бытового и лирического характера. Классификация песен по типу мелодики и ритмико-мелодической структуре отражена в специальном указателе. В книге даются сведения об авторах нотации, переводчиках, приводится список источников. Завершает книгу «Приложение», целесообразность которого автор аргументирует следующим образом: «Учитывая широкий ареал распространения латинского алфавита в мире, куплеты песен, помещенных под нотами, мы решили дать на латинском письме, которое являлось официальным письмом башкир в 1928–1939 гг. Специфические звуки башкирского языка даны в английской транскрипции. Это в какой-то степени поможет иноязычному читателю воспроизвести башкирскую народную песню на языке оригинала» [Башкорт халык йырлары 1997].

Вслед за этими книгами увидели свет еще такие трехязычные издания, как «Башкирские народные предания, легенды» (2001), «Башкирско-англо-русский словарь адекватных пословиц и поговорок» (2002), «Урал-батыр» (2003, 2005), «Салават Юлаев в башкирском фольклоре» в 2-х томах (2008), «Башкирские народные эпические сказания» (2010). В 2019 г. была издана очередная трехязыч-

ная книга, подготовленная Ф.А. Надршиной и Э.М. Созиновой, «Сокровища Седого Урала», в которую включены башкирские народные предания и легенды, отрывки из эпических произведений «Урал-батыр», «Заятуляк и Хыухылу», объясняющие происхождение гор, рек и озер, песни, прославляющие их красоту и величие, отражающие священность родной земли, неразрывную связь человека и природы. В 2020 г. эта книга стала лауреатом конкурса «Лучшее региональное издание» на Московской международной книжной ярмарке.

В 2020 г., в преддверии своего славного юбилея, Ф.А. Надршина порадовала общественность республики очередной замечательной книгой, подготовленной совместно с Э.М. Созиновой «Тел гәүһәрзәр» («Жемчужины языка») на пяти (башкирском, русском, английском, немецком и французском) языках. Книга состоит из двух разделов: первый содержит свыше 400 пословиц и поговорок башкирского народа в оригинале, а также в переводе их на русский, английский, немецкий и французский языки, второй – башкирские паремии и их эквиваленты на русском, английском, немецком и французском языках.

Ф.А. Надршина является и одним из самых активных авторов энциклопедии «Салават Юлаев» (2004). По теме исследования ею изучено огромное количество архивных источников и написано более 100 статей с привлечением большого объема новых материалов. Она и в настоящее время является членом редакционной коллегии и продолжает сотрудничать с «Башкирской энциклопедией». В 2020 г. была издана энциклопедия «Фольклор народов Башкортостана», которая является первым опытом представления устного народного творчества и науки о нем народов, проживающих на территории Республики Башкортостан, где Ф.А. Надршина выступила главным научным редактором.

Ф.А. Надршина также активно пропагандирует фольклор и достижения башкирской фольклористической науки. На трибунах конференций и симпозиумов

разных уровней она выступала с интересными докладами по самым актуальным проблемам фольклора: Эдинбург, Москва, Бишкек, Алма-Ата, Сыктывкар и др. Стоит отметить также выступления Ф.А. Надршиной в периодической печати, на радио и телевидении.

Отдельного внимания заслуживает ее деятельность, связанная с авторской подготовкой и проведением серии передач «История песен – история народа», которые в течение долгих лет транслировались по башкирскому телевидению, а также документальных фильмов «По следам духовных сокровищ», «Душа его мелодией полна» (о кураисте, певце и импровизаторе К. Диярове), снятых Башкирским ТВ. За активное участие в организации телевизионных передач Ф.А. Надршина награждена Почетной грамотой Гостелерадио БАССР (1987).

Ф.А. Надршина является членом Научного совета Отделения социально-гуманитарных наук по фольклористике, редколлегии НИК «Башкирская энциклопедия», редакционной коллегии научного журнала «Проблемы востоковедения» (издание ВАК), многотомных сводов «Башкорт халык ижады» (в 36 томах) и «Башкирское народное творчество» (в 12 томах). Она – постоянный член редколлегии сборников материалов научных и научно-практических конференций, проводимых в ИИЯЛ УФИЦ РАН.

За большой вклад в создание свода «Башкирское народное творчество» в 18 томах Ф.А. Надршиной присуждена Государственная премия Башкирской АССР имени Салавата Юлаева (1987), ее многолетняя плодотворная научная деятельность отмечена почетным званием «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан» (2000), она награждена орденом Салавата Юлаева (2007), Почетной грамотой РБ (1996). За высокий профессионализм и большой вклад в развитие науки и культуры Республики Башкортостан, за разработку приоритетных направлений науки Ф.А. Надршина награждена многочисленными Почетными грамотами и благодарственными письмами. В 2017 г. Ф.А. Надршина избрана Почетным академиком Академии наук Республики Башкортостан.

В настоящее время Ф.А. Надршина с присущим ей усердием и трудолюбием продолжает свою многогранную научную деятельность, привнося огромный вклад в развитие башкирской фольклористики, являя собой достойный образец верности своей цели и жизненному предназначению.

Многочисленные коллеги и ученики поздравляют Фанузу Аитбаевну Надршину со славным юбилеем и желают ей крепкого здоровья, многих лет творческой активности и благополучия!

Хусаинова Гульнур Равиловна

*доктор филологических наук, заведующий отделом фольклористики
Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
e-mail: bashfolk@yandex.ru*

Хакимьянова Айгуль Мужавиловна

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики
Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
e-mail: aihakim@bk.ru*

Библиография основных трудов Ф.А. Надршиной
Bibliography of F.A. Nadrshina's main works

На башкирском, русском и английском, а также немецком и французском языках:
In Bashkir, Russian and English (also in German and French):

- Халкым йыры = Песни моего народа = Songs of my folk / Сост. Музыкально-литературно-видового сб. – Ф.А. Кильдиярова; научн. ред., сост. литературной части, авт. вступ. ст., коммент. и классификации – Ф.А. Надршина; муз. ред. – Ф.А. Фаизова. – Уфа: Песня, 1995. – 183 с. {Songs of My Folk / Comp. of the musical, literary and special compendium by F.A. Kildiyarova; scientific edition, compilation of the literary part, the Introductory Article, commentaries and classifications by F.A. Nadrshina; Musical Editorship by F.A. Fayizova. – Ufa: Pesnya, 1995. – 183 p.}
- Башкорт халык йырлары, йыр-риүэйәттәре = Башкирские народные песни, песни-предания = Bashkort Folk Songs, Songs-Legends / Автор-составитель Ф.А. Надршина. – Уфа: Китап, 1997. – 288 с. {Bashkort Folk Song, Songs-Legends / Ed. by F.A. Nadrshina. – Ufa: Kitap, 1997. – 288 p.}
- Башкорт халык легендалары һәм риүэйәттәре = Башкирские народные предания и легенды = Bashkort Folk Legends / Автор-составитель Ф.А. Надршина. – Уфа: Китап, 2001. – 468 с. {Bashkort Folk Legends / Ed. by F.A. Nadrshina. – Ufa: Kitap, 2001. – 468 p.}
- Башкирско-англо-русский словарь адекватных пословиц и поговорок / Автор-составитель Ф.А. Надршина, Э.М. Зубайрова [Созинова]. – Уфа: Китап, 2002. – 160 с. {The Bashkir-English-Russian Dictionary of Respective Proverbs and Sayings / Ed. by F.A. Nadrshina, E.M. Zubayirova [Sozinova]. – Ufa: Kitap, 2002. – 160 p.}
- Урал батыр. Башкорт халык кобайыры = Урал-батыр. Башкирский народный эпос = Ural-batur. Bashkort Folk Epic / Проект, вступ. ст., подготовка текстов – Ф.А. Надршина. – Уфа: Информреклама, 2003. – 465 с. – 16 с. ил. {Ural-batur(batyr). The Bashkir Folk Epis / Project, introductory article, preparation of the texts by F.A. Nadrshina. – Ufa: Informreklama, 2003. – 465 p. – Illustrations: 16 p.}
- Салауат башкорт фольклорында: 2 томда. 1-се т.: Легендалар һәм риүэйәттәр = Салават в башкирском фольклоре: в 2 т. Т. 1: Предания и легенды = Salavat in the Bashkir Folklore: In 2 vol. Volume One: Legends / Проект, сост., науч. Ред., вступ. ст. и коммент. – Ф.А. Надршина. – Уфа: Информреклама, 2008. – 536 с. {Salavat in the Bashkir Folklore: In 2 vol. Volume One: Legends / Project, compilation, scientific edition, introductory article, and commentaries by F.A. Nadrshina. – Ufa: Informreklama, 2008. – 536 p.}
- Салауат башкорт фольклорында: 2 томда. 2-се т.: Эпос, йыр һәм бәйеттәр = Салават в башкирском фольклоре: в 2 т. Т. 2: Эпос, песни и байты = Salavat in the Bashkir Folklore: In 2 vol. Volume Two: Epic, Songs and Baits / Проект, сост., науч. Ред., вступ. ст. и коммент. – Ф.А. Надршина. – Уфа: Информреклама, 2008 – 312 с. {Salavat in the Bashkir Folklore: In 2 vol. Volume Two: Epic, Songs and Baits / Project, compilation, scientific edition, introductory article, and commentaries by F.A. Nadrshina. – Ufa: Informreklama, 2008. – 312 p.}
- Башкорт халык кобайыр-иртәктәре = Башкирские народные эпические сказания = Bashkort Folk Epic Stories / Автор-составитель Ф.А. Надршина. – Уфа: Китап, 2010. – 280 с. {Bashkir Folk Epic Stories / Ed. by F.A. Nadrshina. – Ufa: Kitap, 2010. – 280 p.}
- Сал Урал хазиначлары = Сокровища седого Урала = The Treasures of the Ancient Urals / Автор-составитель Ф.А. Надршина, Э.М. Созинова. – Уфа: Китап, 2019. – 264 с. {The Treasures of the Ancient Urals / Ed. by F.A. Nadrshina, E.M. Sozinova. – Ufa: Kitap, 2019. – 264 p.}
- Тел гәүһәрҙәре=Жемчужины языка = Pearls of the language = Die Perlen der Sprach = Les perles de la langue. Башкорт, рус, англиз, немец, француз телдәрәндә башкорт халык мәкәл һәм әйтемдәре / [Төз. Ф.А. Нәзершина, Э.М. Созинова; башкортсанан тәрж. Ф.А. Нәзершина, Э.М. Созинова, Ф.Ф. Шафиқов, З.Ә. Рәхимова, Н.Н. Әхтәмова, Э.М. Нухова, Ф.С. Кудряшева, Р.К. Гарипов, Л.М. Токомбәтова]. – Өфө/Уфа: Китап, 2020. – 216 б./с. {Pearls of the Language. Bashkir Folk Proverbs and Sayings in the Bashkir, Russian, English, German, and French languages / Ed. by F.A. Nāzeršina (Nadrshina), E.M. Sozinova; transl. from Bashkir by F.A. Nāzeršina (Nadrshina), E.M. Sozinova, G.G. Şafiqov, Z.Ä. Rāximova, N.N. Äxtāмова, E.M. Nuxova, F.S. Kudryaşeva, R.Q. Garipov, L.M. Toqombätova. – Ufa: Kitap, 2020. – 216 p.}

На русском языке:**In Russian:**

- Башкирское народное творчество. Предания и легенды / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *Ф.А. Надршина*. – Уфа: Китап, 1987. – 576 с. {The Bashkir Folklore. Lores and Legends / Edition, Introductory Article, and Commentaries by *F.A. Nadrshina*. – Ufa: Kitap, 1987. – 576 p.}
- Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *Ф.А. Надршина*. – Уфа: Китап, 1993. – 464 с. {The Bashkir Folklore. Proverbs and Sayings / Edition, Introductory Article, and Commentaries by *F.A. Nadrshina*. – Ufa: Kitap, 1993. – 464 p.}
- Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов. – Уфа: Китап, 2008. – 196 с. {The Russian-Bashkir Dictionary of Equivalent Proverbs. – Ufa: Kitap, 2008. – 196 p.}
- Салават Юлаев. Энциклопедия // Гл. ред. *И.Г. Илишев*; сост. *И.М. Гвоздикова*. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2004. – 479 с. [102 статьи *Ф.А. Надршиной*]. – Соавторы: *Галина Г.С., Гвоздикова И.М., Идельбаев М.Х., Овчинников Р.В., Саитов С.С., Сидоров В.В., Сорочкина В.М.* {Salavat Yulayev. Encyclopaedia // Executive Editor *I.G. Ilishev*; comp. by *I.M. Gvozdikova*. – Ufa: The Bashkir Encyclopaedia, 2004. – 479 p. [102 articles written by *F.A. Nadrshina*]. – Co-authors: *G.S. Galina, I.M. Gvozdikova, M.Kh. Idel'bayev, R.V. Ovchinnikov, S.S. Sayitov, V.V. Sidorov, V.M. Sorokina*.}
- Фольклор народов Башкортостана. Энциклопедия / Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан. «Башкирская энциклопедия»; научная редакционная коллегия: *Ф.А. Надршина* (главный редактор), *У.Г. Сайтов* (ответственный редактор) [и др]; перевод на английский язык: ООО «Центр межкультурного сотрудничества». – Уфа: «Башкирская энциклопедия, 2020. – 664 с., с ил. {Folklore of the Peoples of Bashkortostan. Encyclopaedia / The Autonomous State Institution of Science of the Republic of Bashkortostan. «The Bashkir Encyclopaedia»; scientific editorial board: *F.A. Nadrshina* (the Executive Editor), *U.G. Sayitov* (the Responsible Editor) [*et al.*]; translation into English: LLC «Centre of the Intercultural Partnership». – Ufa: «The Bashkir Encyclopaedia», 2020. – 664 p., illustrated.}

На башкирском языке:**In Bashkir:**

- Нәзершина Ф.А.* Халык һүзе. – Өфө: Башк. китап нәшр., 1983. – 160 б. {*F.A. Näzeršina*. The Folk Word. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1983. – 160 p.}
- Нәзершина Ф.А.* Халык хәтере. – Өфө: Башк. китап нәшр., 1986. – 192 б. {*F.A. Näzeršina*. The Folk Memory. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1986. – 192 p.}
- Нәзершина Ф.А.* Халык хәтере (Башкорт халык риүәйәт, легендаларының тарихи ерлеге, жанр үзенсәлектәре) / Тулыландырылган икенсе басма. – Өфө: Филем, 2006. – 320 б. {*F.A. Näzeršina*. The Folk Memory (Bashkir National Lores, Historic Basis of the Legends, Genre Peculiarities). – The 2nd Edition, expanded, – Ufa: Ghilem, 2006. – 320 p.}
- Башкорт халык ижады. Йомактар / Төз., инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы *Ф.А. Нәзершина*. – Өфө, 1979. – 352 б. {The Bashkir Folk Art. The Riddles / Edition, introductory article and commentaries by *F.A. Näzeršina*. – Ufa, 1979. – 352 p.}
- Башкорт халык ижады. Йомактар / Төз., инеш мәкәлә, аңлатмалар авторы *Ф.А. Нәзершина*. – 9-сы том. – Өфө, 2007. – 416 б. {The Bashkir Folk Art. The Riddles / Edition, introductory article and commentaries by *F.A. Näzeršina*. – Vol. 9. – Ufa, 2007. – 416 p.}
- Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр / Төз., инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы *Ф.А. Нәзершина*. – Өфө, 1980. – 472 б. {The Bashkir Folk Art. Proverbs and Sayings / Edition, introductory article and commentaries by *F.A. Näzeršina*. – Ufa, 1980. – 472 p.}
- Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр. Беренсе китап / Төз., инеш мәкәлә, аңлатмалар авторы *Ф.А. Нәзершина*. – 10-сы том. – Өфө, 2006. – 544 б. {The Bashkir Folk Art. The Proverbs. The 1st Book / Edition, introductory article and commentaries by *F.A. Näzeršina*. – Vol. 10. – Ufa, 2006. – 544 p.}
- Башкорт халык ижады. Легендалар һәм риүәйәттәр / Төз., инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы *Ф.А. Нәзершина*. – Өфө, 1980. – 416 б. {The Bashkir Folk Art. Legends and Lores / Edition, introductory article and commentaries by *F.A. Näzeršina*. – Ufa, 1980. – 416 p.}

- Башкорт халык ижады. Легендалар һәм риүәйәттәр / Төз., инеш мәкәлә, аңлатмалар авторы *Ф.А. Нәзершина*. – 2-се том. – Өфө, 1997. – 440 б. {The Bashkir Folk Art. Legends and Loeres / Edition, introductory article and commentaries by *F.A. Nāzeršina*. – Vol. 2. – Ufa, 1997. – 440 p.}
- Башкорт халык ижады. X том. Икенсе китап: мәкәлдәр һәм әйтемдәр / Төз. *Ф.А. Нәзершина, Э.М. Созинова*. – Өфө: Китап, 2019. – 440 б. {The Bashkir Folk Art. Volume 10. The 2nd Book: Proverbs and Sayings / Ed. by *F.A. Nāzeršina, E.M. Sozinova*. – Ufa: Kitap, 2019. – 440 p.}
- Башкортса-русса фразеологик һүзлек / *Ф.А. Нәзершина, З.Г. Урақсин, Х.Г. Йосонов*. – Өфө: Башк. Китап нәшр., 1973. – 168 б. {The Bashkir-Russian Phraseological Dictionary / *F.A. Nāzeršina, Z.G. Uraqsin, X.G. Yosopov*. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1973. – 168 p.}
- Руһи хазиначлар (Асылыкүл, Дим, Өршәк буйы башкорттарының фольклоры). [Тикшеренеүзәр һәм материалдар]. – Өфө, 1992. – 78 б. {The Treasures of Spirit (Folklore of Bashkrs from the Banks and Valleys of Aslikul'/Asılıkül, Dyoma/Dim, and Urshak/Örşäk). [Research and Data]. – Ufa, 1992. – 78 p.}
- Башкорт халык көйзәрә, йырлы-бейеүле уйындар / Төз., махсус ред., инеш мәкәлә һәм аңл. авт. *Ф.А. Надршина*. – Өфө, 1996. – 77 б. {Bashkir Folk Melodies, Vocal and Dance Plays / Compilation, special scientific edition, introductory article and commentaries by *F.A. Nadrshina*. – Ufa, 1996. – 77 p.}

F.A. Nadrshina's contribution to the Bashkir folklore studies

Gulnur Ravilovna Khusayinova – Ph.D. in philology, head of Folkloristic Department Order Badge of Honour Institute for History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, e-mail: bashfolk@yandex.ru.

Aygul Muzhavirovna Khakimyanova – Ph.D. in philology, senior researcher of Folkloristic Department Order Badge of Honour Institute for History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, e-mail: aihakim@bk.ru.

**РИФ САФИНОВИЧ СУЛЕЙМАНОВ
(К 85-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)**

О роли и значении фольклора в жизнедеятельности человека и общества много сказано и написано. Фольклорные материалы наряду с данными археологии, антропологии, этнографии и лингвистики служили и служат ценнейшими источниками исследований по этногенезу и истории как башкир, так и других народов. Собираание и изучение фольклорных произведений – трудный и долговременный процесс, требующий кропотливой, напряженной умственной и физической работы. В это благородное и почетное дело весомый вклад внесли ученые Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Среди них особое место занимает фигура одного из крупных специалистов в области башкирского музыкального фольклора, доктора искусствоведения, Заслуженного работника культуры Российской Федерации Рифа Сафиновича Сулейманова.

Риф Сафинович Сулейманов родился 9 июня 1936 г. в с. Лагерево Салаватского района Республики Башкортостан. Любовь к народным песням он перенял у своего старшего брата Галикари, который с малых лет любил петь народные песни «Азамат», «Кулуй кантон», «Буранбай». Когда-то в далекое послевоенное время Галикари выиграл деньги при помощи лотерейного билета и подарил сво-

ему братишке Рифу тальянку, с чего и началось развитие его музыкальных способностей. «В те трудные времена это был самый большой подарок для меня», – вспоминает Риф Сафинович. Эта тальянка, а позднее и баян, купленный на первую зарплату на заводе, стали впоследствии незаменимыми спутниками в жизни Рифа Сулейманова.

Стремление к музыке, к народным песням привело его в музыкально-педагогическое училище № 2 г. Уфа, где он научился не только играть на разных музыкальных инструментах, но и нотировать музыкальные произведения. После окончания училища Риф Сафинович работал учителем музыки в школе-интернате села Малояз Салаватского района, затем в школе-интернате № 1 г. Уфа (ныне Республиканская гимназия имени Рами Гарипова).

Способного, одаренного молодого учителя заметили в Союзе композиторов и направили на учебу в музыкально-педагогический факультет Казанского государственного педагогического института (1963–1968). За пять лет учебы он освоил основы музыковедения, дирижирования и монтажа народных мелодий.

С 1970 г. Риф Сафинович связывает свою судьбу с Институтом истории, языка и литературы БФАН СССР (ныне Уфимского федерального исследовательского центра РАН). В 1973–1976 гг. обучается в очной аспирантуре. И в 1987 г. защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения на тему «Песенные жанры Иргизо-Камеликских башкир (нормы композиции и проблема эволюции)». В работе на основании исследований песенных жанров иргизо-камеликских башкир были выявлены формы функционирования песенных жанров, показаны их музыкально-стилевые и композиционные особенности в сравнении с таковыми у коренных башкир.

За 40 с лишним лет работы в Институте истории, языка и литературы Риф Сулейманов побывал в более чем двадцати полевых фольклорных экспедициях, обследовал свыше 500 башкирских сел и деревень как в Башкортостане, так и в соседних регионах: Оренбургской, Куйбышевской, Саратовской, Челябинской, Курганской, Свердловской, Пермской областях. Им собрано около 3 тысяч и нотировано свыше 500 произведений башкирского музыкального фольклора, которые в свою очередь получили положительную оценку специалистов и приняты профессиональными музыкантами для концертного исполнения.

Не покладая рук он работает и над систематизацией и обработкой собранного фольклорного музыкального наследия. Бесценный научный материал, классифицированный им по жанрам и тематике с подробными комментариями, издан в томах академического свода «Башкирское народное творчество». На этих книгах выросло не одно поколение фольклористов, защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций.

К числу наиболее значительных научных достижений фольклориста и музыковеда относятся 20 книг, в том числе сборников песен с нотами, монографических работ. Плодом многолетней кропотливой творческой и исследовательской деятельности Р.С. Сулейманова стала его книга «Жемчужины народного творчества Урала», которая до сих пор не имеет аналога по разнообразию научных подходов и богатству представленного материала. В книге дается анализ внутрижанровых взаимосвязей эпических, лирических и других песен, описываются календарные и свадебные обряды. Эта книга стала научным обоснованием и про-

граммой при подготовке многотомного научного свода «Башкорт халык музыка сэнфәте» («Башкирское народное музыкальное искусство», Уфа, 2001). Отдельные ее тома составляют «Эпические песни и напевы», «Лирические песни и напевы», «Лирико-драматические песни и напевы», «Лирико-эпические песни и напевы». В серии представлены фольклорные записи последних десятилетий, сделанные автором.

В 2005 г. в Российском институте истории искусств (г. Санкт-Петербург) по результатам накопленного за многолетний период опыта работы и исследовательской деятельности Риф Сафинович защищает докторскую диссертацию на тему «Башкирские народные песни (проблема жанровой системы)» и становится доктором искусствоведения.

Будучи членом Союза композиторов Российской Федерации и Республики Башкортостан, а также членом Правления творческой комиссии по развитию и пропаганде народного пения и песенного фольклора Музыкального общества Башкортостана, Р.С. Сулейманов активно участвует в проведении мероприятий этих организаций, выступает на фольклорных концертах. Он динамично пропагандирует национальную культуру башкир, выступает среди населения, по радио и на телевидении с произведениями музыкального творчества, исполняя народные песни, аккомпанируя себе на домбре. Рассказывая о работе по распространению башкирского народного искусства, нельзя не упомянуть и о народном фольклорном ансамбле «Кубаир», созданном по инициативе сотрудников Института, в котором Р.С. Сулейманов был солистом и вел ответственную работу по музыкальному сопровождению.

Фольклорный ансамбль «Кубаир»

Риф Сафинович Сулейманов также является обладателем патентов на изготовленные башкирских музыкальных инструментов дунгура, думбыры, саз, кушсаза и башкирского кыл-кубыза, которые разработаны им и впервые внедрены в производство.

Игра на домбре. Сулейманов Р.С. с супругой

Р.С. Сулейманов работал одним из научных руководителей и авторов-исполнителей коллективной темы «Башкирское народное творчество», а также «Башкирское народное музыкальное искусство».

За заслуги перед отечественной наукой и культурой Р.С. Сулейманову присвоены почетные звания «Заслуженный деятель искусств РБ» (1990), «Заслуженный работник культуры РФ» (2000), а в 2012 г. он награжден орденом Салавата Юлаева.

Многочисленные коллеги и друзья сердечно поздравляют Рифа Сафиновича Сулейманова с этой знаменательной датой, желают крепкого здоровья и творческого долголетия!

Хакимьянова Айгуль Мужавировна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела фольклористики
Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
e-mail: aihakim@bk.ru

Основные научные труды Р.С. Сулейманова
The main scientific works of R.S. Suleymanov

На русском языке:

In Russian:

Сулейманов Р.С. Жемчужины народного творчества Урала. – Уфа: Башкирское книжное издательство «Китап», 1995. – 248 с. {R.S. Suleymanov. Pearls of Folk Art of the Urals. – Ufa: Bashkir book publishing house «Kitap», 1995. – 248 p.}

На башкирском языке:

In Bashkir:

- Башкорт халыҡ ижады. Ырҙар һәм көйҙәр / Төз., инеш һүз, аңлатмалар авт. *Р.С. Сөләймәнов*. Яуаплы ред. *Р.В. Сәлмәнов, М.М. Сәғитов*. – Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 1983. – 312 б. (Башкирское народное творчество. Башкирские народные песни и наигрыши). {Bashkir Folk Art. Bashkir Folk Songs and Tunes / Comp., introductory article and commentaries by *R.S. Suleymanov*. Ed. by *R.V. Saltnanov, M.M. Sagitov*. – Ufa: Bashkir book publishing house «Kitar», 1983. – 312 p.}
- Башкорт халыҡ моңдары / Төз., инеш мәкәл һәм аңлатмалар авт. *Р.С. Сөләймәнов*. – Өфө: Башкорт китап нәшриәте, 1991. – 104 б. (*Башкирские народные мелодии*). {Bashkir Folk Melodies / Comp., introductory article and commentaries by *R.S. Suleymanov*. – Ufa: Bashknigoizdat, 1991. – 104 p.}
- Башкорт халыҡ музыка сәнғәте. Т. I: Эпик ырҙар һәм көйҙәр / Төзөүсе, инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авт. *Р.С. Сөләймәнов*. Яуаплы ред. *Ф.А. Нәзәришина, Д.Д. Хәсәнишин*. – Өфө: Китап, 2001. – 240 б. (Башкирское народное музыкальное искусство. Т. I: Эпические песни и напевы). {Bashkir Folk Musical Art. Volume 1: Epic Songs and Tunes / Comp., introductory article and commentaries by *R.S. Suleymanov*. Ed. by *F.A. Nadrshina, D.D. Khasanshin*. – Ufa: Kitap, 2001. – 240 p.}
- Башкорт халыҡ музыка сәнғәте. Т. II (ике өлөштән): Лирик ырҙар һәм көйҙәр / Төзөүсе, инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авт. *Р.С. Сөләймәнов*. Яуаплы ред. *Д.Д. Хәсәнишин*. – Өфө: Китап, 2001. – 196 б. (Башкирское народное музыкальное искусство. Т. II (в двух частях): Лирические песни и напевы.) {Bashkir Folk Musical Art. Volume 2 (in two parts): Lyric Songs and Tunes / Comp., introductory article and commentaries by *R.S. Suleymanov*. Ed. by *D.D. Khasanshin*. – Ufa: Kitap, 2001. – 196 p.}
- Башкорт халыҡ музыка сәнғәте. Т. II: Лирик ырҙар һәм көйҙәр / Төзөүсе, инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авт. *Р.С. Сөләймәнов*. Яуаплы ред. *Д.Д. Хәсәнишин*. – Өфө: Китап, 2002. – 236 б. (Башкирское народное музыкальное искусство. Т. II. Лирические песни и напевы.) {Bashkir Folk Musical Art. Volume 2 (in two parts): Lyric Songs and Tunes / Comp., introductory article and commentaries by *R.S. Suleymanov*. Ed. by *D.D. Khasanshin*. – Ufa: Kitap, 2002. – 236 p.}
- Башкорт халыҡ музыка сәнғәте. Т. III: Лиро-драматик ырҙар һәм көйҙәр / Төзөүсе, инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авт. *Р.С. Сөләймәнов*. Яуаплы ред. *Д.Д. Хәсәнишин*. – Өфө: Китап, 2005. – 232 б. (Башкирское народное музыкальное искусство. Т. III. Лирико-драматические песни и напевы.) {Bashkir Folk Musical Art. Volume 3: Lyric-Dramatic Songs and Tunes / Comp., introductory article and commentaries by *R.S. Suleymanov*. Ed. by *D.D. Khasanshin*. – Ufa: Kitap, 2005. – 232 p.}

Патенты

Patents

- КЫЛ-КУБЫЗ *Суләйманов Р.С., Сулейманова С.И.* Патент на изобретение RU 2126138 C1, 10.02.1999. Заявка № 98111215/12 от 15.06.1998 {KYL-KUBYZ *R.S. Suleimanov, S.I. Suleimanova*. Patent for invention RU 2126138 C1, 10.02.1999. Application No. 98111215/12 dated 15.06.1998.}
- БАШКИРСКАЯ ДУМБЫРА *Суләйманов Р.С., Сулейманова С.И.* Патент на изобретение RU 2126178 C1, 10.02.1999. Заявка № 98111084/12 от 10.06.1998. {BASHKIR'S DOMBYRA *R.S. Suleimanov, S.I. Suleimanova*. Patent for invention RU 2126178 C1, 02.10.1999. Application No. 98111084/12 dated 06/10/1998.}
- БАШКИРСКИЙ ДУНГУР *Суләйманов Р.С., Сулейманова С.И.* Патент на изобретение RU 2202129 C1, 10.04.2003. Заявка № 2002105255/12 от 28.02.2002. {BASHKIR'S DUNGUR *R.S. Suleimanov, S.I. Suleimanova*. Patent for invention RU 2202129 C1, 10.04.2003. Application No. 2002105255/12 dated 28.02.2002.}
- САЗ *Суләйманов Р.С., Сулейманова С.И.* Патент на изобретение RU 2440625 C1, 20.01.2012. Заявка № 2010149679/12 от 03.12.2010. {SAZ *R.S. Suleimanov, S.I. Suleimanova*. Patent for invention RU 2440625 C1, 20.01.2012. Application No. 2010149679/12 dated 03.12.2010.}
- КУШСАЗ *Суләйманов Р.С., Сулейманова С.И.* Патент на изобретение RU 2490725 C1, 20.08.2013. Заявка № 2012111849/12 от 27.03.2012. {KUSHSAZ *R.S. Suleimanov, S.I. Suleimanova*. Patent for invention RU 2490725 C1, 08.20.2013. Application No. 2012111849/12 dated 27.03.2012.}

**Rif Safinovich Suleymanov
(to the 85th anniversary)**

Aygul Muzhavirovna Khakimiyanova – Ph.D. in philology, senior researcher of Folkloristic Department Order Badge of Honour Institute for History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, e-mail: aihakim@bk.ru.

**ФАНУЗА ШАКУРОВНА НУРИЕВА
(К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО)**

Ф.Ш. Нуриева – одна из ведущих специалистов в области истории татарского литературного языка. Научные взгляды Ф.Ш. Нуриевой формировались под влиянием отечественного основоположника теории тюркских литературных языков, члена-корреспондента РАН Э.Р. Тенишева, ученицей которого она была.

Фануза Шакуровна родилась 8 марта 1956 г. в д. Старые Чути Бавлинского района. После окончания школы (1974) поступила на историко-филологический факультет Казанского государственного университета. В 1979 г. после успешного окончания отделения татарской филологии Казанского государственного университета она начинает профессиональную деятельность в качестве учителя в школе с. Байряки-Тамак Бавлинского района. В 1983 г. поступает в аспирантуру при КФ АН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Под руководством члена-корреспондента РАН, заведующего лабораторией тюркологии и монголистики Института языкознания РАН Э.Р. Тенишева и доктора филологических наук Ф.С. Хакимзянова пишет и успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Исследование языка памятника XIV века “Нахдж ал-Фарadis” Махмуда ал-Булгари».

С 1989 г. Ф.Ш. Нуриева начала преподавательскую деятельность в Казанском государственном университете на кафедре восточных языков, затем на кафедре татарского языка факультета татарской филологии и истории. Она продолжила

свои научные исследования по золотоордынскому периоду. Достижения в данном направлении были обобщены ею в докторской диссертации «Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды», защищенной в 2004 г.

Фануза Шакуровна Нуриева заслужила всеобщее признание как ведущий специалист в области изучения истории татарского литературного языка. Благодаря ее монографии «Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского языка золотоордынского периода» (Казань, 2004, 376 с.) и предшествующим исследованиям Ф.Ш. Нуриевой мы имеем целостную картину избранного этапа истории татарского литературного языка. Как доказано автором, именно на данном этапе развития происходит становление и укрепление койне кыпчакского типа в Поволжском регионе, которое, будучи облеченным в письменно-литературную форму, начинает приобретать качество литературной нормы. Исследования ученой показывают, что письменно-литературная форма в своем развитии вначале ориентируется на фонетико-графические и грамматические нормы литературных языков караханидско-уйгурского ареала. Автор объясняет это тем, что указанные ареалы в этот исторический период оставались центрами распространения мусульманской образованности. В силу этнодемографических условий в Джучиевом улусе стало преобладать кыпчакоязычное население. Данная этническая ситуация способствовала сложению в центрах наддиалектного койне кыпчакского типа. Анализ языка письменных памятников свидетельствует о воздействии народно-разговорного койне на норму письменно-литературного языка золотоордынского периода. Это влияние и взаимодействие старой традиции с новыми языковыми процессами по-разному отражено в языке отдельных памятников в зависимости от жанровой принадлежности памятника [Нуриева 2004]. Комплексное исследование лексических и грамматических доминантных явлений в языке письменных текстов золотоордынского периода дает возможность автору выделить базисные и периферийные признаки, определить соотношение нормы и вариативности старотатарского литературного языка. Концепция системного и комплексного анализа письменных памятников периода Золотой Орды, разработанная Ф.Ш. Нуриевой, является перспективной при анализе языка старотатарских литературных памятников остальных периодов [Кадирова 2014].

В 2011 г. Тюркской академией Республики Казахстан была издана работа Ф.Ш. Нуриевой «Атрибуция языка письменных памятников золотоордынского периода». В работе использована методика сплошного фонетического анализа всех привлеченных памятников и статистическая обработка материала, а полученные результаты интерпретируются через призму членения фактов на «базисные» и «периферийные» компоненты языковой системы на фонетическом уровне [Галиуллина, Хадиева 2016]. Исследования Ф.Ш. Нуриевой могут рассматриваться как вклад в общее понимание культурологического содержания различных аспектов, связанных с проблематикой изучения Золотой Орды, которая продолжает привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных тюркологов [КЛШ 2008].

Результаты ее работы получили освещение в шести монографиях и в шести разделах коллективных монографий, свыше 300 научных статей, значительная часть которых опубликована в центральных отечественных и международных научных изданиях Российской Федерации, Казахстана, Турции, Германии.

Для тюркологии большой научный интерес представляет публикация грамматики Иеронима Мегизера «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» (1612 г.) («Основные правила тюркского языка»). Эта книга четыре века назад послужила импульсом для изучения тюркских языков в Западной Европе. В монографии впервые в научном мире представлен перевод грамматики И. Мегизера с тюркской части на татарский и с латинской части на русский языки. Изучение грамматического материала показывает, что в этот период происходит становление сопоставительных исследований языков. По аналогии с латинской грамматикой первый раздел содержит описание звукового строя, а во втором рассматриваются части речи. Данный труд может послужить ценным материалом для дальнейших исследований в области теории тюркских языков, исторической лексикологии, лексикографии, исторической фонетики, исторической грамматики, при типологических исследованиях по разносистемным языкам. Издание данного памятника открывает новую страницу в изучении средневековых тюркских памятников, когда исследователь имеет возможность воочию обратиться к оригинальному тексту, и является весомым вкладом в развитие отечественной тюркологии [Мегизер 2012].

Работая на филологическом факультете сначала Казанского государственного, затем федерального университета, Фануза Шакуровна на протяжении более чем четверти века вела курсы по древнетюркскому языку. Итогом стало учебное пособие «Борынгы төрки тел» [Нуриева 2007], которое знакомит студентов с историей древнетюркской письменности в контексте истории тюркских народов. В нем содержатся материалы по фонетике и грамматике древнетюркского языка, необходимые для понимания древних текстов, а также сами древнетюркские тексты, которые можно использовать в качестве источника изучения истории и культуры древних тюрков. Фануза Шакуровна продолжает свои исследования по руническим памятникам, написанным в Поволжье, статьи по данной теме изданы в отечественных и зарубежных сборниках и монографии (Берлин, 2015).

За время работы в университете Ф.Ш. Нуриева также читала лекционные курсы и вела практические занятия по дисциплинам: «История татарского литературного языка», «Морфология татарского языка», «Общее языкознание», «История лингвистических учений», «Введение в тюркологию» и спецкурсы по актуальным проблемам татарского языка. По читаемым лекционным курсам и спецкурсам подготовлены и изданы 16 учебно-методических пособий и электронно-образовательных ресурсов.

По приглашению Тюркской академии Казахстана (г. Астана) в 2014 г. она приняла участие в работе международного проекта «Языковые особенности тюркских письменных памятников». В рамках международного образовательного проекта «Мевляна» (Турция) в Университете Фират г. Элязыг Фануза Шакуровна читала лекции по татарскому языкознанию, вела просветительскую деятельность по популяризации татарского языка в турецкой студенческой среде.

Ф.Ш. Нуриева – мудрый наставник для своих учеников. Она активно работает с аспирантами, подготовила восемь кандидатов филологических наук (в 1995, 2003, 2008, 2015, 2019 гг.). Является членом диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 10.02.02 – Языки народов РФ (татарский язык), Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, редакционной коллегии научного журнала «Урало-алтайские исследования»

(г. Москва), редколлегии научных журналов «TATARICA» (г. Казань) и «Российская тюркология» (г. Москва). Награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2006).

Фануза Шакуровна – одна из наиболее востребованных современных ученых-тюркологов, всегда легкая на подъем, постоянный и активный участник многих международных научных конференций, где она достойно представляет татарскую лингвистическую науку. Ее труды вызывают подлинный интерес у специалистов самых разных направлений.

Фануза Шакуровна в расцвете творческих сил, она полна интереснейших планов, реализация которых полезна татарской науке и тюркологии в целом. Желаем их осуществления!

Кадирова Энзе Ханафиевна
кандидат филологических наук,
Казанский федеральный университет,
e-mail: enge@inbox.ru

Литература

- Галиуллина, Хадиева 2016 – *Галиуллина Г.Р., Хадиева Г.К.* Преданность науке (к юбилею профессора Ф.Ш. Нуриевой) // Филология и культура. Philology and culture. – 2016. – № 1 (43). – С. 348–349. {*G.R. Galiullina, G.K. Khadiyeva.* Devotion to the Science (to the Anniversary of Professor F.Sh. Nuriyeva) // *Filologiya i Kultura. Philology and Culture.* – 2016. – No. 1 (43). – PP. 348–349.}
- Кадирова 2014 – *Кадирова Э.Х.* Графо-фонетическая вариативность старотатарского языка в письменных памятниках Казанского ханства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 4, часть 3. – С. 94–96. {*E.Kh. Kadyrova.* Graphical and Phonetic Variability of the Old Tatar Language in the Written Monuments of the Kazan Khanate // *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice.* – Tambov, 2014. – No. 4, Part 3. – PP. 94–96.}
- КЛШ 2008 – Казанская лингвистическая школа. Книга первая: Казанская тюркская лингвистическая школа / Сост. *М.З. Закиев.* – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 424 с. {*Kazan Linguistic School. Book 1: The Kazan Turkic Linguistic School / Ed. by M.Z. Zakiyev.* – Kazan: Tatar book publishing house, 2008. – 424 p.}
- Нуриева 2007 – *Нуриева Ф.Ш.* Борынгы төрки тел: Орхон-енисей язмалары теле (VII–VIII гасырлар): югары уку йортлары өчен дәреслек. – Казан: Казан университеты нәшрияты, 2007. {*F.Sh. Nuriyeva.* The Old Turkic Language: Language of the Orkhon-Yenisei Inscriptions (7th–8th Centuries AD): a Manual for Higher Education Institutions. – Kazan: Publishing house of the Kazan University, 2007. (In Tatar.)}
- Нуриева 2011 – *Нуриева Ф.Ш.* Атрибуция языка письменных памятников золотоордынского периода. – Астана, 2011. – 221 с. {*F.Sh. Nuriyeva.* Attribution of Written Monuments of the Golden Horde Period. – Astana, 2011. – 221 p.}

Библиография основных трудов Ф.Ш. Нуриевой **Bibliography of F.Sh. Nuriyeva's main works**

Монографии:

Monographs:

1. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. – Казань, 1999. – 208 с. {«*Nahc al-Farādīs*» of *Mahmūd al-Bulḡārī.* – Kazan, 1999. – 208 p.}
2. Мәхмүд әл-Болгари «Нәһжел-фәрадис». – Казан: Татар кит. Нәшр., 2002. – 384 б. {*Mäxmüd әl-Bolgarī «Nähcel-färadīs».* – Kazan: Tatar book publishing house, 2002. – 384 p.}

3. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. – Казань: Казан. Гос. ун-т, 2004. – 376 с. {Historical and Linguistic Conditions of the Formation of Turkic-Tatar Literary Language of the Golden Horde Period. – Kazan: Publishing house of the Kazan University, 2004. – 376 p.}
4. Атрибуция языка письменных памятников золотоордынского периода. – Астана: Изд-во Сарыарка, 2011. – 208 с. {Attribution of Written Monuments of the Golden Horde Period. – Astana: Saryarqa publishing house, 2011. – 208 p.}
5. Мегизер Иероним. Institutiones linguae Turcicae libri quatuor. Основы тюркского языка / Перевод и комментарии Ф.Ш. Нуриева, М.М. Петрова, М.М. Сунгатуллина. – Казань: Магариф-Вақыт, 2012. – 288с. {Hieronymus Megiser. Institutiones linguae Turcicae libri quatuor. The Basics of the Turkic Language / Translation and commentaries by F.Sh. Nuriyeva, M.M. Petrova, M.M. Sungatullina. – Kazan: Magarif-Waqıt, 2012. – 288 p.}
6. Махмуд ал-Булгари. Нахдж ал-Фарадис. Путь в рай. Перевод. Транскрипция. – М.: Исламская книга, 2019. – 320 с. {Mahmūd al-Bulḡārī. Nahc al-Farādīs. The Way to Paradise. Translation. Transcription. – Moscow: Islamskaya kniga, 2019. – 320 p.}

Разделы монографий:

Chapters of the monographs:

7. Золотоордынский литературный язык // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Гл. ред. М. Усманов, Р. Хакимов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 668–676. {The Literary Language of the Golden Horde // History of the Tatars from the Earliest Times. Vol. 3. Jochid Ulus (The Golden Horde). The XIIIth – middle of the XVth centuries / Ed. by M. Usmanov, R. Khakimov. – Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009. – PP. 668–676.}
8. Tatarstan Cumhuriyetinde 1992–2011 Yılları Arasında Dil Durumu // Avrasya’da Yeniden Çizilen Sınırlar, İnşa Edilen Kimlikler Projesi. – Sovyetler Birliği’nin Dağılmasından Yirmi Yıl Sonra Rusya Federasyonu. – Türk Dilli Halklar ve Türkiye ile İlişkiler. – III. kitap. – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi, 2012. – S. 255–284. {The Language Situation in the Republic of Tatarstan in 1992–2011. // Project: The Newly Drawn Borders and Built Identities in Eurasia. – The Russian Federation Twenty Years After the Collapse of the USSR – Turkic-Speaking Peoples and Relations with Turkey. – The 3rd Book. – Ankara: Atatürk Culture Centre, 2012. – PP. 255–284.}
9. Язык письменных памятников золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Том 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 184–198. {The Language of the Written Monuments of the Golden Horde Period // History of Tatars of the Western Urals Region. Vol. 1. Nomads of the Great Steppe in the Ural Region. Tatar Medieval States. A Collective Monograph. – Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. – PP. 184–198.}
10. Болгар дәүләте чоры Идел буе төрки язма әдәби теленең морфологик үзенчәлекләре. Алтын Урда чоры Идел буе төрки-татар язма әдәби теленең морфологик үзенчәлекләре // Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы). – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – II т.: Морфология. Грамматик категорияләрнең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – Б. 42–194. {The Peculiarities of Morphology of the Written Literary Turkic-Tatar Language of the Volga Region during the Bulgar State Period. The Peculiarities of Morphology of the Written Literary Turkic-Tatar Language of the Volga Region during the Golden Horde Period // History of Tatar Literary Language (XIIIth – beginning of the XXth centuries). – Kazan: Institute of Language, Literature, and Art, 2017. – Vol. 2: Morphology. Peculiarity of Structural and Substantial Grammar Categories and Functional-Stylistic Possibilities: Written Traditions, Standard and Variability. – PP. 42–194. (In Tatar.)}
11. Болгар дәүләте чоры. Алтын Урда чоры Идел буе төрки язма әдәби теленең фонетик һәм график-орфографик үзенчәлекләре // Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы). – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – I. том: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – Б. 233–326. {The Bulgar State Period. The Golden Horde Period: Phonetic and Graphical-Orthographic Peculiarities of the Volga Region Turkic Written Literary Language // History of Tatar

-
- Literary Language (XIIIth – beginning of the XXth centuries). – Kazan: Institute of Language, Literature, and Art, 2015. – Vol. 1: Phonetics. Script: Written Traditions, Standard and Variability. – PP. 233–326. (In Tatar.)
12. The Language of Written Records from the Golden Horde Period // The Golden Horde in World History. – Kazan: University of Oxford, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2017. – PP. 503–515.
 13. Мәхмүд әл-Болгари һәм аның «Нәһҗел-Фәрадис» әсәре // Татар әдәбияты. Сигез томда. Беренче том. – Казан, 2015. – Б. 330–339. {Mäxmüd әl-Bolgari and His Work «Nähcel-Färadis» // The Tatar Literature. In 8 volumes. Vol. 1. – Kazan, 2015. – PP. 330–339. (In Tatar.)}
 14. Türkçe-Tatarca sözlük. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2014. – 358 s. {The Turkish-Tatar Dictionary. – Ankara: Editions of the Turkish Language Association, 2014. – 358 p.}
 15. Old Turkic Runic Monuments of the Volga Area // Interpreting the Turkic Runiform Sources and the Position of the Altay Corpus. – Berlin, 2015. – PP. 112–122.

Fanuza Shakurovna Nuriyeva
(to the scientist's Anniversary)

Enze Khanafiyevna Kadirova – Ph.D. in philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia,
e-mail: enge@inbox.ru.

**НУРМУХАММЕДОВ АМАНМУХАММЕД
(К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Туркменскую экспериментальную фонетику нельзя представить без имени известного фонетиста, кандидата филологических наук, доцента, главного научного сотрудника Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана Аманмухаммеда Нурмухаммедова, 85-летний юбилей которого туркменские лингвисты отметили в нынешнем году.

Родился Аманмухаммед Нурмухаммедович (любя, все называют его Аман-ага) 1 июня 1936 г. в с. Конекесир этрапа Махтумкули (бывший Каракалинский район) Балканского ваялата в крестьянской семье. После окончания средней школы № 5 в своем родном селе в 1956 г. в тот же год поступил на вечернее отделение факультета туркменской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького (ныне имени Махтумкули) и завершил свою учебу в 1962 г.

Аманмухаммед Нурмухаммедов – настоящий труженик. До прихода в науку он работал на строительных объектах простым рабочим, каменщиком пятого разряда. На последнем курсе университета, в 1961 г., начал работать лаборантом Института языкознания АН Туркменистана (ныне Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана). В стенах этого института он трудился более 60 лет в должностях младшего, старшего и ведущего научного сотрудника, зав. отделом. Сейчас он главный научный сотрудник.

Аман-ага любит делиться своими знаниями. Об этом свидетельствует его послужной список в трудовой книжке. Помимо основной в нем есть и работа по совместительству. Работал он преподавателем туркменского языка и литературы в вечерней школе рабочей молодежи, доцентом кафедры туркменского языка и литературы факультета туркменской филологии ТГУ, преподавателем туркменского языка в Туркменском государственном институте художеств и старшим преподавателем Академии государственной службы при Президенте Туркменистана.

Аманмухаммед Нурмухамедович постоянно совершенствует свои знания, повышает квалификацию. Он не устает учиться и проводить исследования. В 1967–1969 гг. был на стажировке в лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи (ЛЭФИПР) Московского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ), где занимался изучением таких методов, как палатографический, рентгенографический, осциллографический, спектрографический анализы звуков речи, определением артикуляционной и акустической информации звуков речи из экспериментальных записей и их описанием. В то время он посещал лекции и практические занятия по изучению речи таких профессоров и преподавателей института, как В.А. Артемов, Л.П. Блохина, П.К. Потапова, А.М. Антипова. В годы стажировки в данном институте и во время рабочих командировок А. Нурмухамедов, в совершенстве овладев методами проведения осциллографических и спектрографических записей, подготовил материалы по темам «Согласные звуки туркменского языка» и «Интонация повествовательного предложения в туркменском языке».

С декабря 1969 г. по март 1970 г. он был на трехмесячных курсах для аспирантов и соискателей на кафедре фонетики ЛГУ, где ему посчастливилось слушать лекции, лично консультироваться и глубоко изучать работы известнейших профессоров, ученых-фонетистов М.Ж. Матусевича, Л.Р. Зиндера, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, А.М. Щербака.

Все работы А. Нурмухаммедова о фонетическом строе туркменского языка основываются на научно-методических направлениях ученых Москвы и Санкт-Петербурга. Изыскания ученого нашли свое отражение в его кандидатской диссертации, выполненной в 1974 г. под руководством заведующей лабораторией экспериментальной фонетики, кандидата филологических наук, доцента Л.П. Блохиной и старшего научного сотрудника Института языкознания АНТ, кандидата филологических наук С. Куренова, по теме «Фрикативные согласные звуки в туркменском языке (экспериментальное фонетическое исследование)». В 1982 г. А. Нурмухаммедову было присвоено ученое звание «Старший научный сотрудник».

В 1990–2010 гг. А. Нурмухаммедов был председателем государственной экзаменационной комиссии на кафедрах и факультетах туркменской филологии Туркменского государственного педагогического института имени Сейди, Туркменского государственного университета имени Махтумкули и Туркменского национального института мировых языков имени Довлетмаммеда Азади.

В 1991–1995 гг. был ученым секретарем специализированного совета института по защите докторских диссертаций, оказал содействие в защите двух докторских и шестнадцати кандидатских диссертаций.

Под руководством А. Нурмухаммедова были подготовлены десять кандидатских диссертаций аспирантами и соискателями.

Безупречный многолетний труд А. Нурмухаммедова отмечен государственными наградами. В 2010 г. ему была вручена медаль Туркменистана «За любовь к Отечеству», а в 2020 г. присвоено почетное звание «Заслуженный работник науки и техники Туркменистана».

Аманмухаммед Нурмухаммедов счастливый человек, со своей женой Биби-тач Абдулхемид гызы состоит в браке более 60 лет, вместе они воспитали дочь и четырех сыновей, 13 внуков и 13 правнуков.

Впечатляют результаты научных исследований Аманмухаммеда Нурмухаммедова. Он автор около 300 публикаций. Его хорошо знают по работам, опубликованным в солидных изданиях Алма-Аты, Анкары, Баку, Бишкека, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга и Ташкента. О его признании в мировой тюркологии свидетельствует включение его биографии в энциклопедию «Тюркологи тюркского мира» («Türk dünyası türkologları»), изданную в 2019 г. в г. Анкара (Турция).

Из-под пера Аманмухаммеда Нурмухаммедова вышло много научных работ на туркменском языке, таких как «Интонация одно- и многосинтагменных фраз в туркменском языке» (Ашхабад: Ылым, 1982, 128 с.), «Слоговая структура слова в туркменском языке» (Ашхабад: Ылым, 2005, 100 с.), «Ударение в туркменском языке» (Ашхабад: Ылым, 2012, 260 с.), «Явление сингармонизма слова в туркменском языке» (Ашхабад: Ылым, 2013, 332 с.), «Фонетика туркменского языка» в двух томах (I том «Фонемы в речи» (Ашхабад: Ылым, 2019, 520 с.) и II том «Фонетическая организация слова» (436 с.)). Об огромном значении работ А. Нурмухаммедова свидетельствуют слова известного лингвиста, доктора филологических наук, профессора Р.К. Потаповой, которая, получив двухтомник по фонетике, написала в своем письме: «Я была очень тронута, книга тщательно подобрана по объему с глубоким анализом. Замечательная книга. Это огромный труд, это бесценное произведение!».

Широко известны также научные работы А. Нурмухаммедова в соавторстве. Среди них «Фрикативные и сонорные согласные в туркменском языке» (в соавторстве с С. Куреновым, Ашхабад: Ылым, 1979), «Интонация простого повествовательного и вопросительного предложения» (в соавторстве с С. Куреновым и А. Сапаевым, Ашхабад: Ылым, 1977). В соавторстве с кандидатом филологических наук Х. Мухыевым он написал учебники для четвертого класса по туркменскому языку для средних школ с русским языком обучения, изданные в 1992, 1997 и 2012 гг.

Ученый также подготовил к изданию такие работы, как «Деление на синтагмы в туркменском языке и их интонация» (Ашхабад: Ылым, 2020, 200 с.), «Интонация повелительного предложения в туркменском языке» (Ашхабад: Ылым, 2020, 150 с.), «Коммуникативные виды восклицательного предложения и их интонация» (Ашхабад: Ылым, 2021, 170 с.). Аманмухаммед Нурмухаммедов продолжает активно трудиться над изучением речевой интонации туркменского языка. Руководство института доверило ему подготовить к изданию трехтомник академической грамматики туркменского языка, ранее подготовленную видными туркменскими учеными-грамматистами. Первый том академической грамматики будет посвящен морфологии, второй – словосочетаниям и простым предложениям, а третий – сложным предложениям.

Аманмухаммед Нурмухаммедов является для учеников и коллег примером неустанного трудолюбия, профессионализма, самоотдачи и терпения. Вся его жизнь связана с изучением различных вопросов туркменского языкознания. Он внес весомый вклад в развитие туркменской науки.

Желаем Аманмухаммеду Нурмухаммедову здоровья, долгих лет и творческого вдохновения!

Таганова Марал Аннаевна

*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и национальных рукописей
АН Туркменистана*

Библиография основных научных трудов Нурмухаммедова Аманмухаммета
Bibliography of the main works of Amanmuhammet Nurmuhammedov

На русском языке:

In Russian:

Нурмухаммедов А. Фрикативные согласные звуки в туркменском языке (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1974. – 38 с. {*A. Nurmuhammedov.* Fricative Consonant Sounds in the Turkmen Language (an Experimental Phonetic Study): Ph.D. diss. abstract. – Ashkhabad, 1974. – 38 p.}

На туркменском языке:

In Turkmen:

Нурмухаммедов А., Куренов С., Сапаев А. Түркмен дилинде йөнекей хабар ве сораг сөзлемлериниң интонациясы (экспериментал-фонетик дернев). – Ашгабат: Ылым, 1977. – 177 с. {*A. Nurmuhammedov, S. Kürenow, A. Sapayew.* Intonation of Narrative and Interrogative Sentences in the Turkmen Language (an Experimental Phonetic Study). – Ashgabat: Ylym, 1977. – 177 p.}

Нурмухаммедов А. Түркмен дилинде сүйкеш ве сонорлы чекимсизлер (экспериментал-фонетик дернев). – Ашгабат: Ылым, 1979. – 260 с. {*A. Nurmuhammedov.* Slotted and Sonorous Consonants (an Experimental Phonetic Study) – Ashgabat: Ylym, 1979. – 260 p.}

Нурмухаммедов А., Куренов С. Түркмен дилинде бир ве көп синтагмалы фразаларың интонациясы. – Ашгабат: Ылым, 1982. – 128 с. {*A. Nurmuhammedov, S. Kürenow.* Intonation of Mono- and Polysyntagmatic Phrases in the Turkmen Language. – Ashgabat: Ylym, 1982. – 128 p.}

Нурмухаммедов А., Мухыев Х. Түркмен дили. Рус дилинде оқадылян мекдеплериң 4-нжи класы үчин. – Ашгабат, 1992. – 160 с. {*A. Nurmuhammedov, H. Muhyýew.* The Turkmen Language. For Fourth Grades of Schools Teaching in the Russian Language. – Ashgabat, 1992. – 160 p.}

Nurmuhammedow A. Türkmen dilinde sözüň bogun gurluşy. – Aşgabat: Ylym, 2005. – 100 с. {*A. Nurmuhammedow.* Structure of Syllables in the Turkmen Language. – Ashgabat: Ylym, 2005. – 100 p.}

Nurmuhammedow A. Türkmen dilinde söz basymy (eksperimental-fonetik derñew). – Aşgabat: Ylym, 2012. – 260 с. {*A. Nurmuhammedow.* Word Stress in the Turkmen Language (an Experimental Phonetic Study). – Ashgabat: Ylym, 2012. – 260 p.}

Nurmuhammedow A. Türkmen dilinde sözüň singarmonizm hadysasy (eksperimental-fonetik derñew). – Aşgabat: Ylym, 2013. – 332 с. {*A. Nurmuhammedow.* Vowel Harmony Phenomemon in the Turkmen Language (an Experimental Phonetic Study). – Ashgabat: Ylym, 2013. – 332 p.}

Nurmuhammedow A. Türkmen diliniň fonetikasy. I kitap. Fonemalar sözleşýişde. – Aşgabat: Ylym, 2019. – 520 с. {*A. Nurmuhammedow.* Phonetics of the Turkmen Language. Vol. 1. Phonemes in Speech. – Ashgabat: Ylym, 2019. – 520 p.}

Nurmuhammedow A. Türkmen diliniň fonetikasy. II kitap. Sözüň fonetik guralyşy. – Aşgabat: Ylym, 2019. – 436 с. {*A. Nurmuhammedow.* Phonetics of the Turkmen Language. Vol. 2. Phonetic Structure of a Word. – Ashgabat: Ylym, 2019. – 436 p.}

Amanmukhammed Nurmukhammedov
(to the 85th Anniversary)

Maral Annayevna Taganova – Ph.D. in philology, leading researcher of the Institute of Language, Literature, and National Manuscripts, Academy of Sciences of Turkmenistan.

**НАДЕЖДА ИВАНОВНА ДАНИЛОВА
(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

19 ноября 2021 г. отметила 70-летний юбилей Надежда Ивановна Данилова – доктор филологических наук, заведующая отделом якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», известная не только как блестящий ученый, автор фундаментальных научных трудов по тюркологии, но и как специалист, внесший неоценимый вклад в дело сохранения и развития родного якутского языка.

В 1973 г. окончила Восточный факультет Ленинградского госуниверситета по специальности «Тюркская филология» и в том же году была принята на работу в Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. За эти годы Надежда Ивановна занимала такие должности, как лаборант сектора грамматики и диалектологии, младший научный сотрудник (1989–1991), научный сотрудник отдела языкознания (1991–2002), ведущий научный сотрудник (с 2002), с 2008 г. – заведующая отделом якутского языкознания.

С приходом в Институт Н.И. Данилова в полную силу посвящает себя исследованию морфологии, синтаксиса якутского языка, а также лексики и сравнительной морфологии якутского и тюркских языков. В 1993 г. под руководством видного ученого-якутоведа д.ф.н., проф. Николая Егоровича Петрова защитила

кандидатскую диссертацию по монографии «Местоимение в якутском языке», в которой рассмотрена система якутских местоимений: дана их историческая классификация, затрагиваются вопросы исторической морфологии в связи с якутскими местоимениями, выявлены морфологические и функциональные особенности. В 2002 г. – докторскую диссертацию на тему «Смысловая структура аналитической связи в якутском языке». Аналитические средства связи освещены автором как основополагающие структурные элементы определенных функционально-семантических построений, что представляет собой опыт разработки служебных частей речи на базе методики структурно-семантического моделирования языковых единиц. Итогом исследований Н.И. Даниловой стали пять опубликованных монографий (три из них в соавторстве) и более ста научных статей. Многие ее научные идеи, взгляды на современное научное изучение грамматики были изложены на многочисленных научных конференциях разного уровня.

Н.И. Данилова внесла значительный вклад в развитие академической науки республики решением актуальных теоретических и прикладных проблем современного якутского языка, в частности, в разработку научных основ нового для якутского языкознания самостоятельного направления – функциональной грамматики. Результаты и положения ее трудов базируются на современных достижениях отечественного языкознания, которые отражены в трех коллективных монографиях. В настоящее время данное направление получило развитие в контексте проблемы взаимодействия разных уровней языкового строя, а именно систем грамматики и лексики якутского языка. Коллективное исследование посвящено выявлению соотношения изучаемых категорий с тематическими группами имен и глаголов. В 2020 г. подготовлена рукопись коллективного указателя «Тематические группы имен и глаголов якутского языка», в скором времени она выйдет в свет.

Н.И. Данилова активно занимается разработкой прикладных вопросов якутского языка: она соавтор трех томов «Большого толкового словаря якутского языка», член редколлегии и соавтор «Орфографического словаря якутского языка» и утвержденных Правительством РС (Я) «Правил якутской орфографии», изданных в 2002 и 2015 гг., соавтор отраслевых якутско-русских, русско-якутских терминологических словарей.

Надежда Ивановна занимается продвижением и реализацией новаторских научных идей в соответствии с приоритетными направлениями развития науки и технологий в РФ в качестве руководителя и исполнителя инициативных научных проектов, поддержанных РГНФ; РФФИ: Проект РФФИ 2009–2010 р-восток № 09-06-98501 «Устный эпос: олонхо “Нюргун Боотур Стремительный” К.Г. Оросина»; Проект РГНФ 2011–2012 №11-14-14002a/Г «Грамматика и стилистика художественного текста (на материале романа Н.Е. Мординова “Амма Аччыгыйа” (“Весенняя пора”))»; Издательский проект РФФИ 12-06-07129 Д «Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность»; Региональный конкурс РГНФ 2012–2013 гг. «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном». Тип проекта: «а(р)». «Функционально-семантические категории в якутском языке: сравнительно-сопоставительный аспект»; проект РФФИ № НК 15-46-05026\15 «Система названий метеорологических явлений в языках арктических народов

Якутии» 2015 г. В этих проектах рассмотрены актуальные вопросы особенностей функционирования лексических и грамматических средств якутского языка в фольклорных и художественных текстах. Подобный подход, ориентированный на изучение структурных единиц текста с позиции современной грамматики конструкций, позволяет глубоко и системно анализировать явления традиционной и современной (письменной) речевой деятельности.

Наряду с исследовательской работой Н.И. Данилова уделяет особое внимание формированию собственной научной школы. В настоящее время под ее руководством четыре аспиранта защитили кандидатские диссертации, которые успешно работают в отделе якутского языка Института, одна – на кафедре восточных языков Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова. Надежда Ивановна также заместитель председателя диссертационного совета по специальности 10.02.02. – Языки народов РФ (якутский язык) при ФИЦ ЯНЦ СО РАН. Член диссертационных советов по специальностям 10.01.02. – Литература народов РФ (якутская литература) и 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (родной язык) при СВФУ им. М.К. Аммосова. Неоднократно выступала официальным оппонентом кандидатских и докторских диссертаций по специальности 10.02.02. – Языки народов РФ.

Н.И. Данилова внесла существенный вклад в развитие высшего и общего среднего образования в республике. В должности профессора кафедры якутского языка СВФУ им. М.К. Аммосова ею разработаны программные курсы лекций и спецкурсы по морфологии якутского и турецкого языков. Она является соавтором двух пособий по якутскому языку для студентов и пособий для изучающих якутский язык. Работает председателем и членом ГАК ИЗФиР СВ РФ и ИЯиКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова по нескольким филологическим специальностям, в том числе по специальности «Современный якутский язык». Активно участвует в деле привлечения школьников к исследовательской деятельности – более 20 лет является бессменным председателем экспертной группы по секции «Якутская филология» Республиканской научной конференции школьников «Шаг в будущее», работала председателем жюри региональных конференций в Вилюйской и Южной группах улусов республики. Выступает консультантом работ школьников по якутской филологии, принимает активное участие в организации и проведении научно-практических мероприятий для учащихся школ республики.

Надежда Ивановна ведет большую научно-организационную и общественную работу, активно занимается организацией научно-практических конференций, семинаров и симпозиумов, систематически выступает с докладами на международных, всероссийских и республиканских конференциях, активный пропагандист научных знаний. Она избиралась членом Объединенного Ученого совета СО РАН по гуманитарным наукам, является членом Объединенного Ученого совета ФИЦ ЯНЦ СО РАН, АН РС (Я) и Ученого совета ИГиИПМНС СО РАН. Член редколлегии научного журнала «Северо-восточный гуманитарный вестник».

Плодотворная научно-педагогическая деятельность Н.И. Даниловой получила высокую оценку руководства родной республики и научной общественности. Ей присвоены почетные звания «Заслуженный ветеран Сибирского отделения РАН», «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)», «Отличник об-

разования РС (Я)». За многолетнюю успешную научную деятельность и существенный вклад в социально-экономическое развитие республики награждена почетным знаком РС (Я) «Гражданская доблесть», Грамотой Правительства РС (Я) и др.

Надежда Ивановна – любимая, заботливая мать и бабушка двоих детей и четырех внуков. Доброжелательная, отзывчивая Надежда Ивановна гармонично сочетает научную, педагогическую деятельность и вызывает восхищение своим трудолюбием и неиссякаемой энергией. Коллеги и ученики поздравляют Надежду Ивановну Данилову с юбилеем и желают ей крепкого здоровья, счастья, благополучия и новых научных горизонтов во имя развития якутского языкознания!

Дьячковский Федор Николаевич

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН,
e-mail: fedjatschkov0801@mail.ru

Библиография основных научных трудов Н.И. Даниловой

Bibliography of the main works of N.I. Danilova

На русском языке:

In Russian:

- Данилова Н.И.* Местоимение в якутском языке / отв. ред. Н.Е. Петров. – Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1991. – 120 с. {*N.I. Danilova. The Pronoun in Yakut / Ed. by N.Ye. Petrov. – Yakutsk: The Yakut Scientific Centre of the Siberian Department of the Russian Academy of Sciences, 1991. – 120 p.*}
- Данилова Н.И.* Смысловая структура аналитической связи в якутском языке / отв. ред. Н.Е. Петров. – Новосибирск: Наука, 2001. – 143 с. {*N.I. Danilova. The Meaning Structure of Analytical Link in the Yakut Language / Ed. by N.Ye. Petrov. – Novosibirsk: Nauka, 2001. – 143 p.*}
- Данилова Н.И.* Аналитические средства связи в якутском языке (функционально-семантический аспект): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Якутск, 2002. – 46 с. {*I.N. Danilova. The Elements of Analytical Link in the Yakut Language (Functional and Semantic Aspect): Ph.D. diss. abstract. – Yakutsk, 2002. – 46 p.*}
- Данилова Н.И.* Курс якутской грамматики: система морфологических категорий и синтаксических конструкций: учеб. пособие для студентов филол. фак. ЯГУ / В соавторстве с Н.И. Поповой, Н.Н. Ефремовым. – Якутск: ИГи АН РС(Я), 2004. – 195 с. {*N.I. Danilova. Yakut Grammar Course: the System of Morphological Categories and Syntactical Constructions: Manual for Students of the Faculty of Philology of the Yakut State University / Co-authored with N.I. Popova and N.N. Yefremov. – Yakutsk: Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), 2004. – 195 p.*}
- Обязательный минимум содержания предмета «Якутский язык» (для невладеющих): практическое пособие / Сост.: *Н.Н. Ефремов, Н.И. Данилова, Н.И. Попова.* – Якутск: ИГи АН РС (Я), 2007. – 34 с. {*The Bare Minimum of Content of the Subject «The Yakut Language» (as Second Language): a Practical Manual / Comp. by N.N. Yefremov, N.I. Danilova, N.I. Popova. – Yakutsk: Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), 2007. – 34 p.*}
- Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / под общ. ред. *П.А. Слепцова.* – Новосибирск: Наука. – 2004. – Т. IX: (Буквы С: сөллөй – сээн, буква h): (ок. 4000 слов и фразеологизмов) / *Н.И. Данилова, (суһал – сук).* – Новосибирск: Наука, 2012. – 628 с. {*The Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka. – 2004. – Volume 9: (Letters S: söllöy – seen, the letter H): (About 4000 words and idiomatic expressions) / N.I. Danilova, (suhal – suk).* – Novosibirsk: Nauka, 2012. – 628 p.}

- Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность / *Н.И. Данилова, Н.Н. Ефремов, Е.М. Самсонова*; отв. ред. канд. филол. н. *Н.И. Попова*. – Новосибирск: Наука, 2013. – 239 с. {Functional and Semantic Categories in the Yakut Language: Causativeness, Evidentiality, Iterativeness / *N.I. Danilova, N.N. Yefremov, Ye.M. Samsonova*; Executive Editor: Ph.D. in philology *N.I. Popova*. – Novosibirsk: Nauka, 2013. – 239 p.}
- Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база / *Н.И. Данилова, Н.Н. Ефремов, Н.И. Винокурова* и др.; отв. ред. канд. филол. н. *В.Д. Монастырев*. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2017. – 164 с. {Functional and Semantic Categories in the Yakut Language: Grammatical and Lexical Base / *N.I. Danilova, N.N. Yefremov, N.I. Vinokurova* et al.; Executive Editor: Ph.D. in philology *V.D. Monastyrev*. – Yakutsk: Institute of Humanitarian Studies and Northern Minority Groups of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. – 164 p.}

На якутском языке:

In Yakut:

- Саха билинни тыла. Морполуогууа: устудьуонна аналлаах үөрэх кинигэтэ / Ааптардар: *Н.К. Антонов* уо. д. а. – Дьокуускай (Якутск): Бичик, 2009. – 286 с. {The Modern Yakut (Sakha) Language. Morphology: an Educational Book for Students / Authors: *N.K. Antonov* et al. – Dyokuuskaï (Yakutsk): Bichik, 2009. – 286 p.}
- Сурук-бичик оҕо ааҕар кинигэтинин / Бэчээккэ бэлэмнээтилэр: *Н.И. Данилова, Ф.Н. Дьячковский, Н.Н. Ефремов* уо. д. а. – Дьокуускай: ФГБУН «ИГИИПМНС СО РАН», 2017. – 104 с. {Suruk-Bichik (an Alphabet Book) with Chresomathy for Children / released for publication by *N.I. Danilova, F.N. Diyachkovskiy, N.N. Yefremov* et al. – Dyokuuskaï (Yakutsk): The Federal State Budgetary Scientific Institution «Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences», 2017. – 104 p.}

Словари:

Dictionaries:

- Сахалыы таба суруйуу тылдьыта: 41.500 кэринэ тыллаах / Редкол.: *В.М. Анисимов* уо. д. а. – Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 2001. – 543 с. {The Yakut Orthographic Dictionary: 41.500 words / Ed. by *V.M. Anisimov* et al. – Dyokuuskaï (Yakutsk): Sakhapoligraphizdat, 2001. – 543 p.}
- Сахалыы таба суруйуу тылдьыта: 41.500 кэринэ тыллаах / Редкол.: *В.М. Анисимов* уо. д. а. – 2-с тахсыыта. – Дьокуускай: РНА СО ССНК изд-вота, 2007. – 543 с. {The Yakut Orthographic Dictionary: 41.500 words / Ed. by *V.M. Anisimov* et al. – The 2nd Edition. – Dyokuuskaï (Yakutsk): The Publishing House of the Sakha (Yakut) Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2007. – 543 p.}
- Терминологический словарь. Лингвистика = Тиэрмин тылдьыта. Тыл үөрэбэ / Сост.: *Л.А. Афанасьев, Л.М. Готовцева, Н.И. Данилова* и др.; отв. ред.: *Н.И. Данилова, Н.И. Попова*. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013. – 107 с. {The Terminological Dictionary. Linguistics / Comp. by *L.A. Afanasyev, L.M. Gotovtseva, N.I. Danilova* et al.; Executive Editors: *N.I. Danilova, N.I. Popova*. – Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – 107 p.}
- Терминологический словарь. Обществознание = Тиэрмин тылдьыта. Уопсастыба үөрэбэ / Сост.: *Е.И. Оконешиников*; отв. ред.: *Н.И. Данилова, Н.И. Попова*. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013. – 108 с. {The Terminological Dictionary. Sociology / Comp. by *Ye.I. Okoneshnikov*; Executive Editors: *N.I. Danilova, N.I. Popova*. – Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – 108 p.}
- Терминологический словарь. История = Тиэрмин тылдьыта. Устуоруйа / Сост.: *Л.А. Афанасьев, Л.М. Готовцева, Н.И. Данилова* и др.; отв. ред.: *Н.И. Данилова, Н.И. Попова*. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013. – 141 с. {The Terminological Dictionary. History / Comp. by *L.A. Afanasyev, L.M. Gotovtseva, N.I. Danilova* et al.; Executive Editors: *N.I. Danilova, N.I. Popova*. – Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – 141 p.}
- Терминологический словарь. Местное самоуправление = Тиэрмин тылдьыта. Олохтоох бэйэни салайыныы / Сост.: *Л.А. Афанасьев, Л.М. Готовцева, Н.И. Данилова* и др.; отв. ред.: *Н.И. Да-*

нилова, Н.И. Попова. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013. – 88 с. {The Terminological Dictionary. Local Self-Government / Comp. by *L.A. Afanasyiev, L.M. Gotovtseva, N.I. Danilova* et al.; Executive Editors: *N.I. Danilova, N.I. Popova.* – Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – 88 p.}

Терминологический словарь. Менеджмент = Тиэрмин тылдыгыта. Менеджмент / Сост.: *Л.А. Афанасьев, Л.М. Готовцева, Н.И. Данилова* и др.; отв. ред.: *Н.И. Данилова, Н.И. Попова.* – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013. – 202 с. {The Terminological Dictionary. Management / Comp. by *L.A. Afanasyiev, L.M. Gotovtseva, N.I. Danilova* et al.; Executive Editors: *N.I. Danilova, N.I. Popova.* – Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – 202 p.}

Терминологический словарь. Делопроизводство = Тиэрмин тылдыгыта. Дьыаланы бэрийии / Сост.: *Л.А. Афанасьев, Л.М. Готовцева, Н.И. Данилова* и др.; отв. ред.: *Н.И. Данилова, Н.И. Попова.* – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013. – 51 с. {The Terminological Dictionary. Documentation / Comp. by *L.A. Afanasyiev, L.M. Gotovtseva, N.I. Danilova* et al.; Executive Editors: *N.I. Danilova, N.I. Popova.* – Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – 51 p.}

Сахалыы таба суруйуу тылдыгыта: 32.000 кэрингэ тыллаах / эрд. хамыһыһа: *А.Г. Нелунов* уо. д. а. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 480 с. {The Yakut Orthographic Dictionary: 32.000 words / Ed. by *A.G. Nelunov* et al. – Dyokuuskaŷ (Yakutsk): Bichik, 2015. – 480 p.}

Nadezhda Ivanovna Danilova
(to the 70th Anniversary)

Fedor Nikolayevich Dyachkovskiy – Ph.D. in philology, leading researcher of the Department of Yakut (Sakha) Language, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, e-mail: fedjatschkov0801@mail.ru.

**МАХТИ ЗЕЙТУНОВИЧ УЛАКОВ
(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Исполнилось 70 лет со дня рождения ведущего языковеда-тюрколога, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской Республик, академика Международной тюркской академии Махти Зейтуновича Улакова.

Как истинный ученый, талантливый педагог и умелый организатор науки М.З. Улаков внес, бесспорно, весомый вклад в развитие не только карачаево-балкарского языкознания и тюркологии, но и отечественной филологической науки.

М.З. Улаков родился 26 февраля 1951 г. в с. Дон-Арик Чуйского района Киргизской ССР. После возвращения на историческую родину он окончил Лашкутинскую среднюю школу и в 1969 г. поступил на русско-балкарское отделение Кабардино-Балкарского государственного университета (ИФФ КБГУ). После окончания ИФФ КБГУ в 1974 г. был принят на работу, на должность старшего лаборанта в сектор карачаево-балкарского языка Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики (ныне ИГИ КБНЦ РАН). Осенью 1976 г. М.З. Улаков поступил в очную аспирантуру сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР в г. Москва. В 1983 г. успешно защитил в г. Баку диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Термины животноводства в карачаево-балкарском

языке» [Улаков 1983]. После этого он продолжал работать в КБНИИ в качестве младшего научного, старшего, главного научного сотрудника, заведовал сектором, затем отделом карачаево-балкарской филологии. С 1993 по 1998 гг. он был заместителем директора по научной работе Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. В 1996 г. М.З. Улаков успешно защитил диссертацию «Проблемы стилистики карачаево-балкарского языка: лексический и лексикографический аспекты» на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте языкознания РАН (г. Москва), материалы которой были изданы в 1994 г. в виде монографии «Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка» [Улаков 1994]. В 2009 г. ему было присуждено ученое звание профессора по специальности «Языки народов РФ (тюркские языки)».

В разные годы М.З. Улаков работал председателем Государственной экзаменационной комиссии в Кабардино-Балкарском и Карачаево-Черкесском госуниверситетах. В течение многих лет он успешно сочетает научную деятельность с руководящей должностью.

Научная деятельность М.З. Улакова многоаспектна и многогранна. Он является автором 20 книг и более 170 научных трудов, посвященных актуальным вопросам лексикологии, терминологии, стилистики, грамматики, топонимии, лексикографии, этнолингвистики, лингвофольклористики, социолингвистики.

Особенно плодотворны исследования ученого в области тюркской лексикологии, терминологии, лексикографии, языковой политики и проблем функционирования карачаево-балкарского языка. В его работах особое внимание уделяется эволюционным процессам, происходящим в современной гуманитарной науке: он является одним из составителей «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» (в трех томах) [ТСКБЯ 1996; 2002; 2005], «Школьного русско-балкарского словаря» [ШРБС 1992], соавтором «Карачаево-балкарско-русского словаря лингвистических терминов» [КБРСЛТ 2008], монографии «Проблемы терминологии карачаево-балкарского языка» [Улаков, Махиева 2019]. Под его руководством написаны несколько коллективных трудов, в числе которых: фундаментальный академический труд «Современный карачаево-балкарский язык» (в двух частях) [СКБЯ 2018] и «Словарь синонимов карачаево-балкарского языка» [ССКБЯ 2017].

М.З. Улаков – организатор и участник различных научных экспедиций, в том числе и двух зарубежных. На основе собранных материалов по языку и культуре карачаево-балкарской диаспоры в Турции, Сирии и Иордании им опубликован ряд статей, которые получили высокую оценку у специалистов и широко цитируются учеными. В их числе: «“Этнос-диаспора” как модель функционирования социокультурного пространства» [Улаков, Толгуров 2003], «Роль национальных языков в формировании духовной общности народов Северного Кавказа» [Улаков 1999] и др.

Отдельного внимания заслуживает организаторская деятельность М.З. Улакова. Махти Зейтунович несколько лет возглавлял Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН. По инициативе ученого по программе интеграции академической и вузовской науки совместно с кафедрой русского языка и общего языкознания КБГУ были организованы социолингвистические исследования по языковой ситуации в Кабардино-Балкарии. На основе материалов опроса опубликован ряд научных статей и издана коллективная монография «Языка-

вая ситуация в Кабардино-Балкарской республике: состояние и проблемы» [Башиева, Улаков, Хамдохова 2016]. В ней разработаны предложения и рекомендации для законодательной и исполнительной властей республики.

Жизненный и профессиональный опыт помогают известному ученому решать проблемы, связанные с эволюцией родного языка и трансформацией современной гуманитарной науки.

Много сил ученый отдает организации тюркологической науки и подготовке специалистов как в регионе, так и за его пределами. Будучи заместителем директора по научной работе, он способствовал открытию в Институте аспирантуры и докторантуры. В дальнейшем, работая заместителем председателя Кабардино-Балкарского научного центра РАН по научной работе, принимает активное участие в становлении КБНЦ РАН как федерального научного центра, проводит интеграционную и инновационную политику в республике, консолидирует потенциал ученых региона в решении проблем по смежным дисциплинам, разрабатывает методики междисциплинарных исследований.

Признанный ученый, профессор М.З. Улаков пользуется заслуженным уважением и любовью у студентов и аспирантов, заботится о подрастающем поколении. Его глубоко волнует общеобразовательный уровень молодежи: вузовское обучение, послевузовское, повышение квалификации. С 2000 по 2006 гг. он читал курсы лекций магистрам и аспирантам, подготовил учебные и учебно-методические пособия: «История карачаево-балкарского языка» [Улаков 2001], «Современные принципы и методы лингвистических исследований и дальнейшее развитие национальных языков» [Улаков, Геляева 2003], «Национальные языки и современность (в помощь лектору)» [Улаков, Башиева 1989], «Очерки истории карачаево-балкарского языка» [Улаков 2005], «Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка (спекурс)» [Улаков, Чеченов 2003] и др.

Весьма разнообразны и актуальны не только научные интересы М.З. Улакова, но и тематика его трудов. Он является основателем и руководителем работающей на базе ИГИ КБНЦ РАН научной школы по лингвофольклористике, которая объединяет группу молодых специалистов и ученых – последователей теоретических разработок ученого. Под его руководством защитили кандидатские диссертации более десяти аспирантов, которым он оказывает всемерную помощь не только как руководитель, но и как коллега и наставник.

Талантливый ученый-лингвист участвует в решении актуальных проблем истории языка, тюркской лексикологии и лексикографии, терминологии, диалектологии, культуры речи, социолингвистики. Его научные работы написаны с такой достоверностью и скрупулезностью, что становятся образцом для многих исследователей и специалистов в этой области. Под редакцией профессора М.З. Улакова изданы десятки монографий, словарей, сборников статей, докладов и т. д.

Очень ярко и разносторонне реализовался научно-организаторский талант ученого. Всю свою сознательную жизнь он посвятил служению науке: на протяжении 23 лет бессменно работал заместителем председателя КБНЦ РАН и ныне является советником председателя КБНЦ РАН.

В то же время Махти Зейтунович является заместителем главного редактора журнала «Известия КБНЦ РАН», членом редакционного совета журнала «Рос-

сийская тюркология», членом редколлегии «Вестника тюркского мира», энциклопедии «Люблю я Кавказ» – северокавказского регионального проекта, членом редакционного совета «Родной язык», членом Российского комитета тюркологов при отделении историко-филологических наук РАН, действительным членом Российской академии естественных наук, многократным делегатом годичного собрания РАН. Ведет активную работу по пропаганде научных знаний и нацеливает молодых ученых на повышение уровня исследований до планки мировых достижений. Он выступает на региональных, всероссийских и международных научных конференциях, демонстрируя высокий научный потенциал и широкий диапазон знаний. Ученый пользуется большим уважением среди коллег не только республики и страны, но и зарубежья.

О научной активности М.З. Улакова говорит и тот факт, что среди филологов ИГИ КБНЦ РАН у него один из самых высоких показателей по системе Хирша – именно по этой шкале в настоящее время оценивается труд научного сотрудника.

Махти Зейтунович активно участвует в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии: был членом Избирательной комиссии КБР, работал в комиссии по вопросам помилования при Президенте КБР, членом Общественного экспертного совета при комитете по межнациональным отношениям Парламента КБР, членом Экспертного совета при главе КБР, а также доверенным представителем Уполномоченного по правам человека в КБР по городскому округу Нальчик.

Научная, педагогическая, общественно-политическая деятельность М.З. Улакова по достоинству оценена руководством КЧР и КБР. Ему присуждены почетные звания «Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской республики» (1998), «Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской республики» (2001). Он также награжден Почетной грамотой КБР (1996), Почетной грамотой РАН (1999), Почетной грамотой Парламента КБР (2011), Почетной грамотой Избирательной комиссии КБР (2007), Почетной грамотой Президиума КБНЦ РАН (2011), Почетной грамотой КБИГИ (2016); медалями «И. Крымшамхалова» и «К. Кулиева» (2019), «250 лет единения Ингушетии с Россией» (2021), «За мир и гуманизм на Кавказе» (2021).

Лингвист широкой эрудиции, чуткий, внимательный, отзывчивый Махти Зейтунович Улаков умеет дружить, сохранять дружбу и поддерживать добрые отношения с учеными из разных уголков мира. Все это характеризует его как человека и профессионала с неисчерпаемым научным и творческим потенциалом.

Многочисленные друзья, коллеги и ученики поздравляют видного ученого Махти Зейтуновича Улакова со славным юбилеем и от всей души желают ему крепкого здоровья, неиссякаемой творческой энергии и дальнейших успехов в научной и научно-организаторской деятельности, осуществления всех его жизненных и творческих планов.

Литература

- Башиева, Улаков 2016 – *Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М.* Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике: состояние и проблемы. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2016. – 172 с. {*S.K. Bashiyeva, Z.M. Ulakov, Zh.M. Khamdokhova.* The Language Situation in the Kabardino-Balkar Republic: State and Problems. – Nalchik: Publishing house of the KBSC RAS, 2016. – 172 p.}

- КБРСЛТ 2008 – Улаков М.З., Махиева Л.Х. Карачаево-балкарско-русский словарь лингвистических терминов. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. – 104 с. {*M.Z. Ulakov, L.Kh. Makhiyeva. Karachay-Balkar-Russian Dictionary of Linguistic Terms. – Nalchik: Publishing house of the KBSC RAS, 2008. – 104 p.*}
- СКБЯ 2016 – Современный карачаево-балкарский язык. В двух частях. Ч. 1. Фонетика, фонология, орфоэпия, графика и орфография, лексикология, морфемика, морфонология, словообразование (в соавторстве). – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 448 с. {*Modern Karachay-Balkar Language. In 2 volumes. Part 1. Phonetics, Phonology, Orthoepy, Graphics and Spelling, Lexicology, Morphemics, Morphology, Word Formation (co-authored). – Nalchik: LLC «Pechatnyi Dvor», 2016. – 448 p.*}
- СКБЯ 2018 – Современный карачаево-балкарский язык. В двух частях. Ч. 2. Морфология, синтаксис. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 480 с. {*Modern Karachay-Balkar Language. In 2 volumes. Part 2. Morphology, Syntax. – Nalchik: LLC «Pechatnyi Dvor», 2018. – 480 p.*}
- ССКБЯ 2017 – Словарь синонимов карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Печатный двор, 2017. – 556 с. {*Dictionary of Synonyms of the Karachay-Balkar Language. – Nalchik: Pechatnyi Dvor, 2017. – 556 p.*}
- ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3 т. – Т. I. А–Ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1019 с. {*Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language: in 3 volumes. – Vol. 1. A–Zh. – Nalchik: El-Fa, 1996. – 1016 p.*}
- ТСКБЯ 2002 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3 т. – Т. II. З–Р. – Нальчик: Эль-фа, 2002. – 1168 с. {*Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language: in 3 volumes. – Vol. 2. Z–R. – Nalchik: El-Fa, 2002. – 1168 p.*}
- ТСКБЯ 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. – Т. III. С–Я. – Нальчик: Эль-фа, 2005. – 1159 с. {*Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language: in 3 volumes. – Vol. 3. S–Ya. – Nalchik: El-Fa, 2005. – 1159 p.*}
- Улаков 1983 – Улаков М.З. Термины животноводства в карачаево-балкарском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Баку, 1983. – 20 с. {*M.Z. Ulakov. Terms of Animal Breeding in the Karachay-Balkar Language: abstract of Ph.D. diss. – Baku, 1983. – 20 p.*}
- Улаков 1994 – Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 116 с. {*M.Z. Ulakov. Problems of Lexical Stylistics of the Karachay-Balkar Language. – Nalchik: Elbrus, 1994. – 116 p.*}
- Улаков 1999 – Улаков М.З. Роль национальных языков в формировании духовной общности народов Северного Кавказа // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межэтнических отношений на современном этапе / Материалы Международной научно-теоретической конференции. – 1999. – С. 473–477. {*Ulakov M.Z. The Role of National Languages in the Formation of the Spiritual Community of the Peoples of the North Caucasus // Cultural and historical community of the peoples of the North Caucasus and the problems of humanization of interethnic relations at the present stage / Materials of the International scientific and theoretical conference. – 1999. – PP. 473–477.*}
- Улаков 2001 – Улаков М.З. История карачаево-балкарского языка: Курс лекций. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2001. – 80 с. {*M.Z. Ulakov. The History of the Karachay-Balkar Language: Lecture Course. – Nalchik: Publishing house of the KBSC RAS, 2001. – 80 p.*}
- Улаков 2005 – Улаков М.З. Очерки истории карачаево-балкарского языка (учебное пособие). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2005. – 105 с. {*M.Z. Ulakov. Essays on the History of the Karachay-Balkar Language (Textbook). – Nalchik: Publishing house of the KBSC RAS, 2005. – 105 p.*}
- Улаков, Башиева 1989 – Улаков М.З., Башиева С.К. Национальные языки и современность (в помощь лектору). – Нальчик, 1989. – 18 с. {*M.Z. Ulakov, S.K. Bashiyeva. National Languages and Modernity (to Help the Lecturer). – Nalchik, 1989. – 18 p.*}
- Улаков, Геляева 2003 – Улаков М.З., Геляева А.И. Современные принципы и методы лингвистических исследований и дальнейшее развитие национальных языков: учебное пособие. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2003. – 30 с. {*M.Z. Ulakov, A.I. Gelyayeva. Modern Principles and Methods of Linguistic Research and Further Development of National Languages: a Textbook. – Nalchik: Publishing house of the KBSC RAS, 2003. – 30 p.*}
- Улаков, Махиева 2019 – Улаков М.З., Махиева Л.Х. Проблемы терминологии карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2019. – 118 с. {*M.Z. Ulakov, L.Kh. Makhiyeva. Prob-*

- lems of Terminology of the Karachay-Balkar Language. – Nalchik: Publishing house of the KBSC RAS, 2019. – 118 p.}
- Улаков, Толгуров 2003 – Улаков М.З., Толгуров Т.З. «Этнос-диаспора» как модель функционирования социокультурного пространства // Кавказоведение. – М., 2003. – № 4. – С. 44–52. {M.Z. Ulakov, T.Z. Tolgurov. «Ethnos-diaspora» as a Model of Functioning of the Socio-Cultural Space // Kavkazovedeniye (Caucasian studies). – Moscow, 2003. – No. 4. – PP. 44–52.}
- Улаков, Чеченов 2003 – Улаков М.З., Чеченов А.А. Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка (спецкурс). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2003. – 51 с. {M.Z. Ulakov, A.A. Chechenov. Written Monuments of Turkic Languages as a Source of the History of Modern Karachay-Balkar Language (Special Course). – Nalchik: Publishing house of the KBSC RAS, 2003. – 51 p.}
- ШРБС 1992 – Школьный русско-балкарский словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 288 с. (в соавторстве с У.А. Джулабовым, А.А. Жаппуевым, И.М. Отаровым). {School Russian-Balkar Dictionary. – Nalchik: Elbrus, 1992. – 288 p. (co-authors: U.A. Dzhulabov, A.A. Zhappuyev, I.M. Otarov).}

Махиева Людмила Хамангериевна

кандидат филологических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе
Института гуманитарных исследований –
филиала ФГБНУ Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»,
e-mail: liudmila.makhiieva@mail.ru.

Локьяева Жаухар Магомедовна

младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора
Института гуманитарных исследований –
филиала ФГБНУ Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»,
e-mail: lokyayeva.zh@mail.ru.

Makhti Zeytunovich Ulakov
(to the 70th Anniversary)

Lyudmila Khamangeriyevna Makhiyeva – Ph.D. in philology, associate professor, Deputy Director for Scientific Work, Institute of Humanitarian Researches – branch of the Federal State Budgetary Scientific Institute Federal Scientific Centre «Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences», e-mail: liudmila.makhiieva@mail.ru.

Zhaukhar Magomedovna Lokyayeva – junior scientific worker of the Sector of Karachay-Balkarian folklore of Institute of Humanitarian Researches – branch of the Federal State Budgetary Scientific Institute Federal Scientific Centre «Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences», e-mail: lokyayeva.zh@mail.ru.

НЕКРОЛОГИ

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ ГУЗЕВ **(03.11.1939 – 05.12.2021)**

Невосполнимую утрату понесла российская и мировая наука. 5 декабря 2021 г. на 83-м году жизни от нас ушел наш дорогой коллега, старейший преподаватель Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, почетный профессор СПбГУ, профессор кафедры тюркской филологии, заведующий кафедрой тюркской филологии (до 2013 г.) Виктор Григорьевич Гузев.

Яркий ученый всю свою жизнь посвятил преподаванию и научной работе в сфере востоковедения и тюркологии, внес неоценимый вклад в изучение тюркских языков и литератур.

Виктор Григорьевич Гузев родился 3 ноября 1939 г. в г. Воронеже, в семье служащих. В 1957 г. после окончания средней школы Виктор Григорьевич поступил на Восточный факультет Ленинградского университета, который закончил с отличием в 1962 г. В годы учебы на кафедре тюркской филологии Восточного факультета лингвистические взгляды В.Г. Гузева формировались под влия-

нием его учителей: академика А.Н. Кононова, заведовавшего кафедрой в то время, и профессора С.Н. Иванова.

В 1959–1960 гг. будущий ученый проходил стажировку в Софийском государственном университете. Во время пребывания в Болгарии В.Г. Гузев проявил большой интерес к изучению диалектов турецкого населения страны, результатом которого стала статья о диалекте с. Крепча в северо-восточной Болгарии (Описание турецкого говора села Крепча Тырговиштеного округа в Болгарии // Балканско езикознание. V. 2. София, 1962. С. 57–86). Вскоре определились основные направления его будущих научных изысканий на многие годы: фонология, морфология и синтаксис тюркских языков.

После окончания университета в 1962 г. проходил курс аспирантуры при кафедре тюркской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета под руководством проф. А.Н. Кононова, где занимался проблемой фонологической интерпретации данных древнетюркских арабографичных письменных памятников. Результаты этой работы были представлены в защищенной 22 декабря 1966 г. кандидатской диссертации на тему «Фонетика староанатолийско-тюркского языка» и в монографии «Староосманский язык» (опубликованной в серии «Языки народов Азии и Африки», М., 1979), а также в ряде статей.

В своей диссертационной работе и ранних статьях В.Г. Гузев сумел, преодолевая скептицизм предшествовавших исследований, обосновать возможность арабографичных текстов служить источником теоретических изысканий по фонетике тюркских языков, отраженной в этих текстах, и предложил убедительную интерпретацию фонологического строя и морфонологических закономерностей староанатолийско-тюркского языка.

В 1965–1973 гг. Виктор Григорьевич работал в должности младшего научного сотрудника в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР; с 1973 г. по июнь 2021 г. преподавал в Ленинградском (Санкт-Петербургском) государственном университете, с 1988 по 2013 гг. был заведующим кафедрой тюркской филологии Восточного факультета.

В 1986 г. состоялась защита докторской диссертации Виктора Григорьевича на тему «Система тюркских словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте (на материале староанатолийско-тюркского языка)» (ученая степень присвоена 24.07.1987 г.).

Виктор Григорьевич обладал уникальным лингвистическим и научным чутьем, которое помогало ему в многообразии концепций и школ обнаружить единомышленников, в сотрудничестве с которыми ему удавалось разрешать многие, не разрешенные до него проблемы. В ряде общих работ о строе тюркских языков, созданных совместно с профессором Д.М. Насиловым, он исследовал свойства тюркских словоизменительных категорий, в результате чего был сделан вывод об отсутствии нулевых словоизменительных форм в этих языках. Затем, под влиянием идей и сотрудничества с профессором Г.П. Мельниковым, были сформированы основные взгляды и положения теории тюркской грамматики, базирующиеся на выявлении уникальных свойств языковых систем, на разграничении таких онтологических реалий, как «язык» и «мышление», «значение» (семантика) и «смысл».

Разработка целостной системы нетрадиционных представлений, преодолевающей укоренившиеся в тюркской грамматике индоевропейские предрас-

судки и предполагающей уточнение ряда ключевых лингвистических понятий, является несомненным вкладом В.Г. Гузева в теорию тюркской грамматики. Все основные труды по теории тюркской грамматики отличает приверженность функциональному подходу к явлениям языка. Исходя из ключевых положений теории И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Л.В. Щербы, Г.П. Мельникова и их последователей о разграничении в лингвистической науке понятий единиц языковой системы и речи, ученый разработал собственную концепцию «вторичной репрезентации» («вторичного гипостазирования») предметов, свойств и отношений внешнего мира посредством словообразовательных и словоизменяемых грамматических категорий. Эта концепция была воспринята многими учениками и коллегами В.Г. Гузева и получила широкую известность в тюркологии. Фактически ученый создал собственную научную школу функциональной грамматики тюркских языков; в числе его учеников следует особо отметить профессора Мухаммаджана Маматова (Узбекистан), доцента Абдумумина Бабанарова (Узбекистан), доцентов СПбГУ Н.Н. Телицина, М.Э. Дубровину, А.С. Аврутину, А.С. Сулейманову, Л.М. Ульмезову, Н.А. Матушкину, доцента Университета Мармара в Стамбуле Озлем Дениз-Йылмаз, защитивших диссертации под его руководством. Разработка концепции продолжается и в настоящее время, ее результаты публикуются в виде статей на русском, немецком и турецком языках.

В 1990-е гг. В.Г. Гузев совместно с видным историком-тюркологом, профессором С.Г. Кляшторным опубликовал цикл статей о древнетюркском (IV–VII вв.) руническом письме, в которых прослеживается хронологически сжатый эволюционный путь тюркской руники: от рисуночного фонда (от тамг) через фонетизацию знаков к словесно-слоговому этапу и далее к попыткам фонемографических (алфавитных) начертаний слов и формантов. Авторы пришли к гипотезе об автохтонном происхождении этой письменности.

Виктор Григорьевич тесно сотрудничал с коллегами из Института лингвистических исследований РАН, в особенности с доктором филологических и исторических наук А.А. Бурькиным. Результатом этого сотрудничества, в частности, явилась совместная статья «Общие строевые особенности агглютинативных языков», опубликованная в 2007 г. Таким образом, можно утверждать, что В.Г. Гузев в своих трудах стремился подняться до типологических языковых обобщений, в частности, до осмысления строя не только тюркских языков, но и агглютинативных языков в целом. Невозможно обойти вниманием и работу над проблемами функционального синтаксиса, которой Виктор Григорьевич отдает много сил в последние годы. Здесь важно отметить сотрудничество с недавно скончавшимся профессором Владимиром Михайловичем Павловым. Именно идеи этого ученого были применены В.Г. Гузевым при разработке ряда важных проблем теории функционального синтаксиса тюркских языков.

В.Г. Гузев вел большую педагогическую работу: он читал на кафедре тюркской филологии Восточного факультета, филологическом факультете учебные курсы по теоретической грамматике турецкого языка, основам функциональной грамматики тюркских языков, сравнительной грамматике тюркских языков, турецкой лингвистической терминологии, древнетюркской письменности, языкам мира и др.

В.Г. Гузев читал курсы лекций в Ташкентском, Самаркандском и Туркестанском (г. Туркестан, Республика Казахстан) университетах; участвовал во многих

научных конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Гамбурге, Лейпциге, Чимкенте, Стамбуле, Анкаре, Чесме (Турция); неоднократно выступал в Турции на «Международных конгрессах по тюркским языкам». Под его руководством защищено семь кандидатских диссертаций.

Научное наследие, которое оставил после себя Виктор Григорьевич, обширно и многогранно (более 170 публикаций).

Вклад В.Г. Гузева в развитие филологической науки и в российскую тюркологию по достоинству оценен научной общественностью: он является почетным членом и профессором целого ряда зарубежных научных сообществ и университетов, награжден их почетными медалями и грамотами. Виктор Григорьевич являлся почетным членом Турецкого лингвистического общества с 20 октября 2000 г. 20 октября 2008 г. был удостоен звания кавалера Государственного ордена Турецкой Республики за заслуги перед тюркологической наукой и за воспитание научных кадров. Орден был вручен в г. Анкаре президентом Турецкой Республики, господином Абдуллой Гюлем.

Он обладал удивительным трудолюбием, благородством, порядочностью, скромностью и доброжелательностью. Неизменно пользовался уважением и любовью коллег и друзей.

Кончина Виктора Григорьевича Гузева – талантливого педагога и выдающегося исследователя, который всегда отдавал работе огромное количество душевных и физических сил, являя собой образец необыкновенной человеческой надежности, справедливости и мудрости, заслужил необычайно высокий авторитет среди коллег и многочисленных учеников, – это невосполнимая утрата для российской науки.

Память о Викторе Григорьевиче навсегда останется в наших сердцах.

*Сотрудники кафедры тюркской филологии
Восточного факультета Санкт-Петербургского университета,*

17.12.2021 г.

ВАЛЕНТИНА ЕВГЕНЬЕВНА МАЙНОГАСHEBA
(15.09.1930 – 22.09.2021)

22 сентября 2021 г. на 92-м году жизни не стало выдающегося ученого, фольклориста, кандидата филологических наук, действительного члена Международной тюркской академии, лауреата Государственной премии Республики Хакасия им. Н.Ф. Катанова, заслуженного деятеля науки Республики Хакасия, переводчика и литературного критика Валентины Евгеньевны Майногашевой.

Родилась Валентина Евгеньевна 15 сентября 1930 г. в аале Большие Сыры Аскизского района Хакасии. В 1950 г. она поступила на восточное отделение (кафедра тюркологии) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1963 г. Валентина Евгеньевна поступила в аспирантуру отделения гуманитарных исследований Института истории, филологии и философии СО РАН СССР (г. Новосибирск). В 1967 г. ею успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Хакасский героический эпос “Алтын Арыг”», которую она написала под научным руководством доктора филологических наук, профессора Е.И. Убрятовой и талантливо-го консультанта, доцента НГУ кандидата филологических наук Е.П. Лебедевой.

Сибирская научная школа сыграла решающую роль в научной жизни Валентины Евгеньевны. При поддержке члена-корреспондента АН СССР В.А. Авро-

рина и академика А.П. Окладникова талантливом молодого ученого направили в Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, где она проработала 54 года.

В институте тогда не существовало самостоятельного сектора фольклора, а был совмещенный сектор литературы и фольклора. На плечи Валентины Евгеньевны легла нелегкая задача организации хакасской фольклористики. С первых дней работы она активно занималась сбором фольклорного материала, много ездила по селам Хакасии, совмещая собирательскую работу с активной исследовательской научной деятельностью. Выходят ее труды, посвященные бытованию таких фольклорных жанров, как *хайджи* и *алыптыг ныхахов*, где она, опираясь на свои наблюдения во время записи фольклорных материалов, говорит об их роли в жизни народа.

В период научной деятельности в ХакНИИЯЛИ В.Е. Майногашева являлась руководителем семи фольклорных экспедиций по сбору героического эпоса хакасов (в 1964, 1969, 1979, 1982, 1984, 1985, 1986 гг.). Она сама совершала многочисленные одиночные выезды в населенные пункты Хакасии для собирания фольклора и лично записала 31 *алыптыг ныхах* среднего и большого объема, полсотни преданий, легенд и исторических преданий (*кип-чоохи*, сотни песен и *тахпахов*). Валентина Евгеньевна занималась исследованием героического эпоса, его тематического, сюжетного и идейно-образного содержания, а также научно-художественным переводом *алыптыг ныхахов* на русский язык. Много сил потрачено на пропаганду фольклора в СМИ, поддержку его носителей, чтобы привлечь внимание, особенно деятелей искусства, культуры и власти, на богатейшие кладовые народной культуры. Усилиями ученого получили более широкую известность такие крупные сказители, как М.К. Добров, П.В. Тоданов, К.А. Бастаев, П.В. Курбижеков, Е.Н. Кулагашева и многие другие.

Валентина Евгеньевна является первым дипломированным фольклористом Хакасии и одним из основоположников хакасской фольклористики наряду с М.А. Унгвицкой, В.И. Доможаковым и Н.Г. Доможаковым. Валентина Евгеньевна – крупнейший эпосовед в Хакасии, первый научный переводчик-текстолог. Ею написано свыше двухсот научных, научно-популярных, научно-методических работ, среди них критические статьи о творчестве хакасских поэтов М.Е. Кильчичакова, Г.Ф. Сысолятина, монография в соавторстве с М.А. Унгвицкой «Хакасское народное поэтическое творчество» (Абакан, 1972), сборник научно-популярных статей о мастерах фольклорного творчества «Хакасские сказители-певцы» на двух языках – хакасском и русском (Абакан, 2000), научно-эдиционный труд «Хакасская народная детская поэзия» (Абакан, 2009), сборник песен о зверях, птицах и пресмыкающихся на хакасском языке с переводом на русский язык с комментариями, научной паспортизацией и вступительной статьей.

В.Е. Майногашевой были впервые на академическом уровне подготовлены к изданию выдающиеся в художественном отношении два крупнейших эпических памятника – «Алтын Арыг» и «Ай Хуучин», записанные ею от известного хакасского сказителя П.В. Курбижекова. Героическое сказание «Алтын Арыг» издано в 1988 г. в г. Москва в серии «Эпос народов СССР» (ИМЛИ им. М. Горького, 43 п.л.), а в 1997 г. в г. Новосибирск в серии «Памятники народов Сибири и Дальнего Востока» опубликовано героическое сказание «Ай Хуучин» (объемом

37,5 п.л.). Издание хакасских героических сказаний «Алтын Арыҕ» (1988) и «Ай Хуучин» (1997) на двух языках – огромный, фундаментальный вклад в культуру не только Хакасии, но и России и всего мира. За этот труд Валентина Евгеньевна удостоилась принятия в члены Союза писателей РФ, а также ей было присуждено звание Лауреата государственной премии им. Н.Ф. Катанова Республики Хакасия (1994). Высокой оценки ее труды получили в рецензиях Л.Р. Кызласова (Советская этнография, 1990, № 2), Ю. Тамбовцева (Ежегодник евразийских исследований, Блумингтон, США, 2001, № 73), председателя общества фольклорных исследований Азербайджана Гюллу Йолуглу (Хакасия, 1998, с. 8). Труды этих серий получили высокую оценку коллектива ученых Института Филологии СО РАН Е.Н. Кузьминой, И.Я. Селютиной, Н.Н. Ширококовой, И.В. Силантьева (Научное обозрение Саяно-Алтая, 2014, № 8). Благодаря усилиям Валентины Евгеньевны в хакасоведении имеются глубокие исследования в сфере фольклора, языка, этнографии, истории. Благодаря ее участию в сериях «Эпос народов СССР» и «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» героические сказания «Алтын Арыҕ» и «Ай Хуучин» стали достоянием мирового сообщества. Научные комментарии, примечания к текстам сказаний и переводы мог сделать только переводчик-текстолог, который в совершенстве знает язык творцов и духовную культуру своего народа.

Валентина Евгеньевна одновременно с научной деятельностью вела педагогическую работу: читала для студентов хакасского отделения филфака АГПИ спецкурс «Литература народов СССР», подготовила учебник-хрестоматию для 9–10 классов хакасских школ, составила программы для школ по хакасскому фольклору, выступала с циклом лекций в институте усовершенствования учителей и т. д. В то же время, будучи членом редколлегии альманаха «Ах Тасхыл», редактировала научные и научно-популярные статьи с 1975 по 1993 гг., в более, чем 18 номерах, статьи в «Ученых записках». На всех областных, республиканских традиционных состязаниях-айтысах хайджи-нымахчи, тахпахчи и чатханистов, проводившихся 1 раз в 4 года, была членом жюри или председателем жюри с 1967 по 1995 гг.

По ее инициативе в мае 1994 г. в институте впервые был открыт сектор фольклора, который она возглавила и руководила им более 10 лет.

В.Е. Майногашева, опираясь на концепции авторитетных фольклористов-эпосоведов В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа, М.И. Богдановой, Е.М. Мелетинского, А.А. Петросян, С.Н. Азбелева, С.С. Суразакова определяет *алыптыг нымах* как историко-мифологический тип, в котором и история, и мифология сочетаются. Создает она собственную научную концепцию, касающуюся героического эпоса как поэтической и исторической ценности, созданной в тесном взаимодействии двух генетических корней – кыргызско-хакасского и скифо-иранского (тагарского) этносов, что стало принципиально новым в освоении истории эпоса хакасов. Выдвинута и обоснована научная концепция об общности хакасов с хуннами (китайское хунну) по их верованию. Предки хакасов называли себя *күнниг кизи*, т. е. букв. 'солнечные люди', а по смыслу «люди, поклоняющиеся Богу-Солнцу». Как известно, эту религию ввел шаньюй Модэ в страну хуннов. *Күнниг кизи* нашли выражение и отражение во всем хакасском героическом эпосе и во всех жанрах фольклора хакасского народа и других тюркских и монгольских на-

родов. Другая научная гипотеза – о древнеиранской ветви как одной из составляющих предков хакасского народа. В результате смешения с тюркскими этносами, еще в составе их пребывания в составе Хуннской державы, был создан богатейший героический эпос – *алыптыг нымах* (его название – *нартнах / нарпах*), содержащий отчетливые следы взаимодействий, взаимовлияний сюжетов, мотивов в мифологии и эпосе хакасов и осетин (их потомков аланов – древнеиранского этноса).

Ученой написано более двадцати внешних отзывов о кандидатских и докторских диссертациях. За время работы в ХакНИИЯЛИ ею опубликованы многочисленные статьи на общественно-политические темы, она консультировала по проблемам хакасского фольклора и истории хакасского народа работников научно-методического центра, учителей школ Республики, культпросвет работников, режиссеров народных театров и краеведов-учителей. Валентина Евгеньевна принимала активное участие в региональных и международных конференциях, симпозиумах и семинарах. Так в 1993 г. выступала в г. Анкара (Турция) с докладом об исторических корнях *алыптыг нымахов*.

Кроме того, Валентина Евгеньевна известна как замечательный катановед: она является автором ряда статей, посвященных жизни и научной деятельности Н.Ф. Катанова; ею выполнена большая составительская работа, переводы научных статей на хакасский язык, редактирование и перевод книги «Н.Ф. Катанов. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии» (2000). В 2005 г. выступила с докладом о переписке Н.Ф. Катанова с А.А. Яриловым, ставшим директором Минусинского музея после Н.М. Мартьянова.

В 2015 г. издана монография «Хакасский героический эпос “*алыптыг нымах*”: поиски исторических реалий и периодизация (избранные труды)». Монография В.Е. Майногашевой представляет собой обобщающее теоретическое исследование комплекса проблем, связанных с периодизацией *алыптыг нымаха*. Книга содержит избранные теоретические статьи, написанные и опубликованные в разные годы известным фольклористом Хакасии и России. Их объединяет попытка впервые найти какие-либо исторические реалии в материалах *алыптыг нымаха*, для многих кажущегося только мифолого-сказочно-архаическим. В этой работе впервые определяется жанровый тип хакасского *алыптыг нымаха* дается периодизация его развития. Автор рассматривает этот труд как подготовку к более широкому изучению проблемы его историзма.

В последние годы неутомимый исследователь-фольклорист работала сразу над составлением двух томов – «Песенная поэзия хакасов» и «Обрядовая поэзия хакасов» для серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В.Е. Майногашева награждена государственными медалями и наградами. В декабре 1985 г. удостоена медали «Ветеран труда». В августе 1994 г. присвоено Почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия». В 2005 г. за гуманизм и служение России награждена медалью «100 лет М.А. Шолохова». В сентябре 2015 г. за большой вклад в сохранение, развитие и популяризацию тюркской культуры удостоена Международной медали ТЮРКСОЙ памяти 130-летия великого хакасского сказителя Семена Прокопьевича Кадышева. В декабре 2015 г. награждена Медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от

22.12.2015 № 526 за заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, средств массовой информации и многолетнюю плодотворную деятельность. В 2019 г. за развитие и популяризацию хакасской фольклористики получила Благодарственное письмо от Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Валентина Евгеньевна внесла неоценимый личный вклад в дело исследования, пропаганды и популяризации устного народного творчества, богатейшего материала – сокровищницы народной литературы и культуры. В научных трудах с большой любовью написано о богатстве фольклора своего народа.

Светлая память о Валентине Евгеньевне, прекрасном человеке и исследователе, посвятившей всю свою жизнь науке, культуре родного народа, навсегда останется с нами.

*Коллектив Хакасского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории*

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ СЛАВНОЙ ДОЧЕРИ АЛТАЯ¹

19 мая 2021 г. после тяжелой болезни безвременно ушла из жизни талантливый ученый, ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, ответственный секретарь журнала «Российская тюркология», ведущий научный сотрудник Института системного программирования РАН, Почетный работник общего образования РФ, творческая личность Оксана Николаевна Пустогачева.

Имя Оксаны Николаевны известно широкой научной общественности среди ученых-тюркологов не только России, но и за рубежом.

Родилась она четвертым ребенком в семье колхозника Барбачакова Николая Варламовича в глухой таежной деревне Тьюректеч Турочакского района. После окончания Суронашской начальной школы училась в Курмач-Байгольской восьмилетней школе.

После окончания областной национальной средней школы в 1977 г. поступила на историко-филологический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института. Учебу в институте успешно закончила в 1983 г. и работала учителем русского языка и литературы в Усть-Пыжгинской неполной средней, Горно-Алтайской средней школе № 8.

В 1990 г. после открытия в г. Горно-Алтайск филиала Научно-исследовательского института национальных проблем образования г. Москвы, молодую, энергичную и доброжелательную учительницу, на тот момент победившую в кон-

¹ По просьбе редакции текст некролога подготовила кандидат педагогических наук Тайборина Надежда Байзыновна.

курсе молодых учителей г. Горно-Алтайска на звание «Лучший учитель школы», Оксану Николаевну приглашают на работу младшим научным сотрудником в филиал данного института. Продолжая работать в филиале, а также будучи уже матерью троих детей, в 1991 г. она успешно поступает на заочное отделение аспирантуры НИИНПО и в 1996 г. защищает свою кандидатскую диссертацию по теме «Методика обучения детей, не владеющих родным языком».

Именно по этой животрепещущей проблематике, посвященной методике обучения родным языкам детей в национальных школах, возникшей еще в советские годы, но до сих пор актуальной, начиная с аспирантской скамьи и до настоящего времени ею было написано три монографии (в соавторстве) по обучению языкам (2005, 2007, 2008), изданные Федеральным институтом развития образования в г. Москва, и более 40 научных статей, которые были опубликованы в региональных, российских и международных изданиях. Оксана Николаевна также является автором целого учебного комплекса по алтайскому языку: учебника «Алтайский язык» для обучения детей, не владеющих родным языком, методического руководства к данному учебнику и разработчиком методических пособий «Уроки алтайского языка», «Игры на уроках алтайского языка», «Сопоставительный анализ русского и алтайского языков».

В период 1997–2002 гг. Оксана Николаевна работала заведующей Горно-Алтайским филиалом и более десяти лет – ведущим научным сотрудником Федерального института развития образования (г. Москва), а также ведущим научным сотрудником Института образования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Работая в данных институтах, объездила все регионы России, участвовала в региональных, российских, международных семинарах, конференциях и конгрессах.

Живя и работая в г. Москва, в 2009–2010 гг. читала лекции и вела спецсеминары по выразительному чтению студентам Высшего театрального училища им. М.С. Щепкина. В большом мегаполисе студенты из отдаленных регионов РФ не всегда чувствуют себя уверенно, комфортно, безопасно, но Оксана Николаевна, будучи чуткой, доброй, всегда готовой протянуть руку помощи другим, всячески опекала студентов и порой заменяла им родных.

Оксана Николаевна всю свою сознательную жизнь посвятила исследованию родного челканского языка, по проблемам которого ею изданы более 25 статей. Она всегда говорила с восхищением о своем народе, но вместе с тем с горечью указывала на невосполнимые утраты, связанные с постепенным вымиранием челканского языка в последнее время. Для возрождения родного языка Оксана Николаевна сделала очень много. Она впервые разработала «Русско-челканский словарь для учащихся начальных классов» (2008), письменность челканского языка (2014) и издала первый букварь на челканском языке. Под ее руководством и научным редактированием, благодаря финансовой поддержке ее детей, изданы двуязычные сборники Анны Макаровны Кандараковой: «Челканские песни», «Караанарнын ла јаштарнын салымы» («Судьбы пожилых и молодых», 2016), «Билвезек ыанымнын јооктары» («Заветы бабушки Билвезек», 2016), «Загадки челканского народа» (2020) и сборник юбилейных статей «Анна Макаровна Кандаракова – гордость челканского народа» (2017), трилогия «Пословицы, поговорки челканского народа. Календарь челканского народа. Структура челканского рода, система родства» (2021).

В своих выступлениях на всероссийских и международных форумах она затрагивала общероссийские проблемы по сохранению родного языка. Вышеперечисленные работы Оксаны Николаевны привнесли весомый вклад в изучение не только челканского, но и всех младописьменных и бесписьменных языков. Этой проблеме она посвятила более 30 статей, вот неполный список ее научных работ:

1. Фольклор – богатство младописьменных и бесписьменных языков КМН (на примере челканского языка) // Сб. статей «Актуальные проблемы монголо-ведных и алтаистических исследований. III Международная научная конференция». Элиста, 2019.

2. Роль мотивации в овладении генетически родным языком // Сборник «Языки народов России в сфере образования: современное состояние и перспективы развития». Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 12–13 декабря 2019.

3. Современное состояние языков КМН в системе образования // Круглый стол «Язык – душа народа», г. Москва, 16 февраля 2019.

4. Проблемы сохранения бесписьменных и младописьменных языков КМН // Симпозиум «Межэтнические и языковые взаимодействия в социокультурном пространстве России: прошлое и настоящее», г. Санкт-Петербург, 24–25 мая 2019.

5. Сохранение фольклора КМН – сохранение младописьменных и бесписьменных языков // XXVII международная научная конференция «Дмитриевские чтения», г. Москва, 4 октября 2019.

6. Образование – фактор сохранения языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Форум-диалог «Языковая политика: общероссийская экспертиза», г. Москва, 25 октября 2019.

7. Современные методы и приемы, создающие мотивацию к изучению родного языка // II Всероссийский съезд преподавателей родного языка и литературы КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока, г. Санкт-Петербург, 26 ноября 2019.

8. Проблемы разработки учебников для младописьменных языков // Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса», г. Санкт-Петербург, 27 ноября 2019.

9. Роль внутренней и внешней мотивации при овладении генетически родным языком // Всероссийская научно-практическая конференция «Родные языки народов России в системе образования: современное состояние и перспективы развития», г. Москва, 12–13 декабря 2019.

10. Сохранение фольклора коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – сохранение младописьменных и бесписьменных языков // Сб. «Вопросы тюркской филологии». Вып. 13. М., 2020.

Она принимала активное участие во всех мероприятиях, проводимых в г. Москва Комитетом по делам национальностей Госдумы РФ и Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Оксана Николаевна знала истинную цену дружбы и дорожила своими друзьями. Постоянно стремилась помочь всем, кто к ней обращался за помощью и нуждался в поддержке. Она всегда принимала активное участие на защитах кандидатских диссертаций по методике преподавания родного языка всех своих земляков, выходцев из других регионов РФ, представлявших проблемы языков коренных малочисленных народов как Сибири, так и Дальнего Востока. Оксана Нико-

лаевна много раз выступала официальным оппонентом аспирантов-филологов по тюркским языкам, которые впоследствии становились и оставались ее друзьями. Она никого не оставляла без внимания и опеки, искренне, от души радовалась, когда удавалось кому-то помочь. О широте ее души говорит и тот факт, что они вместе с супругом Федором Кайдаковичем усыновили оставшегося сиротой племянника и воспитали его, как родного, вместе со своими тремя детьми.

Умная, открытая, свободная в своих высказываниях она, являясь членом жюри ежегодного конкурса учителей русского и родных языков, всегда старалась поддержать участников из Республики Алтай и Сибири, за что многие учителя до сих пор отзываются о ней с большой благодарностью.

Несколько лет она безвозмездно трудилась в качестве ответственного секретаря журнала «Российская тюркология», со всей свойственной ей ответственностью относилась к своим обязанностям, всегда была на связи с коллегами, авторами и рецензентами, умела находить общий язык со всеми, от души переживала за судьбу журнала. Принимала самое активное участие в организации и проведении ежегодных собраний Российского комитета тюркологов, проводимых в Институте языкознания РАН, где она работала в последние годы своей жизни.

Где бы она ни трудилась, всюду отмечали ее высокий профессионализм, награждали ее Почетными грамотами министерства науки и образования Российской Федерации, Российской академии образования, Комитета по делам национальностей Госдумы, Ассамблеи народов России, Министерства образования и науки Республики Калмыкия, Министерства образования и науки Республики Чечня, Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, Института национальных проблем образования, Федерального института развития образования, региональной общественной организации «Шалгануг калык – Челканць». За многолетний добросовестный труд ей было присвоено звание «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

Она слишком рано ушла от нас, но ее научные труды по челканскому языку навсегда останутся «золотым фондом» в истории изучения и сохранения языка малочисленного народа Сибири – челканцев, ее народа, за судьбу которого она искренне болела и, несомненно, еще при жизни стала его национальной гордостью.

Алтайский народ по праву может гордиться своей славной дочерью, которая своим трудом, творческой и научной деятельностью, внесла посильный вклад в сохранение и развитие языков коренных малочисленных народов Республики Алтай.

В нашей памяти Оксана Николаевна навсегда останется как очень светлый, добрый и яркий человек, как талантливый ученый и творческая личность, безмерно любившая свою семью, родственников, друзей, коллег, свой народ и свою малую родину Алтай.

Приносим свои искренние соболезнования родным и близким Оксаны Николаевны. Нам всем будет очень ее не хватать.

*Сотрудники Отдела урало-алтайских языков
Института языкознания РАН,
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН,
Редакция журнала «Российская тюркология»*

Бюджетное научное
учреждение
Республики Алтай
«Научно-исследовательский
институт алтаистики
им. С.С. Суразакова»

Алтай Республиканын
бюджет билим тѳѳѳбли
«С.С. Суразаковтын адьла
адалган алтаистиканын билим-
шинжѳлѳк институту»

(БНУ РА «НИИ алтаистики
им. С.С. Суразакова»)
Социалистическая ул., д.6,
г. Горно-Алтайск,
Республика Алтай, 649000
Тел. (38822)-25304
E-mail: altaistika@mail.ru

Социалистический ором, 6
Горно-Алтайск кала, 649000
Республика Алтай
Тел. / факс (38822)-25304
E-mail: altaistika@mail.ru

«21» 05 2021г. № 211

Институт языкознания РАН,
Российский комитет тюркологов
при ОИФН РАН
Редакция журнала
«Российская тюркология»

Коллектив Бюджетного научного учреждения «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова» глубоко скорбит по случаю ухода из жизни кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Института языкознания РАН, доцента Института системного программирования РАН, ответственного секретаря журнала «Российская тюркология» Оксаны Николаевны Пустогачевой и выражает глубокие соболезнования родным и близким, а также коллегам ученого.

Имя Оксаны Николаевны известно широкой научной общественности России и далеко за ее пределами. Ученый всю свою сознательную жизнь посвятила исследованию языка и культуры своего челканского народа, ею изданы статьи по проблемам языков коренных малочисленных народов. Оксана Николаевна является составителем «Челканско-русского тематического словаря» (2008 г.) для учащихся начальных классов, первого букваря на челканском языке (2014 г.), автором учебно-методических пособий, учебников.

Оксана Николаевна неоднократно принимала участие в научных мероприятиях нашего института. Уход Оксаны Николаевны – это поистине большая потеря для всего научного сообщества. Мы запоем Оксану Николаевну как человека широкой души, готового всегда прийти на помощь, как специалиста, преданного своему делу. Светлая память об Оксане Николаевне навсегда останется в наших сердцах.

Коллектив Бюджетного научного учреждения «Научно-исследовательский институт им. С.С. Суразакова»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тадинова Р.А.</i> (Москва). Памяти Кенесбая Мусаевича Мусаева (1931–2020)	5
<i>Джамалов П.О.</i> (Москва). Общественная и культурно-просветительская деятельность К.М. Мусаева	26
<i>Псянчин Ю.В.</i> (Уфа). Вклад К.М. Мусаева в развитие башкирского языкознания (к 90-летию со дня рождения)	30

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Аширбаев С.</i> (Ташкент). К синтаксическому анализу простого предложения с именным сказуемым в определенной форме существительного на « <i>ёй-э ишорат</i> » в прозе Алишера Навои	41
<i>Глашев А.А.</i> (Москва). Еще о языке аваров (по византийским источникам)	55
<i>Гусейнов Г.-Р. А.-К.</i> (Махачкала). Кизлярский говор терского диалекта кумыкского языка: лексические особенности в ареальном и историческом контексте	72
<i>Молчанова Е.К., Черкунова А.К.</i> (Москва). Тюркские отглагольные имена с аффиксом <i>*-та</i> , заимствованные в иранские и русский языки	83
<i>Хайытбаев Т.Р.</i> (Штутгарт). Хорезмийская лексика в одном из современных тюркских языков Хорезма	92

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Усманова М.Г.</i> (Уфа). Причастие будущего времени и способы его выражения в башкирском языке: новый взгляд на проблему	110
---	-----

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Набиуллина Г.М.</i> (Уфа). Религиозные особенности эпоса «Алдар и Зухра»	130
---	-----

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

<i>Исаева А.К.</i> (Бишкек). Развитие манасоведения в советский период	141
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Игорь Леонидович Кызласов и тюркская рунология (к 70-летию ученого)	157
Вклад Ф.А. Надршиной в башкирскую фольклористику	168
Риф Сафинович Сулейманов (к 85-летию ученого)	176
Фануза Шакуровна Нуриева (к юбилею ученого)	182
Нурмухаммедов Аманмухаммед (к 85-летию со дня рождения)	188

Надежда Ивановна Данилова (к 70-летию со дня рождения)	193
Махти Зейтунович Улаков (к 70-летию со дня рождения).....	199

НЕКРОЛОГИ

Виктор Григорьевич Гузев	205
Валентина Евгеньевна Майногашева	209
Оксана Николаевна Пустогачева	214

CONTENTS

<i>R.A. Tadinova</i> (Moscow). In memoriam of Kenesbay Musayevich Musayev	5
<i>P.O. Dzhamalov</i> (Moscow). Public, cultural and educational activities of K.M. Musayev	26
<i>Yu.V. Psysanchin</i> (Ufa). K.M. Musayev's contribution to development of Bashkir linguistics (to the 90 th Anniversary).....	30

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>S. Ashirbayev</i> (Tashkent). To the syntactic analysis of a simple sentence with a nominal predicate in a certain form of a noun in «yoy-e ishorat/yā-i iṣārat» in the prose of Ali Shir Nava'i	41
<i>A.A. Glashev</i> (Moscow). More about the Avar Language (according to Byzantine sources)	55
<i>G.-R. A.-K. Guseynov</i> (Makhachkala). Kizlyar sub-dialect of the Terek dialect of the Kumyk Language: lexical features in areal and historical context.....	72
<i>Ye.K. Molchanova, A.K. Cherkunova</i> (Moscow). Turkic verb nouns with the affix *-ma, borrowed in Iranian and Russian languages.....	83
<i>T.R. Hayytbayev</i> (Stuttgart). Khwarezmian vocabulary in one of the modern Turkic languages of Khorezm	92

DISCUSSIONS

<i>M.G. Usmanova</i> (Ufa). Future participle of the Bashkir Language and its means of expression: a new outlook on the problem	110
--	-----

FOLKLORE STUDIES

<i>G.M. Nabiullina</i> (Ufa). Religious features of the epic «Aldar and Zukhra»	130
---	-----

HISTORY OF SCIENCE, DOCUMENTS

<i>A.K. Isaeva</i> (Bishkek). Development of Manas studies in the Soviet period.....	141
--	-----

PERSONALIA

Igor Leonidovich Kyzlasov and Turkic runology (to the 70 th Anniversary of the Scientist)	157
F.A. Nadrshina's contribution to the Bashkir folklore studies	168
Rif Safinovich Suleymanov (to the 85 th Anniversary)	176
Fanuza Shakurovna Nuriyeva (to the Scientist's Anniversary).....	182
Amanmukhammed Nurmukhammedov (to the 85 th Anniversary).....	188
Nadezhda Ivanovna Danilova (to the 70 th Anniversary).....	193
Makhti Zeytunovich Ulakov (to the 70 th Anniversary).....	199

IN MEMORIAM

Viktor Grigoriyevich Guzev	205
Valentina Yevgenyevna Maynogasheva	209
Oksana Nikolayevna Pustogacheva	214

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, не соответствующие тематике журнала, а также представленные без соблюдения норм русского литературного языка, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Журнал «Российская тюркология» выходит 4 раза в год (каждое полугодие сдвоенными номерами) и печатает материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований. Исключение может составить идентичная статья автора, опубликованная: а) в нецентральной научной печати (не Москва и Санкт-Петербург, а также не в журналах, аттестованных в системах Scopus, WoS и подобных – Новосибирск, Томск), б) за границей на иностранном языке. При этом автор обязан дать полную ссылку на эту первичную статью. Статьи в журнал «Российская тюркология» принимаются по рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ Сообщения и обзоры
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации
- ◆ Персоналии
- ◆ Некрологи

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности
- ◆ проблемности
- ◆ научной новизны
- ◆ доказательности
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят двойное слепое рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Журнал с 2020 г издается только в электронной версии. Журнал индексируется в РИНЦ и находится там в открытом доступе, также, как он находится в открытом доступе на сайте Российского комитета тюркологов: <http://www.turcologica.org> и на сайте Института языкознания РАН <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/journals/rt>.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: gosturcology@yandex.ru с безличным обращением «Уважаемая редакция».

Объем статьи – от 0,7 до 1 а.л. (28 тыс. – 40 тыс знаков с пробелами), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РТ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру. Дополнительные буквы к стандартным алфавитам русского и английского языков берутся из касс Юникода.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние – “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Букву «ё» использовать только в смыслоразличительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а фонт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди).

На следующей строке после фамилии светлым курсивом указывается город.

К заголовку статьи, если требуется для отчетности, дается ссылка в конце страницы, где можно указать о финансовой поддержке исследования.

К фамилии автора дается еще одна ссылка в конце страницы со сведениями об авторе: ФИО – полностью, должность и место работы, ученая степень и звание, личный e-mail.

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**, а также, возможно, и нестандартный шрифт. *Ссылка* приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *постраничные сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по приведенным ниже образцам.

Итак, еще раз кратко о порядке расположения материала статьи:

Название на русском языке

ФИО автора; нижняя ссылка – сведения об авторе на русском языке: фамилия имя отчество – полностью, место работы и должность, ученое звание

Город

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на английском языке

Список литературы вводится заголовком *Литература* – полужирным курсивом. Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы автора (всех авторов), название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

ВНИМАНИЕ: С 2019 года вводятся дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям: литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках; также необходимо перевести на английский язык данные о месте и годе издания. В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Экба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*